КАСЫМ КАЙСЕНОВ

ПАРТИЗАНСКОЙ ТРОПОЙ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

1941 год. Война. Казахский юноша Касым Кайсенов, — ему было тогда 22 года, — со специальным заданием заброшен с самолета в тыл врага. Это было на Украине. Сначала подполье, потом легальная партизанская война, командование партизанским отрядом в Приднепровье, в Закарпатье. Касым Кайсенов отважно сражался с оккупантами, ранен, награжден… Так до дня Победы. После войны К. Кайсенов пишет книги о боевых действиях партизан, свидетелем и участником которых был он сам и его друзья в грозные годы войны. «Юные партизаны», «Партизаны Переяслава», «Из когтей смерти», «Мальчик в тылу врага» — так называются книги Кайсенова. «Партизанской тропой» — итоговая книга писателя. Он рассказывает в ней о рейдах через фронт, о подвигах партизан и патриотов-подпольщиков Украины, о жестоких боях с фашистскими карателями, о благородстве, мужестве и стойкости советских людей — помощников партизан.

- Партизанской тропой
  - ○
  - ○ В ТЫЛУ ВРАГА
    - ■
    - ■ ПО ЗОВУ РОДИНЫ
    - ■ МЫ ЛЕТИМ В ТЫЛ
    - ■ ПЕРВЫЕ ВСТРЕЧИ
    - ■ ОДИН
    - ■ РАЗВЕДЧИКИ
    - ■ НА ДНЕПРЕ
    - ■ ОПАСНОЕ ЗАДАНИЕ
    - ■ ПОДПОЛЬЩИКИ
    - ■ РАСПЛАТА
    - ■ ПРЕДАТЕЛЬСТВО
    - ■ ЗАСАДА
    - ■ ЛИЦОМ К ЛИЦУ
    - ■ СЕРДЦЕ МАТЕРИ
    - ■ ЗАПАДНЯ
    - ■ В ГОСТЯХ У ДЕДА МИХАИЛА
    - ■ ИЗ КОГТЕЙ СМЕРТИ
    - ■ БЕГЛЕЦЫ
    - ■ ДЕД ВАСИЛЬ
    - ■ В ГОЛУБОМ ЛЕСУ
    - ■ ПОХОД

- РОБЕРТ КЛЯЙН — ГЕРОЙ-ПАРТИЗАН
- ЭШЕЛОНЫ ВЗЛЕТАЮТ НА ВОЗДУХ
- КОМСОМОЛЬСКИЙ БИЛЕТ
- ПАРАШЮТИСТ НА КРЫШЕ
- ПАРТИЗАНСКАЯ СМЕКАЛКА
- КОМЕНДАНТ С РАБОТЫ «СНЯТ»
- СЛОВО ПАРТИИ
- МЕСТЬ
- БОЙ НА ЗАВОДЕ
- ДИВЕРСИИ НА ДОРОГАХ
- ПЕРЕПРАВА
- ПОЛОНИНА РУНО
- В КАРПАТАХ
- НА БУКСИРЕ САМОЛЕТА
- КАРАТЕЛИ
- РАЗГРОМ ВРАГА
- И ОДИН В ПОЛЕ ВОИН
- БЕЗ СВЯЗИ
- РАДОСТЬ
- ЗАКАРПАТЬЕ
- БОЙ ЗА СТАНЦИЮ
- ПРОЗРЕНИЕ ВРАЧА
- ВЕНГЕРСКИЙ БАТАЛЬОН
- ВСЕ ДАЛЬШЕ НА ЗАПАД
- СЛУЧАЙ В ПУТИ
- МАТЬ ГОРОДОВ РУССКИХ
- ЛЕГЕНДАРНЫЙ ГЕРОЙ
- ПОЭТ-ПАРТИЗАН
- ВСЕГДА В СТРОЮ

○ ВСТРЕЧИ ПОСЛЕ ВОЙНЫ

-
- У СТАРЫХ ДРУЗЕЙ
- ПОГАСШИЙ СВЕТ ЗАЖЕГСЯ ВНОВЬ
- ПОЕЗДКА НА ТОРЖЕСТВО
- МАЛЕНЬКАЯ ПАРТИЗАНКА
- МОИ ДРУЗЬЯ НА ЦЕЛИНЕ
- ПОДАРОК ПАРТИЗАН
- СУДЬБА ПАРТИЗАНСКОГО СЫНА
- ЛЕТЧИК ЛАВРИНЕНКОВ
- МОЯ РОДИНА — УКРАИНА!
- ЧЕРЕЗ ДВАДЦАТЬ ЛЕТ
- НА ЗЕМЛЕ ТАРАСА
- СИЛЬНЕЕ СМЕРТИ
- ЗАКАРПАТСКИЕ ВСТРЕЧИ

        - КАПИТАН ДАЛЬНЕГО ПЛАВАНИЯ
    - ПОВЕСТИ
        -
        - ОПАЛЕННОЕ ДЕТСТВО
            - ОККУПАНТЫ
            - ВСТРЕЧА С ПАРТИЗАНАМИ
            - ПОПОЛНЕНИЕ
            - ПЕРВАЯ РАЗВЕДКА
            - СМОЛОКУРНЯ
            - РАЗЪЕЗД № 7
            - ЧЕТЫРЕ НА СЕМНАДЦАТЬ
            - НАЛЕТ
            - ЗА РОДИНУ!
            - ВПЕРЕД, НА ЗАПАД!
        - МАЛЬЧИК В ТЫЛУ ВРАГА
- notes
    - 1

Партизанской тропой

Прославленным героям партизанского движения С. А. Ковпаку, А. Ф. Федорову, А. В. Тканко, Е. Д. Ломако и В. П. Русину посвящаю.

Автор.

К 20-ЛЕТИЮ
ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ
СОВЕТСКОГО
НАРОДА
НАД ФАШИСТСКОЙ
ГЕРМАНИЕЙ

КАСЫМ КАЙСЕНОВ

Записки партизана

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЖАЗУШЫ»
Алма-Ата — 1965

В ТЫЛУ ВРАГА

ПО ЗОВУ РОДИНЫ

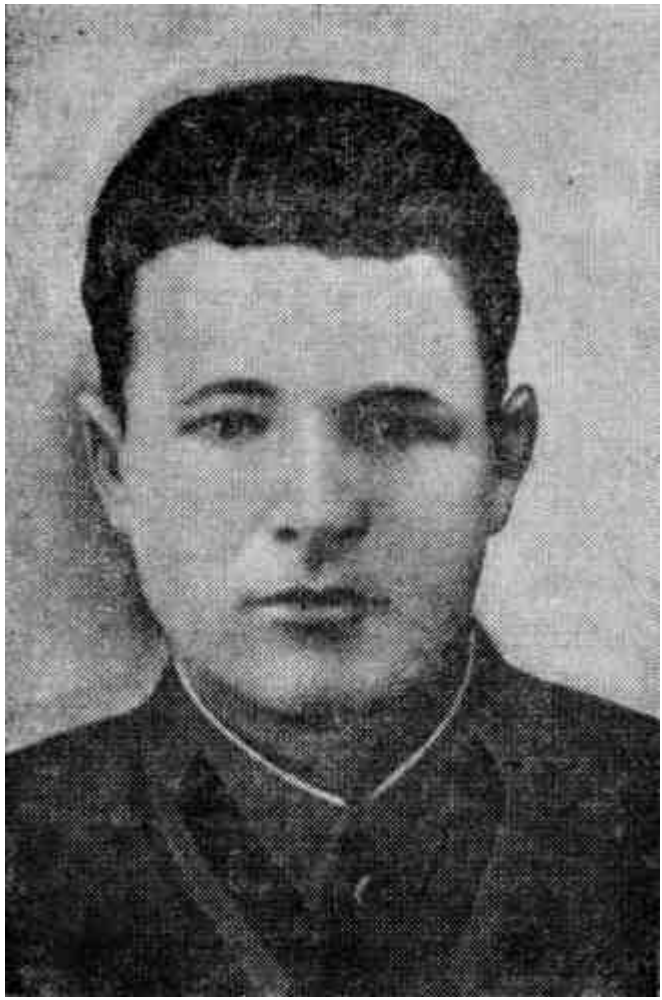
1941 год…

Много книг написано об этом памятном годе. Он положил начало неимоверным страданиям и тяжелейшим испытаниям нашего народа. Но он же породил мужество, отвагу и немеркнущую славу советских людей, раскрыл их пламенные сердца, сердца стойких борцов за мир на земле, за счастье. Многое уже стало светлой легендой. Но никто не должен забывать, что часто герои этих легенд — живые люди. Не жалея сил и самой жизни, они грудью шли на жестокого врага и побеждали. Память их священна, слава о них живет и будет вечно жить в сердцах народа.

Много написано книг о войне. Кое-что и я успел рассказать о своих друзьях-партизанах. Мне пришлось быть свидетелем и участником героической партизанской войны на Украине, я видел беспримерные подвиги народных мстителей в ожесточенной борьбе против немецко-фашистских захватчиков. И я должен, обязан рассказать все, что знаю. Рассказать просто, без прикрас, ничего не преувеличивая, ничего не скрывая.

Трудное и страшное было время. Прошли только первые недели войны — и уже лежит в развалинах красавец Киев, пылают и превращаются в пепел Минск, Харьков, Одесса, Севастополь. Отступают советские полки, покидают родные пепелища отчаявшиеся в безысходном горе люди. Плохо было ушедшим, но еще тяжелее и горше тем, кто оставался под железной пятой оккупантов. Сотнями и тысячами ложатся под фашистскими пулями советские люди. Оккупанты не щадят ни женщин, ни малых детей, ни древних стариков.

Никогда не забудут киевляне черный день 20 сентября 1941 года. В этот день в пригородном местечке Бабий Яр фашисты начали массовые расстрелы мирного населения. С людьми расправлялись под предлогом того, что они были коммунистами и комсомольцами, имели связь с партизанами, вели «подрывную работу». Стреляли и за то, что люди появлялись на улицах раньше пяти утра или позже шести часов вечера. За одиннадцать месяцев только в городе Киеве оккупанты повесили и расстреляли 86 тысяч человек. Огромный цветущий город, насчитывавший к началу войны около миллиона жителей, опустел, лежал в развалинах. К моменту освобождения Киева Советской Армией в ноябре 1943 года в нем не было и двухсот тысяч человек.



Примак Иван Кузьмич — командир партизанского соединения.

Ломако Емельян Демьянович — комиссар партизанского соединения.

На оккупированной немцами территории советский человек был бесправным, стоял вне закона. Любой мог быть безвинно брошен в застенок, повешен или расстрелян. Молодежь силой угоняли в Германию на рабский труд. Фашисты изощрялись в диких зверствах, вели злобную и лживую пропаганду, чтобы посеять панику, подавить волю советских людей к сопротивлению. Но ничто не помогло им навести свои порядки, стать хозяевами на многострадальной советской земле. Народ подымался на борьбу против оккупантов.

Начали действовать подпольные партийные комитеты на Украине и в Белоруссии. Мне довелось в эту пору быть в одном из партизанских отрядов и на деле ощутить огромную помощь партийного подполья. На Украине активно действовали тогда

более пятисот подпольных партийных организаций. Во главе их стояли опытные, до конца преданные партии и нашей родине коммунисты. Украинцы хорошо знают имена этих славных патриотов. Киевскую областную подпольную организацию возглавляли в то грозное время коммунисты Кудряшов, Пироговский, Примак, Ломако. Полтавскую — Кондраченко, Житомирскую — Маликов, Кировоградскую — Скирда, Черниговскую — Федоров, Сумскую — Куманько. В Луганске работали Яковенко и Стеценко, в Днепропетровске — Сташков и Садовниченко, в Криворожье, в Полтаве и во многих других местах боролись против оккупантов и комсомольские подпольные организации.

Нечего и говорить, что работа подполья проходила в очень сложных условиях. На каждом шагу подпольщиков стерегла смерть, оккупанты расправлялись с ними особенно зверски. Но коммунистов-подпольщиков во всем поддерживали советские люди, и это удесятеряло их силы. Подпольные партийные организации формировали партизанские отряды и руководили их действиями. Первый отряд, созданный на оккупированной врагом территории, возглавил Сидор Артемьевич Ковпак. Вскоре выросли партизанские отряды и соединения Федорова в Черниговской области, Келенкина — в Полтавской и Харьковской областях, Сиворонова и Яковенко — в Луганской области, отряды Творука и Малика, Одухи, Дибровы, Кондратенко и других.

Партизанское движение на Украине получило широкий размах, стало всенародным. Вековые леса были опорными базами народных мстителей. Но партизаны не отсиживались в укрытиях. Они устраивали дерзкие вылазки, взрывали мосты, громили фашистские гарнизоны, освобождали из тюрем советских патриотов, всеми силами помогали Советской Армии бороться с немецко-фашистскими войсками. Каждый куст, каждое дерево, по признанию самих же фашистов, стреляли по врагу. Немцы не могли равнодушно слышать даже слово «партизан».

Украинские партизаны, по свидетельству военных историков, составляли более двух тысяч вооруженных групп, отрядов и соединений и насчитывали в своих рядах примерно двести двадцать тысяч человек. Они взорвали и уничтожили около пяти тысяч вражеских эшелонов, 2206 мостов, свыше одиннадцати тысяч автомашин, полторы тысячи танков, семьсот пушек, более двухсот самолетов. В схватках с партизанами нашли смерть более полумиллиона фашистских солдат и офицеров.

Это — только сухие цифры. Но за ними стоят великие дела скромных советских патриотов, героические судьбы самоотверженных борцов за честь и независимость нашей

Родины. За ними стоит судьба легендарного партизанского генерала Сидора Артемьевича Ковпака, совершившего свой знаменитый рейд по немецким тылам до Карпат, судьбы героев-партизан Федорова, Наумова, Тканко и многих, многих других, чьи славные имена благодарно хранит народ в своей памяти.

В рядах украинских партизан выпала честь сражаться и мне — сыну привольных казахских степей. Украина стала мне второй родиной, второй любимой матерью. И, как истинный сын, я не мог спокойно видеть горе и боль Украины, страдавшей под пятой оккупантов, и насмерть бился с ее и моими врагами. Плечом к плечу с украинцами и русскими храбро сражались мои земляки Жумагали Саин, Ади Шарипов, Жусуп Наметов, Гаим Ахмедьяров, Галим Омаров, Хамза Казыбаев, Мукан Кулсеитов, Токтагали Жангельдин, Сатымбек Тулешев и многие другие.

Интересна судьба известного казахского поэта, ныне покойного, Жумагали Саина. Его, тяжело раненного советского офицера, спасла от смерти простая украинская женщина Маслова. Она укрыла его от немцев, выходила, поставила на ноги и переправила к партизанам. Поэт Жумагали Саин посвятил ей впоследствии свои самые проникновенные строки и до конца дней сохранил светлую память о мужественной патриотке.

Еще не исчезли на берегах седого Днепра следы партизанских сражений, еще не заросли травой выложенные камнем партизанские могилы в лесистых горах Закарпатья… Ноют в ненастье старые раны, сединой покрывается голова. Уходят годы, но все ярче и явственнее встает в памяти грозное время великой борьбы. Ничто не должно быть забыто. И пусть эта книга будет скромным памятником тем, кто шел по зову сердца в бой за свободу и независимость своей родины.

В трудный час они сделали для родины все, что могли, они достойны благодарной памяти народа.

МЫ ЛЕТИМ В ТЫЛ

Перед дверью штабного блиндажа я остановился, поправил фуражку и ремень. Тихонько постучал:

— Разрешите войти, товарищ генерал?

— Войдите!

Генерал был в блиндаже один. Когда я вошел, он не спеша поднялся и, достав зажигалку, долго прикуривал папиросу.

— По вашему вызову явился, товарищ генерал!

— Садитесь, — генерал кивнул на старенькую табуретку.

Я снял фуражку и сел.

Полный, широкоплечий, генерал-майор Строкач, начальник Центрального штаба партизанского движения Украины, был сравнительно молод — ему шел пятидесятый год. Всегда краснощекий, бодрый и жизнерадостный, сегодня он выглядел озабоченным. Около глаз морщинки, брови нахмурены. Генерал сидел некоторое время в глубоком раздумье.

Я ждал.

— Так вот, — наконец заговорил он, — времени у нас мало. Слушайте приказ.

Генерал достал из ящика стола листок бумаги и начал читать.

Приказом я назначался командиром группы партизанского отряда, которая будет сброшена в тыл к немцам. Группа должна была соединиться с партизанским отрядом на Киевщине, временно оккупированной фашистскими захватчиками.

Прочитав бумагу и положив ее на стол, генерал Строкач спросил:

— Приказ ясен?

— Ясен, товарищ генерал.

— Время ограничено. Сейчас без двадцати три. Приступайте к делу…

Генералу не удалось договорить. Снаружи раздался громкий голос:

— Тревога! Тревога!

Мы выбежали из блиндажа. Над нами кружилось около тридцати фашистских самолетов.

Люди укрывались в траншеях и за деревьями. Я бегом направился к толстому развесистому дереву. Оглянулся — генерал стоял с биноклем в руках и смотрел на небо. Раздался знакомый пронзительный вой — и земля задрожала от разрывов вражеских бомб. Все заволокло дымом и пылью.

— Повторный заход, берегитесь! — послышался голос

генерала.

Видимо, фашистские летчики убедились, что у нас нет зенитной артиллерии, и, делая второй заход, шли низко и с бреющего полета открыли пулеметный огонь.

Внезапно застрочили наши пулеметчики. Фашистские самолеты разом повернули обратно, и вскоре опять вокруг воцарилась тишина…

Молодой парень, выбежавший из штабного блиндажа, обратился к генералу:

— Товарищ генерал, вас просят к телефону!

Строкач надел на плечо ремень бинокля, достал носовой платок и, вытирая глаза, торопливо пошел в блиндаж.

— Отбой! — подал он команду.

Из укрытий стали вылезать люди. Мы приводили себя в порядок. Вскоре генерал снова вышел из блиндажа.

— Ну, как дела? — спросил он. — Все живы?

— Живы, товарищ генерал!

Строкач собрал вокруг себя группу партизан, отправляющихся сегодня ночью в тыл врага. Напутственное слово его было кратким. Затем он опять пригласил меня. Подробно проинструктировал наедине, дал явки, пароли.

Подошел, обнял:

— Счастливого пути! Желаю успеха!

— Спасибо, товарищ генерал.

…И вот мы уже на аэродроме. Через два часа — вылет. Вылет в глубокий тыл врага.

На аэродроме темно. Внезапно яркий свет автомобильных фар разрезает тьму. Это машина генерала. Я выстраиваю отобранных и подготовленных для задания людей, быстрым шагом иду докладывать:

— Товарищ генерал, отряд готов к выполнению боевой задачи!

Строкач вместе со мной подошел к партизанам, коротко сказал:

— Дорогие товарищи! Сейчас вы отправитесь в тыл врага. Передайте сердечный привет советским гражданам, находящимся на временно оккупированной территории. Ваша задача: создавать из местного населения партизанские отряды, дезорганизовывать тыл врага, взрывать и разрушать мосты, железные дороги, средства связи. Преследуйте немецких оккупантов, беспощадно истребляйте их.

Умные глаза генерала пристально всматривались в лица партизан.

— Помогайте нашей армии в освобождении советской земли

от заклятого врага, товарищи! — закончил он, поднимая сжатую в кулак правую руку.

— К самолету! — послышалась команда.

Погрузка продолжалась несколько минут. Взревел мотор, самолет вырулил на стартовую дорожку, еще миг — и мы в воздухе.

Где-то внизу на родной земле остались наши товарищи.

…Хмурая ночь. Летим уже несколько часов. Партизаны расположились на лавочках у стен самолета, Только время от времени кто-нибудь перебросится взглядом, как бы спрашивая: ну, как дела?

Из-за сильного шума мотора ничего не слышно.

Из кабины выходит командир экипажа. Подойдя ко мне, он довольно громко говорит:

— Плохая погода, густой туман!

— Хорошо, — отвечаю я, — очень удачно.

Командир качает головой: плохая погода затрудняет полет.

Вдруг из кабины выбегает один из членов экипажа.

— Приготовьте парашюты, стреляют! — говорит он и жестом показывает вниз.

Все вскочили с мест, прильнули к окнам. Разрывы зенитных снарядов огненными шарами возникают то справа, то слева от нашего самолета.

Мы догадались, что пролетаем линию фронта.

Обстрел продолжался недолго. Вскоре снова установилась полная тишина.

— Миновали. А крепко нас обстреляли! — сказал мне на ухо командир экипажа.

Он ушел к себе в кабину. Ребята знаками спрашивают меня: скоро?

Я показываю два пальца: в два часа.

Перелет через линию фронта был для нас первым испытанием. Ребята нервничали. Никто из них никогда еще не прыгал с парашютом. Правда, инструктор наставлял нас: «Только смелее прыгай из самолета, парашют сам раскроется». Но все же при мысли о прыжке брала оторопь.

Из пилотской кабины вновь показался командир и стал прощаться с нами: прилетели. Стоящий рядом с ним молодой парень в черном комбинезоне подошел к бортовой двери самолета, распахнул ее — и мы увидели темную бездну. На нас подул сырой холодный ветер. Рокот моторов оглушил нас. Кто-то из ребят первый решительно шагнул к двери, и через мгновение над падающим человеком вспыхнул белый купол парашюта.

Партизаны по одному проваливались в темноту.

Я прыгнул последним…

Приземлились удачно. Экипаж самолета постарался на совесть — высадил нас в точно назначенном месте. Это был Черкасско-Богословский лес, один из глухих уголков Киевской области.

Так я стал партизаном.

ПЕРВЫЕ ВСТРЕЧИ

Лесную тишину нарушил стук топора. Мы насторожились: кто это с раннего утра рубит лес? Решаем проверить. Стук все ближе и ближе. Оставив своих товарищей, мы вдвоем с начальником штаба Бутенко направляемся на разведку.

Не успели мы пройти и сотни шагов, как у трухлявой старой березы увидели старика. Он устало сел и вытер рваным рукавом рубашки лицо.

— Отец! — окликнул его Бутенко.

Старик испуганно вскочил, подняв с земли обрубленный сук.

— Идите сюда!

Чуть прихрамывая, он направился к нам. Не доходя до нас шага два-три, старик остановился и оперся на свою палку.

— Здравствуйте, папаша! — поздоровались мы.

Старик молчал, боязливо посматривая на нас.

— Из какого села? — спросил Бутенко.

— Ось с того, — ответил он и палкой указал куда-то в сторону.

— Что вы здесь делаете? — спросил я.

Старик молчал. Он вдруг прослезился, но, стараясь справиться с волнением, погладил длинную, совершенно седую бороду.

— Ну что вы, отец? — я подошел к нему.

Он долго рассматривал мою армейскую фуражку и звезду на пряжке командирского ремня.

Постепенно мы разговорились. Оказалось, что у старика двое сыновей в Красной Армии. Снохи с детьми живут с ним. Живут плохо — питаются только картошкой да молоком чудом уцелевшей коровы.

Когда старик на некоторое время умолк, Бутенко кивнул мне и тихо сказал:

— Надо бы разузнать обстановку в селе.

— Только вы не думайте, ради бога, что я враг для вас, — убеждал нас старик.

Мы поспешили его заверить, что ничего худого не думаем о нем.

Старик, успокоившись, продолжал рассказывать.

За последнее время в их селе участились случаи грабежа и насилий. Особенно зверствовал староста Роман Мойса.

Бывший кулак, он при советской власти скрывался где-то под чужой фамилией, но в начале войны вернулся в село. Все полицаи в селе были близкими родственниками Мойсы.

Старик умолк, задумался.

— Когда же, дети мои, Красная Армия придет? — спросил он со слезами на глазах.

— Придет, придет, отец, дай срок, — как мог, ободрял я старика.

— Дай-то бог, дай-то бог!

— Ну, диду, а не слышно что-либо в вашем селе о партизанах? — осторожно спросил Бутенко.

Старик развел руками:

— Не знаю даже, как и сказать… Хотя вот, — оживился он: — на днях Красная Армия высадила парашютистов, почти прямо над нашим селом. Переполох был. Немцы все село подняли на ноги, обыскали каждый дом, каждый уголок. Стращали, грозили… Но так и не нашли никого.

— А куда могли деваться парашютисты? — спросил я.

Старик лукаво улыбнулся и спокойно ответил:

— Кругом свои люди, не пропадут…

— Товарищ командир, время, — напомнил Бутенко.

Я посмотрел на часы — десять минут восьмого. Впереди у нас был длинный и опасный день.

Старик проводил нас. Мы попросили его никому не говорить о нашей встрече.

— Ладно, ладно, понимаю, — обещал он. — А вообще-то я здесь бываю каждый день. Если что — всегда меня найдете.

ОДИН

Прошло четыре дня, как я скитаюсь один в Понятовских лесах. Все товарищи мои погибли. Истерзанный, израненный, в каком-то полузабытьи я бреду по лесу, сам не зная куда. Смерть пощадила меня в бою, но еще неизвестно, что было бы лучше в моем положении: погибнуть в схватке, или пасть обессиленным в глухом, бесприютном лесу, вдали от верных товарищей. Как глупо все получилось. Отправляясь в тыл врага, мы надеялись быстро попасть в свой партизанский отряд и вместе со своими друзьями громить ненавистных оккупантов. «Большая земля» щедро снабдила нас всем необходимым. Мы везли с собой радиостанцию, секретное оружие, словом, все, что было необходимо для развертывания активных партизанских действий.

Приземлились мы удачно и в условленном месте ждали проводника. Мы знали его. Это был Минько, житель одной из приднепровских деревень, помогавший нашим партизанам. Он должен был выйти к северной опушке леса, встретиться с нами и указать дальнейший маршрут. Нас в группе — немного, всего пять человек: радистка Лена, минер-инструктор Михаил, партизаны Крикуненко, Овчаренко и я — их командир. Если все обойдется благополучно, уже сегодня в ночь мы будем в отряде. Скорее бы появлялся Минько. И вот он появился. А за ним… целая орава фашистов.

— Товарищ командир! — взволнованно доложил Овчаренко, посланный на опушку леса для встречи с проводником. — Сюда идут немцы.

— А где же Минько? — спросил я.

— И он с ними, — пожал плечами Овчаренко, — с винтовкой. Видно, ведет на нас карателей.

Надо было срочно принимать меры. Уйти днем от преследователей очень трудно и даже невозможно. Принимаем решение задержать карателей до вечера, вступить с ними в бой. Ясно, что предатель Минько постарается пойти на хитрость, чтобы выманить партизан из леса. Надо перехитрить его. Приказываю минеру быстро заминировать небольшую полянку, а остальным отойти в глубь леса и укрыться за деревьями. Эта поляна — место нашей условленной встречи с проводником. Что ж, встретим его с «гостями» как полагается, по-партизански.

Лежа под деревом, я думал о том, как и почему наш проводник оказался заодно с карателями. Мысленно ругал я подпольщиков, доверившихся этому человеку. Как они могли под личиной «патриота» не разглядеть нашего смертельного врага?

Мне приходилось встречаться с Минько и раньше. Не скажу, чтобы он вызывал какие-либо подозрения. Наоборот, он всегда старательно выполнял все поручения партизан. Только много позже, захватив документы немецкой комендатуры, мы до конца узнали, что представлял из себя этот человек. Минько давно служил немцам и именно по их заданию поддерживал связь с партизанами.

И вот наша маленькая группа должна была стать первой жертвой гнусного предателя. Проведав о нашем прибытии с «Большой земли», оккупанты справедливо рассчитывали заполучить важные сведения, так необходимые им для успешной борьбы с партизанами. Мы сразу поняли это, увидев, как торопятся каратели поскорее захватить нас в свои руки. Целый взвод фашистов с винтовками и автоматами наперевес высыпал на край лесной поляны. От группы отделился Минько. Он был в черной шинели полицая, ловко сидевшей на нем.

— Партизаны, — громко крикнул предатель, — сдавайтесь! Все равно от нас не уйдете. Не будете сопротивляться — сохраним жизнь.

Мы молчали. Предатель еще раз повторил свое требование. Не дождавшись ответа, фашистский офицер подал какую-то команду, и каратели бросились вперед. Одна за другой взорвались мины, застрочили наши автоматы. Немцы отхлынули, оставив на поляне убитых и раненых. Тут же из-за деревьев хлестнул по нас ручной пулемет, в нашу сторону полетели гранаты. Я приказал своим товарищам с боем отходить в лес. Но тут меня остановил Овчаренко.

— Смотрите, — кричал он, указывая в сторону фашистов, — видите, этот гад за деревом прячется. Не уйду, пока не прикончу его!

Овчаренко дал длинную очередь — и черная фигура предателя неловко качнулась из-за дерева — он рухнул в пыльную траву. На секунду показалась голова немецкого офицера, и я сразил его. Овчаренко радостно вскрикнул, вскочил с земли, застрочил из автомата. В ту же минуту его прошила немецкая пулеметная очередь. Непредвиденная задержка стоила нам жизни товарища. Я тихо отполз за толстое дерево и, пригнувшись, побежал догонять своих. То, что я увидел, поразило меня: убит минер Миша, радистка ранена в ногу и сильно хромает.

— Прикрой нас, — попросил я Крикуненко, — подбежал к радистке, снял с нее тяжелый ящик радиостанции. — Давай я понесу. С такой тяжестью ты не дойдешь.

От дерева, за которым укрылся Крикуненко, послышался

стон. Я подбежал к другу. Сквозь левый рукав его пиджака сочилась кровь. Вокруг густо щелкали пули, и я подумал, что в любую секунду могу быть также ранен и даже убит. Положение, в котором мы оказались, было тяжелым.

— Ничего, — сквозь зубы сказал Крикуненко, — чуть зацепило левую руку. Правая цела, так что я могу стрелять и кидать гранаты.

— Надо уходить, — торопил я товарища. — Под таким огнем мы долго не выдержим и зря погибнем. Будем подстреливать их поодиночке.

— Хорошо, идем. Сейчас я угощу гадов хорошенько, — Крикуненко приподнялся и ловко метнул в фашистов одну за другой три гранаты. Послышались озлобленные крики, ругань.

Пользуясь замешательством врагов, мы стали отходить. Шагов через пятьдесят наткнулись на мертвую радистку. Она лежала у подножья гнилого пня, крепко сжимая маленькими руками пистолет. Крикуненко склонился над девушкой, взял пистолет, прикрыл ее лицо.

— Прощай, Лена, прощай, — с дрожью в голосе проговорил Крикуненко и зло погрозил фашистам большим узловатым кулаком.

Пули свистели над нашими головами, осыпая нас сбитыми с деревьев ветвями.

— Идем, — снова поторопил я Крикуненко, — иначе попадем в ловушку.

— Нет, — возразил Крикуненко, — идти придется тебе одному. Беги, пока нас не окружили. Я останусь и задержу их.

В совете Крикуненко было много разумного. Кто-то из нас должен был добраться до отряда, доставить радиостанцию, сообщить наконец, в какую страшную беду мы попали. Но я не мог оставить раненого товарища одного. Мы укрылись за деревьями и открыли ожесточенный огонь по преследователям, а когда каратели немного приутихли, поднялись и побежали по лесу. В небольшом овраге зарыли свертки с бесшумными пистолетами. Это оружие давно уже просили с «Большой земли» наши партизаны, и мы старались, чтобы оно не попало в руки оккупантов. Радиостанцию решили нести с собой.

Едва мы покинули овраг, за нами снова раздались выстрелы. Неужели не удастся уйти от карателей? Задерживаемся на мгновение, отстреливаемся и снова отступаем. У нас еще достаточно гранат и патронов, но мы только двое, и один из нас ранен. Крикуненко старается не подавать вида, крепится, но я знаю, что ему тяжело. Рукав пиджака потемнел от крови, лицо побледнело, глаза лихорадочно блестят. Если фашисты не

прекратят погони, мы не выдержим. Скорее бы стемнело.

— Скоро сумерки, — как бы угадывая мои мысли, говорит Крикуненко, — тогда они нас не достанут. Немцы ночью боятся, особенно в лесу…

Но мой друг не дожил до ночи. Перед самым вечером каратели обложили нас с двух сторон, прижали огнем к земле и попытались взять в плен. Мы, конечно, и не думали о плене.

Выбрав удобный момент, Крикуненко забросал немцев гранатами, и мы вырвались из ловушки. А вскоре хищная пуля все-таки настигла Крикуненко. Обессиленный, я упал рядом с ним на влажную землю, стал тормошить товарища, но он не откликался. Сердце его навсегда остановилось. Простившись с другом, я поспешил в лесную чащу.

Выстрелы прекратились, начало темнеть, и я решил немного отдохнуть. Все вдруг смолкло в лесу, но тишина эта угнетала меня. Что делают сейчас каратели? Обшаривают тела погибших партизан? Подбирают своих убитых и раненых? Почему они прекратили погоню? В голове мелькнула радостная мысль: немцы не знают, сколько нас было, и думают, что все партизаны убиты в схватке. Если это так, то я спасен. Я жив и, может быть, скоро доберусь до своих. Взваливаю радиостанцию и медленно, кошачьим неслышным шагом иду по лесу.

В эту ночь мне представился случай отомстить фашистам за смерть дорогих товарищей. Отдыхая под деревом, я услышал неясный шум. В десяти-пятнадцати шагах от меня по лесу вилась еле заметная тропинка, которую я пересек совсем недавно. И вот сейчас по этой тропинке кто-то пробирался. Кто? Ясно, это охотятся за мной. Вытаскиваю из кармана гранату. Между деревьев просматриваются черные силуэты: идут каратели, несут раненого. Гулкий взрыв сотрясает лес. Я вскакиваю с земли и бегу от места взрыва.

…Один. Страшно остаться одному, когда тебя на каждом шагу подстерегает опасность. Страшно от того, что можешь погибнуть зря, рискуешь быть схваченным в плен, когда силы покинут тебя и ты не сможешь даже выстрелить во врага. А я оказался именно в таком положении. Вот уже четверо суток питаюсь ягодами и корой деревьев. Мне никак не удается выйти из леса. Оружие и радиостанция надежно спрятаны. Я оставил себе только пистолет с запасом патронов. Несколько раз в сумерки входил в села, делал попытки проникнуть в дома жителей. Но всякий раз, проплутав ночь, снова возвращался в лес ни с чем. Села забиты карателями. Нельзя рисковать. Если схватят и меня, будет совсем плохо.

Какой, однако, странный лес: пустой, безжизненный. Не

слышно пения птиц, не видно зверей. Такой пустыни, кажется, я не встречал никогда. Силы иссякают. Но, видно, живуч человек. Пока он дышит и может кое-как передвигаться, он не сдастся. Я лежу под березой, гляжу сквозь ее ветви в голубое бездонное небо. Красивая, могучая береза. Такие я видел у себя на родине, в Восточном Казахстане. Березы… Каким сладким казался в далеком детстве тягучий березовый сок.

«Ведь пища у меня под руками, — подумал я, — сок и ягоды. Неужели я погибну?»

Острым кинжалом подрубаю березовую кору, припадаю к ранке на дереве и ощущаю во рту терпкую живительную влагу. И кажется, нет ничего в мире лучше этого клейкого сока. Чувствую, как возвращаются силы, тревожно стучит, будто чем-то испуганное, сердце. Но это — самообман. И сок, и ягоды создают лишь иллюзию сытости. Я по-прежнему голоден, слаб, измучен до предела. Часто впадаю в забытье, и тогда мне грезятся картины — одна красивее другой. Но минуты счастливого забвенья оборачиваются долгими часами разочарования, тоски и отчаяния. Один… Один в пустом, словно вымершем лесу.

…Гаснет сознание, я «проваливаюсь» в сладкий томительный сон. Это даже не сон, а какие-то грезы, властно влекущие меня куда-то вдаль. Вдруг я превращаюсь в быстрокрылую птицу. Неизвестно почему эта птица днем скрывается в густых ветвях деревьев, а ночью летит на Восток, туда, где алеет утренняя заря и пробиваются огненные лучи выплывающего из-за горизонта яркого солнца. Там — фронт. Это его всполохи освещают темное грозовое небо. А потом я вижу себя могучей рыбой, плыву по Днепру в Черное море, вдруг перелетаю в Каспийское и плыву, плыву, плыву…

А потом с неба доносится гул мотора. Это за мной. Я знаю, что самолет опустится сейчас на лесной поляне, пилот поможет забраться в кабину, и мы вместе полетим… на Восток. И правда: вот он, самолет, совсем близко, уже видны на крыльях большие красные звезды. Самолет опускается, и я изо всех сил бегу к нему. В первой кабине — пилот, во второй — мой брат Рахимбек. Он улыбается, но почему-то и не думает приглашать меня в самолет.

— Возьмите меня! — кричу я. — Я устал блуждать в лесу. Возьмите, меня ждут…

— Нельзя, — строго говорит пилот. — Ты не видишь: самолет двухместный. Куда же мы тебя возьмем?

Самолет взмывает в воздух.

— Эх, Рахимбек, Рахимбек, — уже не во сне, а наяву говорю я, сокрушенно качая головой. — Разве так поступают братья?

С усилием прогоняю надоедливую дрему, жую кислые ягоды,

а перед глазами, словно живой, снова встает Рахимбек. Мы росли вместе, вместе учились в школе, играли. Семья у нас была большая, но дружная. Сестренки Шамшия, Сахыпзада и Кулзапыран, братишки — Кадылбек, Кабдылкаир и Рахимбек были очень непохожи друг на друга характерами. Мы часто ссорились, но еще чаще, конечно, проводили время в дружных и веселых играх. Каюсь, что я тоже не отличался спокойным характером и немало хлопот приносил своим родителям. Меня звали в семье черным шалуном за особенно смуглую, темную кожу.

Помню, в пору моего раннего детства в нашем доме готовились к какому-то религиозному празднику. Мать и бабушка хлопотали на кухне, жарили баурсаки. Предоставленные сами себе, мы, дети, резвились на улице. Мне захотелось попить воды, я забежал на кухню и увидел в деревянных блюдах целые горы румяных баурсаков. Мать и бабушка, покончив с делами и утомившись, отдыхали. Я побежал на улицу и сообщил о своем открытии сестренкам.

— Вот хорошо, — радостно сказала Сахыпзада, — давайте заберем баурсаки, пойдем в лесок и там устроим свой праздник.

Разумеется, так мы и сделали. Забрав все баурсаки, мы отправились в лес и там долго развлекались интересными играми. Конечно, в конце концов мы поссорились и возвращались домой унылые. Всех одолевал страх перед тем, что нас ожидает. Обнаружив пропажу, мать и бабушка, конечно, постараются узнать виновника ее. Для этого им не придется затратить слишком много усилий. Ведь с нами была Сахыпзада, а она обязательно разболтает. Хуже того, хотя она и сама участвовала в этой проделке, ей ничего не стоит во всем обвинить одного меня. Такой уж у нее характер.

— Ты уже думаешь, как оправдаться перед матерью? — спросил я Сахыпзаду, когда мы подходили к дому. — Опять скажешь, что это Касым заставил тебя все сделать?

Сахыпзада клялась, что будет молчать, но слова своего, конечно, не сдержала. Велико было возмущение моей в общем-то очень доброй матери. Как ни старался я спрятаться от нее, мать отыскала меня, и только приход отца избавил меня от заслуженного наказания…

Много тревог приносили мы своей матери. Но она не могла долго сердиться на нас, она горячо любила всех своих многочисленных детей.

…Смежаются отяжелевшие веки, и опять, чередуясь с явью, охватывает меня тяжелый сон. Снова лечу я на самолете, убегаю от рассерженной матери, бросаюсь в реку и плыву. Слышится

голос всегда веселого отца, ворчание бабушки. Потом вдруг встают Перед глазами каратели. Они не страшат меня, но я не хочу видеть их противных злых лиц, холодных глаз. Стреляю в них из автомата. Ненавистные рожи на миг скрываются, но потом снова появляются и мелькают передо мной.

Стряхиваю сон и вижу себя под деревом. Сижу на приятной зеленой траве, уставший, обессиленный. Случайно заметил дырку в голенище сапога, ковырнул пальцем и обнаружил кровь. Оказывается, я ранен. Вот отчего так сыро в сапоге, а мне думалось, что в него набралась вода, когда я переходил через лесные ручьи. Нестерпимо хочется пить. Где-то недалеко катит свои синие воды привольный Днепр. Добраться бы туда, но как? Хватит ли сил? Не упаду ли я по дороге? Нет, надо попытаться. Сидеть больше невмоготу. Надо идти. Днепр почти рядом. Ночами я слышу шум и плеск волн. Я дойду до него.

Отыскал надежную палку и, опираясь на нее, зашагал потихоньку к реке. Лес скоро кончился, впереди, до самого берега реки, тянулся густой кустарник. Вхожу в чащу и долго наугад иду к Днепру. Он где-то близко. Чувствуется это по влажному, прохладному ветру.

Наконец вижу воду. Она открывается как-то сразу широким голубым простором. Хочется сейчас же спуститься к воде, но благоразумие удерживает меня от этого рискованного шага. Берег очень крутой, обрывистый. Спуститься конечно можно, но как взобраться потом, в случае опасности? Устраиваюсь под кустами на обрыве. Надо хорошо оглядеться, разведать обстановку.

Красивая, могучая река. Чем-то сродни седой Днепр моему любимому Иртышу. Много хороших, теплых воспоминаний храню я о нем. Иртыш — река моего детства. Живут на ее живописных берегах мои земляки-казахстанцы. Могучий, с белопенной клокочущей гривой вырывается он из устья каменных гор и устремляется в широкие, привольные степи. Я смотрю на Днепр, а мысли мои далеко, там, на Иртыше. Как-то ты поживаешь, старик Иртыш, сокрушивший некогда непобедимого Ермака Тимофеевича? Как бы я хотел побывать сейчас на твоих легендарных берегах.

…В далеком детстве я впервые близко познакомился с Иртышом и полюбил его навсегда. Мы жили тогда с родителями в ауле километрах в двадцати от реки и, естественно, нам не часто приходилось бывать на ней. Каждый выезд на реку был настоящим праздником для всей семьи и особенно для детей. Отец дружил с семьей русского рыбака Василия Пономарева. У него в доме мы обычно и останавливались. Катались на лодках, ловили рыбу, купались. Словом, отдыхали не хуже, чем на любом

курорте. Особенно запомнилась мне одна поездка по Иртышу. Нам надо было с братом Рахимбеком добраться до Усть-Каменогорска, где мы решили поступить учиться. Напутствуя нас, отец сказал:

— Зайдете к дяде Василию, передайте ему привет от меня и скажите, что я просил доставить вас в город на барже.

Так мы и сделали. Дядя Василий встретил нас, как всегда, приветливо, а когда узнал, что мы должны ехать в Усть-Каменогорск, сказал:

— Хорошо, я помогу вам. Баржу ждать не будем. Ведь дело у вас спешное: учеба. Я дам вам свою лодку. Плывите себе на здоровье.

Дядя Василий привел нас к берегу, усадил в лодку, рассказал, как лучше управлять ею, и пожелал нам счастливого пути. Мы отплыли вниз по течению. Лодка шла легко, Иртыш просто убаюкивал нас. Лесистые берега провожали нас шумом деревьев, щебетом птиц. Красота такая, что и во сне не часто увидишь.

Почти сто километров пронес нас красавец Иртыш, и мы благополучно добрались до места… Хорошее было время, счастливая, радостная пора детства. Как же было не вспомнить мне полюбившуюся реку, как не поволноваться под впечатлением этих воспоминаний!

…Гляжу на синий Днепр, а перед глазами всплывает великая сибирская река. Кажется, и краски те же, и волна шумит, как на Иртыше. А вон и дядя Василий плывет на своей лодке. Только почему же он опирается шестом? Неужели так обмелел полноводный Иртыш? Нет, это не Василий. Я, кажется, опять заснул, и все перепуталось в моей усталой голове. Нет, это наяву вижу я: под самым берегом плывет на маленькой лодке какой-то старик. Шест постукивает о борта лодки. Этот звук, видно, вернул меня к действительности. Куда плывет старик? Кто он? Не думает ли этот дед схватить меня и передать карателям? Достаю оружие и слабым голосом окликаю лодочника.

— Дедушка, подойдите сюда.

Старик встрепенулся, поглядел вверх и, заметив меня, растерялся. Потом, видя, что я не двигаюсь с места, старик резко сворачивает к отмели и прыгает на берег, волоча за собой длинную цепь. Он привязывает лодку к стволу небольшого деревца, настороженно оглядывается вокруг и быстро поднимается ко мне.

— Здравствуйте, дедушка, — говорю я слабым голосом и пытаюсь приподняться.

Ноги не выдерживают, и я со стоном падаю.

— Что, сынок, ранен? — встревоженно спрашивает старик и

помогает мне подняться.

— Нет, — с усилием отвечаю я, — заблудился в лесу и заболел.

— Так, так, — с горечью говорит старик и сокрушенно качает головой. — Заблудился, значит? Не таись, сынок, я догадываюсь, кто ты. Наверное, из тех, из парашютистов. Друзей твоих немцы побили. Потом в село привезли и мертвых на площади повесили. Для устрашения. А как же ты уцелел-то? Эх, бедолага.

Старик напоил меня водой, усадил поудобнее в кустах, снял сапоги, перевязал рану.

— Где-то и мои сыны вот так же маются, — вздохнул он. — Двое у меня в армии, оба командиры. Живы или нет — не знаю. Страшная доля выпала вам… Снох и двоих внуков расстреляли палачи. Я случайно в это время не попал фашистам на глаза, был тогда в соседней деревне, скот колхозный в надежном месте укрывал. А когда вернулся — никого в живых не застал.

Старик рассказывает, и слезы заволакивают его глаза. Чувствуется, что он много пережил и перестрадал. Спешит выговориться перед незнакомым человеком, и хотя сообщает он мне совсем не радостные вести, на душе становится спокойнее. Наконец-то я не один. Встретился человек, наш, советский, и теперь меня не страшат никакие опасности. И уже не он, а я начинаю говорить слова утешения:

— Не надо плакать, дедушка. Не у тебя одного такое горе. Вот придет наша армия, вернутся твои сыновья, и все будет по-другому. Фашисты за все ответят нам.

— Должны бы вернуться, — вздыхает старик и вдруг спохватывается: — Ты, наверное, голоден, сынок. Заболтался я, старый, и забыл о главном. Сейчас мы с тобой подкрепимся. Есть кое-что у меня в запасе.

Старик принес из лодки в холщовой сумке краюху черного хлеба, небольшой кусок сала и все это положил передо мной. Видя, с какой жадностью я набросился на еду, он остановил меня:

— Не торопись, сынок. Если ты давно не ел, надо помаленьку. Не то наделаешь себе вреда.

…Кончилось мое одиночество, кончились скитания по мертвому лесу. Старик принял во мне самое горячее участие. В сумерках мы добрались с ним до прибрежного оврага, и я поселился в искусно замаскированном шалаше деда. Оказывается, он живет здесь уже с весны, ловит рыбу и только изредка наведывается в свою деревню. Рискует, конечно. Если попадется в руки полицаев, его ждет гибель. С партизанами, как я узнал, старик связи не имел, и поэтому я не сразу открыл ему свои планы.

— Далеко сейчас партизаны, — сказал он мне. — Но разыскать их можно. Порасспрошу верных людей, узнаю, что надо, и провожу тебя в дорогу.

Старик сделал для меня все, что мог. Ночами он уходил в село, возвращался только под утро и каждый раз приносил хорошие вести. Вскоре я уже знал, где, примерно, располагаются партизанские отряды, и решил, не задерживаясь, отправляться в путь. Выбрав удобное время, мы наведались с дедом в лес, разыскали оружие и радиостанцию и принесли в шалаш. Дед припас продуктов, и я окончательно собрался в дорогу.

— Может быть, проводить тебя, сынок? — предложил на прощание старик. — Места-то незнакомые…

— Спасибо, отец, — крепко обнял и расцеловал я своего спасителя. — Одному меньше риска. А дорогу я найду. Можно ли заблудиться на земле своей родины?..

Под вечер старик переправил меня на другой берег. Я оглянулся на Днепр, на одинокую лодку, покачивающуюся на серых волнах, и бодро зашагал вперед. Тяжелые испытания остались позади. В отряде ждала привычная боевая работа, походы, вылазки, бои. Я спешил к своим товарищам, чтобы рассказать о лесной трагедии, о подлом предательстве, торопился скорее стать в партизанский строй, чтобы громить, уничтожать, гнать ненавистных оккупантов с родной земли.

РАЗВЕДЧИКИ

После тяжелых боев с карателями партизаны нашего отряда отдыхали, приводили в порядок свое хозяйство. Активно работала лишь партизанская разведка. Оккупанты нас не тревожили, и это настораживало: враг замышлял что-то недоброе. Командир поставил перед разведкой боевую задачу: следить за каждым шагом фашистов, быть особенно бдительными, постараться узнать о ближайших планах карателей. В разведке, как и во всех своих боевых делах, партизаны опирались на помощь местных жителей. Они-то и помогли в этот раз предотвратить большую беду.

— Фашисты составляют какие-то списки, — доложил командиру разведчик Роберт Кляйн. — В деревнях начались аресты подпольщиков. Видно, завелись предатели.

— Дело серьезное, — задумчиво проговорил Примак. — Враги рассчитали верно: разгромить подполье, лишить нас народной поддержки. Надо срочно принимать меры…

На командирском совете решено было проникнуть в районную комендатуру, похитить документы, списки. Возможно, удастся узнать имена предателей и обезвредить их. Это задание поручили выполнить партизанам Петру Луценко и Роберту Кляйну. Это были опытные люди, смелые, оба замечательно владели немецким языком. Роберт Кляйн — немец из Поволжья. Был командиром Красной Армии, после тяжелого ранения оказался в тылу врага. Жители выходили его, а потом связали с партизанами. Петр Луценко — человек сугубо мирной профессии. До войны он преподавал в средней школе немецкий язык. В армии из-за слабого здоровья не служил.

Петр Луценко учил ребят до самого прихода оккупантов в его родное село Хоцкое. Фашисты конечно школу закрыли. Долго пытался бывший учитель связаться с подпольщиками. Потом, когда дошли вести, что в лесах появились партизаны, Луценко решил идти в отряд и бороться против оккупантов. Вместе с ним ушли его жена Люба и брат Федор. Эта семья патриотов быстро прижилась в отряде. Братья действовали геройски, особенно отличался Петр Луценко. Он брался за самые ответственные задания и всегда умело выполнял их. Вот почему командир и на этот раз послал на сложную операцию Петра Луценко и Роберта Кляйна.

Разведчики быстро собрались в дорогу. Переоделись в немецкую форму, подобрали резвых коней, прихватили по паре пистолетов, гранаты. Дело предстояло не простое, и разведчики

решили в помощь себе взять коновода из юношеского партизанского взвода. Это был мальчик 14—15 лет. Он не мог вызвать особых подозрений у немцев, и это облегчало трудную задачу партизан.

Село Козин, куда утром прибыли разведчики, несмотря на ранний час, было людным и оживленным. По улицам сновали полицаи в черных шинелях. Навербованные из подонков — бывших уголовников и кулацких сынков — полицаи были верными псами фашистов. Они выдавали оккупантам советских патриотов, участвовали в карательных экспедициях и не только уступали немцам в бесчинствах и зверствах, но даже превосходили их.

— Видишь, раскаркалось воронье, — зло сказал Петр Луценко. — Ну погодите, предатели. Будет срок — рассчитаемся.

Село Козин партизаны хорошо знали. Остановившись за квартал от комендатуры, разведчики передали лошадей коноводу и уверенно двинулись по улице. У большого здания комендатуры стоял на часах вооруженный полицай. На просторном дворе партизаны увидели виселицы. На крайней из них висел человек. Видно, комендант уже приступил к делу. Разведчики подошли к крыльцу.

— Смирно! — зло скомандовал Луценко и с силой хлестнул полицая по лицу.

Полицай вытянулся, испуганно заморгал глазами и даже попытался угодливо улыбнуться. Должно быть предатель уже привык к подобному обращению со стороны своих хозяев. Разведчики поднялись на крыльцо и быстро зашагали по просторному коридору. Навстречу им попался еще один фашистский холуй с плеткой в руке.

— Где комендант? — строго спросил Роберт Кляйн.

— Пан комендант у себя, — с готовностью ответил полицай. — Пройдите по коридору направо.

Луценко рванул дверь — и разведчики оказались в приемной коменданта. Молодая женщина, сидевшая у дверей кабинета коменданта, растерянно вскочила, потом вдруг низко поклонилась и неловко пробормотала слова приветствия. Партизаны быстро миновали ее и вошли в кабинет. Козинский комендант за короткое время своей службы успел показать себя настоящим зверем. Он сам пытал и допрашивал арестованных, участвовал в расстрелах мирных советских граждан. По его приказу повешенных подпольщиков не разрешали снимать по нескольку дней. Вид повешенных, по мнению коменданта, должен был устрашать других, усмирять непокорных.

И вот разведчики в упор рассматривают свирепого

коменданта. Он сидит за большим столом, низко опустив голову, что-то торопливо пишет. Не очередной ли приказ о пытках и расстрелах? Комендант лыс и толст, на воротник мундира накатывается багровая жирная складка. Руки партизан так и тянутся к пистолетам. Если бы не строгая партизанская дисциплина, фашист уже валялся бы с простреленной головой. Но этого делать нельзя.

— Руки вверх! — тихо скомандовал Луценко, и два пистолета взяли фашиста на прицел.

Комендант подскочил над столом, но тут же ноги его подкосились, и он тяжело рухнул в кресло. Лицо фашиста покрылось синими пятнами, он с усилием глотал воздух и не мог вымолвить ни одного слова. Но партизаны и не намерены были разговаривать с ним. Луценко вернулся к двери и закрыл ее на ключ. Потом вскрыл сейф и стал разбирать документы. В объемистой холщовой сумке поместились печати и переписка комендатуры, различные бланки и деньги, специально выпущенные немцами для оккупированных областей. Комендант с ужасом наблюдал за партизанами, и в глазах его угадывался тревожный вопрос: «Что же последует дальше?..».

— Вы пойдете с нами, — сказал Роберт Кляйн, — кричать и сопротивляться не советуем. Если выполните наши условия, сохраним жизнь.

План увода коменданта созрел мгновенно. Надо было убрать из приемной лишних свидетелей. Луценко запечатал какой-то пакет, надписал его и вышел в приемную. Он вручил пакет дежурившей там женщине и приказал:

— Быстро доставьте пану старосте.

Женщина торопливо сорвалась с места и почти бегом бросилась выполнять приказание. Луценко вернулся в кабинет. Здесь обезоруженный комендант стоял у стола и безропотно ждал приказаний.

— Когда выйдем из помещения, — сказал фашисту Луценко, — прикажите полицаю, чтобы он до вашего возвращения никого не пускал в комендатуру. Ясно?

— А я вернусь еще сюда, господа партизаны? — со слабой надеждой спросил комендант.

— Это будет зависеть от вас, — утешил его Кляйн. — Идем.

Комендант не заставил себя ждать. Он вышел из кабинета твердой походкой, но когда отдавал приказ полицаю, немного как-то замялся, и голос его прозвучал не совсем уверенно. Полицай забеспокоился, но Кляйн пригвоздил его к месту суровым взглядом. Партизаны быстро спустились с крыльца и торопливо зашагали по улице. Коновод ждал их и был наготове.

— Перебирайся на круп лошади, — скомандовал Луценко коноводу и, взяв коменданта под руки, помог ему подняться в седло.

Разведчики вскочили на коней и помчались по улице. Уже на выезде из села они услышали частые, беспорядочные выстрелы. Видно, полицай все-таки заподозрил неладное и поднял тревогу. Как ни резвы были кони, мотоциклисты могли нагнать партизан. Разведчики круто свернули в сторону от дороги и поскакали к лесу. Едва они скрылись под кронами деревьев, как из села на пыльную дорогу вынеслись мотоциклы. Но теперь партизаны были в безопасности. В лесу они чувствовали себя, как дома, и их нельзя было застать врасплох.

…Поздно вечером командир отряда изучал захваченные документы и допрашивал коменданта. Разведчики добыли очень ценные сведения. Ими был захвачен тщательно разработанный план крупных карательных экспедиций, списки подлежащих аресту подпольщиков. Удалось расшифровать имена осведомителей, через которых оккупанты получали сведения о подпольщиках и партизанах. Был обнаружен строгий приказ, предписывающий срочную мобилизацию мирного населения для отправки в Германию. Нечего и говорить, что многим планам оккупантов не суждено было осуществиться. Смелыми налетами партизаны разгромили комендатуру села Козин, арестовали предателей-полицаев, спасли подпольщиков.

НА ДНЕПРЕ

Линия фронта далеко отошла от Днепра, и он оказался глубоким немецким тылом. Оккупанты почувствовали себя хозяевами во всем Приднепровье. Богатые украинские села и города подвергались безудержному грабежу. Скот, хлеб, ценное оборудование фашисты отправляли в Германию. Добрались они и до молодежи. По селам разъезжали агитаторы и на все лады расписывали «райскую» жизнь в «фатерлянде». В ход шли не только щедрые посулы: оккупанты устраивали в селах вечеринки, спаивали молодежь и обманным путем завлекали в свои сети.

В то время на железнодорожных станциях можно было видеть длинные товарные составы с яркими надписями: «Украинская молодежь добровольно едет в прекрасную Германию». Правда, «добровольцев» почему-то держали в накрепко закрытых вагонах и усиленно охраняли. Но это обстоятельство немцы, видимо, не принимали в расчет. Зато «гостеприимство» оккупантов быстро по достоинству оценила молодежь. Юноши, попавшие в лапы к фашистам, пытались всеми средствами вырваться на свободу. Пленники выламывали полы и двери вагонов, прыгали на ходу и бежали в леса, к партизанам.

В беглецов стреляли. По деревням устраивали облавы, непокорных объявляли «коммунистами» или «партизанами» и тут же расстреливали. Началась настоящая охота на людей. Теперь оккупанты стали «агитировать» пулей и виселицей. Стон и плач стоял по селам. Жители бежали из своих домов, озверевшие оккупанты жгли их имущество. Эти нерадостные вести быстро дошли до партизан, и было решено дать фашистам открытый бой, раз и навсегда отвадить их от варварской охоты на людей.

Партизанское соединение имени Чапаева, которым командовал Иван Кузьмич Примак, контролировало большой район Днепра. Железные дороги в то время были забиты войсками и техникой. На них партизаны часто устраивали диверсии и, чтобы разгрузить железнодорожные пути, фашисты стали активно эксплуатировать Днепр. На реке появились паромы, моторные лодки, пароходы. На них оккупанты намеревались вывозить из приднепровских сел молодежь. Узнав об этом, партизаны поставили на реке сильные заслоны, чтобы и здесь не дать оккупантам творить свое черное дело.

Как-то ранним утром к партизанам прибежал один из жителей приднепровской деревни Зарубенец и сообщил, что немцы захватили большую группу молодежи для отправки в Германию. Иван Кузьмич поднял отряд по тревоге, и мы быстро

выступили к селу. Как всегда, выслали разведчиков, и вскоре обстановка прояснилась. Фашисты прибыли в село на трех больших моторных лодках, врасплох захватили много юношей и девушек и заперли их под сильной охраной в колхозной конюшне. Довольные удачно проведенной операцией, каратели разбрелись по хатам пьянствовать.

— Добре, — выслушав разведчиков, сказал Примак. — Пусть пьют. О похмелье мы сами позаботимся.

Командир быстро разделил отряд на мелкие группы, и мы с разных сторон стали пробираться в село. Местные жители охотно указывали, где и сколько пирует немцев, советовали, как лучше напасть на них. Благодаря их помощи, партизаны быстро обезоружили оккупантов, не сделав ни одного выстрела. Однако самое главное было еще впереди. Конюшня, где томились пленники, стояла на отшибе и сильно охранялась немцами. Перестрелка с ними была нежелательна: могли быть ранены или убиты безоружные юноши и девушки. Этого никак нельзя было допустить.

— Раздевайте пленных, — приказал Иван Кузьмич. — Попробуем обойтись без крови.

Все мы сразу поняли, в чем дело. Нам уже не раз приходилось рядиться в фашистскую шкуру и под видом «своих» громить немецкие комендатуры. И вот через некоторое время отряд «немцев» уже шагал к колхозной конюшне.

Часовые опомнились слишком поздно. Переодетые партизаны бросились на них и быстро разоружили. И тут из конюшни грянуло радостное «ура». Оказывается, пленники сквозь щели в стенах конюшни наблюдали всю сцену. Сначала они испугались новой колонны немцев и приготовились к самому худшему, а когда увидели, что часовых разоружают, то не сдержали своей бурной радости и закричали «ура!».

Освобожденные из-под стражи бросились горячо обнимать своих спасителей. Многие, особенно девушки, плакали. И это было так понятно нам: ведь они мысленно надолго простились со свободой, со своей Родиной, с родными и близкими. Их ждала трагическая участь: рабство в Германии.

— Прошу тишины, товарищи! — поднял руку Примак, пытаясь успокоить разволновавшуюся молодежь. — Партизаны поздравляют вас с вызволением из плена, со свободой!

Примак с минуту помолчал, внимательно оглядывая вдруг притихших деревенских пареньков и девчат, а потом строго добавил: — Только эта свобода может вам еще тяжким лихом обернуться. Топчет еще фашист нашу родную украинскую землю, и сил у него еще немало. Помогайте же нам бороться с

карателями, вступайте в наш отряд. А кто не может, оставайтесь в селах. Но и там вы нам можете оказать большую помощь…

…Уговаривать никого не пришлось. Все освобожденные нами пожелали стать партизанами. Но всех желающих взять с собой мы не смогли. Молодым девушкам и подросткам, несмотря на их горячее желание стать партизанами, командир отказал. Принятым в отряд тут же роздали захваченное у карателей оружие, влили их в группу партизана Григория Спижевого. Спижевой со своими людьми окружил взятых в плен немецких солдат и по приказу командира повел их в партизанский лагерь. Деревенские парни, еще недавно бывшие в плену, с особым удовольствием конвоировали карателей.

Пока основная часть отряда обезоруживала оккупантов и освобождала молодежь, партизан Анатолий Янцелевич с небольшой группой захватил вражеские моторные лодки. Это была большая удача: партизаны раньше, кроме ветхих плоскодонок и самодельных плотов, никакими плавучими средствами не располагали. А ведь им приходилось действовать на большой судоходной реке — важной транспортной артерии оккупантов.

— Товарищ командир соединения! — радостно отрапортовал Янцелевич Примаку, спустившемуся со своим отрядом к берегу Днепра. — Партизанский флот в составе трех боевых кораблей к походу готов!

— Молодцы! — похвалил партизан Примак. — Погуляем теперь по Днепру. К счастью, и капитан у нас добрый есть…

Анатолий Янцелевич в прошлом был капитаном корабля. В одном из сражений его корабль погиб, а сам он оказался в тылу врага. Стойкий и смелый человек, Янцелевич не растерялся. Он связался с партийным подпольем и вскоре стал одним из организаторов партизанского соединения имени Чапаева. Его опыт моряка очень пригодился партизанам в боях на Днепре. После войны Янцелевич вернулся к своей нелегкой, мужественной профессии моряка. Партизанская закалка помогала ему в беспримерных рейсах в Антарктиду. Он водил туда знаменитый теплоход «Кооперация», доставляя на ледовый континент грузы и зимовщиков.

…Примак торопит товарищей. Захваченные моторные лодки очень кстати сейчас. Командир решает провести дерзкую операцию на реке: захватить немецкую баржу с грузом, а если удастся, то и пароход. Быстро делимся на три группы, усаживаемся в лодки и ходко идем вниз по течению. Мы хорошо вооружены: есть пулемет, противотанковые гранаты, многие партизаны кроме автоматов имеют пистолеты и кинжалы. Можно

свободно атаковать немецкую баржу, которая обычно обслуживается небольшим и слабо вооруженным экипажем.

Но нас ждало другое.

Партизаны, возбужденные недавней легкой победой, оживленно переговариваются, подшучивают друг над другом. Вот Вася Мещеряков вдруг вскидывает руки вверх, выражение его лица становится испуганным, жалким и глупым. Всем становится ясно, что это он изображает немца, которого так неожиданно и ловко прихватил во время пирушки. У всех хорошее настроение, и только строгий приказ командира заставляет партизан угомониться. И вовремя. Внизу, где-то за небольшим песчаным мыском, раздается протяжный гудок, и тут же слышится отрывистый возглас Янцелевича:

— Пароход по курсу…

Прямо против прибрежной деревни Луковица показывается большой белый пароход. В этом месте реку разделяет длинный песчаный остров, заросший густым ивняком. Пароход идет по левому, узкому и глубокому рукаву реки. Сюда же вынесло и партизанские лодки. Встреча с пароходом неминуема, и надо принимать неравный бой. Примак приказывает немедленно пристать к острову. За кустами ивняка мы прячем лодки и с берега наблюдаем за неспешно подымающимся вверх пароходом. На палубе видны люди. Их много, можно хорошо рассмотреть офицеров в островерхих фуражках и солдат в зеленых пилотках. Возможно, что на пароходе есть и пулеметы.

— Жалко, что мы не предвидели такой встречи, — сокрушается командир. — Поставить бы на том берегу пулемет, дружно ударить с острова и с берега — ни один бы фашист не ушел.

— Еще не поздно поправить дело, — сказал я Примаку. — Как только мы их обстреляем, немцы наверняка попрыгают в воду, и их отнесет течением вниз. Надо послать одну лодку в тыл пароходу.

Командир согласился со мной. Лодка, огибая остров, быстро устремилась вниз по другому рукаву реки. А пароход между тем приближался. Ветер доносил до нас веселые песни с палубы, громкий непонятный говор.

Все мы внимательно смотрим на командира. Он поднял руку. Как только она резко упадет вниз, мы откроем дружный огонь. Пароход поравнялся с нами. Он так близко, что кажется — после небольшого разбега можно легко прыгнуть с берега на его палубу.

…Рука командира резко падает вниз — строчат автоматы, тяжко ухают гранатные взрывы. Беспечные пассажиры, всего лишь несколько минут назад умилявшиеся видом на зеленый остров,

теперь в панике мечутся по тесной палубе. Сначала все шарахнулись к противоположному борту, надеясь спрятаться за трубой и надстройками, но и тут их настигали партизанские пули. Кто-то из наших удачно бросил тяжелую противотанковую гранату. Раздался оглушительный огненный взрыв — черный дым клубами поднялся в небо.

Пароход накренился, и его стало относить вниз по течению. Уцелевшие солдаты и офицеры открыли яростный огонь по партизанам. На палубе взорвалось еще несколько противотанковых гранат — пароход стал медленно погружаться. Потеряв надежду на спасение и не желая сдаваться в плен, фашисты сопротивлялись яростно. Партизаны, скрываясь за кустами, бежали по берегу и осыпали градом пуль тонущий пароход. Фашисты бросались в воду и пытались вплавь уйти по течению. Но там их уже встречали наши друзья, подоспевшие к месту боя на моторной лодке.

Пароход тонул. Победа, казалось, была обеспечена, но вдруг с противоположного берега застрочили автоматы. Нельзя было предположить, что это спасшиеся с парохода сумели так быстро организовать наступление. Через некоторое время все прояснилось. Потревоженный перестрелкой небольшой гарнизон прибрежного села поспешил к месту происшествия и вступил в бой с партизанами. Это обстоятельство сильно осложнило положение маленького отряда партизан. Немцы могли сообщить о схватке на реке в комендатуру города Переяслава. Крупные силы немцев без труда сумеют быстро окружить партизан на острове и уничтожить.

Медлить было нельзя. Пароход погрузился в воду, и только высокая белая труба указывала место его гибели. Немцы усилили огонь по острову, трое партизан были тяжело ранены. О том, чтобы прорваться по протоке на лодках под губительным огнем врага, нечего было и думать. По узкому проливчику, разделяющему песчаный остров наискосок, партизаны провели лодки к широкому рукаву реки. Быстро погрузились и помчались на лодках к лесистому правому берегу Днепра.

Каратели не могли без транспорта преследовать партизан, и так мы ушли от опасности. Правда, по реке путь нам был закрыт, и на базу пришлось добираться лесом. Все обошлось благополучно. Не радовался победе только один Янцелевич. Он даже чуть не плакал: замечательные быстроходные моторные лодки партизаны вынуждены были пустить на дно. А это ли не горе для настоящего моряка?!

…Затонувший в узком и глубоком рукаве реки немецкий пароход надолго закрыл судоходство на этом участке Днепра.

Партизаны беспрепятственно переправлялись с берега на берег, связывались с подпольем, нападали на комендатуры. Связь между гарнизонами оккупантов, расквартированными в крупных прибрежных селах, была частично парализована. Партизаны в ту пору стали полными хозяевами Днепра.

ОПАСНОЕ ЗАДАНИЕ

Холодный декабрьский день. Влажный, на редкость сильный ветер чуть не сбивает с ног. Идти трудно: сыро, слякотно. А идти нужно.

Мы уже несколько месяцев в тылу врага. Наша маленькая группа нанесла врагу изрядный урон — взорвано несколько барж с боеприпасами на Днепре, разгромлены склады, пущены под откос поезда. Задание родины мы выполняем с честью. Но и нам пришлось пережить тяжелейшие испытания.

Советские люди, находясь во временной оккупации, бесстрашно выполняли задания родины, оставаясь верными ей до конца. Одним из таких патриотов был скромный советский труженик Абраменко, житель села Македоны.

Через него я разыскал подпольную партизанскую группу командира партизанского соединения в Киевской области Ивана Кузьмича Примака, комиссара Ломако, командира отряда Николая Михайловича Попова.

Мы связались по рации с «Большой землей», доложили обстановку и получили приказ развернуть партизанскую борьбу, приступить к организации отрядов народных мстителей. Начался подбор людей. Но для того чтобы вооружить их, нужно было оружие. Оно было спрятано где-то в лесу, в потайных складах. О них знал только один человек — житель села Вьюнище Шпиталь, оставленный партией для работы в тылу врага.

В село Вьюнище к Шпиталю вдвоем с Николаем Михайловичем Поповым и направились мы в эту сырую декабрьскую ночь.

Путь держим на восток. Николай Михайлович, хрупкий на вид, но подвижный и неутомимый, идет молча, только время от времени спрашивает:

— Вася, правильно идем?

На местности я ориентируюсь неплохо. Жизнь в казахстанских степях сделала меня выносливым, я мог не уставая делать в день по несколько десятков километров. И сегодня предстоит пройти немало. Дорога не только трудная, но и опасная. Недаром, провожая нас, Иван Кузьмич наказывал:

— Вася, в дороге будь осмотрительным. Путь предстоит тяжелый. Хотя район, куда вы отправляетесь, неплохо разведан, но Николай Михайлович неважно ориентируется на местности, — он с улыбкой посмотрел на Попова.

Тот виновато кивнул.

Мы шли всю ночь и только к обеду следующего дня вышли к

северо-западной окраине села Луковица. Здесь нужно было переправиться через Днепр.

— Что предпримем? Через Днепр перебраться можно только здесь, — сказал Николай Михайлович. — Только здесь еще держится слабый лед. Можем провалиться.

Решили сперва пройтись по деревне, а уже затем незаметно выйти к переправе.

— А если встретятся полицейские? — спросил я.

— Они, безусловно, встретятся. Их здесь шесть человек, и все они охраняют переправу, — сказал Попов.

— Значит, что же, драться с ними?

— Ни в коем случае! Провалим задание.

— Тогда придется идти без оружия.

Николай Михайлович соглашается.

— Да, без оружия. Сейчас наше оружие — эти бумаги, — и Попов достал из кармана фальшивые документы.

— Оружие оставим здесь. Зайдем в село, разузнаем о переправе, а если нами заинтересуются, скажем, что мы военнопленные, возвращаемся к себе домой. Но переправиться на ту сторону мы должны обязательно сегодня.

— А если полицейские будут придираться? — спросил я.

— Покажем свои документы, — спокойно ответил Попов. — В крайнем случае — обыщут. У ничего нет! Поверят, что мы из плена.

Взвесив все «за» и «против», решили действовать. Оружие надежно спрятали в лощине недалеко от березовой рощи, закурили, посидели минуты две-три, затем не спеша направились к лесу.

Мимо рощи шла большая наезженная дорога, по ней мы вошли в село. На площади в центре села стоял человек в форме полицейского с дубинкой в руке. Он внимательно посмотрел на нас.

— Эй, идите сюда! — крикнул он, сделав знак дубинкой.

Мы направились к нему.

— Откуда? — спросил он, подозрительно посматривая на нас. Это был широкоплечий полицай со взглядом убийцы.

— Из лагеря, — сказал Попов, показывая рукой куда-то в сторону.

— Из какого лагеря?

— Из Бердичевского.

— Куда идете?

— Домой.

— Ты куда идешь? — спросил он, посмотрев на меня.

— Я иду с ним…

— Документы.

Мы достали «документы».

— Погодите, — остановил он нас и принялся обыскивать.

— Что, часов нет? — спросил он, задирая у нас рукава на левой руке по самый локоть. Не обнаружив ничего, он посмотрел на наши ноги.

Нам были известны повадки полицейских. Они грабили проходящих, отбирали у них ценные вещи. Но наша одежда полицаю не понравилась. Он сердито сказал:

— Идите!

Попов Николай Михайлович — командир партизанского отряда.

Мы направились дальше.

— Ты догадался, что он искал? — спросил я у Попова.

— Конечно, — смеется Николай Михайлович.

В лесу за селом мы вооружились надежными палками и направились к берегу Днепра. С юга дул ветер, и пошел сильный дождь. Переправляться было опасно — можно провалиться.

Но медлить нельзя. Мы быстро отыскали подходящее место для переправы и, ощупывая лед палками, по щиколотку в воде, медленными и осторожными шагами направились на другой берег.

Когда мы перебрались через реку, уже вечерело.

Мы подошли к окраине села Вьюнище.

— Веди теперь сам, — сказал я, пропуская Николая Михайловича вперед.

Подобравшись к большому сараю, стоящему на самой окраине, мы укрылись за его стеной. Николай Михайлович осмотрелся.

— Побудь здесь, я схожу узнаю, кто у него дома, — и скрылся за углом сарая.

Через некоторое время ко мне подошел человек в поношенной телогрейке.

— Пойдемте!

Николай Михайлович был уже в доме.

— Познакомься, — сказал он мне, кивая в сторону хозяина.

— Вася, — сказал я, протягивая руку.

Именно так прозвали меня товарищи в партизанском отряде.

— Сергей Минович.

Это и был Сергей Минович Шпиталь, хранитель тайного склада оружия и боеприпасов.

— Склад на прежнем месте? — поинтересовался Попов.

— На прежнем.

Сергей Минович рассказал, что он регулярно ходит в лес, проверять, в порядке ли боевые припасы. И пожаловался:

— Не то что страшно, а тоскливо и ужасно одиноко жить в окружении врагов.

Это нам было известно и самим. Мы от всей души сочувствовали ему, представляя его жизнь в этой глухой, занятой врагами деревне.

Мы поговорили с Сергеем Миновичем, выяснили все, что требовалось, и стали собираться в обратный путь.

— Еще встретимся, — сказали мы ему на прощанье.

Николай Михайлович предложил зайти в село Козин, где жил еще один подпольщик — врач Алексей Васильевич Крячек. Наших честных советских людей работало в тылу врага очень много. На них мы и опирались при формировании партизанских отрядов. Я

согласился с предложением Попова. Действительно, побывать у Крячека нужно было обязательно.

Алексей Васильевич был членом подпольной организации Переяславского района. Он вел большую работу по организации местных партизанских отрядов, показал себя смелым, инициативным человеком. Мы побывали у него, а утром следующего дня пошли обратно.

Погода совсем испортилась. Не переставая шел дождь со снегом. Усталые и промокшие до нитки, мы благополучно достигли окраины села Луковица. Отсюда нам предстоял еще долгий и опасный путь. По узкой улице села мы направились к большому дому, стоявшему на отшибе. Вдруг перед нами выросли фигуры нескольких полицейских. Пришлось остановиться. Один из них подошел поближе и с усмешкой приказал:

— Подойдите сюда, герои!

Он вынул из кобуры пистолет и направил его на нас. Остальным полицейским приказал:

— Обыскать!

Нас долго и тщательно обыскивали, но только у меня в нагрудном кармане нашли блокнот. Старший полицейский взял его в руки, полистал.

— Пойдемте, — сказал он и повел нас к белому дому.

Здесь один из врагов, всмотревшись в нас, вдруг сказал:

— Это они!

У меня екнуло сердце: неужели полицейские напали на какой-то след?

— Куда идете? — спросил долговязый полицейский с большими глазами навыкат.

— Никуда, — соврал Попов. — Вчера из этого села мы решили пробраться на Полтавщину, но не смогли переправиться на тот берег, лед, оказывается, очень хрупкий, и воды по колено. Решили подождать заморозков. А когда мы возвращались обратно, ты нас и задержал.

— Не тыкай, болван! — озлился старший полицейский. — Что, не знаешь, кто я такой? Я пан начальник полиции.

— Мы не знаем, что такое пан, — сказал я.

— Если не знаете, так я покажу, кто такой пан! — произнес полицай с угрозой. Просмотрев наши документы, он спросил меня:

— Как фамилия?

— Болатов.

— Какой национальности?

— Казах.

— Место рождения?

— Саратов.

— Правильно… — пробурчал, глядя в документы. — А твоя фамилия? — обратился он к Николаю Михайловичу.

— Савченко.

— На украинца не похож.

— А на кого же?

— Жид. Настоящий жид, — переговаривались между собой полицейские.

Николай Михайлович действительно слегка походил на еврея — с горбинкой нос, черные кудрявые волосы. Наконец полицейские принялись листать мой блокнот. Не понимая арабского шрифта, они стали задавать вопросы:

— Читай, что здесь написано, что это?

— Там для вас ничего интересного нет. Это адреса моих родных. Вам этого не нужно.

— Я вот покажу тебе, что нам надо, а чего не надо! — прикрикнул начальник полиции. Но спрашивать больше ни о чем не стал.

— Пан староста, что будем с ними делать? — обратился он к сухощавому человеку без правого глаза.

— Снимите с них сапоги, заприте в комнате да поставьте надежную охрану, — предложил тот. Нам он сказал: — Мы вас задержали не просто как военнопленных. Вы коммунисты! Так вот, за ночь хорошенько обдумайте все и скажите нам правду! Не скажете — будете завтра болтаться на виселице. Скажете — пан комендант сохранит вам жизнь. Будете работать на великую Германию. Закон нашего фюрера прощает каждого человека, если он вовремя раскается! — напыщенно произнес он.

Мы, конечно, приуныли. Оба мы думали о побеге. Да, нужно было спасаться. Ясно, что полицейские наткнулись на какой-то след и по подозрению схватили нас. Надо было бежать во что бы то ни стало.

Нас отвели в небольшую угловую комнату и закрыли на замок. Прислушались — тихо. Все ушли.

— Вася! — позвал Попов.

Я повернулся в его сторону.

— Мы должны обязательно уйти сегодня ночью. Может быть, через окно? — Попов указал на единственное окно в комнате.

Я сомневался. Разбить двойное окно и не произвести шума — не так-то легко… Наделаем столько шуму, что сбежится вся охрана. Нет, пожалуй, лучше всего — попроситься на двор. Если нас выведут, можно воспользоваться темнотой и попытаться сбежать. Встретимся там, где спрятали оружие. Даже если только один из нас окажется на свободе, он доберется до своих и все

расскажет.

— Как ты смотришь на это? — спросил я Попова.

— Да, пожалуй, так лучше, — согласился он.

Мы встали, и я постучал в дверь.

— Чего вам? — крикнул из-за двери охранник.

— На двор!

— Сейчас.

Полицейский стал отпирать дверь. Мы приготовились. Дверь открылась, полицейский сделал шаг в сторону и поднял винтовку.

— Принеси сапоги, — приказал он своему помощнику, подростку лет четырнадцати-пятнадцати.

Парнишка сбегал и принес две пары сапог без портянок; мы обулись на босу ногу.

— Одному остаться здесь… — сказал полицай.

Я вышел на крыльцо, Попов остался в комнате. Мальчик закрыл дверь на замок. Я накинул на плечи куртку и спустился с крылечка. Ночь темная, моросит дождь — хорошая погода для побега! Отошел от двери шагов десять и задумался: «Что делать? Я-то убегу, а Попов? Нет, надо вернуться, а когда откроют дверь и будут выводить Попова, тогда и…» Я пошел назад. Видя, что я настроен мирно, полицейский опустил винтовку к ноге.

— Открой дверь, — сказал он мальчику, а сам, позевывая, продолжал стоять на ступеньках.

Открылась дверь. И вот тут, когда Попов показался из комнаты, я набросился на полицейского с целью отнять у него винтовку. Николай Михайлович поспешил мне на помощь. Полицейский успел выстрелить. Я вырвал у него винтовку, отдал Попову, а сам, схватив полицейского за горло, повалил на пол, придавил коленом грудь. В руках у меня оказался его нож…

Николай Михайлович уже исчез. Я бросился за ним в темноту. Мне удалось уйти довольно далеко, когда позади послышался истошный крик:

— Ратуйте, ратуйте!

Это кричал мальчишка, подручный охранника.

На большой проселочной дороге, которая шла от села Луковица до деревни Трахтемиров, я немного постоял, ожидая Попова, но его не было. Тогда, прислушиваясь к каждому шороху, я медленно пошел к одинокой мельнице. Неожиданно оттуда вышли несколько человек и направились в мою сторону. Я свернул вправо и, выбрав удобное место, лег. Кто это? Может, Николай Михайлович? Но он по дороге не пойдет. Люди прошли мимо, не заметив меня. Я полежал еще немного, а затем решил добираться до места, где мы спрятали оружие.

Спустившись в знакомую лощину, я отыскал пистолеты. Один

из них я быстро привел в боевую готовность. Теперь когда в руках моих было оружие, мне стало легче. А в такую темноту и дождливую ночь полицейские едва ли отважатся кинуться в погоню.

Я сидел и думал о том положении, в которое мы недавно попали. Все едва не кончилось очень плачевно. Село Луковица расположено на правой стороне Днепра, а районный центр — город Переяслав — на левой. В первый же час, как нас арестовали, полицейские могли вызвать из районного центра машину и отправить нас в город. Но непогода да Днепр, отделявший районный центр от села, спасли нас от верной гибели. Можно считать, что нам повезло…

Мокрый брезентовый пиджак, как холодное железо, прикасался к моему телу. Дул пронизывающий ветер. Продрог я основательно. Надо бы походить, погреться, но все усиливающийся ветер с дождем заставлял меня еще плотнее прижиматься к стволу дерева.

— Вася! — вдруг слышу тихий знакомый голос.

Вскакиваю на ноги. Прихрамывая и задыхаясь, ко мне идет Попов.

— Жив? — спросил он, подходя.

Я бросился к нему в объятия.

ПОДПОЛЬЩИКИ

…В первый период нашей работы в тылу врага мы ходили по селам открыто, так как имели на руках документы, что являемся военнопленными. Этими документами снабдил нас подпольный районный комитет партии.

Вскоре, однако, был получен приказ немецкой военной комендатуры о проверке личностей всех военнопленных и случайных людей. В городах и селах началась самая тщательная проверка. Этим не замедлили воспользоваться злобные враги советской власти, преступники, ярые националисты, до поры до времени скрывавшие свое звериное лицо. Они начали объявлять всех неугодных им людей политически неблагонадежными.

Многие из обвиненных в политической неблагонадежности были повешены, расстреляны, угнаны в концентрационные лагеря. В основном это были коммунисты, комсомольцы и активисты. С большим трудом кое-кому из активистов удалось благополучно пройти проверку. Каждый из них получил характеристику человека, «не опасного для германского правительства», такие люди нам очень нужны были в подпольной борьбе с оккупантами.

Проверку «политической благонадежности» пришлось проходить и мне. В то время я под видом военнопленного жил в селе Македоны, Ржищевского района, Киевской области.

Однажды я получил официальный вызов из немецкой комендатуры. В этом селе кроме меня жили и работали подпольщики Попов, Клопов, Дяченко, Олейник, Абраменко, Гаман и другие.

— Надо идти, — сказали мне товарищи, узнав о вызове. — Если не явишься, немцы сразу заподозрят неладное.

Было решено, что я должен, симулируя не вполне нормальную психику, доказать свою благонадежность. Если же это мне не удастся и дело окончится арестом, то товарищи собирались освободить меня из рук врагов по дороге в райцентр Ржищев, куда отправляли всех задержанных.

Я переоделся в рваные брюки и полуистлевшую рубашку. Грязный и обросший, без обуви, появился я перед товарищами. Несмотря на всю серьезность положения, друзья не удержались от смеха. Видом моим они остались довольны и пожелали мне благополучного возвращения.

…Был конец мая. Жара стояла невыносимая. В засученных до колен штанах я шел серединой пыльной улицы, похожий на чучело. Прохожие сторонились меня.

Когда же из переулка мне навстречу вышел подпольщик Николай Михайлович Абраменко и уставился на меня с удивлением, я окончательно убедился, что мой вид производит нужное впечатление.

— Проходи, — шепнул я ему, — еще кто-нибудь заметит.

Он подмигнул мне и быстро удалился, а я направился к комендатуре, которая помещалась в здании бывшей школы. Прямо у крыльца стоял длинный стол, и четыре полицая весело отплясывали под патефон. Я молча, с невозмутимым видом подошел к столу.

— Это сумасшедший, — сказал полицай, увидев у меня в руках повестку. — Нечего его тащить к коменданту. Кому он опасен?

— Нет, — возразил другой. — Он очень даже опасен. Будет вот так шляться по селу и подожжет еще что-нибудь. Надо его просто пристрелить — и делу конец.

— Нельзя, — возразил третий полицай и взял у меня из рук повестку. — Я сам отведу его к коменданту.

…Комендант занимал самую большую и светлую комнату. Видимо, раньше здесь была учительская или пионерская. Стены и пол убраны коврами, в глубине — большой, застланный тяжелой скатертью стол, за которым важно восседал полный белобрысый офицер в очках. На вид ему — лет пятьдесят. На столе, по правую руку, — пистолет и три резиновых жгута разной толщины. На стене, прямо над головой, — большой портрет Гитлера.

Когда я вошел, комендант внимательно оглядел меня и что-то сказал женщине, сидевшей возле него. Они брезгливо поморщились и с презрением посмотрели в мою сторону. Я запустил руку в прореху рваной рубахи и стал почесываться.

— Знаешь ли ты русский язык? — спросила женщина.

Я притворился, что ничего не слышу. Женщина рассердилась, вскочила, схватила со стола резиновую дубинку и больно ударила меня.

— Знаешь ли ты русский язык? — повторила она свой вопрос.

— Ру-с-с-кий! — отвечаю я, кое-как мямля, и согласно киваю головой.

— Глупая голова, — сердито говорит офицер, энергично тыча пальцем в свой лоб. — Откуда ты русский? Ты — азиат!

Офицер стал что-то кричать по-немецки. Я стоял, молча и равнодушно разглядывал стены кабинета. Потом комендант приказал позвать полицаев и что-то сказал женщине.

— Этот действительно не понимает по-русски. К тому же у него не все в порядке с головой, — перевела женщина вошедшим полицаям. — Пан комендант распорядился его не тревожить, а

вам объявить замечание за то, что вы приводите сумасшедших, а настоящих большевиков не видите под носом.

— Иди, — сказал мне полицай.

Но я преспокойно уселся на стул. Тогда полицай подошел ко мне и подтолкнул меня в направлении двери. На улице я направился к патефону.

— Проваливай! — крикнул полицай. — Людей не дозовешься, а этот сам пришел и уходить не хочет.

Так я стал легальным.

…Прошло около трех месяцев. Подпольные организации Ржищевского, Переяславского и Мироновского районов создали две партизанские группы. Одной группой, расположенной в селе Македоны, Ржищевского района, командовал Иван Кузьмич Примак. Другая — под руководством Емельяна Демьяновича Ломако — сосредоточилась в селе Григоровка, Переяславского района.

Перед уходом в лес было получено указание подпольного партийного комитета разгромить в этих селах комендатуры и полицейские группы, захватить побольше оружия и снаряжения. Это серьезное задание мы выполнили.

…Темной ночью собрались мы в вишневом саду неподалеку от дома Николая Михайловича Абраменко. Наша группа партизан должна была захватить комендатуру. Старшим назначили меня. Приказано взять в плен коменданта, переводчицу, старосту и начальника группы полицаев, с тем, чтобы судить их потом партизанским судом.

Полицаи обычно находились в комендатуре, двое дежурных из них патрулировали по селу. Мы быстро захватили здание комендатуры, взяли всех полицаев, в том числе и двух дежурных, и заперли их в хате на краю села. Но тут выяснилось, что двоих не хватает. Дома их тоже не обнаружили. Один из исчезнувших — сам комендант.

Долго мы бродили по селу в поисках и решили заглянуть к старосте. В его доме наглухо закрыты ставни, но из щелей пробивается свет. Осторожно окружили дом, прислушались. Из комнаты доносится глухой говор, смех. Видно, веселятся здесь. Мы ворвались в дом и сразу обнаружили коменданта. Пьяный «пан комендант» склонил свою тяжелую голову на плечо переводчицы и дремал.

Первым опомнился староста, потом завизжала переводчица.

— Молчать! — приказал я.

Переводчица испуганно закрыла рот ладонями. Мои товарищи быстро обезоружили коменданта и полицая, взяли старосту. Никому в эту ночь не удалось уйти от партизан.

К утру мы добрались до небольшой березовой рощицы и здесь решили переждать день. Выставили часовых и занялись делом. У обгорелого пня понурив головы сидели комендант и переводчица, слева от них выстроились все двенадцать полицейских. Когда я подошел к ним, два полицая удивленно переглянулись. Заволновались вдруг и переводчица, и комендант. Они узнали «сумасшедшего».

По приговору партизанского суда комендант и его подручные были расстреляны.

Выполнив свое боевое задание, наша группа ушла в лес и присоединилась к своему партизанскому отряду в Понятовских лесах. Эти леса надолго стали базой народных мстителей.

РАСПЛАТА

Теплым тихим вечером мы собрались около землянки командира. Ждали приказа. Ждали долго. Наконец из землянки вышел Примак и скомандовал садиться в телеги. Мы быстро разместились.

— Ну что, все? — спросил Иван Кузьмич. — Поехали.

Тронулись по направлению к селу Козин.

Темно. О хорошей наезженной дороге в лесу мечтать не приходится — мы ехали по узкой тропинке. Нас шестеро: Иван Кузьмич, Попов, Виктор, Василий Клопов, я и Миша. Все, кроме Миши, не раз совершали смелые вылазки и всегда возвращались с победой. Все мы хорошо знали друг друга. Только Миша пришел к нам сравнительно недавно и ничем еще не проявил себя. На протяжении всей дороги Миша часто озирался по сторонам и, заметно волнуясь, поглаживал свои кудрявые черные волосы. Боялся он или просто с непривычки волновался? Ведь он еще не участвовал в боевых операциях.

Я всю дорогу думал о новом коменданте села Козин. Он назначен на свою должность недавно, после того, как партизаны расправились с его предшественником, но жестокость его уже известна в округе. Жалоб на него от населения мы получали много. Нас особенно потряс случай, когда этот палач замучил выданного предателем нашего подпольщика Панаса Шафраменко.

Окруженный врагами, Панас бился до последнего патрона. Но силы были неравные, и смертельно раненный Панас в бессознательном состоянии был взят в плен. Комендант несколько дней подвергал его неслыханным пыткам. Панас умер, но не произнес ни слова. Мы очень пережили гибель нашего товарища, а меня еще до сих пор при воспоминании о мучениях Панаса бросает в жар.

Сейчас наша группа едет в село Козин.

Мы рассуждаем, где может находиться комендант. Кто-то, кажется, Иван Кузьмич, утверждает, что он большую часть времени проводит у себя в кабинете. Попов говорит, что вечером он должен быть, пожалуй, дома. Пока они спорят, я думаю о Панасе. Хороший был человек, смелый и преданный товарищ.

Неожиданно раздается насмешливый голос Примака:

— Кайсенов, что задумался, друг? Смотри, прозеваешь коменданта.

Я вздрогнул и осмотрелся. Впереди уже виднелось село. В селе, как мы и рассчитывали, никто на нас не обратил внимания, посчитав нас за полицейских. Для этого мы специально оделись.

Не задерживаясь, направились прямо к дому коменданта. Иван Кузьмич был прав: дома его не оказалось. Жена коменданта подозрительно осмотрела нас, затем, видимо, успокоившись, сообщила, что муж скоро придет.

Ждать нам было нельзя, и мы решили встретить коменданта. Едем, всматриваемся в прохожих. Хорошо, их не очень много.

— Он! — вдруг шепнул кто-то из нас, узнав палача.

Навстречу нам на велосипеде ехал немец. Я быстро спрыгнул с телеги и подбежал к нему.

— Стой! Руки вверх! — крикнул я. Комендант спрыгнул с велосипеда и схватился за кобуру.

— За Панаса! — сказал я и в упор выстрелил ему в голову.

— Вася, скорее! — крикнул Примак.

Товарищи подхватили меня, и мы помчались. Вскоре наша подвода была далеко от села.

Потом мы ехали не спеша. Ночью партизаны — хозяева леса, и остерегаться нам не приходилось. За ночь мы рассчитывали побывать и в селе Поток, где жил и работал наш товарищ партизан Устимович. Увидеться с ним лучше всего было ночью, потому что днем село усиленно охранялось. Разговаривая почти шепотом, мы въехали в село. Держались настороженно, только Иван Кузьмич изредка шутил.

— Бедняга Кайсенов, — подтрунивал он надо мной, — ему даже некогда было словом перекинуться с комендантом.

— Да, действительно, — усмехнулся я. — Не успел даже поздороваться!

Все были в приподнятом настроении. Все, кроме Миши. Он почему-то был хмурый, задумчивый. В то время мы не придали этому никакого значения.

В село Поток мы въехали по широкой дороге, на его главную улицу. Собственно, если бы не нужно было заезжать сюда, мы могли бы поехать в объезд села. Но Примак обязательно хотел навестить Устимовича, так как нам сообщили: за последнее время немцы стали его подозревать и организовали слежу. Устимович был близким другом Примака, помогал ему в организации партизанского отряда, и сейчас он нам был очень нужен. Надо все разузнать о его положении, не допустить ареста.

— Миша, — сказал Примак, — ты знаешь дом Устимовича?

— Знаю, — буркнул Миша.

— Тогда пошли вдвоем.

Примак и Миша отправились. Уходя, Иван Кузьмич предупредил:

— Мы пробудем там не больше получаса. Ждите нас быстро назад.

Однако эти полчаса растянулись без малого на три часа. Мы все очень волновались. Что случилось? О плохом не хотелось и думать. Не такой человек Иван Кузьмич, чтобы попасть впросак.

Примак возвратился поздней ночью, возвратился один.

— Миша сбежал, — коротко ответил он на наши вопросы. — Поехали. По дороге поговорим.

Иван Кузьмич долго молчал, затем тяжело вздохнул и стал рассказывать. Дом Устимовича они разыскали очень быстро. Примак увлекся разговором с товарищем и не заметил, как исчез Миша. Куда, зачем? Он-то думал, что Миша ведет внешнее наблюдение, а он как в воду канул. Искали его целый час, но так и не нашли. Сначала думали, что он попал в руки полицейских, но в селе было тихо, и полицейские спокойно расхаживали по улице.

Так ничего и не удалось узнать. Иван Кузьмич был очень взволнован. Последствия этого события могли оказаться весьма плачевными. Вдруг Миша выдаст нас немцам? И даже если нет. Местные полицейские хорошо знают, что он только десять дней назад исчез из села Поток. Если он покажется им на глаза — арестуют обязательно. Хватит ли у него мужества молчать?

ПРЕДАТЕЛЬСТВО

Труп коменданта был доставлен в кабинет начальника местной полиции. Дерзкое убийство всполошило всех. Принимались срочные меры к розыску: звонили во все стороны, посылали конников, телеграфировали, оповещая об убийстве «одного из лучших» комендантов.

Начальник полиции сидел в своем кабинете за большим дубовым столом. Он держал телефонную трубку:

— Мироновка! Дайте Мироновку! Алло, Мироновка? Дайте пана Синявского. Пан Синявский? Это вы, пан Синявский? Это из села Козин, из комендатуры. Пан Синявский, у нас случилось несчастье: комендант убит партизанами.

— Когда?

— Вчера вечером.

— Какие меры принимаются?

— Разыскиваем. По рассказам очевидцев, их было пять-шесть человек.

— Ладно. Примем меры.

Начальник полиции устало повесил телефонную трубку. Он звонил вот уже больше двух часов, оповещая о случившемся все полицейские участки ближайших районов. О смерти коменданта теперь знали не только в селе Мироновка, но и в Ржищеве, Каневе, в Македонах, Потоке, Тростянце, Городище…

За ночь в село Козин наехало множество людей: немецкие полицейские, коменданты, старшины, офицеры местных и окрестных гарнизонов. Было получено категорическое приказание во что бы то ни стало разыскать партизан, убивших коменданта. Местным полицейским властям приказано задерживать всех подозрительных. Жителям категорически запрещалось переезжать или переходить из одного села в другое без особого на то разрешения, а после восьми часов вечера жизнь в селах вообще замирала.

Вскоре в комендатуры поступили первые задержанные. Вот перед высоким костлявым немецким жандармом сидит молодой парень с окровавленной щекой.

Он с трудом поднял голову, открыл глаза. Убедившись, что парень пришел в себя, жандарм быстро поднялся со своего места.

— Ну, будешь говорить или нет? Отвечай! В каком лесу скрываются партизаны?

Парень покосился на жандарма.

— В каком лесу партизаны?

— В Понятовском, — ответил парень.

— Сколько их?

— Много.

— Кто их руководители?

— Руководит ими украинец Примак, ему помогают четверо русских и один казах.

— С какой целью ты ходил к партизанам?

— Я не думал, — плаксиво жалуется парень. — Меня сагитировал врач этого села Устимович. Он тайно поддерживает местных партизан.

Жандарм насторожился.

— А не знаешь ли ты, кто убил коменданта?

— Они же.

— Кто?

— Партизаны из леса.

— Ты был с ними?

— Нет, господин. Я не убивал. Его убил казах.

Жандарм спросил, есть ли среди партизан люди из местного населения.

— Не знаю, — замялся парень. — По-моему, нет.

Жандарм вскочил и влепил ему еще несколько пощечин.

— Ты все знаешь, собака!

Парень испуганными глазами смотрит на жандарма.

— Пан, все расскажу, не скрою!

— Кто в селе связан с партизанами?

— Устимович. Партизаны посещают его квартиру.

— Еще кто?

— В селе Македоны есть коммунист Абраменко, он помогает партизанам доставать оружие, боеприпасы и продукты.

— У Абраменко есть семья?

— Его жена и шурин, они тоже помогают партизанам.

— Кого еще знаешь?

Миша, трясясь от страха, лепетал:

— Пан, я только этих знаю.

Но, увидев, что жандарм поднимается со своего места, он упал на колени и протянул руки:

— Пан, сохраните мне жизнь! Умоляю вас!

Жандарм подошел к нему и пнул его в грудь.

— Собачий сын! Если хочешь жить — говори. С какими селами партизаны поддерживают связь?

Миша облизал высохшие губы.

— Больше ничего не знаю…

— Не знаешь, не знаешь!

Приговаривая, жандарм принялся пинать валявшегося на полу парня. Потом вышел и позвал полицейского:

— В мироновскую тюрьму!

Трусость, малодушие погубили Мишу, сделали его предателем.

* * *

Дождь со снегом не переставал весь день, а к вечеру усилился. Наступила темная, холодная ночь. Устимович волновался: только что прибегала соседка и сказала, что полицейскими арестован какой-то парень, якобы, партизан. После допроса его отправили в Мироновку. Устимович расспросил ее о внешности задержанного. Насколько она сумела разглядеть, ему лет двадцать, черные курчавые волосы. Сомнений быть не могло — это Миша. Но как он попал в руки жандармов? Попался или сам?..

Устимович несколько раз выходил на улицу, прислушивался — в селе было тихо.

«Предположим, Миша в их руках, — думал он. — Что он знает, о чем может рассказать?» Устимович боялся не за себя, его беспокоило другое: если провалится он, значит, будет потеряно важное звено в сети подпольной организации. Неизвестно, что может рассказать Миша. Окажись он предателем, врагу станут известны многие партизанские секреты. Да, что-то нужно было делать.

Проверив все свои документы, Устимович уничтожил кое-что и лег спать. Но спать не мог. Не давало покоя сегодняшнее происшествие. Неужели предательство?..

Ночную тишину нарушил резкий стук в окно. Устимович соскочил с постели, быстро оделся. Жена, оказывается, тоже не спала, она тоже встала.

— Что это? Неужели…

Устимович успокаивал ее:

— Не тревожься. Иди открой дверь, нельзя не открывать.

В дом ворвались полицейские.

— Устимович здесь?

— Это я.

— Руки вверх, собака!

Полицейские навалились на Устимовича, скрутили ему руки. Вместе с женой их посадили в телегу. В доме был произведен обыск. Однако ничего компрометирующего не нашли.

Арестованных увезли в Мироновку.

В эту же ночь в селе Македоны был совершен налет на квартиру Абраменко. Самого Абраменко дома не оказалось.

Жандармы забрали его жену Марию и сестру жены Галю. Связанных, их отправили тоже в мироновскую тюрьму.

Мрачен мироновский застенок. Петр Устимович, сидя против небольшого тюремного окна, с безразличным видом смотрит на поднимающееся солнце. Новый день не сулит ничего радостного. Здесь, за тюремной решеткой, оставалось лишь вспоминать о воле, о жизни.

Неужели это последняя утренняя заря? Петр Устимович вспомнил студенческую жизнь, чистую юношескую любовь. От воспоминаний на душе стало как-то легче. Он перебрал в памяти все хорошее, что было в его жизни: город Киев, медицинский институт, где он учился. Красивая асфальтированная улица. Если немного пройти и повернуть вправо, выйдешь к большому фруктовому саду. Какой сад! Старики говорили: «Это не сад, а просто рай!» В этом саду на низкой скамейке часто сиживали Устимович и его сокурсница Мария… А потом она стала его женой. Это было все не так давно…

Очередной допрос закончился побоями, пытками. Когда партизан очнулся и поднял голову, перед ним стоял худощавый, сутулый немец. Пытки продолжались. Вторично он пришел в себя уже в камере. Теплые лучи солнца проникали через тюремную решетку. Стиснув зубы, Устимович с трудом поднялся и, пошатываясь, подошел к окну, ухватился за решетку.

Был ясный день.

Скоро опять допрос, опять то же… А как с Марией? Неужели и ее пытают? Нет, Мария не скажет ни единого слова. Умрет, но не выдаст!

В коридоре послышались голоса — открылась дверь камеры. Вошли два немца и поволокли Устимовича. В маленькой комнатке за столом сидел уже знакомый худощавый немец.

— Сегодня допрашиваем в последний раз… Будешь давать правильные показания — останешься жить. Ты по специальности врач, врачи нужны нам. Будешь молчать — пеняй на себя.

Палач помолчал и продолжал допрос:

— Скажи, знаешь ли ты партизана по имени Миша?

— Нет.

— А кто же посылал его к партизанам?

— Не знаю.

— Ты видел его? Сможешь опознать?

— Не видел. Не знаю.

Немец усмехнулся, погладил кончиком указательного пальца свой длинный нос.

— Тогда, возможно, он опознает тебя, — и сделал знак жандармам.

В камеру вошел Миша. Устимович едва узнал его: одежда разорвана, кровоточащие ссадины на теле, опухшее лицо, изуродованный до неузнаваемости нос. Посмотрев на Устимовича, Миша побледнел.

Немец встал, вплотную подошел к Мише.

— Узнаешь этого человека? — спросил он, указывая на Устимовича.

— Узнаю, — сказал Миша после паузы.

— Кто он?

— Петр Акимович Устимович, — сказал Миша дрожащим голосом.

Немец подошел к Устимовичу.

— А ты его узнаешь?

— Нет.

— Он тебя узнает, а ты его нет? Интересно!

— Я с ним никогда не встречался, — твердо сказал Петр.

— Будешь говорить?

— Нет!

— Сегодня же будешь повешен.

Устимович отвернулся. Немец прошелся по камере, махнул рукой на Мишу:

— Уведите!

Теперь он опять остался наедине с Устимовичем.

— Ты глупец! Живой останешься — будешь работать. Какой толк, если ты умрешь? Еще не поздно, подумай!

Немец достал из кармана большую трубку, набил ее табаком, прикуривая, спросил:

— Кто руководит партизанским отрядом? С кем еще имеют партизаны связь? Отвечай только на эти вопросы.

— Ничего не знаю. Вы должны знать это лучше меня. Вести наблюдение за партизанами в мои функции не входит!

Увидев, что немец потянулся за пистолетом, Устимович бросился на него, но в дверях показались жандармы…

Весь окровавленный, избитый, лежа вниз лицом на полу, очнулся он в своей камере. С трудом поднял голову — темно.

Устимович сделал попытку подняться, но не смог. Собрав последние силы, он добрался до окна. Встал и тут же снова рухнул на пол.

Жандармы, пришедшие утром в камеру, чтобы вести Петра Устимовича на очередной допрос, нашли безжизненное тело.

ЗАСАДА

После убийства коменданта села Козин и предательства Миши в селах Поток, Македоны, Дудари и других была арестована большая группа подпольщиков. Многие из них сидели в мироновской тюрьме.

В отряде обсуждался вопрос об освобождении товарищей.

С этой целью было специально созвано собрание отряда. Из Македон пришел дед Михаил и сообщил, что Марию Абраменко привезли в село для допроса, а ночью собираются отправить в Ржищев. Тотчас же было принято решение отбить Марию. С этой целью были посланы десять партизан на шоссейную дорогу Македоны — Ржищев, чтобы устроить там засаду. В группе были Иван Кузьмич Примак, Николай Михайлович Попов, Федор Нагайцев, Иван Гаман, Василий Клопов, я и другие.

К месту засады мы прибыли ночью. Решаем, как лучше расположиться. По бокам шоссе — глубокие кюветы, В них надо оставить двух бойцов с гранатами, остальные замаскируются недалеко от дороги. Установили два ручных пулемета.

За пулеметы легли Попов и Иван Кузьмич. Я с гранатой — в кювете.

Ночь тихая, до нас отчетливо доносился лай собак из Македон.

Мы тихо переговаривались, пока со стороны села не увидели огни идущих в нашу сторону машин.

— Приготовиться! — послышалась команда Ивана Кузьмича.

Все заняли свои места. Прошло еще немного времени. Постепенно огни приближались. Теперь отчетливо был слышен гул моторов.

Вот машины от нас метрах в пятидесяти, не больше.

— Огонь! — раздалась команда.

Машины остановились.

— Вперед! — приказал Иван Кузьмич.

Мы бросились к машинам. Из одной послышались крики, я узнал голос Марии. «Значит, жива!» Немцы открыли огонь.

Я видел, как бежавший со мной товарищ, вскрикнув, упал на землю. Я подбежал ко второй машине и бросил в кузов гранату. Взрыв снес кузов. Послышались стоны и крики раненых.

Мы с Гаманом подбежали к головной машине, именно оттуда был слышен голос Марии и еще какого-то русского. Я прыгнул в кузов. Рядом с Марией стоял, высоко подняв руки, плечистый мужчина.

— Примак, Примак! — кричал он. — Я — Синявский! Не

стреляйте!

Иван Кузьмич окликнул меня:

— Вася! Синявского пока не трогай! Разберемся.

Оказывается, Примак и Синявский в детстве учились в одной школе. В начале войны Синявский стал работать у немцев. Правда, он помог Ивану Кузьмичу бежать из немецкой комендатуры, куда тот попал во время облавы. Это и заставило Примака пощадить предателя. Он собирался использовать Синявского для освобождения арестованных товарищей.

Я не удержался и стукнул прикладом Синявского. Его подхватил Василий Клопов и поволок к Примаку.

Синявский был начальником мироновской районной полиции, и то, что мы взяли в плен такую крупную «птицу», было большой удачей.

Я поднял на руки тяжело раненную Марию. К машине подоспели товарищи, мы осторожно перенесли ее через кювет и положили на траву.

У Синявского мы изъяли все протоколы допроса мироновской полиции. Из двенадцати немецких офицеров и тринадцати полицейских, ехавших на двух машинах, один убежал.

Клопов доложил Ивану Кузьмичу о неисправности вражеских машин. Я собрал оружие и боеприпасы и подошел к Ивану Кузьмичу. Тот говорил с начальником полиции.

Абраменко Николай Михайлович — командир партизанского взвода. **Абраменко Мария** — подпольщица.

— Во что бы то ни стало, — наказывал он Синявскому, — устрой побег нашим товарищам. Для этого тебе дается десять дней. Не выполнишь — смотри, найдем под землей! Тогда пеняй на себя!

Начальник полиции дрожащим голосом заверял:

— Выполню, выполню. Все сделаю…

Впоследствии оказалось, что Синявский своего слова не сдержал. Это было нам горькой наукой: врагу, предателю верить нельзя.

ЛИЦОМ К ЛИЦУ

Нам предстояло взорвать мост, через который немцы день и ночь гнали машины с продовольствием. Задание было важное и опасное. Опасное потому, что добираться до моста нужно было долго, и мы сомневались, успеем ли сделать это за ночь. Днем же двигаться было нельзя.

— Да, трудно… — сказал Иван Кузьмич Примак. — Но приказ выполнять надо.

К этой операции мы готовились несколько дней. Приготовили взрывчатку, отобрали людей. Выехали вечером. Отдохнувшие кони легко несли наши повозки.

Когда мы подъехали к большой дороге, идущей слева от села Ромашки, уже совсем стемнело. Чтобы добраться до села Македоны, необходимо было проехать двадцать четыре километра. Македоны снова стали центром нашей подпольной организации, и побывать там мы должны были во что бы то ни стало.

— Хлопцы, погоняйте, погоняйте! — торопил Иван Кузьмич.

Нам предстояло с ходу проскочить шоссейную дорогу, идущую через село на станцию.

Я спросил Примака, где нам в случае чего провести следующий день.

— Только не в Македонах, — ответил он. — В селе оставаться нельзя: мы невольно выдадим наших товарищей. Если нам удастся выполнить операцию, можно доехать до хутора Кулешова и остановиться там. Более подходящего места нет.

— Я тоже такого мнения, — сказал начальник штаба отряда Федор Нагайцев.

— Но скрытно заехать в хутор нам едва ли удастся. Как раз у въезда находится дом Середы.

— Кто этот Середа?

— Кулак. Когда-то был раскулачен и выслан. Потом вернулся и сейчас свирепствует. Из-за него погибло немало наших товарищей.

В час ночи мы приехали в Македоны. Ночную тишину временами нарушали одиночные выстрелы и лай собак. По выстрелам мы определили, что патруль немцев находится далеко от дороги. Это хорошо. Мы благополучно выехали на противоположную окраину села и направились на розыск боеприпасов, зарытых где-то здесь еще года полтора назад. Отыскали их с большим трудом. Откопали три железных ящика с гранатами и винтовочными патронами. Не задерживаясь больше,

немедленно направились к хутору Кулешову. Светало. Мы благополучно объехали дом Середы и свернули к первому, по виду заброшенному, сараю. Ехать дальше было опасно. Начальник штаба, оставив нас всех в сарае, направился в дом и скоро привел хозяина и его жену.

Хозяин, бледный как полотно, буквально дрожал от страха.

— Если узнают немцы, что я буду делать? — беспокоился он.

— Не узнают.

— А соседи?..

Пока Федор разговаривал с хозяином сарая, мы достали из ящиков гранаты, патроны и принялись их протирать. Иван Кузьмич сидел на круглом чурбаке и чистил замок от пулемета.

Он стал расспрашивать хозяина и его жену о местных новостях. Время шло.

Мы привели в порядок боеприпасы, почистили оружие. Тут начальник штаба подошел к Ивану Кузьмичу и заметил:

— Послушайте, доносятся какие-то голоса.

Мы с оружием в руках подбежали к углу сарая и прислушались.

— Фашисты! Идут сюда. Быстрее запрягайте лошадей! — приказал Примак.

Быстро запрягли лошадей и поскакали что было силы из хутора. На самой околице лицом к лицу столкнулись с врагом. Немецкие солдаты во главе с офицером спешили отрезать нам путь к лесу.

— Ребята, огонь! — крикнул Примак, выхватывая револьвер.

Прорываясь через вражескую цепь, партизаны расстреливали фашистов в упор. Сытые, хорошо откормленные кони стремительно вынесли нас вперед. Опомнившись, немцы открыли беспорядочную стрельбу.

— Я ранен, — простонал пулеметчик Василий Клопов и упал на колени начальника штаба.

За пулемет лег Иван Кузьмич.

Когда мы выехали за хутор, я с комиссаром Данилой Витряком на ходу спрыгнул с телеги. Мы залегли и стали огнем прикрывать отход товарищей. Фашисты остановились, но зато усилили огонь. Пули не давали поднять голову.

Я оглянулся, чтобы посмотреть, далеко ли ушли наши товарищи, и помертвел.

— Комиссар! — закричал я. — Наши остановились. Они ждут нас. Скорее побежали к ним!

— Не могу. Ранен.

Подхватив обессилевшего Витряка, я потащил его к остановившейся подводе. Враги по-прежнему вели по нас

прицельный огонь. Нас спасло то, что Иван Кузьмич метко пустил ответную пулеметную очередь. Так, под прикрытием пулеметного огня, мы с трудом добрались до телеги. Товарищи подняли комиссара и уложили рядом с Клоповым.

Клопов Василий Матвеевич — командир партизанского взвода.

Положение было тяжелое. Мы свернули с дороги и ехали по перепаханной ухабистой земле. Иван Кузьмич приказал мне:

— Вася, ищи дорогу! Только быстрее, — и махнул рукой в сторону Мироновки.

Я бегом кинулся вперед. Но напрасно я метался по полю. Дороги не было. Тем временем товарищи мои удалялись на восток, к лесу. Мне ничего не оставалось делать, как догонять их.

Вот они выехали на высокий бугор, немецкие пули свистели им вслед. Но все же им посчастливилось скрыться.

Тогда враги весь огонь перенесли на меня. Вскоре я понял,

что стреляют они поверху. Заставив залечь, они собирались захватить меня живым. Похоже, что бежать теперь некуда: кругом враги. Впереди, в двух километрах, село Поток, там тоже немцы. Еще дальше — Мироновка, и там стоит гарнизон. «Неужели плен?» — обожгла тревожная мысль. Ни раньше, ни в последующих переделках я не испытывал большего страха, чем в ту минуту.

«Нет, лучше смерть!» — решил я и перезарядил свой пистолет. Враги приближались. Я стал уходить от них короткими перебежками. От пыли и жары я задыхался.

Я не боялся смерти в бою, но обидно было, что приходится умирать так, одному, а не на глазах верных друзей.

А немцы определенно хотели взять меня живым. Ну нет, не дамся! Пока у меня есть патроны, буду отстреливаться до конца.

Но что делать, если немцы тяжело ранят меня и не будет даже возможности покончить с собой?..

С отчаянием посмотрел я в ту сторону, куда скрылись мои друзья, и к своему удивлению увидел подводу, на которой ехали двое. Они торопливо погоняли лошадей. У меня мелькнула мысль, что это полицейские. Я решил истратить на них оставшиеся патроны и на телеге попытаться удрать.

Оглянувшись на приближающихся немцев, я, спотыкаясь, побежал вперед. Когда до телеги оставалось метров сто, враги разгадали мои замыслы и опять открыли огонь. Но я уже успел подбежать к подводе. Даю знак остановиться. Те двое послушно и испуганно натягивают вожжи. Нет, это не полицейские. С телеги слез старик с густой длинной бородой, за ним молодой парень. Я крикнул им:

— Скорее распрягайте, живо!.. — и показал пистолет.

Молодой парень быстро распряг рослого рыжего коня, подвел его ко мне. Я вскочил на коня.

— А теперь удирайте, убьют! — сказал я и поскакал на бугор.

Когда я посмотрел назад, то увидел, что старик с парнем на другом коне быстро мчатся в противоположную сторону. Я был очень доволен тем, что они убегают от немцев.

На полном скаку я перевалил за бугор и здесь, к удивлению своему, увидал товарищей. Они очень обрадовались моему появлению.

— Чего вы стоите? — спросил я у начальника штаба.

— Разве не видишь? — ответил он, показывая на лежавшего с распоротым брюхом коня.

Мы быстро запрягли в телегу мой «трофей», и раненых товарищей в сопровождении начальника штаба отправили в лес.

От немцев мы ускользнули, но основное наше задание пока

осталось невыполненным. Мы решили с Примаком во что бы то ни стало довести дело до конца. Отсюда до моста оставалось километров пятнадцать.

Тщательно замаскировавшись в глухой лощине, мы просидели там дотемна. А среди ночи благополучно добрались до моста. Этот красивый, длинный мост был построен умелыми руками наших земляков из Мироновского района. Уничтожать его было жалко. Но что поделаешь! Мы взорвали его.

СЕРДЦЕ МАТЕРИ

Из деревянного дома, стоявшего на южной окраине маленького приднепровского села, с ведром в руке вышла высокая немолодая женщина. Указав немецкому солдату на ведро, она дала знать, что идет по воду. Солдат лениво осмотрел ее с головы до ног, махнул рукой. Женщина быстрыми шагами направилась к реке.

Выйдя на берег Днепра, присела, огляделась. Она хорошо знала, что бежать из села невозможно. До самого берега село оцеплено немецкими солдатами. Вокруг села установлена стометровая зона, появление в которой запрещено под страхом смерти. Преодолеть бы эту зону, дальше будет безопасно. Женщина решила проделать опасный путь по воде.

Она сидела у реки долго, прислушиваясь и дожидаясь темноты. В селе тишина. Только временами слышны голоса немецких часовых.

Женщина поставила ведро, вошла в воду и быстро поплыла по течению. Под покровом темноты она благополучно миновала опасную зону. Вот уже не слышно ни лая собак, ни голосов немецких часовых.

Спижевая Софья Ефимовна — партизанка-разведчица.

Спижевой Константин Иванович — командир партизанского отряда.

Гром Михаил Антонович — командир группы.

Власенко Семен Григорьевич — командир партизанского взвода.

Усиливающийся ветер гонит крупные пенистые волны. Женщина подплыла к берегу. Ухватившись за прибрежный кустарник, она выбралась из воды.

Немного отдохнув, стала карабкаться на высокий берег, Здесь, оглядевшись и выжав одежду, женщина вошла в мелкий кустарник и направилась к лесу.

Глубокой ночью добралась до дремучего леса. Усталая, не в силах идти дальше, подошла к высокой сосне и села. Опершись спиной о дерево, она просидела так до утра.

Как только начало светать, женщина медленно встала и углубилась в лес. Шла она долго. Где-то здесь должны были быть партизаны, где-то здесь находился ее сын.

— Стой! — вдруг окликнул голос.

Она быстро обернулась — шагах в десяти стоял с автоматом в руках молодой человек, На его фуражке красная лента. Женщина бросилась к нему и, задыхаясь, заговорила:

— Своя! Своя!.. Иду искать сына. Хочу сказать ему кое-что.

— Кто ваш сын? Как фамилия? — спросил партизан.

— Константин, фамилия Спижевой. Он где-то тут, вместе с вами.

Это была мать Кости — Спижевая Софья Ефимовна.

— Спижевой?..

Услышав фамилию своего командира, партизан подошел к толстой сосне и дернул за конец какой-то проволоки. Это был условный сигнал — вызов командира отряда на пост.

Вскоре вместе с двумя автоматчиками на пост пришел и Константин Иванович Спижевой, командир одного из отрядов в соединении Ивана Кузьмича Примака.

Мать бросилась к сыну, обняла его и зарыдала.

Константин повел ее к штабу. По дороге он узнал от матери о казни своего отца.

В этот день командир партизанского соединения имени Чапаева Иван Кузьмич Примак, комиссар соединения Емельян Демьянович Ломако дали боевой приказ командиру Спижевому о немедленном наступлении на село и об освобождении его от немецких захватчиков.

Многие партизаны, направлявшиеся на операцию, были жителями этого села.

На главном направлении должны были действовать группы Михаила Грома, Ивана Ломако, Карпа Ломако, Василия Сильвестрова, Анатолия Янцелевича. Старая женщина тоже взяла в руки винтовку и пошла вместе с партизанами.

К утру село было полностью очищено от врага. Мать командира с тех пор осталась в отряде и делила с партизанами все тяготы суровой походной жизни.

ЗАПАДНЯ

Иван Кузьмич насторожился, обернулся ко мне и подал знак: «обожди». Прислонившись к ветвистой сосне, он долго и внимательно осматривался. Потом поманил меня рукой: «иди». Осторожно ступая, я последовал за ним.

Уже стемнело. Взошла луна. Свет ее рассеивался в густом лесу, и мы с трудом отыскали свою тропинку. Иван Кузьмич часто останавливался, прислушивался.

— Видишь вон ту одинокую избушку? — сказал он, подозвав меня.

— Вижу…

— Ну, если видишь, так сейчас туда и пойдем. — Он постоял, не двигаясь, потом добавил: — Только тише. И не отставай.

Я старался не отставать, хотя это было трудно: Иван Кузьмич — знаменитый партизанский ходок. Окна домика почему-то не были освещены. «Может быть, у хозяев нет керосина и они сидят в темноте», — думал я. Ивана Кузьмича отсутствие света тоже удивляло. Он обернулся ко мне:

— У них собака была. Пора бы ей уж подать голос. Неужели у Семена Григорьевича побывало гестапо? Немцы и собаку могли пристрелить.

Мы остановились. В лесу стояла необыкновенная тишина. Даже ночных птиц не слышно. Только в недалеком маленьком болотце одиноко квакала лягушка.

— А нам обязательно надо зайти в дом? — спросил я.

— Нельзя не зайти, — ответил Иван Кузьмич и тихонько вздохнул.

— Может быть, я пойду один?.. Безопаснее.

— Это верно, — сказал Иван Кузьмич. — Но Семен Григорьевич тебя не знает. Идти придется мне, а тебе ждать.

В конце концов решили все-таки идти вместе. Домик Семена Григорьевича расположен на крохотной лесной полянке. У самых окон — густой кустарник, а дальше — лес. Иван Кузьмич бесшумно открыл двери и смело вошел. За ним я. В темноте сразу ничего не разобрать. Наконец на печи послышался шорох, кто-то осторожно спустился на пол.

— Беда, Иван, — взволнованно зашептал человек, поздоровавшись с нами. — И зачем вы пришли? Вот уже два дня жандармы караулят нас, меня из дома не выпускают. Теперь мы все пропали.

— Где рация? — спросил Иван Кузьмич.

— Я спрятал, — ответил хозяин, указывая рукой в сторону

леса.

Иван Кузьмич подошел к двери и обнаружил, что она заперта снаружи. Мы оказались в западне. Ясно, что немцы намерены захватить нас живыми. Иван Кузьмич вернулся к нам и стал осторожно наблюдать через окно. Никого не видно. Луна зеленым светом освещает мрачный кустарник. Тихо.

— Окно открывается? — спросил Иван Кузьмич хозяина.

— Да.

— Приготовьтесь. Уйдем через это окно. Что нужно с собой — прихвати, — приказал Иван Кузьмич хозяину. — Вася, дай мне гранаты.

Я снял с пояса две связки гранат. Хозяин через минуту был готов в дорогу.

— Сейчас я открою окно и одну за другой брошу три гранаты, — сказал Иван Кузьмич. — Как только разорвется третья, ты, Семен Григорьевич, прыгай и беги. А мы за тобой следом.

Открыли окно. Хозяин притаился у косяка. Сильной рукой Иван Кузьмич бросил гранаты. Немцы, скрывавшиеся в зарослях, встрепенулись, в беспорядке побежали. Семен Григорьевич, Иван Кузьмич и я выпрыгнули и бросились к лесу.

Справа и слева застрочили автоматы. Я старался не отстать от Ивана Кузьмича. Вдруг сзади вспыхнуло яркое пламя. Я оглянулся и увидел, что запылал дом, в котором мы только что были. Огонь прихватил и кустарник.

Неожиданно я потерял своих из виду. Куда бежать дальше? Я кинулся на дорогу, по которой мы с Иваном Кузьмичом пришли к дому. Вдруг вижу: кто-то впереди мчится со всех ног. Я обрадовался и побежал за ним. Пробежав немного, подумал: почему же впереди только один человек? Ведь должны быть двое! Или они тоже потеряли друг друга? И продолжал бежать.

Выстрелы прекратились, лес стал редеть. Бегущий впереди часто оглядывался. Я мысленно благодарил его: беспокоится, не отстаю ли я. Только через некоторое время я заметил, что впереди бежит… с винтовкой в руках немец! Долго не раздумывая, я выстрелил в него из пистолета. Он вскрикнул, бросил винтовку, остановился и поднял руки. Я подбежал, схватил винтовку и направил в него пистолет. Немец что-то говорил, но я был так взволнован, что ничего не мог понять.

— …Рус гут! — разобрал я наконец и, сам не зная почему, рассмеялся.

Однако мне некогда было выслушивать перепуганного насмерть немца. Предстояло решить, что с ним делать. Я был уверен, что жандармы не станут преследовать нас ночью. Тогда в

голову пришла мысль: а не взять ли немца с собой? Так я и поступил. Приказал ему идти впереди и направился к Днепру.

Уже под утро мы подошли к селу Бучак у реки — условленному месту наших встреч. Пленника я посадил под пышное дерево, которых немало по берегам Днепра, и стал ждать товарищей. Вскоре я заметил лодку, а в ней человека, спокойно гребущего в мою сторону. Я помахал рукой. Рыбак подплыл к берегу, привязал лодку и направился к нам. Увидав немца, он сначала растерялся и вопросительно посмотрел на меня.

— Свяжи-ка, приятель, этому палачу руки, да покрепче, — попросил я рыбака.

Рыбак заулыбался и так крепко связал руки фашисту, что я побоялся за целость его костей.

Скоро пришли и наши. Иван Кузьмич и Семен Григорьевич принесли рацию. Они обрадовались, что я захватил «языка», но еще больше тому, что я остался цел и невредим.

В ГОСТЯХ У ДЕДА МИХАИЛА

Григория Романовича Бедного все звали дедом Михаилом. Его дом был нашей партизанской явкой.

Мы пришли к нему перед рассветом. Осторожно и внимательно осмотревшись, я постучал в окно. На условный стук дверь открыл сам хозяин.

— Плохие дела у нас, хлопцы, — тяжело вздохнул дед Михаил, пожимая руку моему спутнику, партизану Николаю Михайловичу Попову.

— Что случилось? — тревожно спросил Попов. — Кто-нибудь схвачен?

— Пока нет. Но в село часто немцы наведываются. Каждый дом обыскивают, забирают теплую одежду, продукты… — дед Михаил на минуту задумался. — Оголодали, волки, да и русский морозец им перцу поддал. Туго приходится супостатам…

Подробно разузнав о положении в селе, Попов обратился ко мне:

— Что же будем делать, Вася?..

Уже по тону вопроса я понял, о чем думает мой товарищ. Оставаться в селе, в котором немцы, — значит подвергать риску партизанскую явку.

— Конечно, оставаться опасно. Но в такой буран… — начал было я.

Меня перебил дед Михаил:

— Пришли вы издалека. Заморились, не спали. Куда уж вам идти. Да и скоро рассвет, — не успеете уйти. Кругом рыщут немецкие патрули. Оставайтесь лучше здесь. Как говорится, кто рискует, того беда минует. Что бы ни случилось, будем держаться вместе.

— А где мы скроемся в случае чего? — спросил я и подумал: «Раз дед приглашает — значит, знает, что делает».

— В погребе, на чердаке или в сарае вам находиться негоже, — вслух размышлял дед Михаил. — Эти места немцы в первую очередь обыскивают. А надумал я вас спрятать на печке. Она у меня просторная… Ляжете к стене, а я вас подушками да разным тряпьем закидаю. Но будьте наготове: если дам знак, что немцы и туда подбираются, действуйте, как говорится, по обстановке.

Пока мы наскоро закусывали, дед Михаил хлопотал у печки и рассказывал:

— Ночь выдалась метельная. Вряд ли кому захочется шляться по хаткам. Немцы-то больше по двое по дворам ходят. И это

хорошо. Если нагрянут, то вы сумеете с ними, пожалуй, справиться. Не первый раз ведь!..

Старик хитро подмигнул и закрыл двери на крепкий, внушительный крючок.

Подкрепившись, мы быстро забрались на печь и улеглись. Старик замаскировал нас и вышел во двор. Сквозь дрему я слышал, как, шаркая ногами по земляному полу, ходит его старуха Евгения Максимовна, убирает со стола, гремит посудой. Согревшись на печи, мы как-то незаметно заснули. Очнулся я от могучего храпа своего товарища. Казалось, звенели стекла. Толчком в бок я разбудил Попова.

— Ты совсем не умеешь спать, — упрекнул я его. — Всех немцев в селе переполошишь своим богатырским храпом.

Попов удивленно посмотрел на меня, улыбнулся и покачал головой, признавая свою вину. Давно наступило утро. Старик все еще расхаживал по двору, охраняя нас. Мы пролежали с час или больше прислушиваясь. Печь сильно нагрелась. Мы вспотели и вынуждены были подкладывать под себя ладони. Попова стал одолевать кашель. Он зажимал рот руками и старался не дышать. На нашу беду, в дом вошли, громко смеясь и разговаривая, две женщины.

— Как же ты удрала от своих постояльцев? — спросила одна другую.

— Напились они до смерти, немчура проклятая. Как только в обнимку ввалились в дом, я спряталась за дверью. Прошли в горницу, а я схватила пальто — и на улицу.

— Ох и громят, наверное, они твою хату!

— Пускай громят. Ничего там путного не осталось. Еще в прошлый раз все забрали.

Женщины не собирались уходить. Разговорам их не было конца.

— Эй, соседки! Что это вы расшумелись? К нам еще гости не жаловали. А ну как заявятся — и нам и вам несдобровать, — сердито сказала хозяйка.

— Правду мамаша говорит. Пошли. Но куда идти? — спросила одна из женщин.

— Пойдем к Марии Дротик. У нее фашисты уже побывали. Больше, видно, не придут.

Женщины ушли. Когда шаги их затихли, хозяйка подошла к печке и окликнула нас:

— Поднимайтесь, хлопцы, пора горяченького поесть. Сколько вы там закусили ночью! А дед пока пусть еще покараулит.

Мы поднялись, размялись, быстренько умылись и сели к столу. После завтрака Попов закурил. Чтобы не слышно было

запаха табака, дым выпускал в печную трубу.

— Николай, — посоветовала хозяйка Попову, — пока нет в доме чужих, ты бы еще соснул. Уж больно ты храпишь, сынок.

— Да, поспать — это неплохо, — согласился Попов и полез на печь.

Я остался сидеть за столом. Мне нужно было занести все события последних дней в записную книжку. Записи я делал арабским шрифтом, и никто из немцев не мог разобраться в них. Эта работа заняла у меня около трех часов.

Внезапно вбежал дед Михаил.

— Прячьтесь! Немцы идут, двое! — испуганно проговорил он и снова выскочил на улицу.

Я шмыгнул на печь и разбудил друга. Мы быстро приготовились. Попов лег вниз лицом, крепко сжимая в руке пистолет, я удобно устроился на левом боку. Немцы, видно, уже встретились с дедом на улице: до нас доносились их голоса. Вот они вошли в сени, слышно, полезли на чердак. Гулко затопали кованые сапоги над головой. Кричат, ругаются, но слов разобрать нельзя. Вот они ввалились в хату. Затаив дыхание и превратившись в слух, мы лежали, готовые ко всему…

Один из фашистов, выкрикивая ругательства, стал шарить под печкой, перетряхивать деревянный сундук, стоявший у двери. Они привыкли все брать без спросу, как свое. Видимо, поиски ничего не дали. Немцы рассердились.

— Большевик! — заорал вдруг фашист и ударил деда по щеке.

— За что бьешь старого человека? — заплакала хозяйка.

Слезы женщины подзадорили палачей: они, как по команде, набросились на обоих стариков и стали избивать их. Лежать и ждать в бездействии нам стало невмоготу. Попов моргнул мне и спрыгнул с печи. За ним я.

— Руки вверх! — крикнул Попов.

От неожиданности фашисты так растерялись, что не могли даже поднять рук, хотя наша партизанская команда была им очень хорошо известна. Дед Михаил поднялся с пола, выхватил винтовку из рук одного немца и несколько раз крепко двинул его прикладом.

Фашистов разоружили, связали и заперли в погреб. Дед стерег их до темноты. А когда в селе затихло, мы вывели их в поле и расстреляли. Простившись с дедом Михаилом, мы отправились в соседний Мироновский район, где ждали нас другие партизанские дела.

ИЗ КОГТЕЙ СМЕРТИ

Темная, глухая камера-одиночка. Светловолосому юноше-узнику можно дать и двадцать и тридцать лет. Он молод, но месяц заточения в фашистской тюрьме, пытки сильно изменили его внешность. И не только внешность. Движения его нервны и порывисты. И лишь горящие глаза говорят о могучей, скрытой до времени душевной силе.

Вот он срывается с места, подбегает к дверям, прислушивается. За дверью — голоса немецких часовых. Взгляд его падает на маленькое тюремное окошко с толстой железной решеткой. Долго смотрит он на него, потом сердито отворачивается, с сожалением покачивает головой.

Ржаво скрипнул тяжелый замок. Узник обернулся, но не встал. Дверь отворилась, вошел громадного роста, широкоплечий гестаповец. Он что-то рявкнул. Юноша вышел в коридор.

— Партизан! Большевик! — прорычал немец и больно ударил его.

Серая овчарка на поводке, словно подражая хозяину, злобно зарычала. Юноша с ненавистью посмотрел на пса и на немца.

Его и других узников вывели во двор. Прошло довольно много времени, прежде чем широко открылись большие тюремные ворота. Во двор въехала легковая машина, за ней — два крытых брезентом грузовика. Узников быстро выстроили в шеренгу, проверили по списку и рассадили по машинам.

— Здравствуйте, товарищи, — поздоровался юноша с попутчиками. — Друзья, не знаете ли вы, куда нас везут?

Никто не ответил. В темноте он не мог видеть лиц товарищей по несчастью, и от этого ему стало как-то не по себе.

— Почему молчите? — опять спросил он.

— Тише, нас подслушивают… — тихонько отозвался кто-то.

Машины тронулись, заревели моторы.

— Нас везут в харьковскую тюрьму. Мы отправились на юго-восток, — сказал кто-то тоненьким голосом.

— Нет. Мы едем на запад. Нас, по-моему, везут в Киев…

— Нет, друзья, нас везут на расстрел. Не успокаивайте себя. Нас ждет смерть, и если мы ничего не придумаем… Я месяц был в ахтырской тюрьме и не смог убежать, Не представлялось случая. А сегодня мы во что бы то ни стало должны бежать, — твердым голосом проговорил юноша.

Алексеенко Григорий Давыдович — комиссар партизанского отряда.

Это был Григорий Давыдович Алексеенко — командир небольшого партизанского подразделения, созданного в селе Ахтырка, уроженцем которого он был. Однажды в неравной схватке фашисты захватили раненого юношу и посадили в тюрьму. Его жестоко пытали, но ничего не добились, и вот сейчас вместе с другими патриотами везли на расстрел.

— Родные мои, — опять заговорил Алексеенко. — Видите, машина свернула с тракта. Мы едем в сторону Ворсклы.

— Сильная охрана. Как же мы убежим? — вырвалось у кого-то.

— Брат мой! Неужели ты не рискнешь? Все равно убьют. Чем пассивно ждать смерти, лучше попытаться спастись, — убеждал Алексеенко. — Я знаю эти места. Бежать надо к Белым пескам, в

сторону реки.

В машине притихли. Почти никто не верил в возможность побега. Некоторые надеялись, что все обойдется: в тюрьму, а не на расстрел везут их. Но Григорий Алексеенко твердо знал, что ожидает узников, и продолжал:

— Как только выйдем из машины, я свистну. По этому сигналу — всем бежать врассыпную, Я уверен — многие спасутся. Местность здесь кругом песчаная — на машинах за нами не смогут гнаться. Кто переплывет реку — спасен! За речкой, вы сами знаете, начинаются леса. Там — партизаны.

Снова тяжелое молчание, Каждый хочет спастись, каждый мысленно прощается с жизнью.

Машину последний раз тряхнуло на кочках, и она остановилась. Раздалась отрывистая команда, людей стали выгонять из кузова. Алексеенко слез с машины последним. Проходя мимо товарищей, кивнул им в сторону темной просторной степи.

Палачи приказали строиться обреченным на краю глубокой ямы, Алексеенко огляделся, и сердце его тревожно забилось. Часть конвойных замешкалась у первой машины. Самое время подавать сигнал. Сунув два пальца в рот, он пронзительно, по-разбойничьи, свистнул и кинулся бежать. Охрана на какое-то мгновение опешила. Это спасло многим жизнь.

Алексеенко бежал в сторону Ворсклы. Сзади раздавалась стрельба, крики, злобный лай собак. Пробежав метров триста, он задохнулся и, обессиленный, упал на песок. Прячась за бугром, оглянулся и увидел троих преследователей.

С трудом заставил он себя подняться и снова бежать. Увязая в рыхлом песке, добрался до берега реки и свалился, настигнутый пулей. Ему прострелили левое плечо. Алексеенко пополз к воде. Вот и река! Некоторое время он ничего не слышал, кроме шума воды. Придя в себя, поплыл к противоположному берегу. Мучительно долго тянулось время. Наконец показался берег, а на нем… враги! Алексеенко поплыл дальше, вниз по течению. Легкая волна выкинула его на отлогий берег, и снова вокруг слышалось жужжание пуль.

Но Алексеенко был уже в кустах. Превозмогая боль в плече, он упрямо полз и полз. Впереди была свобода, друзья-партизаны, родные советские люди!

Так появился Алексеенко в нашем партизанском отряде. А вскоре к нам добрались и те, кого не настигли пули фашистских карателей в ту страшную ночь. Все они стали отличными бойцами, беззаветно сражались с врагом.

БЕГЛЕЦЫ

Лагерь для военнопленных окружен четырьмя рядами колючей проволоки. Высота каждого ряда около четырех метров. На ночь в проволоку подается ток высокого напряжения. На вышках вокруг лагеря день и ночь стоят немецкие часовые с автоматами и пулеметами. Лагерь охраняется и с наружной стороны. Там беспрерывно патрулируют немецкие автоматчики.

Внутри лагеря вдоль южной стены глубокий, около двух метров, ров. Сюда сбрасывают трупы военнопленных, которые ежедневно десятками погибают от голода, болезней и жестоких побоев. В лагере построена высокая труба. К ней приставлена лестница, по которой гонят раздетых догола людей. Потом их сбрасывают в трубу.

В центре лагеря три длинных барака. Они набиты до отказа, и многие военнопленные ютятся под открытым небом, на сырой земле. Разутые и раздетые, опухшие от голода и побоев, люди едва передвигаются. Кажется, достаточно легкого дуновения ветра — и они упадут. И они действительно падают, и многие уже не встают.

Есть в лагере еще один барак. В нем находятся более или менее трудоспособные военнопленные. На заре их выводят группами и в сопровождении конвоя и овчарок гонят на работу. Возвращаются пленные только поздно вечером. Искалеченных, истощенных и обессилевших отделяют и переводят в общий барак. Тех, кто попал сюда, ждет неминуемая и близкая смерть.

…Темная ночь. Моросит мелкий, колючий дождик. Из отдаленного барака вышли трое и бесшумно двинулись к центру лагеря. Там к ним присоединились еще двое. Все вместе крадучись двинулись к северо-восточной окраине лагеря. Ползком, следуя друг за другом, подобрались к колючей проволоке. Гигантского телосложения человек осторожно и ловко перерезал проволоку стальными ножницами. Эти ножницы ему передали сегодня рабочие станционного депо. Они же достали и резиновые перчатки.

Рабочие ждут пленных в условленном месте.

Дождь усилился, подул холодный ветер. Когда были перерезаны три ряда проволоки, послышался сигнал «остановись»: товарищи заметили опасность. Все пятеро плотно прижались к земле, замерли. Мимо шел часовой… Он ничего не заметил. Передний, поправив резиновые перчатки, снова стал резать и отгибать проволоку, расширяя проход.

Наконец перерезана последняя проволока. И снова тревога:

послышались голоса патрулей. Пленные залегли, сдерживая дыхание. Хлюпая по жидкой грязи тяжелыми сапогами, немцы подошли почти вплотную. Неужели заметили? Если они сейчас зажгут фонарь, придется часовых убить. Так было условлено заранее. Немцы, укрывшись плащ-палатками, закурили. Блеснул слабый огонек зажигалки. Постояв минуту, часовые разошлись: один — вправо, другой — влево.

Проход сделан. Четверо военнопленных выскользнули из лагеря. Пятый поднялся с земли и направился к баракам. Там его ждали товарищи.

Богатырского роста человек, проделавший проход в проволочных заграждениях, — это Кабден Калдыбаев. В ту темную дождливую ночь он вывел из лагеря смерти тридцать пять человек и пробрался с ними в леса Винницкой области, к украинским партизанам. Наш отряд пополнился целым взводом новых храбрых бойцов.

ДЕД ВАСИЛЬ

Самое сложное, самое необходимое в партизанской жизни — это четкая, налаженная связь. Разбросанные в разных концах огромного района мелкие отряды и подпольные группы должны были действовать сообща, по строго разработанному плану, для чего, разумеется, нужна регулярная информация. В отряды из подпольных организаций шло пополнение, штаб партизанского соединения регулярно передавал подполью указания с «Большой земли».

Мне много раз приходилось по приказу командования связываться с подпольем. Дело это было очень трудное. Приходилось пробираться от села к селу через кордоны полицейских и гарнизоны немецких солдат. Об одном таком задании я и хочу рассказать.

…Долго пробирались мы по Понятовскому лесу и наконец, повернув влево, увидели ленту Днепра. У заросшего кустами берега остановились, чтобы разведать подступы к реке. Наш командир Иван Кузьмич подал сигнал осторожно следовать за ним, быстро нырнул в кусты и скрылся. Я поспешил вслед, стараясь не сбиться с дороги в густых зарослях лозняка.

Чтобы не обнаружить себя, мы переговаривались, в случае надобности, на партизанском языке — условными знаками. Выйдя к самому берегу, Иван Кузьмич укрылся за стволом старого тополя, Я тихо подошел к нему и увидел недалеко от нас человека, спешившего куда-то на своей маленькой лодочке. Он стоял во весь рост на середине лодки, изредка отталкиваясь длинным шестом. Лодочник никого не замечал и плыл прямо на нас. Иван Кузьмич вышел из-за дерева и окликнул его:

— Причаливай-ка, братец, дело есть…

Лодочник растерялся, лодка качнулась.

— Сюда, сюда поворачивай! — приказывал Иван Кузьмич.

Тот молча вытащил шест из воды, зацепил им за корягу и быстро пристал к берегу. Незнакомец ловко выпрыгнул из лодки, железной цепью привязал ее за ствол дерева и подошел к нам.

— Здравствуйте, — неуверенно сказал он.

Иван Кузьмич ответил на приветствие и спросил:

— Из какого села будешь?

— Да вот из этого, — ответил он, указывая рукой в сторону села Бучак.

По нашей одежде и по оружию он, конечно, сразу догадался, кто мы такие. Особой радости от этой встречи мы не прочитали

на его лице. Маленькие, глубоко посаженные глаза незнакомца поочередно ощупывали нас без любопытства, но с каким-то скрытым страхом. На все последующие вопросы Ивана Кузьмича он отвечал односложно:

— Не знаю.

— Может быть.

Мы невольно насторожились.

— Нам надо переправиться на тот берег, — сказал Иван Кузьмич.

Незнакомец молча направился к лодке, кивком головы выразив свое согласие.

Только мы отплыли от берега, как вверху показался пароход.

— Греби быстрее! — приказал Иван Кузьмич, строго глядя на лодочника.

Тот налег на весла, греб, широко разбрасывая руки и то и дело оглядываясь на пароход. Мы были в двух десятках метров от берега, когда пароход с нами поравнялся. Большие волны одна за другой накатывались на берег, били в борта нашей лодчонки. Мы положили автоматы на дно лодки, прикрыли гимнастерками кобуры пистолетов и пряжки ремней. Лодочник наблюдал за всеми нашими действиями. Видно было, что на палубе парохода много немецких офицеров и солдат. Некоторые из них рассматривают нас в бинокль.

Мы были уже у берега, но продолжали оставаться в лодке. Скоро пароход обогнул мыс у села Бучак и скрылся за поворотом. Когда выбрались на берег, Иван Кузьмич подозвал лодочника и предупредил:

— Знаешь, что тебя ждет, если ты кому-нибудь скажешь о нас?

— Знаю, — коротко ответил тот.

По дороге Иван Кузьмич заговорил о незнакомце.

— Ты заметил, Вася, какой это замкнутый и странный человек?

— Да, — ответил я и высказал предположение, которое меня волновало с первых минут встречи с этим человеком: — Сам он, наверное, не служит у оккупантов, но кто-то из его близких, пожалуй, работает на них. Может быть, брат или кум. Он, конечно, узнал, кто мы такие, и недоволен встречей. Но выбора у него не было, и он исполнил наше требование.

— Да, пожалуй, так, — мрачно согласился Иван Кузьмич. — Не переношу таких, которые ни нашим, ни вашим. Старается спасти свою шкуру, как-нибудь пережить тяжелое время. Эти люди — тоже наши враги.

Обойдя стороной деревню Комаровка, мы приблизились к

селу Хоцкое. Иван Кузьмич посмотрел на часы.

— Вася, нам осталось всего два часа, — проговорил он. — А идти еще порядочно. Давай поторопимся.

Я хотел было спросить у него, сколько километров осталось нам до места назначения, но промолчал. Иван Кузьмич очень не любил и сердился, когда у него допытывались: «Куда?» «Далеко ли?» «Зачем?»… Так и шли мы молча почти всю дорогу. На западном краю показавшегося впереди села раскинулась молодая березовая роща. Здесь Иван Кузьмич велел мне дожидаться, а сам отправился в село. Вскоре он вернулся и привел с собой человека высокого роста, с орлиным носом на слегка скуластом мужественном лице. Было ему лет пятьдесят, но выглядел он молодо для своих лет, был крепким.

Иванов Вячеслав Алексеевич — руководитель подпольной организации.

— Здравствуй, Вася, как живешь? — спросил меня этот

человек так, словно мы были давно и хорошо знакомы.

Я поздоровался, недоумевая, откуда он меня знает. Может быть, ему рассказывал обо мне Иван Кузьмич? Вдруг откуда-то из-за кустов появился старик с белой бородой.

— Вячеслав Алексеевич! — обрадовался Иван Кузьмич и бросился обнимать пришедшего.

Старик по-отечески нежно приложился губами ко лбу Ивана Кузьмича и тепло проговорил:

— Здравствуйте, здравствуйте!

— Вася, — обратился ко мне Иван Кузьмич, — это и есть тот самый «дед Василь». Он еще в гражданскую войну партизанил. А сейчас он у нас за старшего советчика.

Дед Василь спокойно разглаживал пальцами длинную белую бороду и ласково улыбался.

— Мы, кажется, все уже заочно знакомы. Я хорошо знаю и Васю по рассказам Попова и Ломако, — сказал он.

— А вот он — уроженец села Хоцкого, тоже наш славный подпольщик, — говорит Иван Кузьмич о человеке, который первым появился здесь.

И тот мне опять по-приятельски улыбается.

Иван Кузьмич и дед Василь уединяются и долго о чем-то беседуют. Мы видим, как иногда дед Василь машет рукой в знак протеста, слышим отдельные реплики: «да», «нет», «так нельзя делать». Часа через два позвали и нас.

— Иди, Омелько, и приведи людей, что пришли вчера из Золотоноши, — приказал дед Василь, — да будь осторожен.

Омелько кивнул головой в знак согласия и быстро ушел.

— В Гельмязовский район вчера направился Петр Васильевич Луценко. Хочу послать Процько Илью Артемьевича в Канев… Из этих двух районов можно набрать людей на добрый отряд. Вот тогда немецкие гарнизоны подожмут хвосты, — говорил старик, ласково похлопывая Ивана Кузьмича по плечу.

Иванов Вячеслав Алексеевич — руководитель подпольной организации.

Процько Илья Артемьевич — командир партизанской группы.

— Спасибо вам, Вячеслав Алексеевич. От имени командования партизанского соединения спасибо, — благодарил старика Иван Кузьмич. — Вы много сделали для нас… Теперь я долго не смогу являться к вам лично, а буду присылать надежных людей. Но вы здесь смотрите: если возникнет опасность, идите к нам. Жизнью своей рисковать нельзя…

— Нет. Уйти мне невозможно. Дело бросить не на кого. Я хочу сколотить еще один отряд. Что ж, что опасно? Моя жизнь не дороже вашей. Если умрем, так умрем за родину.

Я слушал и смотрел на деда Василя и удивлялся будничности и простоте, с которой он говорил эти слова. Ветеран двух войн, Вячеслав Алексеевич Иванов по-настоящему горячо любил свою

родину и страстно ненавидел ее врагов. Мне хотелось хоть немного быть похожим на него.

В ту же ночь мы привели в свой партизанский отряд пятьдесят человек из подпольной организации, которой руководил Вячеслав Алексеевич Иванов — дед Василь.

В ГОЛУБОМ ЛЕСУ

На территории Ржищевского района, у северо-восточной окраины села Пии, раскинулся небольшой лесок. То ли оттого, что в нем много сосен, которые зимой и летом стоят в своем пышном сине-зеленом наряде, то ли оттого, что голубой дымок, подымающийся из труб деревенских домиков, виден здесь, местные жители назвали этот лес Голубым. Как бы там ни было, лес с давних времен носит это название.

Маленький лесок имеет и свою примечательную историю. Когда-то здесь было поднято боевое знамя партизан гражданской войны. Немало интервентов и белобандитов полегло в то время от партизанских пуль. Потом пришел долгожданный мир. Голубой лесок залечил свои раны и стал краше прежнего.

…Прошло уже более двух месяцев с тех пор, как наш отряд покинул Голубой лесок и перебазировался в Понятовские леса. Однажды, возвращаясь из дальней разведки, мы с партизаном Иваном Гаманом зашли в этот знакомый нам лесок, пересекли его с севера на юг и на опушке расположились отдохнуть. Решили прокоротать здесь день, а ночью пробираться к себе в отряд.

Родители Ивана умерли перед войной. Самым старшим в семье остался Иван, а на руках у него — трое маленьких детей. Ивану восемнадцать лет. Похож он на татарина и, пока не заговорит, не подумаешь, что он украинец. С первых же дней немецкой оккупации он связался с подпольщиками и стал активно участвовать в работе организации. Ему, как комсомольцу, часто приходилось выполнять ответственные задания.

Находясь в подполье, Иван не забывал сестренок и брата, заботился о них. Можно было подивиться его настойчивости и энергии. Никогда и никому он не жаловался на трудности. Как только организовался партизанский отряд, Иван пришел в него вместе со своими двумя сестренками.

…Настроение у моего приятеля испортилось сразу, как только мы подошли к лесочку. Он шел по лесу задумчивый, хмурый, а когда присели отдохнуть, невесело заговорил:

— Эх, Голубой лес, Голубой лес! Как же ты не сумел укрыть моего Мишу, спасти моего маленького брата?.. Ты сохранил и уберег так много хороших людей! И он надеялся спастись под твоим могучим зеленым шатром…

Ваня закрыл лицо руками и горько заплакал. Как мог, я старался утешить его.

— Ваня, перестань. Разве слезами вернешь Мишу? Ничего не поделаешь — война, — говорил я другу.

ПОХОД

— Мы расправимся с этими палачами. Ждите. Я скоро приду, — сказал нам Сергей Минович и тихонько вышел из сарая.

Вдвоем с Василием Клоповым мы около часа просидели в сарае, чутко прислушиваясь к тому, что творится во дворе.

Между сараем и домом стоит грузовая машина, крытая брезентом. До нас изредка доносится чужая речь. В доме веселятся немцы. С крыльца спускается человек, еле держась на ногах, идет к машине.

Цепляясь за борта, пьяный кое-как добирается до кабины, долго тянет за ручку, но открыть дверцу не может. Вот он покачнулся, чуть не упал, шарит в карманах, очевидно, разыскивая ключ.

— Смотри, он не стоит на ногах. Что, если заткнуть ему глотку и втащить в сарай? — шепчет мне Клопов.

— Нельзя. Может быть, в доме не все пьяны. Кинутся искать пропавшего, и все наше дело провалится, — отвечаю я, хотя самому до смерти хочется расправиться с фашистом.

Пьяный немец наконец открыл дверцу и забрался в кабину. Через некоторое время раздался его густой храп. Это нам не понравилось: немец проспится и может помешать. Вот в дверях дома появляется крупная фигура Сергея Миновича.

Он подошел к машине, заглянул в кабину и, удовлетворенно махнув рукой, направился к нам.

— Идемте. Алексей Васильевич там сам порядок наводит. А этот пусть пока отдохнет.

Сергей Минович ведет нас в дом.

В доме хозяйничает Алексей Крячек. Когда мы вошли, он старательно связывал руки немецкому солдату, уронившему пьяную голову на стол. Клопов и я помогли ему связать еще троих мертвецки пьяных солдат и офицеров. Спеленали и солдата, сладко похрапывавшего в кабине. Нашими пленниками оказались жандармы из Переяслава. Они приезжали в село Вьюнище «заготавливать» продукты. Все награбленное мы возвратили населению.

В эту же ночь, проехав на захваченной машине километров десять, мы повернули обратно, чтобы замести следы, и укрылись в Хоцких лесах. Под утро остановились в густой березовой роще на восточной окраине Белоозерского лесхоза. Оставив ребят возле машины, я пошел на опушку, чтобы встретить братьев Луценко, которые должны были подойти из села Хоцкого. В лицо я знал только одного из них. Не выходя из леса, я осмотрел поляну и

увидел какую-то женщину. Притаился за березой, слежу за ней. Женщина поставила корзинку на землю и тоже внимательно смотрит вокруг.

«Кто это? Неужели враги напали на наш след?» — подумал я и стал выжидать. Через несколько минут к женщине подошли двое мужчин, в одном из них я узнал Петра Луценко.

— Петя, — окликнул я негромко.

Путники замерли на месте, и в следующую минуту Луценко поспешил ко мне.

— Познакомься, Вася. Это моя жена Люба, а это — брат Федор. Вот и вся наша семья.

— Ну как, повезло вам? — спросила меня Люба, намекая, видно, на операцию в село Вьюнище, о которой она, наверное, узнала от мужа.

— Задание выполнено, — ответил я коротко. — Идемте, ребята ждут нас.

Возвратившись, я не узнал своих друзей. Они раздели жандармов и щеголяли теперь в их обмундировании. Немцев же запеленали в брезентовые палатки.

— Петя, — повернулся я к Луценко, — познакомься с этими «жандармами». Вот этот — наш шофер Василий Клопов. Знает машины всех марок и всех стран, но ни в зуб ногой по-немецки. А этот, что стоит в середине, — Сергей Минович Шпиталь. Он тоже не знает немецкого языка, но всех немцев, которые останавливаются у него на ночлег, умеет благополучно доставлять в партизанский отряд. А вот этот, с краю, — наш доктор-спаситель Алексей Васильевич Крячек.

— Э-э, хоть я его не видал, но много наслышан, — с улыбкой перебил меня Луценко, когда я назвал Крячека. — Мы знаем о его работе в Переяславском районе.

Люба и Федор с любопытством разглядывали переодетых партизан.

— Знакомьтесь, — продолжал я. — Доктор Крячек — начальник санитарной службы будущего партизанского соединения. Он разговаривает с немцами только на своем родном языке. Ну а я, как вы знаете, прямой потомок легендарного Амангельды Иманова, — закончил я шуткой.

Петр Луценко, его жена и брат тепло со всеми поздоровались и сразу почувствовали себя в родной семье. Пришла пора представить и вновь прибывших.

— Петр Луценко, — сказал я, — скромный советский учитель. Люба — его жена, Федор — братишка. Короче говоря, все мы теперь — партизаны. Петр Луценко сослужит нам добрую службу своим великолепным знанием немецкого языка.

— Вот это здорово и очень кстати! — обрадовался Василий Клопов. — Я считаю, что нашему новому товарищу подойдет этот офицерский мундир.

Василий подал Луценко китель с майорскими погонами. Мы все только диву дались, когда Петр Луценко надел немецкую форму: она пришлась ему совсем впору.

…Долго двигались мы лесом по левому берегу Днепра, и наконец наша машина подошла к селу Григоровка, самому крупному в Переяславском районе. Здесь мы надеялись найти переправу и быстро добраться до партизанского лагеря.

В селе размещен отряд полицаев. Чтобы не терять времени, решили переправляться немедленно, пока переяславская комендатура не кинулась искать своих пропавших жандармов и автомашину.

Подъехав к самому берегу, остановились и стали кричать, требуя паром. Два полицая на том берегу, увидев, что прибыла автомашина с немцами, быстро соорудили из двух больших лодок плот и переправили его к нам. Луценко вошел в роль: кричал на полицаев по-немецки и даже ругал их. Те бестолково суетились, не понимая, в чем их вина.

А мы в это время, сидя в машине, ждали переправы. Алексей Васильевич надел на меня черные очки и перевязал лицо бинтом, чтобы меня не опознали. Федора и Любу, которым не хватило немецкого обмундирования, посадили в самый дальний угол кузова и закрыли брезентом. Наконец, подбадриваемые бранью Луценко, партизаны вместе с полицаями закатили машину на плот и двинулись к противоположному берегу. Переправа прошла удачно.

Во время празднований сорокалетия Украинской ССР. Бывшие партизаны во главе с комиссаром **Е. Д. Ломако.**

Чтобы безопаснее проехать по селу, посадили в машину и полицаев. Едем по центральной улице. Жители отворачиваются, принимая нас за немецких карателей. За селом Луценко спросил у полицаев, как проехать в Ходоров. Перебивая друг друга, полицаи охотно показали нам дорогу. Но Василий Клопов повел машину не в Ходоров, куда указали полицаи, а в сторону Понятовских лесов. Проехав немного, машина остановилась, и Шпиталь обратился к полицаям:

— Теперь вам винтовки не нужны, — сказал он по-русски, и вмиг все они были обезоружены. Одну винтовку получила Люба, другую — Федор. Полицаи поняли, что перед ними партизаны. Мы высадили их из машины и поставили лицом друг к другу.

— Ну-ка, посмотрите друг другу в глаза, — приказал Крячек. — На кого вы похожи? Нам хорошо известно, кто вы такие. Вы предали родину, изменили Советской власти. А ведь Советская власть дала вам немало. Мы знаем, что один из вас закончил педагогический институт в Киеве, другой — сельскохозяйственный техникум. И вот вы стали лакеями фашистов, предаете свой народ… Раздевайтесь! — неожиданно закончил Крячек свою речь.

— Простите, нас насильно заставляли пойти в полицаи, — взмолился один, медленно снимая одежду.

— Вот мы покажем вам сейчас прощение, — закричал Шпиталь.

Пленные полицаи просили партизан не расстреливать их, обещали никогда больше не работать на немцев.

— Хорошо, — сказал Крячек. — Мы можем и простить, но только с одним условием: дадим вам задание. Если вы его не выполните, найдем под землей и уничтожим. Говорите: согласны выполнить задание?

— Согласны, — отвечали полицаи.

— Ладно, — согласился Крячек. — Вы теперь уже все равно не будете полицаями. Жандармы вас повесят, как только узнают, что вы отдали партизанам свое оружие и обмундирование.

Партизаны велели полицаям вернуться в село, разузнать, кто и что знает о нашей машине. На их обязанности было и подговорить лодочников, чтобы они молчали о переправе через Днепр.

— Если немцы узнают, что наша машина переправилась у Григоровки, вам не сносить голов, — предупредили их.

Пленные, не веря еще в свое спасение, часто, с опаской

оглядываясь, быстро побежали к селу.

А ровно в полдень мы уже были в Понятовских лесах.

Прошел месяц, и переправа через Днепр стала забываться. Но в партизанском соединении хорошо помнили об удачно захваченной машине и решили использовать ее для давно задуманного похода. Руководить предстоящей операцией взялся сам Примак — командир соединения. Никто, кроме Ивана Кузьмича, не знал, где спрятаны станковые пулеметы патриотами, погибшими на хуторе Юхно, Мироновского района. Наш командир — уроженец этого хутора, и он лучше всех знал местность, где нам предстояло действовать.

Однажды поздно вечером наша машина вышла из Понятовских лесов и направилась в Мироновку. Вскоре мы миновали села Малый Букрин, Ромашка, Дудари. Нам казалось, что мы едем очень быстро, но спидометр показывал тридцать-сорок километров. И на этот раз партизаны были одеты жандармами. Петр Луценко в форме немецкого майора сидел в кабине. Он уже не раз показал свое умение перевоплощаться в немца, и на него были возложены обязанности вести необходимые переговоры с фашистами. Остальные партизаны вместе с Примаком разместились в кузове.

— Ребята, будьте осторожны, — предупреждает нас Примак. — Реку будем переезжать через центральный мост. Другой дороги нет. После той переправы через Днепр мосты на реках охраняют сами немцы.

Машина замедляет ход. Уже темно, а ехать приходится без света. Кое-где на короткое время вспыхивают огоньки фар, и это помогает нам ориентироваться. В высоком небе послышался гул моторов. Он все нарастал, приближаясь к нам, становился гуще, отчетливее.

— Это наши самолеты! Слышите? — внезапно заволновался Крячек.

— Откуда тут взяться нашим? Фронт далеко, — сказал один из партизан и тяжело вздохнул.

— Наши! Наши! — утверждал Крячек. — Так гудят только наши самолеты!

Скоро в северо-западной части Мироновки загрохотали могучие взрывы. Теперь не было сомнений, что бомбардировщики наши! В небе зашарили прожекторы, стали лихорадочно отстреливаться немецкие зенитки, а на земле сразу в трех местах запылали пожары.

Зенитки стреляли все ожесточеннее. Гул самолетов постепенно стих.

Медленно пробирается наша машина. Мы направляемся в сторону пожара. Опять ревут самолеты. На этот раз они идут совсем низко над нами. Снова вспыхивают прожекторы и оглушительно бьют зенитные орудия.

— Молодцы, соколы! — восхищается Примак.

— Это нам на пользу, — вслух размышляет Крячек: — немцы наверняка побегут на пожар, и на мосту может не оказаться охраны.

Зародова Зоя Ивановна — радистка партизанского отряда. Погибла в тылу врага.

— Мост уже недалеко, — говорит Примак и приказывает шоферу: — Вася, включай фары и жми что есть силы!

Иван Кузьмич разделил нас на две группы и поставил к бортам, предупредив, чтобы мы были внимательны. Машина подошла к мосту, в свете фар показалась строжевая будка. Нам навстречу никто не вышел. В будке, как и предполагал Крячек, никого не было. Машина быстро понеслась по дощатому настилу. Мост был большой, и нам, возможно, предстояло встретить часовых на середине или при выезде на берег. Гул самолетов затих, зенитки прекратили стрельбу. Только пожар освещал темное ночное небо.

Действительно, у самого выезда с моста мы увидали часового. Он прохаживался около будки с автоматом наперевес. Примак толкнул меня локтем в бок: будь готов. Я прислонился к самой кабине, крепко сжал пистолет. Не отрываясь, гляжу на часового. Немец вышел на середину дороги и поднял руку,

приказывая остановиться. Машина сбавила скорость и остановилась.

Часовой пошел к кабине, и мы испугались, что он заговорит с шофером. Тот не знал ни слова по-немецки и мог этим выдать нас. Но находчивый Луценко сам выглянул из кабины и закричал:

— Ком!

Часовой оглянулся на окрик и подошел. Луценко что-то прокричал немцу сердитым голосом. Часовой вытянулся в струнку. Машина тронулась.

Выехав на шоссе Мироновка — Козин, повернули к городу, чтобы направить возможную погоню на ложный след. Затем, потушив фары, повернули и поехали в противоположную сторону.

Через десяток километров машина остановилась в большом вишневом саду на окраине хутора Юхно. Вместе с Иваном Кузьмичом партизаны около двух часов кружили по саду: в темноте трудно было найти спрятанное оружие. Все деревья казались одинаковыми. Наконец разыскали яму, откопали два пулемета и три ящика патронов. Быстро погрузили все в машину и двинулись в обратный путь.

На шоссе Мироновка — Козин сзади нас показалась машина с зажженными фарами. Мы прибавили скорость, но через некоторое время убедились, что немецкая машина все равно догонит нас, и, быстро свернув в сторону, скрылись за холмом. Партизаны попрыгали с машины и залегли с оружием наготове. Немецкая машина пронеслась мимо. Мы заметили, что она везет солдат. В Мироновке все полыхал пожар.

Со стороны Козина показались огни быстро идущих машин. Это уже была целая колонна. Пока мы выедем на шоссе, колонна поравняется с нами. Немцы могут распознать нас и легко уничтожить. Но сидеть и ждать, когда пройдет вся колонна, у нас не было времени: скоро рассвет. Решаем вклиниться в колонну.

Приближаемся к дороге, зажигаем фары и — вот мы уже несемся во вражеской колонне. Клопов старается ехать так, чтобы с машин, едущих сзади, не был виден наш номер. Но вот впереди на шоссе образовался затор. Задние машины стали напирать на нас.

Дальше оставаться во вражеской колонне было небезопасно.

— Рискнем? — сказал Иван Кузьмич и приказал шоферу свернуть в сторону, ехать к мосту.

Василий Клопов резко развернул машину, и мы вырвались в степь.

Дороги нет. Машину подбрасывает на кочках, и шофер, чтобы не разбиться, включает свет. А по шоссе, которое мы только что оставили, беспрерывным потоком проносятся немецкие

грузовики.

— Немцы спешат из Канева, — проговорил Иван Кузьмич. — Пожар тушить. Для нас они особой опасности не представляют. Беда может подстеречь нас у моста.

— Если они не заподозрили нас, когда мы проезжали через мост в первый раз, то что они могут сделать теперь? — сказал Процько. — Немцы сейчас заняты пожаром. А если два-три человека и есть на мосту, то с ними как-нибудь справимся.

— Не будем на это рассчитывать, — перебил его Примак. — Именно сейчас на мосту может оказаться добрая дюжина немцев… Готовьте лучше пулеметы. Так будет вернее.

В густом предутреннем сумраке подъезжаем к мосту. На этот раз нас встречают не очень приветливо. Часовой перед самым радиатором закрывает шлагбаум. Луценко выскакивает из кабины и выбегает на освещенное место, чтобы часовой разглядел его майорские погоны. Наш «майор» горячится, ругается, но часовой, кажется, неумолим. Мы не знаем, чем все это может кончиться, и на всякий случай готовимся к бою. Немец разглядел наконец «майора», неторопливо пошел к шлагбауму.

Вдруг позади нас возник свет автомашин. Примак подал команду приготовиться. Почуяв неладное, Луценко выхватил пистолет. Часовой это истолковал по-своему и быстро открыл шлагбаум. Едва Луценко успел заскочить в кабину, как машина рванулась с места и понеслась по мосту. Часовой прислонился к столбу шлагбаума и выстрелил нам вслед.

— Ложись, ребята! Вася, гони! — крикнул Примак, с силой пригибая меня. Мы залегли в кузове. На выстрелы не отвечали, так как все равно не попали бы в часового, который продолжал стрелять.

Клопов выключил фары. Он хорошо теперь знал дорогу и гнал машину на предельной скорости. У выезда с моста нас встретили частыми залпами, но мы прорвались. Пули щелкали по машине, проносились над головами. Через минуту мы скрылись в темноте.

— Все живы? — спросил Иван Кузьмич.

— Товарищ командир, я, кажется, ранен. Что-то очень горячо в правом сапоге, — проговорил Ваня Гаман, с трудом поднимаясь на ноги.

— Алексей Васильевич, осмотри рану, — приказал Примак Крячеку.

— Не надо, — попросил Гаман, — посмотрим в лагере. Меня вроде бы только царапнуло.

— Остальные как? — спросил Примак. — За нами погоня.

Было удивительно, как это немцы не удосужились

организовать надежную охрану моста. Мы проскочили благополучно, но радоваться было еще рано. Грузовики, которые нас догнали у моста, обязательно кинутся в погоню. Мы прибавили скорость.

— Вася, жми быстрей! — кричит Примак Клопову, перегнувшись через борт прямо к окошку. Ты не ранен?

— Нет, — бодро отвечает Клопов, — целехонек! И Петр тоже жив-здоров. Переднее стекло только вдребезги разбито.

— Хорошо, — говорит Примак. — Но за нами гонятся две немецкие машины. Если немцы успели позвонить по телефону в Ржищев, то и навстречу могут выслать солдат.

…У села Дудари мотор зачихал, и машина остановилась. Оказывается, кончился бензин. Мы едва-едва вытянули ее на пригорок. Погоня приближалась. Мы соскочили с машины, быстро сняли пулеметы, патроны, подкатили грузовик к обрыву и столкнули его вниз. Он полетел, кувыркаясь и разваливаясь.

Преследователей решили встретить здесь же. По обеим сторонам дороги расставили пулеметы и сами залегли в канаву. Вскоре показались вражеские машины. Фашисты, видимо, считали, что мы уже далеко за пригорком, и мчались на предельной скорости. Мы внимательно наблюдали за ними. Вот немецкие машины спустились в выемку и стали подниматься на холм. Моторы гудят. Видно, машины тяжело нагружены.

Немцы уже в ста метрах от нас. Мы нетерпеливо ждем команды Ивана Кузьмича. Он сам лежит за пулеметом на пригорке. Нам ничего не видно, кроме яркого света приближающихся грузовиков. Неожиданно громким голосом Иван Кузьмич подает команду. Враз застрочили оба пулемета, раздались винтовочные выстрелы. Разбитые нашими пулями фары на вражеских машинах погасли, но трассирующие и зажигательные пули точно указывали цель. Немцы выпрыгивали из машин и бежали в степь.

Но скоро они пришли в себя и открыли ответный огонь. Силы наши не равны. Кроме того вести бой в темноте очень трудно. Мы решили забросать немцев гранатами. Враги попятились.

Тогда мы подобрались к машинам, забрали оружие и документы убитых фашистов и вывели оба грузовика из строя.

Начинался рассвет. Продолжать затянувшийся бой нашей маленькой группе не было смысла. Захватив троих раненых товарищей, свое и трофейное оружие, мы благополучно отошли в Понятовские леса — на свою партизанскую базу.

РОБЕРТ КЛЯЙН — ГЕРОЙ-ПАРТИЗАН

В нашем партизанском соединении имени Чапаева воевали люди самых разных национальностей. Здесь дрались с врагом русские, украинцы, казахи, татары. Были в отряде и немцы. Об одном из них — Роберте Кляйне — я уже упоминал. Он был смелым, находчивым бойцом. Роберт Кляйн — уроженец Поволжья, до войны служил в рядах Советской Армии.

Великая Отечественная война застала Кляйна уже командиром, в звании старшего лейтенанта. Случилось так, что он оказался в тылу врага в маленьком украинском городке Переяславе. Нечего и говорить, что оккупанты обратили на него внимание. Фашисты создавали в оккупированных районах свою администрацию, пытались наладить хозяйство. Роберт Кляйн, конечно, мог бы им помогать. Немцы доверили ему пост начальника гаража переяславского комиссариата.

Однажды, когда отряды нашего партизанского соединения находились в Хоцких лесах, нам впервые пришлось увидеться с Кляйном. Помню, как-то в штабе шло оперативное совещание с командирами. В разгар нашей беседы в землянке появился дежурный по соединению партизан Алексеенко.

— Товарищ командир, — доложил дежурный, — к нам прибыл какой-то человек из Переяслава. Говорит, что ему очень нужно повидаться с партизанским командиром.

— Пусть войдет, — сказал командир и вопросительно посмотрел на комиссара соединения Емельяна Демьяновича Ломако. Тот молча кивнул ему. Командир взял со стола карту-двухверстку, свернул и спрятал ее за голенище сапога.

На пороге появился высокого роста человек.

— Можно войти? — спросил он и, пригнув голову, шагнул вперед.

— Пожалуйста, — проговорил командир. — Кто вы и зачем пожаловали?

— Я пришел к вам от подпольной организации автомобильного гаража переяславского комиссариата. Меня послал начальник гаража, — начал вошедший, но его перебил возмущенный голос:

— Чего ты мелешь? — сурово спросил командир отряда Тютюнник. — Ведь начальник гаража — немец. Зачем ему понадобилось посылать тебя к партизанам?

Посланец из Переяслава несколько смутился. Но ему на выручку пришел комиссар Ломако, до этого молча сидевший в дальнем углу землянки.

— Что ж с того, что начальник гаража немец? — спокойно возразил Ломако. — Немцы не все одинаковы. Некоторые правильно разобрались в обстановке и давно борются с фашизмом. Не мешайте товарищу. Пусть расскажет обо всем, с чем пришел к нам.

— Да, он действительно немец, — ободренный поддержкой, снова заговорил пришедший, — но он наш, советский. Немец из Поволжья. Правда, фашисты ему доверяют, считают за своего. Но Роберт Кляйн знает свое дело. Это он создал в гараже подпольную организацию. В гараже теперь работают только свои, проверенные и надежные советские люди.

Кляйн считает, что пришло время действовать. Вот за тем-то он и прислал меня к вам. Подпольщики хотят знать, что им предпринять. Они готовы угнать все немецкие машины в партизанский отряд или уничтожить их вместе с гаражом. Подпольщики просят принять их в отряд.

Все обсудив, мы договорились, что гараж должен быть уничтожен. Часть машин вместе с людьми должны были приехать в лес.

Во время этой беседы в штабную землянку вошел один из бывших руководителей Переяславской подпольной организации Илья Артемьевич Процько, ставший затем командиром группы партизанского соединения.

— Михеев?! — крикнул он, увидав посланца из Переяслава. — Жив-здоров? Откуда ты, Алеша?

Они обнялись и расцеловались. Оказалось, что Процько хорошо знал Михеева еще во время своей работы в переяславском подполье. Узнав в чем дело, он очень обрадовался. Недоверие, с которым вначале встретили партизаны Михеева, окончательно рассеялось. Гостя приняли радушно и к вечеру отправили в Переяслав, подробно обо всем условившись.

Намеченная встреча состоялась через несколько дней в районе Хоцких лесов. Хотя мы и были уверены, что встречаем друзей, партизанский опыт требовал от нас принятия всех мер предосторожности. Мы расставили дозоры и секреты в ожидании подпольщиков. Они должны были прибыть к нам на захваченных в гараже автомашинах.

На одном из секретных постов в ту пору находился и я. Мы наблюдали за дорогой со стороны Золотонош и вскоре заметили колонну автомашин.

— Товарищ командир, — доложил партизан Иван Гаман, — вижу машины. Но это, должно быть, не они.

— Почему ты так думаешь?

— Они должны ехать со стороны Переяслава, а эта дорога —

из Золотонош, — ответил Гаман.

— Это еще ничего не значит.

Я взял бинокль из рук наблюдателя и направил его на приближающуюся колонну. Над кабиной передней машины трепетал красный флаг. Я сказал об этом товарищам:

— Они. Флажки над кабинами — это условные опознавательные знаки.

— Правда, флажки. Но почему же они все-таки со стороны Золотонош? — удивлялись партизаны.

— Чтоб замести следы, сбить немцев с толку, — сказал Иван Гаман и удовлетворенно добавил: — Из этих ребят получатся настоящие партизаны.

Наконец машины миновали крайний наблюдательный пост и колонна остановилась. Из леса вышли командир соединения, комиссар, партизаны. Из кабины передней машины быстро выскочил белокурый молодой человек среднего роста, побежал навстречу партизанам, остановился, по-военному отдал честь и четко отрапортовал:

— Товарищ командир партизанского соединения! По решению подпольной организации шоферов, гараж переяславского комиссариата уничтожен. Старший лейтенант Кляйн прибыл в ваше распоряжение с четырнадцатью подпольщиками и колонной из двенадцати автомашин.

Во время доклада Кляйна подпольщики вышли из машин и построились в шеренгу. Командир соединения горячо пожал руку Роберту Кляйну и, обратившись к его товарищам, торжественно сказал:

— Поздравляю вас с вступлением в семью народных мстителей! Поздравляю с успешным выполнением первого задания.

— Служим Советскому Союзу! — дружно ответили ему водители, будущие наши славные партизаны.

Так состоялась и моя первая встреча с Робертом Кляйном, положившая начало нашей крепкой боевой дружбе. Кляйн отважно дрался с врагами. На его счету много дерзких вылазок и налетов на немецкие комендатуры. Обо всем, конечно, рассказать невозможно. Однако мне хочется вспомнить один эпизод из нашей боевой партизанской жизни, который, по-моему, очень ярко характеризует Роберта Кляйна — бесстрашного бойца, настоящего советского человека, пламенного патриота своей Родины.

Однажды партизанская группа получила задание: проникнуть в село Малый Букрин, Переяславского района и уничтожить там комендатуру. Группой командовал капитан Федор Тютюнник. На

задание пошел и переодетый в форму немецкого майора Кляйн. На него в этой операции мы возлагали большие надежды.

В сумерках по тайным партизанским тропам мы вошли в небольшой лесок неподалеку от села. Перед операцией надо было провести разведку. В группе был молодой, лет шестнадцати-семнадцати, паренек Леня Пероцкий, уроженец этого села. Он и вызвался пойти в разведку.

Леня хорошо справился со своей задачей. Ему удалось добыть у местных подпольщиков ценные для партизан сведения: в эту ночь в комендатуре должны были собраться немецкие офицеры. К ним из Золотонош ожидался приезд целого взвода связистов. Все вместе они намеревались двинуться в город Переяслав.

Партизаны направились в село.

План захвата комендатуры был разработан еще накануне. Роберт Кляйн, Геннадий Милентенков и Григорий Алексеенко были одеты в немецкую форму, а на мне была одежда полицая. Нам-то и предстояло первыми войти в помещение комендатуры и разоружить офицеров. Никто из нас, кроме Роберта Кляйна, не знал немецкого языка, и мы обязаны были действовать только по его приказаниям. Малейшая неосторожность с нашей стороны могла испортить все дело.

— С немцами буду говорить я, — предупредил нас Роберт. — Вы будьте наготове. Стрелять только по моей команде.

У входа в комендатуру мы появились столь неожиданно, что почти лицом к лицу столкнулись с часовым. Он было загородил винтовкой дорогу, но Кляйн что-то крикнул ему по-немецки, и часовой вытянулся. Тут же подбежали два партизана и увели его. Мы быстро прошли в кабинет коменданта. Он, видимо, не ожидал в такое позднее время никаких посетителей и потому растерянно глядел на «майора». У коменданта в кабинете находились четыре офицера и несколько солдат. Они также ничего не понимали.

— Руки вверх! — скомандовал Роберт Кляйн. — сопротивляться не советую… Бесполезно.

Под дулами наших автоматов комендант медленно встал со стула и поднял руки. Его примеру последовали офицеры и солдаты. Немцев быстро обезоружили и отвели во двор под охрану партизан. Мы с Робертом поспешили на улицу.

Короткая летняя ночь уже вполне вступила в свои права, а немцев из Золотонош еще не было. Нам же надо было захватить и разоружить их во что бы то ни стало. Ждать, однако, пришлось недолго: из дозора сообщили, что в село въезжает машина с немецкими солдатами. Мы приготовились достойно встретить «гостей».

Партизаны быстро укрылись за домами. Роберт Кляйн вышел

на дорогу и остался у входа в комендатуру. Вскоре послышался рокот мотора и показалась машина. Роберт поднял руку, и машина остановилась. После коротких переговоров немецкий офицер вылез из кабины, отдал какое-то приказание солдатам и пошел вслед за Кляйном в комендатуру.

В кабинете коменданта его быстро разоружили. Офицеру было приказано заставить своих солдат сдаться во избежание напрасного кровопролития. Мы надеялись все сделать без шума, но на улице неожиданно раздались выстрелы. Выскочив из комендатуры, мы обнаружили следующую картину: немецкие солдаты залегли у машины и палили во все стороны. Неизвестно чем бы все это кончилось, если бы не находчивость Роберта Кляйна. Он сбежал с крыльца и закричал по-немецки:

— Мы окружены партизанами! Сдавайтесь! Сопротивление бесполезно.

Солдаты подчинились и подняли руки. Оказывается, пока мы разоружали офицера, два немецких солдата самовольно покинули машину, вошли во двор комендатуры и обнаружили партизан. В панике они бросились обратно и подняли стрельбу. Однако бой закончился быстро. Партизаны захватили много оружия, боеприпасов и продуктов. Утром оружие и пленные были уже на партизанской базе.

Пленных допросили. Коменданта села Малый Букрин, не щадившего партизан и местных жителей, решили предать суду народных мстителей. На суде присутствовали и пленные немецкие солдаты. За совершенные злодеяния коменданта приговорили к расстрелу. Решение суда объявил Роберт Кляйн.

— Почему вы отнеслись ко мне так строго? — спросил комендант.

— Ваши зверства достойны этой кары! — ответил Роберт.

— Ведь вы — немец, — заговорил опять комендант, — а убиваете немца.

— Да, я немец, — строго проговорил Роберт Кляйн, — но мы караем вас не за то, что вы немец, а за то, что вы фашист и палач.

…Вскоре мы узнали, что нашему боевому другу, отважному партизану Кляйну присвоили высокое звание Героя Советского Союза.

Кляйн совершил с партизанским соединением Вершигоры знаменитый рейд на Сан и Вислу, храбро сражался до полной победы над врагом.

Сейчас Роберт Кляйн живет и работает в Орле, руководит крупным автомобильным хозяйством области. Отважный воин, славный патриот, он и сейчас упорно трудится на благо своей великой Родины.

ЭШЕЛОНЫ ВЗЛЕТАЮТ НА ВОЗДУХ

Глубокая ночь. Мы сидим у костров на маленькой лесной поляне, окруженной дремучим лесом. Недалеко в темноте негромко перекликаются дозорные. Мы ждем самолет с «Большой земли». А его все нет и нет.

— Мины… мины… — то и дело, тяжело вздыхая, говорит Бутенко. — Ах, как нам сейчас нужны мины!

На фронте идут тяжелые бои. Враг наседает. День и ночь на восток идут немецкие эшелоны с танками, пушками, снарядами. Вагоны набиты солдатами. Мы все это видим, но далеко не всегда можем помешать немцам, помочь нашим братьям-фронтовикам.

Мы сожалеем, что земля Украины по преимуществу равнинная. Дороги здесь прямые — нет ни крутых поворотов, ни подъемов и спусков, где можно легко спустить под откос любой эшелон.

Чтобы выполнять задания, нам нужны мины. А их нет — они все израсходованы.

— Пять минут четвертого. Почему нет обещанного самолета? — посмотрев на часы, говорю я. — Сегодня нам обязательно потребуются мины. Это единственное, что мы просим у «Большой земли».

— Если самолет не прилетит, — отвечает грустно Бутенко, — мы прозеваем важные эшелоны.

Немецкие эшелоны шли по железной дороге Казатин — Киев. Эта очень важная для немцев магистраль хорошо охранялась и действовала более или менее нормально. Вот почему мы должны были как можно скорее вывести ее из строя. Нам нужны, нужны мины во что бы то ни стало и как можно скорей!

Наконец где-то в темном небе послышалось монотонное комариное жужжание. Но только тогда, когда напряженный от долгого ожидания слух воспринял характерный рокот нашего авиационного мотора, мы все облегченно вздохнули. Через некоторое время самолет пролетел над тремя специально зажженными кострами и стал кружить. Командир выхватил ракетницу, и в небо одна за другой взлетали три ракеты. Снижаясь с каждым кругом вес больше, самолет сбрасывал парашюты.

— Считайте, сколько парашютов! — крикнул я товарищам, и все быстро разбежались по поляне.

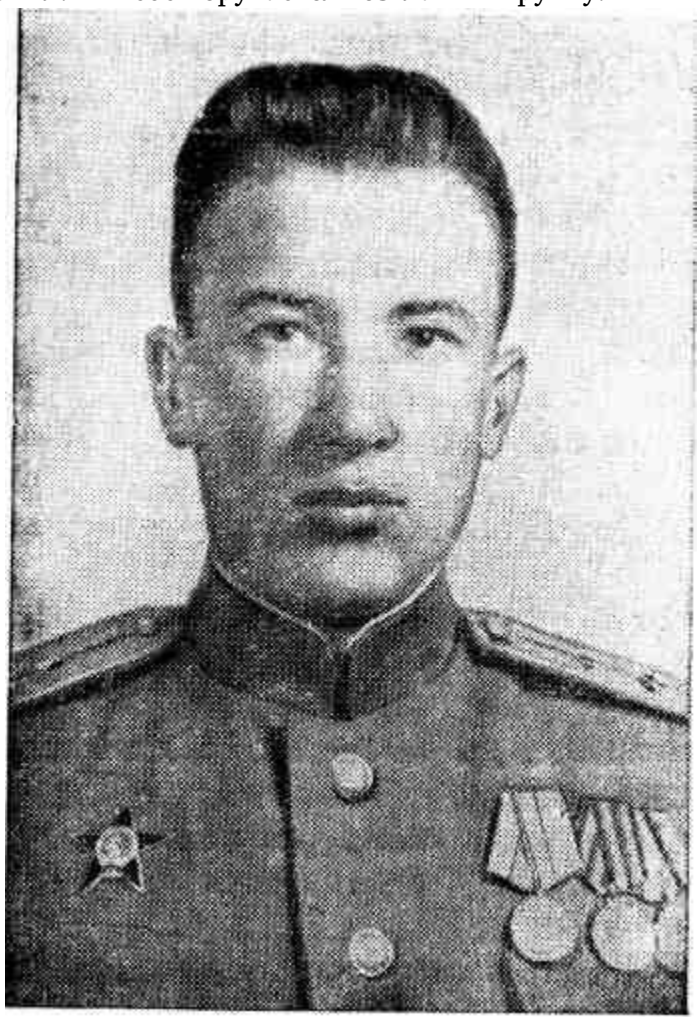
— Один… два… три, — считал Иван Гаман.

Последний круг самолет совсем низко прошел над поляной, словно приветствуя партизан, сильнее взревел моторами, взмыл

вверх и пошел на восток» Через несколько минут над нами опять простиралось безмолвное темное небо.

Мины есть. Теперь как можно скорее надо приступить к выполнению задания.

— Задание очень важное. Командование придает его выполнению самое серьезное значение, — сказал нам командир соединения Иван Кузьмич Примак и, обратившись ко мне, добавил: — Тебе поручается возглавить группу.



Бутенко Василий Иванович — комиссар партизанского отряда.

Мы вышли вчетвером: Григорий Алексеенко, Иван Гаман, Василий Бутенко и я. На рассвете добрались до сто двенадцатого разъезда. Здесь в ожидании нам пришлось провести два дня. Движение на дороге напряженное. Из-за усиленной охраны нам никак не удается проникнуть к железнодорожному полотну.

Наконец на третий день решили идти на риск. Иного выхода у нас не было. Иван Гаман взял две мины с часовым механизмом и попрощался с нами. Он должен во что бы то ни стало взорвать вражеский эшелон.

— Ваня, ты хорошо изучил эти мины? — спросил Григорий Алексеенко. — Смотри, сам не взлети на воздух.

— Не беспокойтесь, друзья! — с некоторой обидой ответил Гаман. — Разве было когда-нибудь так, чтобы я не по адресу вручал «гостинцы» с «Большой земли»? Подорвется тот, кому эти мины предназначены.

Действительно, Иван Гаман был непревзойденным мастером своего дела. Никто в отряде лучше его не умел быстро и правильно разобраться в сложных системах секретных мин. К тому же он отличался храбростью, выдержкой, хладнокровием. Об этих его качествах мы хорошо знали, но никогда не мешает напомнить товарищу об осторожности. Даже самая маленькая небрежность может помешать делу.

— Буду действовать по обстоятельствам. Останусь целым — встретимся в условленном месте, — спокойно сказал Гаман, крепко обнимая нас на прощание.

И он быстро направился в сторону разъезда. Мы уже знали, что туда прибыл большой эшелон с танками и тяжелыми орудиями. В голове эшелона, в середине и в конце его — охрана с крупнокалиберными пулеметами. Пулеметы эти скорее всего предназначены для стрельбы по воздушным целям, чем для обороны от партизан. Солдат мало, а офицеров совсем не видно. Вероятно, эти немцы еще не напуганы и по сравнению с охраной других эшелонов чувствуют себя спокойно и даже несколько беспечно.

— Партизаны, наверное, не тревожили этого эшелона, — проговорил, отрываясь от бинокля, Алексеенко. — Смотрите, тут даже и охраны особой нет.

— А чего им особенно охранять? — заметил Василий Бутенко. — Танки с платформы не стащишь, да и орудия не столкнешь.

— Эх, удалось бы Ване подойти к этому эшелону, — размечтался я. — Он все поднял бы на воздух. Нельзя допустить, чтобы столько вооружения попало на фронт.

Тем временем Иван Гаман подбирался к эшелону. Шел он открыто, не таясь, надеясь, что его примут за деревенского парнишку, которых немало бродило тогда по станциям в поисках хлеба. Его тоненькая фигурка в ветхой одежде действительно напоминала изголодавшегося бездомного бродягу. Если немцы и заметили его, то не обратили никакого внимания и продолжали

дремать у своих тяжелых пулеметов.

Все складывалось как нельзя лучше. Когда Гаман подходил к паровозу, поезд медленно тронулся. Ваня ловко, по-кошачьи, прыгнул вперед и зацепился за подножку тендера. Поезд быстро набирал скорость. Иван не успел подложить мины в нужное место, и ему пришлось ехать дальше вместе с эшелоном.

Поминутно рискуя быть замеченным охраной, Гаман с большим трудом взобрался на тендер, заложил мины и стал спускаться по ступенькам.

Тут его заметил машинист. Высунувшись из паровоза, он погрозил партизану черным кулаком, приказывая прыгать. Иван сделал виноватое лицо и указал машинисту рукой вперед, что должно было означать: ему до следующей станции. Машинист успокоился, и голова его скрылась в паровозной будке.

Взглянув на часы, Иван с ужасом убедился, что до взрыва остается совсем немного времени. Что делать? Тяжело постукивая на стыках, поезд все больше и больше набирал скорость. Если прыгнуть, охрана заметит его и наверняка расстреляет из автоматов. Но и оставаться на поезде дольше нельзя. Иван решается прыгать.

Быстро мелькают кустики травы на крутой насыпи, проносятся столбики-указатели. Еще стремительнее одна за другой в голове партизана проносятся мысли. Надо спрыгнуть и затаиться. Немцы подумают, что человек убился при падении, и, возможно, не станут стрелять. Впереди показался высокий песчаный холм. Это спасение. Долго не раздумывая, Иван отталкивается от ступенек, разжимает руки — и на холм. Удар о песок оглушает, но Иван пересиливает боль и лежит, притаившись, до тех пор, пока мимо него не проносится последний вагон.

Какая-то неведомая сила отрывает его от земли. Забыв про ушибы, Иван несется к спасительному лесу. Но добежать не успевает. Позади раздаются два страшных взрыва. Иван падает, снова больно ударяется о землю. Но теперь он уже не чувствует боли. Огромная радость захлестывает его: задание выполнено! И хотя ему дорога теперь каждая секунда, он задерживается — оглядывается, чтобы увидеть свою работу. Черные тучи дыма подымаются высоко в небо. Рвутся боеприпасы.

Славный подрывник Иван Гаман бежит к лесу, где его давно уже с великим нетерпением и беспокойством ждут друзья.

КОМСОМОЛЬСКИЙ БИЛЕТ

Шумит в ушах. В глазах — темень, ничего не могу различить. Слабыми руками обхватываю шершавое дерево, приподнимаюсь и долго стою, прислонившись к стволу. Тут только возвращается сознание.

Правая нога отяжелела, точно к ней подвесили огромную гирю. Малейшее движение причиняет страшную боль.

Снова закрываю глаза. Слышу, где-то недалеко грохочут выстрелы. Иногда над моей головой со свистом проносятся пули. Пытаюсь припомнить, что случилось, куда девались мои товарищи. Но сосредоточиться никак не удается. То и дело я теряю сознание. Слабые руки разжимаются, я опять падаю.

Сознание быстро возвращается. Лежать немного легче, чем стоять. Но стрельба усиливается.

Пытаюсь встать, протягиваю вперед руки в надежде за что-нибудь ухватиться. Понимаю, что ранен. Ощупываю руками голову, грудь, живот. Кажется, кроме ноги, все в порядке.

«А где же ребята? Неужели они не видели, что я ранен? Далеко ли они и найдут ли меня?» Наконец я отчетливо вспоминаю, что со вчерашнего дня мы находимся в окружении. Наш маленький отряд ведет тяжелый бой. Может быть, многих уже нет в живых. Снова пытаюсь встать и снова падаю. Подымаюсь, и рука машинально тянется к левому карману гимнастерки — там комсомольский билет.

«Что же будет, если враги возьмут меня, беспомощного, в плен?» Я вынул билет и крепко сжал его. Поднялся, прислонился к дереву. В правой руке у меня пистолет, в левой — комсомольский билет. Я решаю найти товарищей. Крепко сжимаю оружие, отталкиваюсь от дерева, делаю шаг в сторону, откуда доносится стрельба, и вновь падаю, потеряв сознание.

…Открываю глаза и вижу Ивана Гамана. Он осторожно поддерживает руками мою отяжелевшую голову. Правая нога моя крепко забинтована.

Вспоминаю все: и как лежал под деревом и как свистели над головой пули. Рука невольно потянулась к карману. Это заметил Иван Гаман.

— Не беспокойся, Вася, — проговорил он. — Комсомольский билет у тебя в левой руке. Мы не могли разжать твои пальцы, когда подобрали тебя.

Иван осторожно сгибает мою руку, и я вижу зажатую в кулаке маленькую серую книжку. Я улыбаюсь и крепко прижимаю руку с комсомольским билетом к взволнованно бьющемуся сердцу…

В канун славного сорокалетия героического ленинского комсомола я послал поздравительные телеграммы моим друзьям-партизанам, бывшим комсомольцам — Василию Клопову, Ивану Гаману и другим, кто вынес меня раненого из боя в ту памятную ночь. В тысячах подвигов советских людей, прославивших на века ленинский комсомол, есть и наша маленькая доля. И мы всегда будем помнить об этом, помнить и гордиться!

ПАРАШЮТИСТ НА КРЫШЕ

По заданию командования мы вылетели в тыл врага. Темной ночью в назначенном квадрате парашютисты покинули самолет. И полет и приземление нашего маленького отряда прошли сравнительно благополучно. Но вот когда мы собрались на лесной опушке, командир недосчитался одного человека.

— Нет Миши-минера, — сообщил он.

Минер Миша Коломиец, худенький, подвижный паренек, нравился всем нам своим веселым характером.

Задание он, как и все мы, знал хорошо, приземлились мы тихо, и, казалось, ничто не могло помешать Мише прийти в условленное место. Командир несколько раз подал сигнал. Никто не отозвался.

Время шло, мы приняли решение: искать! И тут со стороны деревни, далеко от места нашего приземления, послышался подозрительный шум. Хотя и невероятным было предположить, что Миша попал в деревню, но командир приказал разведать: партизанский закон запрещает оставлять товарища в беде.

А случилось вот что. Во время приземления налетел мгновенный порывистый ветер. Парашют отнесло в сторону. Потом Миша рассказал нам:

— Приземлился я на крышу деревенской хаты. Парашют закрыл весь угол дома, хлопает на ветру, тянет меня вниз. Вдруг вижу: перед хатой на перевернутой кадушке сидит немецкий часовой. Дремлет, носом клюет. Но вот парашют развернулся по ветру, сильно захлопал и разбудил немца. Тот вскочил, бросил винтовку и с криком пустился наутек. Сам я тоже испугался и сразу толком ничего не мог сообразить.

Вскоре в село подоспели мы. Сняли парашютиста с соломенной крыши.

Уже много позже нам удалось узнать любопытные последствия неудачного Мишиного приземления. Перепуганный насмерть часовой сообщил своему командованию, что русские выбросили десант на краю села. Большая немецкая часть, пользуясь темнотой, поспешно отступила.

Миша потом долго в шутку хвастался перед товарищами: я, мол, один целый полк фашистов одолел.

Но дело так просто не обошлось. Немцы скоро оправились от испуга и кинулись по нашим следам. Пришлось петлять по лесам, драться с большими силами карателей, часто менять свои базы. Неудачное приземление Коломийца чуть было не сорвало выполнение важного задания. К счастью, все закончилось хорошо.

ПАРТИЗАНСКАЯ СМЕКАЛКА

Однажды вчетвером мы пошли в разведку:

— Будьте осторожны, — предупредил нас связной — старик Власенко из села Трахтемиров. В школе четыре жандарма.

Встреча с жандармами нас не пугала. В тылу врага нам не раз приходилось близко сталкиваться с фашистами, и мы достаточно хорошо знали их повадки. Случалось, что при одном упоминании о партизанах во вражеских гарнизонах вспыхивала паника. Почти всегда с малыми силами, но, действуя внезапно и решительно, партизаны одерживали победы. А в данном случае силы были равны: четверо партизан и столько же жандармов. Поэтому мы смело вошли в село.

У школы было спокойно. Мы оставили двух товарищей на улице, а сами вошли в помещение. В коридоре пусто и тихо, но где-то в дальней комнате слышны голоса. Подходим ближе и стараемся понять, о чем беседуют жандармы. Раздается визгливый голос, стук по столу. Какой-то начальник зло отчитывает подчиненных. Слышится неясное бормотание, затем оживленный гул многих голосов. Мы поняли, что связной ошибся: в школе не четыре жандарма, а гораздо больше. Но делать нечего, надо на что-то решаться. И на этот раз нас выручает партизанская смекалка. Быстро предупреждаем товарищей, оставшихся на улице, чтобы они были наготове, и рывком открываем дверь.

— Ни с места! Руки вверх!

Враги не ожидали нападения. Они вольготно сидят за огромным столом, винтовки стоят у стены, далеко от них.

— Вы окружены партизанами. Сдавайтесь! — грозно скомандовал жандармам мой напарник Алексеенко.

«Какое уж там окружение?» — думал я, поводя своим автоматом перед глазами растерявшихся жандармов. Но те, видно, не сомневались в том, что окружены. Алексеенко спокойно собрал винтовки, а потом, так же не торопясь, связал одного за другим всех фашистов.

Товарищи в отряде нас поздравляли и долго смеялись. А смеяться было над чем: два партизана «окружили» и взяли в плен взвод карателей. Но мы сами свой успех оценили несколько позже. Через некоторое время нам стало известно, что взятые в плен жандармы шли на станцию конвоировать эшелон с советской молодежью, угоняемой в рабство в Германию. К счастью, дело повернулось по-другому: в плен попали каратели, а юноши и девушки оказались на свободе.

КОМЕНДАНТ С РАБОТЫ «СНЯТ»

Партизаны часто совершали дерзкие налеты на гарнизоны оккупантов, постоянно маневрировали и были неуловимы для врага. Действуя на Днепре, партизаны иногда за сутки по несколько раз переправлялись с берега на берег. Такая тактика позволяла малыми силами держать в напряжении военные силы большого оккупированного района. За короткое время партизаны разгромили крупный немецкий гарнизон и уничтожили до батальона вражеских солдат.

После удачной операции командование решило дать отдых партизанам. Отряды переправились на правый берег Днепра и разбили лагерь в густых Понятовских лесах. Эти леса начинаются у окраины города Ржищева и тянутся до самого Черного моря. Правый берег Днепра немного выше левого, горы и лесистые овраги хорошо скрывали партизан. Здесь и обосновалась главная база народных мстителей. Через несколько дней партизаны связались с подпольными организациями окрестных сел и получили ценные сведения о противнике. Это было время великой битвы на Волге. Фашисты беспрерывно гнали свои войска на фронт. Резервов не хватало, и они вынуждены были оголять свои гарнизоны. Части «поддержания внутреннего порядка» сильно поредели.

Фашистский разгул в тылу усилился. Озлобленные неудачами на фронте, оккупанты зверствовали, глумились над мирными советскими людьми. Военные комендатуры, организованные в районных центрах, на железнодорожных станциях и в крупных селах, терроризировали население, грабили, расстреливали. Здания школ, сельских советов превращались в застенки, спортивные площадки — в места казни.

Палачи свирепствовали. Особой кровожадностью отличался комендант Мироновки. Терзал он и своих подчиненных, и даже ходили слухи, что немецкое командование собирается снять его с должности. Но партизаны не стали ждать этого и решили взять дело расправы с ним на себя.

Однажды меня вызвал начальник штаба партизанского соединения Федор Нагайцев.

— Вася, снять коменданта Мироновки с должности поручается тебе, — сказал он. — Ты ведь уже многих комендантов снимал без немецкого приказа, так что убери и этого.

Я стал готовиться в дорогу. Для конспирации мне выдали в штабе документ члена немецкого карательного отряда. Такие документы имели предатели, пользовавшиеся у оккупантов

особым доверием.

— Действуй! — сказал начальник штаба. — С этой бумажкой тебе везде дорога открыта. Но будь осторожен.

Я развернул плотную синюю бумажку с большими круглыми печатями. Текст был отпечатан на немецком и русском языках. В центре — орел с распростертыми крыльями. Увидев слово «Гитлер», я испытал желание разорвать этот фашистский «документ». Начальник штаба понял мое состояние.

— Не брезгуй этой бумажкой, — сказал он. — С ней меньше риска, больше шансов на успех.

Мне предстояло добраться до хутора Юхно, расположенного в Мироновском районе, родины Ивана Кузьмича. Прибыв в хутор, я повидался со старостой, показал свой «документ» и потребовал от него, чтобы он доставил меня в Мироновку. Староста не стал возражать. Через полчаса он привел оседланного коня и дал мне в провожатые мальчика лет четырнадцати. Я настолько вошел в роль карателя, что не только не поблагодарил старосту, а даже обругал его за неповоротливость. Он принял это как должное.

Конь мой оказался добрым, хорошо откормленным. По дороге я изучил его повадки: бросал в галоп, резко осаживал, круто поворачивал в сторону. Лошадь хорошо понимала меня. Видно, ей приходилось бывать под умелым всадником.

Попутчик мой оказался серьезным и молчаливым. Было видно, что я ему не понравился с самого начала нашего знакомства. На мои вымышленные рассказы о героических подвигах против партизан он, казалось, не обращал внимания. Только в глазах его я заметил ненависть и презрение. Без сомнения, он был настоящим советским патриотом. Но, что поделаешь, не мог же я сказать ему правду о себе!..

Во второй половине дня мы въехали в Мироновку. Около одного из крайних домов я остановился, сказав мальчику, что хочу попить воды. На самом деле это было не так. В этом доме жил подпольщик Павло Шафраненко. От него я должен был узнать о последних новостях в комендатуре. Самодовольный комендант, держа в страхе местных жителей, подчас даже пост не выставлял у комендатуры. Полицаев он направлял в деревни для сбора продуктов и теплой одежды для армии.

— Побудь здесь, — сказал я проводнику, когда мы остановились в двух кварталах от комендатуры. — Никуда не отлучайся и будь наготове.

Пока шел к комендатуре, мысленно прикинул, как может сложиться эта важная операция. Свой «документ» я вынул из-за голенища и переложил в нагрудный карман френча. Действительно, как и говорил Павло, у комендатуры людей мало.

У крыльца трое каких-то гражданских и с ними один полицейский с винтовкой. Кажется, он привел к коменданту арестованных.

Да, это арестованные. Они окидывают меня враждебным взглядом, — ведь на мне ненавистная им форма оккупанта. Люди изможденны, со следами побоев на лицах, одежда их порвана. Из комендатуры в сопровождении двух полицаев выходит человек. Он еле передвигает ноги, лицо окровавлено. Полицаи грубо подталкивают его с крыльца. Видно, этот человек был «на приеме» у коменданта. Нечего сказать — «теплый прием».

Я оглянулся. Улица пустынна, и мне захотелось немедленно расправиться с полицаями. Рука невольно потянулась к внутреннему карману френча. Там у меня бесшумный пистолет.

Перестрелять палачей — дело нескольких секунд. Но нельзя. Не затем я послан сюда. Пересиливаю свое волнение и вхожу в приемную коменданта. Секретарь коменданта торопливо копается в ящике стола, что-то ищет. На массивной двери — вывеска. За дверью — комендант, которого я должен сегодня во что бы то ни стало «снять с работы».

— Можно пройти к коменданту? — спрашиваю я по-русски.

— Входите. Пан комендант один.

«Пан один, — пронеслось у меня в голове. — Хорошо. Но что же делать с секретарем? Ведь он, наверное, думает, что понадобится коменданту как переводчик и поэтому идет за мной». Быстро принимаю решение.

— Я прибыл по особому заданию, — решительно говорю я, — немецкий язык знаю хорошо, и вы мне не понадобитесь. Оставайтесь здесь и никого не пускайте. Я должен вручить пану коменданту важный пакет.

Вхожу в кабинет. Толстый рыжий немец встречает меня недовольным взглядом. Я вытянулся, щелкнул каблуками и выбросил, как это делали немецкие солдаты, правую руку вперед. Комендант пробормотал что-то себе под нос.

Нельзя было терять ни секунды. Вместо ответа я опускаю правую руку в нагрудный карман. Немец, видимо, решив, что я полез за документами, молча уставился на меня. Я вынимаю пистолет и стреляю в упор. Комендант валится на сторону без звука. Его залитая кровью голова падает на подлокотник мягкого кресла.

Готов!

Вспоминаю, что надо взять со стола документы. Механически хватаю какие-то списки, чистые бланки и прячу за широкие голенища своих сапог. Спохватываюсь и выкладываю на стол приговор суда народных мстителей о расстреле палача-коменданта.

Кто-то входит с улицы в приемную. Вскрывать сейф нет времени. Стараюсь успокоиться. Тщательно прячу бумаги, пистолет, только что снятый мною с пояса коменданта.

В приемной полицай о чем-то невозмутимо беседует с секретарем. Увидав меня, он вскакивает, щелкает каблуками и вытягивается. Плотно прикрываю за собой дверь.

— Пан комендант сейчас занят. Никого к нему не пускайте, — с наигранным спокойствием и твердостью говорю я и решительно выхожу из комендатуры.

Но на улице спокойствие покидает меня. Нестерпимо хочется бежать скорее к коням, прыгнуть в седло и быстрее скрыться. Еле сдерживаю себя и иду шагом. Малейшая неосторожность может погубить меня. Кажется, пока никто ничего не знает. Скорее бы добраться до коня! Рука в кармане крепко сжимает рукоятку пистолета. Надо быть готовым к любому неожиданному повороту дела. Оглядываюсь назад: все спокойно. Убыстряю шаг. Увидав коней, не выдерживаю и почти бегу. Выхватываю повод у мальчика и стремительно вскакиваю в седло.

— Ну, Коля, поехали! Капут коменданту от партизан!

Мальчик широко раскрывает глаза, бледнеет. Потом вскрикивает, хлещет коня и устремляется за мной.

Мы скачем по улице. Кони идут голова в голову. Из окон нас провожают любопытные тревожные взгляды. Скачем дальше.

За спиной послышались далекие беспорядочные выстрелы. Через минуту стрельба усилилась: полиция подымает тревогу. За селением резко поворачиваем вправо и мчимся по садам, чтобы запутать следы. Оглядываюсь назад: мой спутник изо всех сил старается не отстать от меня.

Вскоре за нами увязалась погоня. Местность ровная, и враги быстро приближаются. До леса еще далеко. Я сворачиваю к холмам и скачу по бездорожью. Только так есть надежда уйти от преследования. Мой проводник что-то отстает. Сдерживаю коня и поджидаю его. Погоня приближается, над нами свистят пули. Вот мальчик поравнялся со мной.

— Я ранен! — крикнул он. — Не оставляйте меня.

Из руки мальчика течет кровь. На глазах у него слезы, он сильно испуган. Ранена и его лошадь. Подъезжаю к нему вплотную и приказываю:

— Пересаживайся ко мне. Быстро!

Мальчик кошкой прыгает на круп моего коня. Я подхватываю и сажаю его впереди себя на седло. Он цепляется за гриву и роняет голову на шею коня. Мысленно благодарю старосту: хорошую лошадь дал он мне: она легко несет двоих. Лес близок. Мы, кажется, уходим от погони. Вот и опушка, кустарник. Наши

преследователи застряли в болоте и потеряли нас из виду.

В чаще леса мы остановились. Я перевязал мальчику руку. То ли от того, что вражеская пуля обожгла юное тело, то ли от того, что мальчик впервые в жизни попал в такой серьезный переплет, он изменился, повзрослел буквально на моих глазах: лицо посуровело, губы крепко сжались, в глазах — огонь.

— Как хорошо, что вы партизан! — взволнованно говорит юноша.

Лицо его вдруг омрачается, и он с тревогой спрашивает:

— А вы возьмете меня с собой? Я тоже хочу быть партизаном. Примут меня?

— Примут, Коля, примут, — с улыбкой говорю я. — Ты теперь настоящий партизан! Ведь это с твоей помощью я сумел выполнить такое серьезное задание.

Мальчик молча берет здоровой рукой коня за повод и идет вслед за мною дальше в лес.

Отряд народных мстителей пополнился еще одним храбрым партизаном.

СЛОВО ПАРТИИ

Далеко фронт, где-то далеко советские войска громят фашистов, наступают, освобождают город за городом. А мы забрались в дремучие леса и отсюда всеми силами стараемся помочь своей родной армии. Уходят в темень ночей диверсионные группы, минируют шоссейные дороги, устраивают засады, взрывают мосты, жгут склады с горючим и боеприпасами. Каждая хорошая весть с той стороны фронта радует и воодушевляет партизан, и они дерутся с оккупантами особенно яростно. Но очень плохо, когда вести приходят неутешительные, а еще хуже, когда нет никаких вестей.

В бедственном положении оказались мы весной 1943 года. Партизанская радиостанция вышла из строя. Из приднепровских сел к нам в Понятовские леса часто наведывались связные. Доложив об обстановке, они тут же требовали известий из Москвы. Сводки Совинформбюро, листовки, газеты получали они от партизан и, довольные, отправлялись домой. Но одно время, потеряв связь, мы долго не могли ничего дать связным, ничем не радовали подпольщиков.

— Что же вы это так? — возмущались связные. — Ведь мы, можно сказать, только и живем этими сводками. Разве можно оставлять наших людей без вестей с «Большой земли»? Немцы опять болтают, что Ленинград взяли и на Москву ведут наступление, а мы ничем это вранье опровергнуть не можем.

Мы хорошо понимали подпольщиков, наших людей, временно оказавшихся в оккупации. В деревнях все библиотеки были сожжены и разгромлены. Нельзя найти ни газет, ни журналов. Люди духовно голодали. А немецкая пропаганда не дремала. Фашисты наводнили города и села своими газетами и листовками, в которых на все лады расхваливался «новый порядок» и явно преувеличивались успехи немцев на фронте. Очень трудно нам было тогда без связи, без газет. Кажется, без патронов можно было бы скорее обойтись: патроны-то мы и у врага могли достать, а вот газету у немцев не возьмешь.

Долго мы так бедствовали. Однажды ночью над лесом послышался гул самолета. Мы по звуку угадали, что это наши. Быстро разожгли на поляне условленные костры и стали ждать. Самолет сделал круг, опустился совсем низко и прямо в центр поляны сбросил два парашюта. Быстро тушим костры, разбираем груз и отправляемся в лагерь. Там обнаруживаем, что в пакетах долгожданный груз — газеты! Принялись их тут же жадно читать при слабом свете коптилок. Взял и я тогда несколько газет. Это

была наша любимая «Правда». Много времени прошло с тех пор, но я и сейчас ясно помню даты, материалы, что были там напечатаны. Мне достались газеты за 5, 6 и 12 мая 1943 года. Помню, с каким вниманием, не отрываясь, я прочитал передовую «Правды» о юбилее газеты, большой материал о Карле Марксе, главы из романа Михаила Шолохова «Они сражались за Родину». Запомнились мне и карикатуры художников Кукрыниксы на Гитлера. Много мы смеялись тогда.

Газеты помогли нашим агитаторам. По совету комиссара, партизанские художники размножили карикатуры и распространили их по селам. Мы перепечатали также ноту протеста Министерства иностранных дел СССР по поводу насильственного угона оккупантами мирного населения в Германию. Эта нота во множестве экземпляров разошлась по деревням, подбодрила советских людей. По материалам газеты «Правда» готовились листовки и распространялись среди населения. От подпольщиков и партизан наши люди узнавали настоящую правду о положении в стране и на фронте.

Наших листовок и карикатур оккупанты боялись не меньше, чем дерзких налетов партизан. Комендатуры в то время были повсеместно поставлены на ноги. Полицаи и жандармы рыскали по селам, срывали листовки и плакаты. Но на другой день они появлялись вновь, приводя в бессильную ярость оккупантов. Нельзя было задушить слово правды. Оно доходило до сердец, подымало людей на борьбу. Партия помогала нам не только оружием, но и боевым, правдивым, вдохновляющим словом.

МЕСТЬ

На завалинке невысокого дома с соломенной крышей сидит женщина. На лице ее печаль и испуг. Вот она с трудом поднимается, делает несколько нетвердых шагов. Кажется, она вот-вот упадет.

Мальчик лет пятнадцати-шестнадцати быстро подбегает к старушке:

— Бабушка! Я вас провожу.

Анастасия Павловна тихо плачет.

— Сынок!.. Сынок! — и не может дальше..

— Бабушка, не плачьте!

Мальчик — сын погибшего майора Советской Армии. Вместе с матерью они оказались в тылу у немцев, и вот уже скоро шесть месяцев, как приютились в этом селе. Боясь фашистов, они утром вместе с пастухами уходят из села, а вечером возвращаются.

Но сегодня Боря никуда не пошел. Он забрался на чердак, до вечера просидел там и только сейчас слез оттуда и подбежал к Анастасии Павловне. Он хорошо знал ее — она часто вечерами приходила к его матери и подолгу беседовала с ней. Что же с ней случилось?..

Власенко Анастасия Павловна — партизанка.

С тех пор как муж этой женщины, Семен Григорьевич Власенко, исчез из села, ее вот уж несколько месяцев каждый день вызывают в комендатуру, допытываются, где он, с кем он был связан, что сказал уходя.

Женщина измучена физически и духовно.

Сейчас мальчик, поддерживая ее за локоть, проводил в дом. Там он осторожно усадил ее на табуретку.

Анастасия Павловна Власенко долго сидела молча. Затем медленно подняла голову и посмотрела на Борю:

— Сынок, уже вечер. Иди, а то мать, наверно, ищет.

— Может быть, вам что-нибудь нужно?..

— Нет, иди, иди, сынок, — и старая женщина гладит его по голове.

В этот вечер она легла спать раньше обычного, а утром

пришла к матери Бориса.

— Мария, я ухожу. Чем каждый день мучиться… Только вот харчей на дорогу нету. Если у тебя что-нибудь есть, дай мне.

Мария мягко упрекнула ее:

— Я вам давно говорила: уходите. Теперь бы уж встретились со своим дедом. Я вам сейчас кое-что соберу.

Она вышла и скоро вернулась с небольшим узелком.

— Вот, бабушка, все, что есть. Возьмите.

— Спасибо, — взволнованно благодарила Анастасия Павловна. — Ну, оставайтесь. Может, встретимся еще когда-нибудь, если будем живы.

По-матерински обняв Марию, она шепнула:

— Береги Бориса!

Вместе они вышли из темного дома и расстались на улице.

Анастасия Павловна дошла до окраины села, оглянулась: нелегко ей покидать родной дом. Немного постояв, она вдруг решила, что не может оставить свою обиду неотомщенной. Женщина направилась к одному из больших домов. Здесь жил староста, предатель, один из виновников смерти многих людей. Анастасия Павловна огляделась, осторожно подошла к дому и достала спички…

Когда она подходила к лесу, жаркое пламя высоко поднималось к небу…

БОЙ НА ЗАВОДЕ

Вот уже два дня, как наши партизанские отряды перебрались в Хоцкий лес. Стоит нестерпимый июльский зной. Лес, густой и высокий, защищает людей от жары. Только холодная ключевая вода — отрада в такие дни. Лошади, отбиваясь от назойливых комаров, стоят в стороне под тенистыми деревьями.

Иван Кузьмич Примак отдыхает в своей палатке. Он всю ночь, сидя над картой, обдумывал и разрабатывал план предстоящей операции. Мы с командиром конного взвода Федором Тютюнником лежим недалеко от палатки Примака. Федор толкует о лошадях.

— Никак не могу я унять этих жеребцов, — жалуется он. — Вот увидишь, когда-нибудь они своим ржанием выдадут нас всех. Надо от них избавиться.

Из палатки выходит Примак и направляется в нашу сторону. Видимо, он слышал наш разговор, потому что, подойдя ближе, говорит:

— Ты прав, товарищ Тютюнник, надо от них избавиться. Седлай! — и показал рукой на жеребцов. — Мы с Васей съездим на дегтярный завод. Может быть, удастся променять их на смирных лошадей.

Скоро Тютюнник подвел нам оседланных коней, и мы, перекинув через плечо карабины, поехали к заводу.

Перед приходом немцев механик этого завода Шевченко вывел его из строя и ушел в лес к партизанам.

Полуразрушенный корпус завода стоит на открытой местности между двумя дорогами. Одна из дорог ведет на хутор Хоцкий. В стороне от дорог виден большой сарай и несколько деревянных домиков. В домиках живут знакомые нам семьи. Это коренные жители. Кроме них, здесь никого нет.

Мы двигаемся не спеша и, прежде чем направиться на завод, решаем подъехать к домикам и разузнать обстановку.

Но когда мы подъехали к сараю, из большой калитки с винтовкой в руке вышел человек плотного телосложения. Увидав нас, он вскинул винтовку:

— Руки вверх!

Наши карабины за спиной, пистолеты в кобурах, в руках у нас, кроме поводьев, ничего нет. Мы беспомощно стоим, не зная, что предпринять.

— Слезайте с лошадей, — командует человек.

Мы молчим.

— Слезайте! — кричит он и прицеливается в Примака.

Мне кажется, что он одним выстрелом хочет прикончить его и меня взять в плен. Я толкаю коня и закрываю собой Ивана Кузьмича.

Раздается выстрел, но пуля только сшибла шапку Примака. Наши кони, перепуганные выстрелом, шарахаются в разные стороны. Я падаю на землю. Примак соскакивает с коня и стреляет из пистолета, но — мимо! Я поднимаюсь с земли и тоже стреляю. Человек, прихрамывая на левую ногу, спешит скрыться за сараем.

Тут же со всех сторон слышатся винтовочные выстрелы.

Только сейчас нам ясно, что мы нарвались на вражескую засаду.

— Вася, сюда! — кричит Примак и бежит.

Я тоже отступаю в лес, в надежде укрыться за деревьями. Вслед несутся винтовочные выстрелы.

Иван Кузьмич куда-то исчез.

Возвращаться обратно и разыскивать его уже невозможно. Я решаю побыстрее добраться до лагеря, сообщить о происшествии, поднять людей.

Посоветовавшись с командирами взводов и групп, мы приняли решение встретить врага в густом лесу, через который проходит большая дорога.

Партизаны собрались быстро, и вскоре отряд выехал. Выслали разведчиков. Те скоро сообщили, что вражеский отряд в пятьдесят человек с конными дозорными впереди следует по нашей дороге. Мы решаем дозорных пропустить вперед и выслать вслед за ними группу в шесть-семь человек, а с остальными вступить в бой на облюбованной нами небольшой поляне, заросшей мелким кустарником.

Разделившись на две группы, партизаны залегли за толстыми соснами, установив ручные пулеметы на флангах.

Вскоре послышался конский топот — и на поляну выехали пять вооруженных всадников. Доехав до поляны, они остановились, посовещались и тронулись дальше. Вслед за ними показались трое немецких полицейских в черных мундирах. Они о чем-то оживленно беседовали.

Как только полицейские проехали мимо нас, показалась подвода в сопровождении всадников. На подводе сидели трое пожилых мужчин в гражданской одежде. В одном из них я узнал человека, который встретил нас у заводского сарая. Вслед за подводой шел весь отряд.

Когда враги оказались метрах в двадцати-двадцати пяти, я скомандовал: «Огонь!» Нам повезло: мы убили четырнадцать

вражеских солдат, взяли в плен двадцать четыре. Много досталось нам трофеев, в том числе сорок лошадей. Среди раненых оказался староста хутора Хоцкого.

Ивана Кузьмича мы отыскали, когда пришли на завод. Раненного, его подобрали и спрятали рабочие. Перед тем как отправиться в лес, мы на заводской стене сделали надпись:

> «Если вы не боитесь, можете нас поискать. Мы находимся там, где вас ожидает смерть».

Я шел рядом с подводой, на которой везли Ивана Кузьмича, и старался хоть чем-нибудь облегчить его страдания. Мне было больно видеть, как мучительно переносит он дорогу.

Ранение Ивана Кузьмича оказалось очень серьезным. Мы ухаживали за ним, лечили его, как могли, но потом все-таки отправили на «Большую землю». А вскоре на «Большую землю» попал и я. Мы снова встретились.

Произошло это вот как.

В самый разгар Великой Отечественной войны по приказу Центрального штаба партизанского движения Украины двадцать восемь человек с особым заданием должны были переправиться в тыл врага. Командиром этой группы был назначен Иван Кузьмич Примак, комиссаром — бывший командир группы Василий Бутенко. Все входившие в состав группы были надежные, проверенные в боях, во вражеском тылу партизаны. Я тоже летел с этой группой. Это было мое второе задание в тылу врага. Меня радовало то, что я вновь был с Иваном Кузьмичом, любимым боевым командиром.

На трех самолетах, сопровождаемых нашими истребителями, мы летим на большой высоте на юго-запад.

Первый летный час прошел сравнительно быстро и незаметно. Потом из бортового окна самолета партизаны увидели шарообразные огни; они ложились то справа, то слева от нашего самолета. Это стреляли немецкие зенитки. Самолет набрал предельную высоту и, развив максимальную скорость, спешил побыстрее вырваться из зоны зенитного огня. Члены экипажа засуетились, о чем-то переговариваясь между собой. Партизаны, прижавшись друг к другу, дремали на бортовых сиденьях.

Глубокой ночью командир корабля подошел к Ивану Кузьмичу и сказал:

— Погода испортилась, но мы уже прилетели к намеченной цели.

По сигналу Ивана Кузьмича мы встали и приготовились к прыжку. Самолеты, кружась, один за другим стали сбрасывать

парашютистов. Иван Кузьмич, Василий Бутенко и радистка Зоя покинули борт самолета последними.

Самолеты, как бы прощаясь с нами, сделали круг и улетели.

Тихо. Темно. Только в небе видны белеющие парашюты наших товарищей. Но вот внизу неожиданно вспыхнули какие-то огни, скоро во все стороны, освещая парашютистов, полетели ракеты.

Враги стреляли снизу трассирующими и разрывными пулями, партизаны в ответ сверху стали бросать гранаты и отстреливаться из пистолетов. Своеобразный бой в воздухе через некоторое время перешел на землю.

Кто приземлился живым, на ходу сбрасывал парашют и включался в бой. Иван Кузьмич, получив в воздухе легкое ранение, приземлился благополучно, но Бутенко был ранен тяжело. Он упал на землю без сознания.

Примак только сейчас разобрался, что мы высадились над самым аэродромом противника. Единственный выход теперь — биться до последней возможности, до последней капли крови.

Уцелевшие партизаны — их осталось человек шестнадцать, не больше, — с гранатами в руках ринулись к стоянкам немецких самолетов. Раздались взрывы, запылал большой пожар. Через несколько минут вражеский аэродром был в огне.

Перестрелка усилилась.

Только в половине шестого утра прекратился этот неравный бой. Между сожженными немецкими самолетами лежали трупы наших товарищей. С большим трудом немногим партизанам удалось вырваться из окружения и уйти в лес.

Потеряли мы и нашего комиссара Василия Бутенко, но впоследствии узнали, что, тяжело раненный, он попал в плен и пережил горькие муки. Его подвергли изощренным пыткам, добиваясь необходимых сведений.

На допросы его приводили в полном сознании, а уносили совершенно бесчувственного. И все-таки враги не сломили этого мужественного человека. В фашистском застенке он провел около двух месяцев.

Но и на этом не кончились мучения Василия Бутенко. Отчаявшись добиться от него сведений, немцы решили перевести его в бухарестскую тюрьму. Зимой, в лютый мороз, в легкой и рваной одежде Бутенко шагал в далекую Румынию. Порвалась обувь, и остаток дороги он шел босиком, обморозил ноги и тяжело заболел.

В Бухаресте полицейские сдали его в центральную городскую тюрьму. В этой мрачной, с суровым режимом тюрьме Бутенко провел больше года. Наступил 1944 год. В августе наша славная

Советская Армия освободила Бухарест от немецких захватчиков. Все военнопленные были освобождены из тюрем и лагерей. Бутенко оказался на свободе за день до казни. Василий вместе со своими земляками возвратился на Родину.

Сейчас он проживает в селе Ромашки, Ржищевского района, Киевской области.

ДИВЕРСИИ НА ДОРОГАХ

Задания с «Большой земли» шли одно за другим. Работать приходилось с предельной нагрузкой. Много диверсий партизаны совершали и по своей инициативе.

Однажды группа минеров во главе с лейтенантом Кузиным вышла на очередное задание. Когда поднялись на вершину одного из перевалов Карпатских гор, лейтенант Кузин собрал товарищей. Здесь было самое подходящее место для закладки мины: крутой поворот железной дороги проходил по самому краю пропасти. Лучшего места для крушения воинского эшелона не сыскать.

Минер Савченко высказал предположение:

— Может быть, не стоит подкладывать мины? Можно просто отвинтить гайки — и эшелон полетит под откос. Посмотрите сами, какой крутой поворот.

Кузин усмехнулся:

— Ты не думай, что немецкие железнодорожники — такие уж ротозеи. По опасной дороге они никогда не пустят эшелон, не проверив ее. Вспомни, как осторожны они были на Украине. То же будет и здесь. Перед эшелоном пройдет дрезина.

— А если отвинтить гайки после того как пройдет дрезина? — вмешался в разговор другой минер.

— И это невозможно. Когда на дороге отсутствует охрана, дрезину пускают с небольшим разрывом от эшелона. Не успеем. Нет, надо подложить мину, иначе нельзя, — сказал Кузин.

Четыре минера вышли на железнодорожную насыпь и стали копать небольшие ямки глубоко под рельсами. Остальные партизаны во главе с командиром отряда вели наблюдение.

Через полтора часа все собрались на железнодорожном полотне, где были установлены мины.

— Правильно установили? Учли тяжесть дрезины? — спросил командир группы минера Савченко.

— Все правильно, товарищ командир! Не первый раз!

По знаку командира все партизаны быстро разошлись по своим местам. Вскоре пост сообщил о появлении дрезины. На небольшой скорости она проехала мимо партизан, а почти вслед за ней шел и эшелон. Он медленно взял подъем, миновал перевал и быстро устремился вниз.

— Эшелон на двойной тяге! — шепнул командиру Савченко.

— Это еще лучше — сила заряда вполне достаточная! — ответил Кузин, продолжая наблюдение в бинокль.

— Ложись! — скомандовал он.

Раздался сильный взрыв. Вражеский состав, гремя и сметая

все со своего пути, с шумом полетел в пропасть. Разорванные вагоны, с треском ударяясь о толстые сосны, катились вниз.

Внизу не затухало: начали рваться снаряды, мины.

Народные мстители с радостью смотрели на дело своих рук. Еще одно боевое задание выполнено!

Нет, не будет врагу на советской земле покоя!

ПЕРЕПРАВА

В начале осени 1943 года немецко-фашистские войска оставили Харьков и стремительно откатывались к Днепру. 17 сентября в штаб партизанского соединения имени Чапаева, действовавшего в то время в Хоцких лесах на левобережье Днепра, прорвалась разведка танковой части регулярной Советской Армии.

Командир разведчиков подполковник-танкист еле освободился из объятий радостных партизан. И как нам было не радоваться: враг бежит, многострадальная земля Украины освобождается от ненавистных оккупантов! Танкист немедленно попросил проводить его в партизанский штаб.

— У меня очень важное задание, — сказал он. — Свободного времени нет ни минуты.

Мы не стали его задерживать, отвлекать расспросами и с контрольного поста почти бегом направились в глубину леса, в штаб. Что-то важное привез нам гость с советской земли, и как жаль, что нам не удастся поговорить с ним подробнее! Танкист скрывается в штабной землянке, а мы остаемся наверху. Какими долгими показались мне те полчаса, которые провел танкист у нашего командира!

— Прощайте, — сказал подполковник, появляясь в дверях. — Ждите нас ночью…

Тут же командиров отрядов позвали к Примаку. Я руководил тогда третьим отрядом, самым большим в соединении. Именно поэтому мне приходилось часто выходить на серьезные задания. И еще одна особенность была у моего отряда: почти все его бойцы — местные жители, хорошо знающие родное Приднепровье. А в своем доме, как известно, и стены помогают.

И на этот раз меня ждало важное задание.

— Рассаживайтесь, товарищи, — сказал командир соединения, как только мы вошли в землянку, и сразу обратился ко мне: — Вася, сколько у тебя в отряде местных жителей?

— Человек сто, сто пятьдесят.

— Добре! — довольно крякнул командир. — Откуда больше?

— Да почти все из ближних деревень: из Григоровки, из Малого Букрина, из Луковицы, есть и трахтемировские, — начал перечислять я, но командир остановил меня.

— Вот и хорошо. Как раз то, что нам требуется. А теперь все послушайте меня внимательно.

Командир раскрыл перед нами план предстоящей операции. Советские войска должны были на днях выйти к Днепру и с ходу

форсировать его. Дело это нелегкое. Передовые части не располагали переправочными средствами. Вот поэтому командование обратилось к партизанам с просьбой захватить на правом берегу Днепра плацдарм и удержать его до прихода регулярных войск. Указывалось конкретное место переправы и примерные границы плацдарма.

Партизаны должны были захватить село Григоровку и еще несколько прибрежных сел и выйти на высоты в районе Великого и Малого Букрина. По имени этих сел плацдарм получил впоследствии название Букринского.

— На операцию пойдет отряд Кайсенова, — подытожил командир. — Подбери, Кайсенов, сто двадцать человек, подготовь лодки. Ночью получите автоматы и противотанковые гранаты.

Времени у меня было в обрез, а сделать предстояло многое. Я выслал разведчиков с заданием наблюдать за правым берегом, а с остальными партизанами пошел отыскивать лодки. Лодки у нас были. Еще летом мы захватили у немцев несколько вместительных весельных судов и затопили их в глухих днепровских лиманах. Теперь надо поднять их и привести в порядок.

К вечеру лодки были подняты и сушей доставлены в ивняковые заросли на левом берегу Днепра против села Григоровки. Разведчики порадовали хорошими вестями: в Григоровке почти не обнаружено никакого движения. Ничего подозрительного не наблюдалось и на высотах, которые нам предстояло занять.

Григоровка — крупное село. Оно начинается у самого берега и уходит по узкой, глубокой лощине к дальним правобережным холмам. Здесь всего одна улица. Дома лепятся по склону и словно нависают над дорогой. И дорога очень узкая: двум грузовикам не разъехаться. Все это партизаны хорошо знали. Знали мы также и то, что в селе располагается небольшой гарнизон жандармерии и регулярных немецких войск. В селе могли быть и легкие танки, которые патрулируют дороги и сопровождают идущие к фронту фашистские части.

— Переправляться будем ниже Григоровки, — сказал я своим товарищам. — Так будет легче подобраться к селу и внезапно напасть на него.

К ночи у нас все было готово для переправы. Партизаны получили автоматы и много противотанковых гранат, как узнали мы позже, доставленных нам армейскими разведчиками. Оставалось только посадить в лодки людей и по сигналу оттолкнуться от берега. Но такого сигнала от командира соединения все не было. Партизаны стали волноваться. Время

уходит, немцы могут пронюхать об операции, и тогда нам придется плохо.

Наконец на берегу появился командир соединения. За ним торопливо следуют какие-то люди. «Солдаты!» — определил я, когда они подошли ближе.

— Все готово? — спрашивает командир.

— Все, — неестественным, хриплым голосом говорю я. — Ждем сигнала.

— Сейчас будете отправляться, — командир махнул рукой стоявшим в отдалении солдатам. — Принимай гостей — и в добрый путь!

— Приказано сопровождать вас, — козырнул солдат. — Укажите нам место в лодке.

Солдат было четверо. Бравые, рослые молодые ребята. Давно я не видал таких, и вооружены отлично. У всех автоматы, кинжалы в ножнах, бинокли. Одеты во все новое, добротное. Совсем неказисто выглядят рядом с ними разношерстно одетые партизаны. Сразу видно, что это солдаты мощной регулярной армий. Нашей, родной армии-освободительницы. И хотя их всего четверо, кажется, что у нас прибавилось сил, и предстоящий бой не так страшен. Даю команду усаживаться в лодки. Солдаты устраиваются в самой вместительной. С ними радиостанция, а ею нельзя рисковать.

Первой идет разведочная лодка. Вот она уже на середине. Все спокойно и тихо вокруг. Пора отправляться и нам. И вдруг над Днепром гремит резкая пулеметная очередь. Трассирующие пули веером рассыпаются вокруг лодки. Она заметалась, накренилась и беспомощно заплясала на воде. Нам видно, как кто-то переваливает через борт и, отфыркиваясь, цепляется руками за лодку. Течение уносит наших разведчиков вниз. По ним продолжают стрелять. В перестрелку вступает второй, затем третий вражеский пулемет. Лодка исчезает в темноте. Немцы ведут огонь с того самого места на берегу, куда мы еще днем решили высаживаться. Неужели враги пронюхали о переправе?

Однако раздумывать некогда, мы оставляем оружие и боеприпасы в лодках, а сами по команде дружно скатываемся в воду. Уцепившись за борта, подталкиваем лодки и гребем к противоположному берегу. Нас накрывают пулеметчики, но мы и не думаем останавливаться. Лодки сносит течением, и цепочка партизан растягивается. Ни стонов, ни криков. Раненые тут же молча возвращаются к своему берегу. Все они — хорошие пловцы. Все, за исключением своего командира. Только в воде я с ужасом вспоминаю, что как-то не выбрал времени научиться плавать. А если ранят? Но рядом со мной дюжий партизан Алексеенко, и я

успокаиваюсь. Он-то меня не бросит, в случае чего вытащит.

Наше суденышко плывет довольно резво. Это потому, что гонят его всего восемь человек. Да и вражеский огонь не дает дремать. Пулеметы захлебываются, над водой повисают ракеты. Странно, что никто из восьми даже не ранен. Видно, враги нервничают — сильно мажут. Так часто бывает с фашистами. Мы хорошо их изучили: они храбры, когда их много.

Вот наши ноги ощущают дно. Берег близко. Напрягаем последние силы и на руках выносим лодку на песок. Быстро разбираем оружие и бежим туда, где засели враги. На секунду оглядываюсь: все, кажется, в порядке. Вода кипит от пуль, но лодки плывут, упрямо приближаются к берегу.

Быстро отрезаем немецких пулеметчиков. Они — на виду, даже окопы как следует не отрыты. Партизан Иван Романенко первым бросает гранаты. Один пулемет умолкает. Слышны взрывы и у других пулеметных точек. Все кончено. Дорога к Григоровке открыта. От берега бегут партизаны. Они собираются маленькими группками и спешат на высоты. Здесь у нас место сбора. Еще накануне мы разбили отряд на группы по двадцать человек, и в каждую назначили командира. Я замечаю около себя Романенко и вспоминаю, что он командир группы.

— Романенко! — кричу я. — Где твои люди? Собирай немедленно.

Романенко убегает. Я присаживаюсь на жесткую траву и оглядываю свое войско. Неужели это все мои бойцы? Их много, человек сто. И как же это они уцелели? Пыхтят, торопятся, пробираются ко мне и те четверо — солдаты. И они уцелели. Живы и здоровы. Но в каком виде? С них течет вода, на руках, на лицах — подтеки грязи, сапоги чавкают — в них вода. Солдаты быстро устанавливают радиостанцию, и через несколько минут я слышу далекий, но какой-то родной и будто знакомый голос. Это командир воинской части. Он поздравляет меня с успешным началом операции и приказывает двигаться дальше.

— Держитесь! — доносится издалека. — Посылаем к вам помощь.

Мы штурмуем Григоровку. Подвижные группы партизан блокировали лощину и обстреливают село с разных сторон. В селе невообразимая паника. Столкнулись на узкой дороге и горят машины. Несколько танков пытаются отстреливаться. Вскоре партизаны поджигают один из них, а другие поспешно отступают. Фашистские танки давят своих, вдребезги разносят машины и повозки и спешат выбраться из села. Зажатые в узкой лощине, фашисты мечутся и почти не оказывают нам сопротивления. Неожиданное смелое нападение обеспечило партизанам успех.

Григоровка — наша! К рассвету партизаны занимают Луковицу, Зарубинцы, Трахтемиров, высоты южнее Великого и Малого Букрина.

Здесь, на высотах, когда-то, при отступлении, шли тяжелые бои. Сохранились окопы, блиндажи, глубокие траншеи. Они оказались как нельзя кстати сейчас. Мы знали, что немцы не оставят нас в покое, попытаются столкнуть в Днепр. Партизаны заняли оборону и приготовились к жестокому бою. Фашисты не заставили себя ждать. Утром появились их самолеты, потом пошли танки. Местность вокруг изрезана оврагами, вражеским танкам трудно маневрировать, и партизаны сравнительно легко отбивают первые две атаки. Солдаты зовут меня к рации.

— Держимся! — отвечаю я на вопрос незнакомого командира. — Но трудно. Очень трудно. Теряем партизан.

— Помощь идет, идет помощь! — хрипит рация.

Я чувствую, что тот командир волнуется не меньше меня. Когда мы отбиваем третью атаку, приходит наконец помощь. Помощь довольно внушительная: рота автоматчиков. Бойцы быстро и умело рассредоточились в окопах. Я предложил командиру роты взять партизан под опеку опытных бойцов и командиров. Он согласился. Когда переформировка была закончена, молоденький лейтенант весело сказал мне:

— Теперь нам и сам черт не страшен: армия и народ соединились, а эту силу никому не сломить!

— Это верно, — поддержал я. — Но одной ротой немецкие танки не сдержишь. Видишь, опять они ползут на нас.

— Кто сказал, что у нас одна рота? — удивился лейтенант. — Посмотри на Днепр. Знаешь, что сейчас делается на переправе?

А на переправе, кажется, творилось что-то ужасное. Самолеты с ревом проносились над нами, пикировали и сыпали в днепровскую воду свой смертоносный груз. Эх, несладко приходилось там нашим! Не один солдат лег на мокрый песок, не одного храбреца убаюкал на вечный сон седой Днепр. Выдержат ли наши? На плацдарме стоит сплошной грохот, в окопах рвутся бомбы, снаряды, тяжелые мины. Фашистские танки с ревом кидаются на наши позиции.

Большие потери у партизан. В группе Романенко не осталось ни одного человека. Часть партизан погибла еще ночью в Григоровке, когда брали немецкий штаб, большинство полегло здесь, на высотах. А где-то там, за высотами, раскинулось село Малый Каратель. Село, где родился и вырос партизан Романенко. Недолго осталось оккупантам топтать советскую землю, разгуливать по улицам Малого Карателя. И туда придет Советская Армия. Но Романенко этого уже не увидит…

Вот я вижу как он, грязный, закопченный, в изодранном пиджаке, поднимается со дна окопа. Он оглушен, изранен. В руках у партизана тяжелая противотанковая граната. Романенко выпрыгивает из окопа и шагает навстречу фашистскому танку.

— Куда ты, Романенко?! — кричу я. — Назад!

Но он не слышит меня. В голове его одна мысль: остановить танк, грудью заслонить родную землю. Он поднимает гранату над головой. Танк тяжело ползет на героя. Но не стреляет. Видно, пробирает фашистов дрожь. И за крепкой броней не чувствуют они себя в безопасности, когда вот так, с открытой грудью, в полный рост наступает на них советский человек. Романенко взмахивает рукой — и граната летит под гусеницы вражеского танка. Но тут фашистский снаряд поднимает на воздух безжизненное тело храброго партизана. Величественная, прекрасная смерть…

Мы идем по траншеям, отбиваемся гранатами, стреляем из автоматов. Мало, совсем мало осталось партизан. Между зелеными гимнастерками редко мелькают фигуры наших, в неформенной одежде. Но мы держимся. Самолеты утюжат нас, над окопами желтая пыль, горький тротиловый дым. Нечем дышать, во рту пересохло. Люди кричат и не узнают своих голосов. Кто-то настойчиво оттаскивает меня от бруствера и с силой тянет за собой. Забираемся в какой-то разбитый блиндаж. В углу потрескивает рация. Просто чудо, как она уцелела в таком аду.

— Держитесь до двенадцати! — слышу я взволнованный голос. — Только до двенадцати.

До двенадцати совсем уж немного, каких-нибудь полчаса. Выдержим. Надо выдержать. Над Днепром по-прежнему стоит грохот и рев самолетов. Он особенно слышен нам, когда над нашими окопами в редкие минуты не рвутся снаряды и мины.

Полчаса тянутся целую вечность. Я контужен, из ушей, из носа течет кровь. Кто-то наскоро перевязывает меня. Надоедливая, тупая, ноющая боль во всем теле. Она не утихает. В окопах и вокруг все черно, земля изрыта воронками.

— Назад! — доносится до меня. — Кайсенов, назад…

— Что — назад? — ору я изо всех сил. — Отступать?

— Назад погляди, чудак, — молоденький лейтенант трясет меня за плечи и поворачивает лицом к Днепру. — Видишь, что сзади нас делается? А ты — отступать!

Сердце у меня на секунду остановилось, в глазах зарябило. Что это? Что там делается? Нет, такого я никогда не видел. От Днепра, от Григоровки к нам на высоты шли войска. Танки, машины с пушками. Над нами прошелестели и разорвались в

расположении атакующих немцев первые наши снаряды. Помощь! Пришла помощь. Я машинально взглянул на часы, они остановились. Но какое это имеет значение? До часу или до двенадцати мы держались на высотах — совсем неважно. Главное — высоты наши, и Днепр наш! Навсегда наш!

…Партизан тут же вывели из боя. Вместе со своими товарищами к вечеру я переправился на левый берег. В штабе воинской части нас ожидали. Среди командиров я увидел и того разведчика-танкиста, который накануне установил связь с партизанами. Он приветливо улыбнулся мне, крепко пожал руку. Командование части горячо благодарило партизан за помощь в переправе через Днепр. Я получил в награду ценный подарок — личное оружие.

— Вы ранены? — забеспокоился офицер, заметив кровь на моей одежде. — Немедленно доставьте командира в госпиталь.

— Теперь уже ничего, — поблагодарил я, — помогите мне добраться до своего соединения.

— Хорошо, — согласился он. — Ваш штаб находится в селе Пологие Бергуны. Вас и ваших товарищей сейчас отвезут туда.

…Уже в госпитале я узнал из газет о награждении своих товарищей, отличившихся в боях за Букринский плацдарм. Встретилась мне и фамилия Сысолятина. Кто же это такой? Вскоре мне рассказали, что Сысолятин — это боец-радист, который связывал меня со своим командованием. Храбрый парень, безусловно, он заслужил почетную награду.

Вспомнили мы тогда и тех, кто погиб на плацдарме, не дожил до окончательной славной победы.

Вспоминают партизаны своих боевых друзей и сейчас и никогда не забудут. Память героев дорога всему нашему народу.

ПОЛОНИНА РУНО

Шли жаркие бои на подступах к Закарпатской Украине. По особому поручению Центрального штаба партизанского движения Украины наше соединение прибыло на аэродром 4-го Украинского фронта. В соединении — шесть боевых отрядов.

Наш командир только перед самым вылетом бегло познакомился с командирами отрядов.

Я на этот раз не знал многих партизан, входивших в состав нашего соединения. Большинство из них были молодые люди, впервые вылетающие во вражеский тыл. Я знал хорошо только Тканко, Спижевого, Бурого, Милентенкова и еще нескольких человек.

Ночью на транспортных самолетах в сопровождении истребителей мы вылетели.

У линии фронта попали под жесточайший обстрел. Самолет, кренясь и маневрируя между разрывами вражеских снарядов, шел курсом на юго-запад. Когда перелетели линию фронта и оказались далеко от зоны обстрела, командир корабля, передав штурвал второму пилоту, вышел к нам и с печальным видом сообщил Тканко, что вражеской артиллерией сбиты два транспортных самолета с партизанами нашего соединения.

Группа партизан перед отправкой в тыл врага во главе с Героем Советского Союза **Тканко.**

Наш самолет шел теперь над Карпатскими горами.

— Густой, сплошной туман. Из-за плохой видимости разыскать удобную площадку для высадки людей невозможно.

Что будем делать? — спросил командир корабля у командира соединения.

— Надо высаживаться. В любом удобном месте, — отвечал Тканко.

Скоро самолет накренился и сделал два-три круга. Из кабины вышел второй пилот вместе со штурманом. Они открыли дверь самолета и дали команду на высадку. В дверь хлынул сырой воздух. Парашютисты, прощаясь с членами экипажа, выпрыгивали из самолета. Самым последним прыгнул я. Вокруг меня — сверху и снизу, слева и справа — белели парашюты моих товарищей.

Немного погодя снизу послышался легкий шум. Я понял: подо мной лес. Поджимая ноги, стал готовиться к приземлению. Еще минута — и я приземлился на небольшую полянку. Надежно спрятав парашют и взяв автомат, я без особого труда разыскал одного своего товарища — Митю. Он подвернул правую ногу и еле встал. Что делать? Решаем ждать условного сигнала командира соединения. Вот справа в темном небе показалась красно-зеленая ракета Тканко. Мы с Митей заторопились к месту общего сбора.

Когда подошли, около Тканко сидели четыре партизана. Наступало утро, а собралось нас всего семеро. Решаем углубиться в лес, а оттуда исподволь вести поиски остальных товарищей.

Надо было и по карте уточнить и разыскать место, где, по оперативному плану, предполагалась наша высадка. По словам начальника штаба партизанского движения Украины, мы должны были высадиться на высоте Полонина Руно, против чехословацкой границы. Сейчас мы находились на склоне какой-то скалистой горы. Ориентироваться на густо заросшей смешанным лесом горе было невозможно. Причудливый, сказочный лес показался нам безжизненным, не слышно даже пения лесных птиц, О том, что в этой местности редко ступала нога человека, говорил и тот факт, что время от времени горные олени и козлы безбоязненно шли на водопой к родникам.

Против нас возвышалась высокая гора с почти оголенным гребнем. По нашему предположению, это и была Полонина Руно.

Александр Васильевич Тканко подбадривал нас:

— Все устроится хорошо. Пошли!

Мы стали подниматься на вершину этой соседней горы. Восхождение удалось завершить к вечеру следующего дня.

Вершина горы была без деревьев и представляла собой альпийский луг. Мы ночевали на открытой поляне. Ночью настолько густо и обильно выпала роса, что все промокли до нитки.

И в этот день и на следующий мы не встретили наших

товарищей.

Группа партизан перед вылетом в тыл врага. Справа налево: **К. Спижевой, Леня, Петя, Миша, Юрик, Гриша, Леня, Анатолий и Леонид Мариненко, Касым Кайсенов.**

Итак, пропали, как в воду канули, партизаны двух отрядов. Один из них возглавлял начальник штаба соединения Виктор Бурый, другой — комиссар соединения Леонид Страх.

Мы терялись в догадках.

Наша группа под командованием Тканко после продолжительной разведки, длившейся несколько часов, вышла на солнечный склон горы. Далеко к югу виднелись небольшие горы, заросшие густыми деревьями. Над горами медленно плыли серебристые облака.

Вдруг идущий впереди всех Константин Спижевой резко остановился, посмотрел вниз и махнул нам рукой.

В двухстах метрах от нас на большом камне, опершись на палку, сидел человек.

Командир жестом подозвал всех к себе.

— Во что бы то ни стало задержать этого человека! Он может нам кое-что рассказать.

Незнакомец по-прежнему сидел неподвижно — похоже, дремал. Услышав близкие шаги, он быстро вскочил. Наш партизан Митя был уроженцем Закарпатской Украины и хорошо знал местный язык. Он сказал:

— Не бойся. Мы свои люди.

Несколько придя в себя, незнакомец быстро заговорил. Мы

подошли и увидели смуглого, с густыми бровями человека лет тридцати пяти-тридцати шести. На нем был домотканый халат из козьей шерсти и светлые штаны из мешковины, ноги босые. Он глядел на нас испуганно.

Как выяснилось, незнакомец пас коров своих односельчан. По его словам, у него были еще два помощника. Пастух пригласил партизан к себе.

Он привел нас к большому коровнику. Когда мы зашли в просторное саманное помещение, женщины, доившие коров, встали. Здесь были молодые девушки, женщины средних лет и старухи.

После беседы с переводчиком они подошли к нам поближе и попытались завести разговор.

Некоторые из них, большей частью пожилые, знали русский язык. Один старик, беседовавший с Александром Васильевичем, пригласил нас в палатку.

Несколько палаток стояло вокруг коровника. Они были на фундаментах из больших обтесанных камней, верх — из тонких досок, конусообразный.

Старик пригласил нас в крайнюю палатку. Оставив снаружи часового, мы вошли. Скоро туда собрались и все местные. Посредине палатки разожгли очаг. Мы расселись вокруг него и продолжали беседу. Говорил главным образом Александр Васильевич. Его слушали с большим вниманием. Старики, знающие русский язык, переводили его слова другим.

В беседе прошли два-три часа. Потом на низеньком квадратном столике появилось свежее молоко в глиняных крынках, кукурузный хлеб и копченое свиное сало.

— Не стесняйтесь, ешьте, дорогие гости, — приглашал радушно старик. — Хотели бы угостить вас получше, но нечем. Все отбирают фашисты.

Старик рассказал, как, спасаясь от поборов, крестьяне решили угнать своих коров в далекий горный лес. Этим только они и жили.

Все жаловались, что и до войны жили небогато, а уж теперь и совсем плохо. Если немцы разыщут их и отберут коров, придется умирать с голоду.

Гостеприимного старика звали дедом Миколой.

Шел дождь, и он пригласил нас переночевать, все радостно закивали головами.

В эту ночь мы спали в теплых и уютных палатках, а утром, попрощавшись и взяв с собой проводником деда Миколу, отправились в путь.

В КАРПАТАХ

Нашему командиру десантной группы Тканко Александру Васильевичу было в то время около тридцати лет, но выглядел он старше, видно, оттого, что был строг и совсем редко улыбался. Он любил, когда ему говорили правду, и жестоко карал провинившихся и не признающих своей вины. Было страшно смотреть в его проницательные голубые глаза, горящие гневом и презрением к трусам, к людям, опозорившим высокое звание партизана. Но он был справедлив и умел великодушно прощать проступки, если люди их осознали и прочувствовали. Его уважали и любили, и никто из командиров не осмеливался ему лгать.

Тканко Александр Васильевич — командир партизанского соединения.

Однажды и мне с товарищами пришлось идти к нему с повинной, и только откровенное признание помогло нам избежать серьезных неприятностей. Вот как это было. Перед вылетом в Карпаты мы стояли в селе Аварово, недалеко от фронта. Отряды из соединения Александра Васильевича должны были, как только позволит погода, выбрасываться поочередно в тыл врага. Но погода долго не баловала нас, и мы томились от безделья. Но вот наконец нас предупредили, что мы должны быть готовы к полету в тыл. Как сейчас помню, это было 21 июня 1944 года. Выдался на редкость ясный знойный день. Мы «квартировали» в небольшом сарае на окраине села.

— У нас все готово, — сказал партизан Спижевой, — до вылета далеко. Не пойти ли нам искупаться на дорожку?

Спижевой — веселый, красивый, с черными кудрявыми волосами парень. Он комиссар нашего отряда. Родился он в селе Григоровка, Переяславского района. Во время войны вместе со своей частью, где он служил офицером, Спижевой попал в окружение. После долгих боев и отступлений пробрался в родное село и здесь сразу же включился в подпольную работу. Подпольем в этом селе руководил тогда коммунист Емельян Демьянович Ломако. Отца Спижевого фашисты повесили в тот день, как заняли Григоровку. А мать Софья Павловна и его сестра Надежда Ивановна после долгих мытарств попали к партизанам. Здесь с ними Спижевой и встретился.

В моей группе был и Григорий Алексеенко. Он был одного возраста со Спижевым, и они даже внешне походили друг на друга. Однажды Алексеенко был схвачен гитлеровцами, и его ждала смерть. Но парню удалось бежать и пробраться к партизанам. Алексеенко был беззаветно храбрым человеком, и это его качество очень ценили партизаны.

…Случайно брошенное Спижевым предложение всем понравилось, и мы отправились на реку. Там мы застали купающихся деревенских ребятишек и присоединились к ним. Мальчишки с восхищением оглядывали нас. Они, конечно, догадывались, кто мы и откуда. Когда мы раздевались, ребятишки настойчиво просили нас что-нибудь продать им или подарить на память. Я вынул свои карманные трофейные часы и показал им.

— Хотите часы?

— Хотим, хотим, — хором закричали они.

— Вася, — сказал Спижевой, — часы ведь нам самим нужны.

— А зачем они? — заговорил Алексеенко. — Когда будем прыгать с парашютом, они могут вывалиться и пропадут ни за что. А хлопцам будет память.

Я отстегнул цепочку и передал часы ребятам. Обрадованные хлопцы, даже забыв поблагодарить нас, стремглав побежали в деревню. Но не успели мы как следует побарахтаться в воде, как наши новые знакомые опять появились у реки. В руках у них — большая бутыль.

— Дядьки! — закричали нам ребята. — Мы вот вам принесли согреться после купания. Добрый самогон, первач. Один стакан любую лихорадку из тела выгонит… Да вот сала шматок, да хлеба.

Мы посмеялись и поблагодарили ребят. После купания уселись на заросшем густой травой холмике и принялась за деревенские дары. Самогон был очень крепкий, не уступал спирту. Мы охмелели после первых же глотков. И, как это всегда бывает с подвыпившими людьми, занялись бесконечными воспоминаниями и обсуждениями всяких планов. Каждому из нас было, конечно, грустно оттого, что скоро наш самолет будут обстреливать вражеские зенитки, и неизвестно еще, как встретит нас чужой, незнакомый край.

За разговорами мы не заметили, как опорожнили объемистый сосуд.

— Товарищи! — разгорячился Алексеенко. — На этот раз мы полетим за границу, на территорию Венгрии. Нас ждут Карпаты! Давайте дадим салют в честь нашей родины, с которой мы сейчас прощаемся.

— Правильно, Гриша, — поддержал Спижевой. — И еще салют в честь тех, кто, как мой отец, сложили свои головы.

Алексеенко схватил автомат и запустил в синее бездонное небо несколько очередей. За ним отсалютовали Спижевой и я…

И тут случилось неожиданное. Рядом с нами вдруг защелкали пули, и мы увидели наших солдат, со всех сторон окружавших нас. Мы только теперь вспомнили, что были в штатском. И наша стрельба, конечно, привлекла внимание. Но было уже поздно… Солдаты стреляли в нас.

— Вася, я ранен, — крикнул Алексеенко и, схватив гранату, замахнулся на солдат.

— Ты что? — схватил я его за руку. — В своих? Успокойся.

Все дальнейшее помнится смутно. Я очнулся связанным в каком-то подвале. Рядом Спижевой и Алексеенко. Все тело болит. Видимо, солдаты переусердствовали и крепко помяли нас. Мы обезоружены. Я понял, какую великую глупость совершили мы, напившись самогону и открыв стрельбу. Я поднялся, ногой открыл дверь подвала. Меня остановил часовой с автоматом.

— Быстро зови сюда своего начальника, — сказал я часовому.

Спижевой и Алексеенко присоединились к моему

требованию, и через несколько минут к нам пришли два полковника и майор.

— Задержанные очнулись? — спросил полковник.

Нас развязали.

Я подошел к полковнику и показал ему кусок красной ленты с изображением двух цифр. Полковник нахмурился.

— Да, печальное недоразумение, — заговорил офицер, которому оказался известен наш пароль. — Но ваша глупая стрельба и одежда ввели нас в заблуждение… Идемте ко мне!

Мы уже опоздали на полчаса к вылету. Полковник отправил нас на место в своей машине. Настроение у всех было скверное.

— Что делать? — спросил я, грустно оглядывая своих приунывших товарищей. — Нашему проступку нет прощения. Что скажет Александр Васильевич?

— Александр Васильевич нас расстреляет, — неожиданно сказал Алексеенко.

— Мы этого заслужили, — сказал я. — Но как мы сейчас посмотрим в глаза командиру, своим товарищам? Ведь из-за нас, возможно, сорвалось важное дело. Кто-то уже в тылу врага, а мы болтаемся здесь.

— Это ты начал, Гриша, — заметил Алексеенко.

— Нечего искать виновных, — перебил я, отвечать будем вместе.

— Вася, тебя любит Александр Васильевич, — заговорил Спижевой, — и ты наш командир. Иди к нему сам, а мы подождем здесь.

И вот я иду к командиру. У штаба много народу, я остановился и прислушиваюсь, пытаюсь по разговорам определить обстановку. Какое-то тяжелое чувство и вместе страх останавливали меня.

— Пришел Кайсенов? — послышался из раскрытого окна голос Александра Васильевича. Он показался мне суровым и грозным.

— Нет, не пришел, — ответили несколько человек.

— Добре. А ну, ребята, запевай! Мариненко!

— «По-за лугом зелененьким», — громко начал Мариненко, и его поддерживают остальные.

Из множества голосов я слышу негромкий, на приятный голос Александра Васильевича.

Партизаны поют. Я любил эту песню не меньше моих друзей-украинцев, часто вечерами пел ее вместе со всеми. Эта песня была с нами в горе и в радости, скрашивала суровые партизанские будни, заглушала тоску о доме. Но я знал и то, что Александр Васильевич просил петь эту песню только в трудные

минуты. Мне стало не по себе.

Я решаюсь прервать пение и вхожу. По узкому проходу, образовавшемуся от раздвинувшихся в обе стороны партизан, подхожу к Тканко и говорю:

— Товарищ командир! Александр Васильевич, расстреляйте меня!.. Вот я явился…

— Пойдемте, — командир повел меня в штабную комнату.

В штабе никого не было. Командир прошел к столу, открутил фитиль в лампе, чтобы было светлее.

— Закрой дверь, — приказал Александр Васильевич и сурово спросил: — Что случилось?

Я рассказал все без утайки.

— А где же те двое?

— Они стоят у сарая.

— Что они там делают?

— Ждут меня. Вас боятся…

— А это что у тебя? — спросил Александр Васильевич и потрогал рукой шишку на моем лбу.

— Это нас оглушили солдаты, когда брали «в плен».

— Мариненко! — позвал командир начальника штаба, открыв дверь.

Мариненко в ту же секунду появился на пороге, В прошлом он был штабным офицером и к службе относился очень ревностно. Вначале он командовал отрядом, затем его выдвинули на должность начальника штаба.

— Приведи сюда Спижевого и Алексеенко, — приказал командир, — они стоят за сараем. Да позови Джавахидзе.

Опустив низко головы, к командиру вошли Спижевой и Алексеенко. Пришла и врач Джавахидзе.

— Осмотрите раны этих троих и окажите помощь, — обратился Александр Васильевич к врачу. — Накормите их из штабной кухни.

Мы поняли, что командир простил нас. С плеч упала огромная тяжесть. Стало легко дышать. Даже обида на солдат, по нелепой случайности так жестоко обошедшихся с нами, прошла.

— Вылета сегодня не разрешаю, — сказал командир, — отправитесь завтра в это же время… Ну, а в том, что с вами случилось, виноваты сами. Прощение заслужите там своими делами.

Этот урок запомнился мне на всю жизнь. По своей преступной неосторожности мы могли погибнуть сами, навредить делу, опозорить своих товарищей и нашего уважаемого командира.

…И вот я снова в штабе у Александра Васильевича Тканко.

— Ну как, Вася, дела? — спросил командир, приглашая меня садиться. — Командование поздравляет тебя и твоих товарищей с успешным выполнением последнего задания.

Командир крепко пожал мне руку и стал расспрашивать о делах в отряде. Я почувствовал, что он вызвал меня неспроста. Мое предположение оправдалось.

— Я вызвал тебя для того, чтобы дать одно важное, очень ответственное задание, — перешел к делу командир. — Ты, как никто другой, для этого подходишь. Надеюсь, ты с честью выполнишь приказ.

Командир внимательно поглядел мне в глаза, словно хотел в них что-то прочесть. А я ждал, что он скажет, как и когда мне приниматься за дело. Александр Васильевич заговорил, однако, о другом:

— Командование отрядом сдашь Спижевому. Из отряда подбери одного надежного человека и завтра к двум часам будь здесь.

— Можно идти? — спросил я, поняв, что разговор на сегодня окончен.

— Можно! — разрешил командир и, проводив меня коротким взглядом, углубился в карту.

Признаться, я не раздумывал о характере задания, об опасности. В партизанских условиях надо быть всегда готовым ко всему. Я знал, что предстоит полет в тыл врага, приземление в заранее облюбованном месте, обычная партизанская работа, трудная, но необходимая, и, хотя командир намекал на какое-то особое задание, я в ту пору не обратил на это внимания. Каков бы ни был приказ, я обязан выполнить его.

Больше всего меня занимала мысль о том, что придется расстаться с отрядом, со своими боевыми товарищами — командирами и рядовыми бойцами. Многие из них с самого начала войны скитались со мной по тылам врага, делили радости побед, горести трагических неудач.

Прощание с отрядом было грустным. О многом вспомнили, помечтали о будущем. Спижевой принял от меня отряд, пожелал успехов на новом, еще не известном мне поприще. Я взял с собой партизана поляка Юзика и отправился в штаб соединения, К назначенному часу в кабинет командира пришли начальник штаба и комиссар соединения.

— Ну, друзья, — сказал командир, — давайте проводим Васю.

«Проводить» на нашем языке означало объяснить предстоящую задачу, условиться о деталях операции.

Немецкая армия отступала. В тылу усилилась деятельность подпольных групп и организаций. Уже кое-где в Закарпатской

Украине вспыхивали открытые вооруженные стычки местного населения с оккупантами. Люди ищут связи с партизанами. Это подпольщики. Об этом рассказали мне тогда в штабе.

— Особенно много подпольщиков, — говорил командир, — в округах у Мукачева. Там нелегально принимают сообщения с фронтов, ведется большая работа среди населения. Но подпольщики разрознены, у них нет оружия. Достаточно немцам выделить небольшой карательный отряд — и патриотов разгромят. Надо спасти их от репрессий и террора. Объединить отдельные группы в один сильный отряд.

Эту задачу штаб соединения поручил мне. Сложная, тяжелая задача. Но не партизанам отступать перед трудностями.

— Задание будет выполнено, — заверил я командира.

— Кто твой попутчик? — спросил командир. — В таком деле в товарищах ошибаться нельзя.

Я хорошо знал своего товарища. Это был поляк Юзик Никольский, парень 22—23 лет. Он был смел и силен, свободно владел венгерским, румынским и немецким языками, знал русский. К нам в отряд он попал, бежав из немецкого лагеря политических заключенных в Закарпатье.

…И вот мы с Юзиком в пути.

— Эх, если бы нас послали в Польшу, — говорил мечтательно Юзик, — мы бы быстро все организовали. А тут будет сложнее…

— Ничего, — утешал я его, — в Закарпатской Украине тоже немало друзей у нас. Мы найдем их.

В сумерках мы спустились с восточных склонов высокой горы, утолили жажду из светлого родника, каких так много в Карпатах, и расположились на ночлег в березовой рощице. Утром нас ждала снова дорога, неизведанная, опасная.

На третий день мы вышли из леса к небольшой поляне и впервые увидели людей.

— Кто они? — спросил Юзик, прячась за деревьями. — Жандармы?

На противоположном краю поляны расположилась группа людей. Я направил на них бинокль. Все они одеты будто в какую-то униформу, на головах — крестьянские шляпы. Кажется, все-таки не военные. Ведут себя беспечно, сгрудились в кучу, о чем-то оживленно разговаривают. Может быть, это как раз подпольщики? Тщательно обследовав все вокруг, мы совсем близко подошли к неизвестным.

— Юзик, — приказал я своему спутнику. — Дай мне твой автомат, а сам с пистолетом иди к ним. Если это окажутся немцы, беги в сторону — я их расстреляю, если мирные жители — подашь знак.

Юзик пошел. Неизвестные, заметив моего товарища, страшно переполошились, но Юзик спокойно подошел к ним.

Вскоре он подал мне знак, и я вышел из засады.

— Они убежали из лагеря, — сказал Юзик, — ищут партизан. Вот он хорошо говорит по-русски.

Знающий русский язык оказался чехом по национальности, членом коммунистической партии Чехословакии. Он познакомил нас со своими товарищами. Трое были его земляками, двое — румыны, остальные — венгры и карпатские украинцы.

— Ну а я — казах, — с улыбкой сказал я новым знакомым, — мой друг — поляк. Теперь в нашей интернациональной группе шесть национальностей. Давайте держаться вместе.

Наши новые друзья оказались не с пустыми руками. У них имелось три пистолета, одна винтовка, два ружья и две сабли. В лесу мы разбили лагерь и прожили два дня тихо, продолжая знакомиться друг с другом. Попутно выясняли обстановку, следили за немцами, которые чувствовали себя здесь в безопасности и держались нагло. Вскоре мы перешли к решительным действиям и за пять дней разоружили тридцать два фашиста. Наши трофеи пополнились тридцатью двумя винтовками, четырнадцатью револьверами и множеством патронов.

Маленький отряд набирал силу. Мы уверились, что наши новые товарищи — люди преданные, всем сердцем ненавидящие немцев. Через несколько дней мы уже контролировали асфальтированную магистраль Мукачев — Ужгород. Дорога эта имела для немцев большое стратегическое значение. Естественно, что она сильно охранялась. Мы действовали на участках между сторожевыми будками, строго выбирая объекты для нападения.

Прежде всего нам надо было пополнить свои ряды. Сделать это можно было, отбив военнопленных, которых немцы угоняли в тыл. Вскоре мы получили сведения от разведки, что по дороге идет колонна пленных. Мы приготовились к встрече.

Жуткую картину представляла эта колонна. Пленные еле брели, отстающих немцы били прикладами, пристреливали.

Мы напали на охрану, которая численно превосходила наш маленький отряд.

— Братцы! Мы партизаны! — кричали мы пленным. — Бейте немцев! Вооружайтесь! Смелее! Не теряйте времени!

Пленные кинулись на своих охранников, которые в панике заметались вдоль колонны. Они отбирали винтовки у фашистов и тут же убивали их. За полчаса с охраной было покончено. Мы захватили двадцать четыре винтовки, три пистолета, много патронов, три повозки, доверху нагруженные продовольствием.

Двести семьдесят пленников обрели долгожданную свободу.

Налет нашего маленького отряда был так стремителен, а немецкие солдаты так растерялись, что операция прошла без потерь с нашей стороны.

Теперь нам нужно было уйти подальше от места боя. Но двигаться быстро мы не могли: задерживали тяжело больные пленные. К тому же в горах нелегко продвигаться с телегами. Приходилось часто останавливаться, давать передышку людям и лошадям, расчищать дорогу для повозок в густом лесу.

Ясно, что немцы уже обнаружили место разгрома транспорта. По дороге часто засновали вражеские машины. Через некоторое время за нами бросились отряды карателей. Мы решили остановить колонну. Из числа пленных отобрали тридцать человек, переодели их в немецкую форму и вооружили трофейным оружием. Этот отряд передали под команду Юзика. Он должен был охранять нас с тыла…

Прошли еще с десяток километров. Дорога ухудшилась. Надо было бросать телеги. Для того чтобы можно было в будущем их использовать, разобрали по частям, спрятали в лесу. Продукты разгрузили, навьючили на лошадей и двинулись дальше. Однако в этот день мы с большим трудом продвинулись лишь километров на пятнадцать.

С наступлением темноты расположились на отдых, а чуть свет снова двинулись в путь. В полдень, забравшись в густую лесную чащу Карпатских гор, остановились. Необходимо было дать отдых людям, починить обувь, постирать одежду. У нас кончалось продовольствие, и группу Юзика отправили на добычу продуктов.

Отдыхали мы три дня и за это время сделали многое.

Из бывших пленных организовали три взвода, в каждом — по три отделения. Командиром первого взвода назначили майора Спиридонова, второго — Сидоренко, третьего — старшего лейтенанта Хасымова. Комиссаром всего отряда стал капитан Ефремов, начальником штаба — майор Шарай. Эти люди первыми бросились на конвоиров, когда мы остановили колонну, и дрались героически.

Поровну разделили между взводами захваченное оружие. Создали также хозяйственную группу из пятнадцати человек. В ее распоряжение передали шесть лошадей. Командиром хозяйственной группы назначили местного уроженца Василия Куштана. Он хорошо знал Карпатские горы, а это было важно. Так в еще недавно не знакомых нам Карпатах родилась новая грозная для врагов сила — партизаны.

До возвращения группы Юзика мы как следует укрепили свой

лагерь. Выслали разведчиков. Но то ли у оккупантов не нашлось свободных сил, то ли они потеряли наши следы, только все три дня мы прожили спокойно. К концу третьего дня вернулся отряд Юзика. Он доставил нам продукты.

Мы решили готовиться к нападению на вражеский гарнизон в селе Турья Поляна. Разведчики донесли, что гарнизон состоит из солдат, отведенных с фронта после боев на отдых. Было их человек сто. Условились напасть на гарнизон в час ночи. Немецкие солдаты занимали большой двухэтажный дом и ночами обычно спокойно отдыхали.

С наступлением темноты отряд вышел на северо-западную окраину села, каждый взвод получил свое боевое задание. Приготовились к бою. К полуночи отряд окружил казарму. Овчарки подняли бешеный лай. Мы с частью отряда находились в засаде на дороге Турья Поляна — Мукачев, когда в селе послышались редкие выстрелы и раздалось громкое «ура». Мы подоспели к казарме, когда все уже было кончено. Партизаны выстраивали пленных фашистов на площади.

— У нас трое убитых, — доложил командир первого взвода.

— Почему поспешили? — выговорил я командиру. — Я ведь сказал, чтобы ждали меня. Это вам не фронт — наступать с криком «ура». Потеряли трех человек. Нужно было обезоружить наружную охрану, захватить винтовки в пирамидах.

— Собаки подняли страшный лай, товарищ командир. Боялся, что опоздаем, — оправдывался Спиридонов.

Отряд захватил этой ночью семьдесят четыре винтовки, тридцать один пистолет и много других трофеев. В плен было взято восемьдесят четыре фашиста. Закончив операцию, мы поспешили в лес, прихватив пленных.

Трофейное оружие и боеприпасы разделили по взводам. Кроме того отряд обеспечил себя одеждой и питанием. Допросили пленных. Они показали, что в селе находилось сто двенадцать солдат. Накануне около тридцати из них отправились по окрестным селам. Сами они недавно отведены из-под Львова. Там участвовали в боях, их часть понесла тяжелые потери. Начались случаи дезертирства с фронта. Нечего и говорить, такие вести радовали нас.

На другой день наш отряд с почестями хоронил погибших товарищей. По Карпатским горам звонким эхом прокатился троекратный салют.

* * *

Наш интернациональный отряд рос и креп. Теперь мы стали все чаще нападать на немцев в селах, контролировали не одну дорогу. Однако для более важных операций нам не хватало оружия и боеприпасов.

Однажды наши разведчики сообщили, что в селе Турья Пасик много немцев. К вечеру мы отправились туда. Я отдал команду рассеяться по улицам, а сам пошел вдвоем с Юзиком. Скоро мы попали в какой-то сад и, скрываясь за фруктовыми деревьями, подошли к месту, откуда слышалась немецкая речь, похожая на команду. Мы увидели построенных в шеренгу солдат. Их обучал офицер. Солдатики мелкие, худенькие.

— Это еще мальчики, — сказал тихо Юзик. — Немцы вот так же и у нас в Польше собирали юнцов, наскоро обучали их и зачисляли в армию. Смотри, у них в руках малокалиберные винтовки. Обучает солдат немецкий или венгерский офицер.

Строй приблизился к нам и остановился. И тут я окончательно разглядел, что это мальчики четырнадцати-пятнадцати лет. Им бы еще в игрушки играть, а они держат в руках винтовки, хоть и не боевые, но все-таки. Даже такое оружие могло нам пригодиться.

Я послал Юзика за подкреплением, а сам остался наблюдать за новобранцами.

Вот их командир подал какую-то команду, ребятишки мигом перебросили ружья из правой в левую руку и вскинули их на плечо. Один из них, самый маленький, замешкался и выронил винтовку. Командир зло рявкнул, подбежал и сильно ударил мальчишку по лицу. Команды сыпались одна за другой. Прошел целый час, а новобранцы все занимались. Наконец подоспел Юзик с ребятами.

Юные солдаты усердно выкрикивали «хайль Гитлер», беспрерывно вскидывая ружья. Мы с Юзиком подошли к ним. Офицер подал отрывистую команду и вытянулся перед Юзиком, который был одет в мундир немецкого майора. Офицер пытался что-то рапортовать, но Юзик, махнул рукой — «отставить», подошел к офицеру совсем близко и вынул у него из кобуры пистолет. Растерявшийся офицер не сопротивлялся. А Юзик между тем подал новобранцам команду. Они сделали шаг вперед, положили ружья на землю и снова стали в строй.

Я попросил Василия Куштана, местного жителя и нашего партизана, сказать речь.

— Фашистская армия, — начал Куштан, — отступает перед советскими войсками, терпит жестокие поражения. Советские войска уже недалеко от Карпат, и близок тот день, когда вся Европа будет свободна. Кому вы служите, закарпатцы? Сейчас же

идите по домам и больше не попадайтесь в лапы немцам.

Василий Куштан призвал своих земляков уклоняться от немецкой мобилизации, прятать скот и имущество, не давать фашистам продовольствие.

— В лесах, — говорил он, — действуют партизаны. Кто хочет бороться за свободу, пусть отправляется в партизанский отряд.

Услышав слово «партизаны», немецкий офицер вздрогнул, очевидно, окончательно уяснив себе, в чем дело. Куштан заметил это.

— Сознательные немецкие офицеры, — продолжал он, в упор глядя на немца, — рвут с фашизмом и становятся в ряды борцов за свободу. Всем честным немцам пора давно задуматься над этим.

Речь Куштана произвела большое впечатление на новобранцев. Многие, выслушав ее, пошли по домам, а некоторые стали допытываться, в каком именно лесу искать партизан…

Мы нашли в селе много патронов к малокалиберным винтовкам, погрузили захваченное и спокойно вышли на свою базу.

НА БУКСИРЕ САМОЛЕТА

Этот случай запомнился нам всем как один из необычайных даже в партизанской жизни.

…Двухмоторный самолет ночью на большой высоте летит на запад. Он везет парашютистов-партизан. Раздается команда:

— Приближаемся, приготовиться к прыжку!

Партизаны встали и, подойдя к бортовой двери, выстроились друг другу в затылок. Один из членов экипажа открыл дверь. Партизаны по одному стали выпрыгивать из самолета.

Виктор Олейник сейчас же после прыжка обнаружил, что его парашют прихвачен бортовой дверью. Он летел на буксире за самолетом. Машина шла на большой скорости, порывы холодного ветра обжигали лицо. Виктор с большим трудом достал стропы парашюта и обеими руками цепко ухватился за них.

Самолет благополучно перелетел линию фронта и взял курс на свой аэродром. Наступило уже утро, когда он вернулся на свою базу.

Летчик сделал разворот для посадки, а с аэродрома радировали:

«Садиться нельзя. У вас на буксире парашютист. Наберите высоту. Ждите дальнейшего приказа».

Самолет сделал круг над аэродромом, стал набирать высоту.

«Посадку не разрешаю. Примите меры к экономии горючего и не снижайте высоты. Жду дальнейшего распоряжения Москвы», — дополнительно сообщили с аэродрома.

Самолет продолжал летать. Экипаж забеспокоился.

Летчики отыскали зажатый край парашюта, максимально снизили скорость самолета, а затем, приоткрыв бортовую дверь, начали медленно и осторожно тянуть парашют. Однако зажатая дверью часть парашюта грозила оборваться.

Тогда в месте, где установлен пулемет, прорубили отверстие.

Это позволило достать стропы парашюта.

«Нельзя ли отпустить парашютиста после того, как наберем высоту?» — спросил экипаж.

Аэродром ответил: «Очень опасно. Парашютист может быть в бессознательном состоянии».

Наконец командир корабля получил следующую радиограмму:

«Как бы то ни было, надо спасти человека. Приказываю прорубить в самолете отверстие и втащить парашютиста!»

Горючее было на исходе. Члены экипажа стали расширять отверстие у пулеметной установки. Каждую минуту они

передавали по радио результаты работы.

С другого аэродрома на помощь вылетел У-2. Однако летчики уже справились: парашютист через проделанное отверстие был втащен в самолет. Он действительно оказался без сознания. Самолет быстро пошел на снижение.

Виктора срочно отправили в полевой госпиталь. Сейчас он жив, только после воздушного буксира стал заикаться и плохо слышать.

КАРАТЕЛИ

Вот уже двое суток, как у нас вышли последние запасы продуктов. Питаемся дикими яблоками, малиной. Нам нужно еще трое-четверо суток, чтобы добраться до наших продовольственных кладовых.

Весь день идем по узкой лесной тропе. Окончательно выбились из сил. К вечеру вышли к опушке большого хвойного леса и решили заночевать.

Проснулся я раньше всех, поднял нашего врача Целу Джавахидзе и поручил ей собрать ягод к завтраку. Сам поднялся на горку.

Кругом мертвая тишина. Я стою на высоте двести-триста метров. Приложив бинокль к глазам, вижу, что по узкой горной тропе гуськом идет большая группа людей. Я смотрю внимательнее: они похожи на партизан наших потерявшихся двух отрядов. Идущий впереди — выше других, видимо, Виктор Бурый, а замыкающий — маленький, видимо, Ламухин. Я радуюсь и с нетерпением жду их приближения.

Идут они медленно. Потеряв всякое терпение, я бегу им навстречу. Мне хочется привести их к спящему Александру Васильевичу и устроить ему сюрприз. Пробежав немного, я заметно устал и присел на камень. Отдышавшись, еще раз посмотрел в бинокль и вдруг вскочил: вместо своих товарищей я с ужасом увидел венгерских солдат. Теперь только я понял свою оплошность. Это были каратели! Они, видимо, искали наш отряд.

Их было около тридцати человек, если не больше.

Шли они с винтовками наперевес и находились уже совсем близко от меня!

Что предпринять? Единственное спасение — лес. До него метров пятьдесят. Я побежал, пригибаясь. Меня обстреляли, но все же мне удалось благополучно скрыться.

Бегом я добрался до нашего лагеря, разбудил Александра Васильевича.

Как я и предполагал, немецким командованием была организована специальная облава.

Мы решаем тут же уходить от преследования и, только выбрав удобную позицию, дать бой.

Заманить противника в лес — такова была наша задача.

Руководители партизанского соединения «Закарпатье». Справа налево: **Страх Леонид, Ламухин, Крестьянинова Зина, Тканко Александр, Бурый Виктор, Кайсенов Касым.**

— Итак, пошли! Ведите, — сказал Александр Васильевич деду Миколе.

Чтобы замести следы, решили использовать небольшую горную речку. Пошли по воде, по течению. Выбравшись на берег, углубились в лес. Противник преследовал нас почти по пятам. У него были и собаки.

Нас уже утомило отступление, и мы решаем дать бой, чтобы определить хоть боеспособность противника.

Выходим на заросшую молодым кустарником высоту. Встретиться с врагом лучше всего здесь.

Справа от меня ложится Константин Спижевой, за ним — Мариненко, Александр Васильевич, Джавахидзе. Все они наскоро окапываются за молодыми соснами. Два ручных пулемета установлены на флангах за большими камнями.

Напряженно наблюдая за небольшой полянкой, которую пересекает речонка, мы лежим в своих окопчиках, время от времени посматривая на Александра Васильевича.

Долго ждать не приходится. Вот показались фигуры трех солдат с собаками. Они идут по нашим следам прямо к речке. Сзади них — одетые в желтые и синие мундиры венгерские солдаты. Если бы не собаки, можно было бы пропустить этих солдат, а затем вести бой с основной силой. Но собаки…

Солдаты быстро подходят к речке и, положив винтовки на

землю, жадно пьют воду, умываются. Вскоре к ним подходят все остальные. Все пьют, плескаются и, кажется, намерены отдохнуть. Кое-кто, присев, стал переобуваться. Ясно: противник решил сделать небольшой привал.

Мы все, затаив дыхание, смотрим то на врагов, то на Александра Васильевича.

Он подмигивает, что означает: «Все идет отлично! Сейчас…».

Отдохнув, солдаты встают и направляются в нашу сторону.

Солдаты с собаками, как и прежде, впереди основного отряда.

Когда солдаты все переправились через речку, Александр Васильевич высоко поднял правую руку и взмахнул ею. Сильный огонь из двух пулеметов и пяти автоматов покосил первые ряды растерявшихся врагов. Но скоро противник пришел в себя, занял оборону и стал медленно отступать. Одна группа побежала вверх и скрылась в густом лесу, другая, отступая по течению реки, вышла к нашему левому флангу и укрылась за большими камнями. Положение складывалось невыгодное: мы оказались почти в окружении. Противник начал обстреливать нас с флангов и заходить к нам в тыл. Тогда мы бесшумно снялись с места и, пройдя через поляну, где лежали трупы вражеских солдат, направились в ту сторону, откуда пришли. Перевалив сопку, мы благополучно скрылись в густом кустарнике.

Заметая свои следы, мы поспешно вышли к северо-восточной окраине Полонина Руна. На пути нам часто попадались папиросные окурки, пустые консервные банки. Эти приметы подтверждали, что в лесах, разбившись на отдельные отряды, орудовала целая карательная экспедиция.

Наш рейд длился несколько дней. За это время мы напали и на след потерянных отрядов. Следы говорили о том, что им так же, как и нам, приходилось сражаться с карателями.

Однажды к концу дня, когда мы, уставшие, уже еле двигались, где-то невдалеке от нас послышалась автоматная очередь. Мы остановились и прислушались. Через минуту она повторилась. Потом кто-то выскочил из леса и бросился бежать. Увидев нас, он остановился в испуге. Только теперь нам удалось рассмотреть, что перед нами с окровавленными ногами стояла девушка лет семнадцати-восемнадцати.

— Тата! — вдруг крикнула она и бросилась к деду Миколе, обняла его.

Он успокаивающе гладил ее по спине.

— Это моя младшая дочь Вера, — сказал он нам.

Мы все подошли к девушке. Наш врач Джавахидзе быстро привела в порядок ее раны, забинтовала их. Девушка была ранена в нескольких местах.

Вытирая слезы, она подробно рассказала нам о том, что в их село и в соседние села прибыли отряды немецкой карательной экспедиции. Все они отправились в леса разыскивать партизанские отряды. Когда она вышла из села, чтобы отыскать отца и сообщить ему об этом, неожиданно встретилась с венгерскими солдатами. Девушка бросилась в лес, а солдаты открыли стрельбу.

Дед Микола и его дочь Вера стали первыми нашими партизанами из местного населения.

РАЗГРОМ ВРАГА

Перед нами высокая, с оголенной вершиной остроконечная гора. Она называется Полонина Острый. По рассказам местных жителей, в старое время она являлась военным укреплением.

— Очень надежный укрепленный пункт. Стало быть, ее вполне и сейчас можно использовать, — сказал дед Микола, указывая на гору.

Александр Васильевич, развернув карту, посмотрел на нее.

— Да, выгодная позиция. Только бы быстрее забраться на вершину. А уж там можно и отдохнуть.

Позднее мы узнали, что на этой горе немцы нанесли некоторый урон партизанскому соединению Ковпака и Руднева. Я знал Руднева. Пламенный патриот, он героически погиб на этой горе. Они тогда были вооружены не так, как мы. Ковпаковцы имели только винтовки и несколько ручных пулеметов. Это обстоятельство и помогло немцам. Мы вооружены лучше, но наша беда в том, что мы еще разбросаны.

Александр Васильевич засунул карту за голенище сапога и направился вперед. Мы все последовали за ним.

С большим трудом, делая частые привалы, забрались на вершину горы. После продолжительного отдыха приступили к оборудованию опорного пункта. Отрыли глубокие траншеи, спереди их обложили большими камнями, надежно оборудовали гнезда для ручных пулеметов. Теперь открытая местность от нашего опорного пункта до опушки леса на расстоянии двухсот пятидесяти-трехсот метров хорошо простреливалась. В старых ямах и траншеях валялись заржавленные детали огнестрельного оружия, пустые консервные банки. Эти ямы и траншеи нами тоже были использованы для обороны.

Противник где-то недалеко, и ждать его можно с минуты на минуту. Все напряжены, смотрят вниз. Только Мариненко спокойно связывает ручные гранаты. Закончив свою работу, он встает и раздает всем нам по одной связке.

Александр Васильевич и дед Микола спали в траншее.

Чуть поодаль от них сидели Цела Джавахидзе и Вера. Они хоть и плохо понимали друг друга, но о чем-то беседовали.

Прошло много времени, а противник все не показывался. Проснулся Александр Васильевич, посмотрел на часы:

— Что-то долго их нет.

— Может быть, они и не появятся? — с надеждой спросил кто-то.

— Нет. Собаки не потеряют след. Надо быть готовыми.

Первым заметил врага наш минер Леня. Он повернулся к Александру Васильевичу, жестом позвал его и показал на небольшой редкий лесочек.

— Всем вести наблюдение, слушать только мою команду! — приказал Тканко.

Мы заняли свои места.

Каратели вышли на опушку леса и остановились. Собак с ними не было. Через некоторое время от них отделилось пять человек. Опираясь на винтовки, каратели направились в нашу сторону и медленно стали подниматься на гору. Остальные продолжали стоять, прислонившись к соснам. Эти пятеро были уже близко от нас. В это время на левом фланге противника группа венгерских солдат сгрудилась в одном месте, рассматривая что-то на земле.

— Обнаружили нашу мину, товарищ командир! — сказал минер Леня.

— Начинай! — скомандовал Александр Васильевич.

Из пяти зарытых в землю мин взорвались четыре. Одновременно с флангов застучали наши пулеметы, заработали автоматы.

От взрывной волны и от шума ружейных выстрелов задрожали старые Карпаты. Уцелевшие каратели бросились наутек.

— Прекратить огонь! — подал команду Александр Васильевич. — За мной!

Когда мы подбежали к опушке леса, то увидели вражеские трупы и услышали стоны раненых. Легко раненные обстреливали нас из автоматов. Но скоро и их сопротивление было подавлено.

В этом бою мы почти все были ранены. В плен к нам попали два немецких офицера и три венгерских солдата. У одного из офицеров мы нашли карту с пометками разработанного плана карательной экспедиции. Эта карта сослужила нам добрую службу.

Ночью, по очереди охраняя пленных, мы расположились на оборудованном нами опорном пункте. Утром, с самой зари, врач Джавахидзе с Верой занялись перевязкой раненых партизан. Мы с Леней сортировали и раздавали оружие нашим товарищам. Дед Микола и Вера получили по пистолету.

Александр Васильевич, позвав к себе Митю, занялся допросом пленных. Первым был вызван пожилой немецкий офицер. Он давал показания на чистом русском языке.

— Я являюсь командиром восьмой группы специально организованной против вас облавы, — сказал он Александру Васильевичу, глядя прямо на него. — На облаву мы вышли четыре

дня тому назад. За эти четыре дня мы шесть раз неожиданно оказывались в западне. Мы потеряли триста тридцать два солдата и восемь служебных собак.

— Назовите количество групп, действующих в облаве.

— Около десяти.

— А если точнее?

— Точнее не могу.

— Что можете сказать о своей вчерашней неудаче? — спросил Александр Васильевич пленного.

— Все было так неожиданно, мы сами толком не разобрались. Мне показалось, что русские стреляли по нас из минометов или из пушек. Было невозможно сразу разобраться, откуда вы стреляли. Я лично поражался меткости вашего огня.

— На каком фланге вашей группы вы находились? — быстро спросил Тканко.

— На правом.

— Продолжайте.

— На этом месте мы ожидали засаду, но никогда не думали, что встретимся с такой сильной русской группой.

И ОДИН В ПОЛЕ ВОИН

С раннего утра мы в походе. К вечеру выходим на какую-то небольшую полянку с двухэтажным деревянным домом. Не приближаясь к дому, ведем наблюдение. Людей не видно.

— Это дом лесника, — говорит дед Микола, поворачиваясь к Александру Васильевичу. — Здесь лесник либо венгр, либо немец. Нам, украинцам, лес не доверяют. Хотя лесники и живут в лесу, но каждый из них является старостой какого-нибудь села.

— Да, дом лесника, — подтверждает командир, посмотрев на карту.

Тщательно прочесав опушку леса, мы не обнаруживаем никакого человеческого следа. Но у дома около своих кормушек толкаются хорошо откормленные утки, гуси и куры. В холодке, пожевывая зеленую сочную траву, лежит корова. Значит, люди где-то близко.

Александр Васильевич смотрит на нас:

— Митя, Мариненко и Вася, сходите в дом и разведайте. Выясните, кто там есть, — приказывает он.

Мы собираемся. Я остаюсь в своей командирской гимнастерке без погон, а Митя и Мариненко переодеваются. Митя надевает мундир венгерского офицера: он ведь хорошо знает мадьярский язык. Мариненко предпочел мундир немецкого офицера: он сам похож на чистокровного арийца.

Втроем мы подходим к дому. Быстро осмотрев сарай и скотный двор, идем в дом. Поднимаемся на верхний этаж и в первой же комнате обнаруживаем трех молодых женщин и двух подростков. Они сидят за столом и пьют чай.

Наш приход их очень испугал, но мы успокаиваем их и приказываем сидеть тихо.

Кроме этой комнаты наверху еще три. В последней, закинув ногу на ногу, лежит на кровати молодой человек. Наш внезапный приход, как видно, нисколько его не смутил. Он продолжает лежать в той же позе и в упор смотрит на меня. Я тоже смотрю ему прямо в глаза и стараюсь не упустить ни одного его движения. Митя подходит ближе и на венгерском языке приказывает ему встать. Но он продолжает лежать и смотреть на меня.

Вдруг он замечает звездочку моего командирского ремня — и тут же сует правую руку под подушку. Медлить нельзя! Я стремительно прыгаю, всем телом наваливаюсь на него и обеими руками хватаю врага за руки. Митя из-под подушки вынимает два заряженных пистолета.

Обыскав комнату, мы находим мундир и снаряжение. Это кадровый немецкий офицер в чине майора. Мариненко ведет пленного к командиру и присылает к нам на помощь троих партизан. Продолжая обыск, мы обнаруживаем на нижнем этаже и берем в плен восемнадцать раненых немецких солдат вместе с оружием. Допрашивая пленных, мы установили, что наши товарищи, Ламухин и Шевцов, героически сопротивлялись, отбиваясь до последнего патрона. Наших партизан было немного, они все погибли, но их гибель врагу досталась дорого. Да, наши люди великолепно доказали, что советский человек и один в поле воин!

Итак, следы наших пропавших без вести товарищей постепенно обнаруживаются. Одни из них погибли, сражаясь с врагом, другие некоторое время оставались живы, но своему долгу патриотов не изменили до конца.

О том, как мы нашли основную часть своих потерявшихся друзей, я хочу рассказать.

Спускаясь по покатым склонам высокой горы, идем к большому селу. Не доходя до села, останавливаемся и, забравшись под густую калину, решаем отсидеться до вечера.

Когда стемнело, мы осторожно входим в село. Прежде всего, по совету деда Миколы, направляемся в крайнюю хату. Хозяин хаты говорит, что немцев в селе нет, но мы все же по партизанской привычке идем дальше не по улице, а через огороды. Тихо, прислушиваемся к каждому шороху.

Вдруг впереди нас кто-то выстрелил из винтовки. Мы останавливаемся.

— Кто-то стреляет из нашей трехлинейки, — говорит Спижевой шепотом.

Вот слышны и голоса. К нашему удивлению, русская речь!

— Кто стрелял? — слышен голос из темноты.

— Я выстрелил, случайно, — отвечает другой.

— Откуда здесь русские? Наверное, наши ребята! — шепчет Мариненко.

— Возможно, какой-нибудь другой отряд. Мариненко, подай им голос, — приказывает командир.

— Бурый! Бу-у-рый! — кричит Мариненко, приложив ладони ко рту.

Разговор в темноте замолкает.

— Виктор! — кричит Мариненко.

Тишина.

— Почему не отвечаете? — громко спрашивает Александр Васильевич.

— Тканко, я Сапельков! — наконец раздается грубый бас.

— Сапельков! Ребята, наши!

На душе у всех радостно. Приятно обнять дорогих и близких товарищей по оружию.

Отряд Сапелькова перебросили в тыл врага со специальным заданием на два месяца раньше нашего. Теперь он входил в состав партизанского соединения «Закарпатье» под общим командованием Александра Васильевича Тканко.

До сих пор нам никак не удавалось разыскать многих наших товарищей. Об их судьбе мы ничего не знали. В числе пропавших были Леонид Страх — комиссар нашего соединения, и радист Аркадий Гаспарян. Нас всех волновала судьба нашего комиссара и его радиста.

Однажды из очередной разведки явился дед Микола и сообщил нам, что сельские патриоты имеют связь с какими-то двумя партизанами. По рассказу деда, один из них — русский, лет сорока, второй — кавказец. Вполне возможно, что это кто-нибудь из наших. Не комиссар ли?

Прошло два-три дня. Дед Микола, специально посланный за ними, не возвращался, и мы ничего не знали.

Действия карательной экспедиции за последнее время почти прекратились. Теперь уже мы, сосредоточив разбросанные силы в один кулак, перешли в контрнаступление и сумели нанести несколько чувствительных ударов по противнику.

Сегодня же поневоле все партизаны в лагере: как обычно в этих краях, вот уже двое суток беспрестанно идет проливной дождь. Кругом вода, в палатках сыро.

— Товарищ командир! По направлению к лагерю идут четверо неизвестных, — просунув голову в дверь палатки, докладывает дежурный Александру Васильевичу.

— Четверо неизвестных? — спрашивает командир. — Бери с собой двоих партизан и иди навстречу. Задержи их на посту, — приказывает он мне.

Когда я с людьми прибежал на пост, к моему удивлению, там сидели Леонид Страх, Аркадий Гаспарян, дед Микола и — вот неожиданность! — Григорий Алексеенко. Мы дружески обнялись и расцеловались.

БЕЗ СВЯЗИ

Сложившаяся обстановка настоятельно требовала во что бы то ни стало связаться с «Большой землей». Но связаться можно было только по рации, а ее у нас не было. В отряде Сапелькова, правда, имелись радист и рация, но не было питания. Оставалось связаться с членами подпольной организации села Гута и взять у них приготовленную для нас рацию венгерской системы с надежным питанием. Это задание командир соединения поручил выполнить мне и радисту Аркаше.

Из лагеря мы вышли рано утром и ночью того же дня благополучно добрались до села Гута. Там мы нашли конспиративную квартиру деда Миколы и тут же, ночью, тщательно проверили исправность рации, пригодность ее питания. Из села вышли незадолго до рассвета в сопровождении четырех коммунистов подпольной организации. Они проводили нас далеко за село и, попрощавшись, пожелали доброго пути.

Идти после бессонной ночи было тяжело, и скоро Аркаша, посмотрев на меня сонными глазами, предложил немного отдохнуть. В самом деле, всю ночь без сна, и сейчас за спиной тяжелая рация, он изрядно устал, конечно. Я согласился.

На небольшой полянке Аркаша лег на густую траву. Он настолько измучен, что снял сапог только с правой ноги и сразу заснул. Некоторое время я полежал с открытыми глазами, а затем тоже уснул.

Когда я проснулся, солнце стояло уже высоко и наступила невыносимая жара. Не поднимая головы, я прислушался. До меня донеслись чьи-то шаги. Осторожно подняв голову и посмотрев в ту сторону, откуда мы пришли, я увидел немецких солдат. Не поднимая шума, я легким толчком руки разбудил Аркашу.

— Что случилось? — спросонья испугался он.

— Тихо. Мы в окружении.

Солдаты стояли на опушке леса и, казалось, смотрели в нашу сторону. Единственное, что можно было предпринять, — это сделать стремительный бросок и скрыться в лесу. Пока Аркаша обувался, я закинул рацию за плечо и приготовился бежать.

Видимо, немцы не видели нас, так как продолжали стоять и осматриваться.

— Медлить больше нельзя, пошли, — сказал я Аркаше, и он, пригнувшись, побежал вперед. За ним я. Тут немцы, увидев нас, открыли огонь. Когда до леса оставалось метров десять-пятнадцать, Аркаша с криком упал. Спасаясь от огня, недалеко от него упал и я.

— Ранен! Я ранен! — крикнул Аркаша.

Немцы уже не видели нас в густой и высокой траве и стреляли наугад. Мы с трудом доползли до леса. Я подтащил раненого товарища к толстой сосне и прислонил к стволу.

— Немного потерпи. Черт возьми, сами виноваты! Разве можно было спать обоим? — сказал я.

Немцы перестали нас обстреливать. Кругом опять стало тихо. Но надо было немедленно уходить подальше от этого места и замести свои следы, пока не организована погоня. Рацию и все снаряжение раненого я взвалил себе на спину и, осторожно обхватив Аркадия рукой, направился на северо-восток.

Так удалось пройти всего несколько сотен метров. Дальше товарищ мой идти не мог. Пришлось и его нести на себе. Через несколько километров я окончательно выбился из сил и вместе с ношей упал. Аркадий потерял много крови и тоже был совсем без сил. В таком состоянии нести его дальше на себе было нельзя. Я осмотрел его рану. Разрывная пуля угодила в правую ягодицу. Перевязать трудно, но кое-как я сделал это. Кровь скоро остановилась.

В это время слева от нас, в глубоком овраге, послышались винтовочные выстрелы. Мы повернули вправо и решили выйти к лагерю с юго-востока.

Нам не удалось уйти от преследования. Скоро противник напал на наши следы.

— Вася! Оставь меня, а рацию неси. Если враги разыщут меня, постараюсь живым не сдаться, а если не найдут, разыщу лагерь сам и приду, — просил меня Аркаша.

— Молчи лучше! — бормотал я, изнемогая под тяжестью ноши.

— Вася, оба погибнем зря, а отряд останется без рации. Александр Васильевич надеялся на нас…

— Нет, брат. Будем вместе. Я тебя не оставлю, — заявил я категорически.

Аркаша больше не упорствовал. Мы прошли еще несколько сотен метров, с трудом поднялись на небольшую сопку, а там, надежно замаскировав в густом ельнике рацию, решили встретить противника. Я рассчитывал, что наш лагерь уже недалеко, и наши обязательно услышат стрельбу.

Немцы показались через час. К счастью, они вышли левее нас и прошли мимо по направлению к лагерю. Мы, затаив дыхание, следили за ними, боялись, как бы они не направились в нашу сторону. Но собак с ними не было. Мы теперь остались позади. Я быстро спустился вниз и по следам установил, что прошел большой отряд.

Возвратившись к Аркаше, рассказал ему все, а затем, осторожно поднял его, не спеша направился к лагерю.

Мы были уже совсем близко от своих, когда услышали частую ружейную стрельбу и взрывы ручных гранат. Немецкий отряд, прочесывая лес, случайно наскочил на наш лагерь. Сейчас там шел бой.

Через полчаса немцы, понеся большие потери, стали отступать. Мы на всякий случай забрались на невысокую скалу и, укрывшись за толстой сосной, приготовились к обороне.

Одна небольшая группа противника направилась было в нашу сторону. Но мы с Аркашей открыли огонь, и фашисты, не сделав ни единого выстрела, повернули назад и скрылись в густом лесу.

Тем временем наступил вечер. Мы решили не трогаться с места и заночевать под той же сосной, откуда вели стрельбу по немецким солдатам.

Рано утром, оставив Аркашу, я направился в лагерь. Скоро я увидел страшную картину: повсюду валялись трупы немецких солдат. Видимо, здесь был жаркий бой. Утешало то, что среди убитых не было никого из наших товарищей. Видно, наши больших потерь не понесли и отступили организованно. Я нашел место, где еще вчера размещались партизаны моего отряда. Здесь валялись лишь стреляные гильзы и обоймы.

Я надеялся разыскать на старой стоянке какое-нибудь сообщение, куда нам явиться, где искать друзей, но ничего не было.

Я вернулся к своему товарищу и обо всем ему рассказал.

— Появляться в старом лагере нам больше нельзя, — сказал Аркаша.

— Конечно, там делать нечего. Но как нам побыстрее разыскать своих? — спросил я. — Ты сможешь идти?

— Едва ли. Придется тебе самому разыскивать их.

Мне было трудно оставлять друга, но выхода не было. Я поднял его выше по склону и замаскировал у старого завала.

— Вот тебе и убежище, — сказал я как можно бодрее.

Но Аркадий понимал все.

— Постарайся разыскать отряд, — сказал он, печально посмотрев на меня.

— Разыщу. Каких-нибудь два-три часа — и я вернусь обратно. Ты только особенно не переживай, лежи спокойно.

Мы расцеловались, и я отправился.

Недалеко от старого лагеря мне удалось разыскать следы отряда. Они вели на северо-восток. Судя по следам, отряд прошел здесь совсем недавно. Я поспешил в том же направлении и вскоре догнал его. Доложил обстановку Александру Васильевичу, а он

рассказал мне о том, что произошло у них.

— Убитых у нас нет. Ну, а у немцев небось сам видел там, в старом нашем лагере.

Взяв из отряда людей, я уехал за раненым Аркадием. Вскоре и он был в лагере.

Как только мы перевязали Аркадию рану, сразу же взялись за рацию. Тут нас ждало большое разочарование. Оказалось, что рация была основательно повреждена во время обстрела. Все усилия наших радистов восстановить ее ни к чему не привели. Снова возник вопрос, как связаться с «Большой землей». Командир соединения собрал специальное совещание с командирами партизанских отрядов. Мнения разделились. Одни говорили, что рацию можно достать, совершив внезапное нападение на крупный немецкий отряд или на любой вражеский гарнизон; другие же склонялись к тому, чтобы послать специального человека в одну из подпольных организаций Чехословакии и попросить рацию у них; третьи советовали переправить связного через линию фронта в Центральный штаб партизанского движения. После детального обсуждения всех выдвинутых вариантов решили послать связных через линию фронта. Отправились минер Леня и радистка Нина. Во время боя с венгерскими пограничниками на старой советско-венгерской границе они погибли.

Как и прежде, наш отряд, лишенный связи с «Большой землей», переживал тяжелые дни.

РАДОСТЬ

Сидевший у рации Аркаша вскочил и радостно закричал:

— Александр Васильевич! Есть связь! Я связался с «Большой землей»!

— Неужели?

Скоро все партизаны собрались у палатки Аркаши.

Александр Васильевич, пройдя через толпу партизан, подошел к радисту.

— Молодец, честное слово, молодец, Аркаша! — похлопал он его по спине.

— Товарищ командир, рация ненадежная, медлить нельзя. Надо побыстрее передавать текст.

— Давай, давай!

Аркаша надел наушники и выжидающе посмотрел на командира. Александр Васильевич стал диктовать:

> «…Не имеем рации. Мобилизовав все возможности, связываемся с вами последний раз. Просим прислать рацию».

Закончив передачу, Аркаша приготовился принимать ответный текст. Аппарат работал. Радист записал и тут же расшифровал.

> «Поняли. Сообщите место и время высадки радиста, а также опознавательные знаки для летчика. Будьте готовы принять радиста и аппарат в указанном вами месте. Будет высажен один человек».

Александр Васильевич приказал передать:

> «Самолет будем встречать в три часа ночи, на высоте 1004 разложим костры».

Специально назначенные отряды вышли для встречи самолета, поднялись на гору Полонина Руно и расположились на высоте 1004. В половине третьего в пяти местах были разложены костры и выставлена охрана.

В назначенный час до нас донесся знакомый гул авиационного мотора. Скоро самолет закружил прямо над нами, сигнализируя огнями. Он сделал три круга и скрылся. Судя по звуку, взял курс на восток.

— Быстро тушите костры! — скомандовал Александр

Васильевич.

Костры погасли, кругом стало тихо.

Парашютист приземлился метрах в пятидесяти от наших костров.

— Приземлился близко, видимо, у него тяжелый груз, — сказал начальник штаба Алексеенко.

Радист сбросил с себя парашют, дал три условных сигнала карманным фонарем. Ответив на его сигнал, мы направились навстречу.

Какая радость! Теперь у нас снова есть связь, каждую минуту мы можем услышать голос и могучее дыхание любимой Родины.

ЗАКАРПАТЬЕ

На этот раз мы выбросились неудачно. Едва успели собраться вместе на вершине горы и спрятать парашюты, как из туманной долины донесся лай собак, в предрассветном небе вспыхнули ракеты. Стало ясно, что нас обнаружили. А мы еще не разыскали грузовые парашюты, на которых летчики сбросили нам продукты, одежду, запас гранат. Все это теперь останется у врага. Нам надо немедля уходить…

Налегке забираемся все выше в горы. Враг преследует нас по пятам, теснит.

Проходят дни.

Мало осталось патронов, кончились продукты. Питаемся малиной, зелеными дикими яблоками. На изголодавшиеся желудки зелень действует как слабительное. С нами врач — грузинская девушка. Но и она не может оказать нам нужную помощь. Люди теряют силы, худеют. В довершение всех несчастий хмурое карпатское небо обрушивает на нас проливные дожди. Изредка отдыхаем на мокрой траве. Но долго лежать нельзя. Чтобы согреться, надо идти. И мы идем, идем из последних сил.

Наконец оторвались от преследователей. Загнав нас на неприступные вершины, враги, видно, решили, что здесь мы так или иначе погибнем.

Впервые за много дней делаем большой привал. Надо отдохнуть, привести себя в порядок. Выглядим мы неказисто: одежда превратилась в лохмотья, порвалась обувь, руки и ноги изранены об острые камни. Врач перевязывает нас бинтами и кусками парашютного шелка. Бреемся, умываемся холодной родниковой водой. Настроение улучшается, и если бы не голод, все было бы хорошо.

…И в Карпатах, оказывается, бывают ясные дни. Когда рассеялись тучи и выглянуло солнце, мы просто чуть не плакали от радости. Изумительная красота открылась нам. Склоны гор покрыты густым, цветастым ковром трав, могучие дубы сплетаются огромными ветвями, образуя гигантские тенистые шатры. В листьях орешника заливисто поют птицы. А однажды мы увидели оленя. Он шел, горделиво подняв свою красивую голову, легко раздвигая рогами высокие кусты орешника. Мы залюбовались статным красивым животным и молчали, пока олень не скрылся в лесных зарослях.

— Братцы! — вдруг крикнул кто-то. — Ведь это мясо! Настоящее вкусное мясо…

…И мы все мгновенно почувствовали, как невообразимо

голодны. У меня даже закружилась голова и поплыли оранжевые круги перед глазами. Почудился нежный запах баранины, пригрезился неповторимый вкус бесбармака, которого я не пробовал уже несколько лет… Мясо. Попробуй, добудь это мясо! Разве чуткий и осторожный олень подпустит к себе человека? Нет, об оленине мечтать не приходится.

— Надо пойти на охоту. Не умирать же нам с голода! — сказал Михаил Бобидорич.

— Идем, — поддержал его Григорий Алексеенко. — Добудем мясо и подкрепимся.

И вот мы трое идем за оленями. В небольшой долине у ручья повстречались нам свежие следы. Олени, наверное, часто приходят сюда на водопой.

Выбрали укромное место, замаскировались и стали ждать. Всем нам не раз приходилось долгие часы проводить в партизанских засадах, и мы умели скрываться так, что ни единая живая душа не заметит. Партизанский опыт помог нам подстеречь и оленей.

— Есть! — крикнул Бобидорич, когда после наших выстрелов испуганное оленье стадо стремглав понеслось от ручья. — Есть мясо!

— Тише! — перебил его Алексеенко. — Не то и нас подстрелят, как оленей.

Выждав некоторое время и не заметив ничего подозрительного, мы вышли из засады и поторопились к ручью. На помятой зеленой траве беспомощно лежали два красавца-оленя. Один из них еще бился, пытаясь подняться на тонкие ослабевшие ноги. Не теряя времени, мы быстро освежевали туши, разрубили мясо, сделали носилки из шкур и направились в лагерь.

— Товарищи, — сказала врач, — есть я вам много не дам. На первый раз съедим по маленькому кусочку. Иначе будет плохо.

Как ни хотелось нам есть, но мы подчинились врачу. И только на другой день к вечеру поели как следует. Силы возвратились к нам, и впервые за много дней мы почувствовали себя бодро и весело. Уходя от карателей, мы проделали по горам немалый путь и теперь хорошо знали большой район. Это нам должно было пригодиться в будущем, когда на помощь прибудут другие группы партизан.

На вершине плоской горы мы разыскали широкую поляну, окаймленную густым лесом. Здесь и решили основать главную партизанскую базу. Теперь к нам все чаще стали наведываться самолеты. Они сбрасывали оружие, продовольствие. Прибывали и люди. Когда отряд окончательно окреп и сформировался, пришла

пора переходить в наступление на фашистские гарнизоны. Разбившись на группы, мы спустились в долины. Началась боевая партизанская страда.

БОЙ ЗА СТАНЦИЮ

Закарпатская железнодорожная станция Перечень особенно усиленно охранялась оккупантами. Она лежала на скрещении дорог, идущих к фронту, и имела для немцев исключительно важное значение. Венгерский полк и около двух немецких батальонов усиленно охраняли укрепленные подступы к станции, где был выстроен целый комплекс оборонительных сооружений. Охранять важный объект помогала и немецкая военная комендатура, расположенная в пристанционном поселке.

Наше партизанское соединение «Закарпатье» получило приказ командования разгромить гарнизон и вывести из строя станцию. Партизаны начали подготовку к ответственной операции. Разведчики пробирались на станцию, связывались с подпольщиками, накапливали нужные сведения. Немцы были очень бдительны. Они не доверяли украинцам и не допускали их к работе на железной дороге. Все украинское население в поселке было крайне запугано. По малейшему подозрению в содействии партизанам людей вешали и расстреливали.

Но ни зверства, ни жестокий террор не могли сломить патриотов. На станции Перечень успешно работали подпольщики, собирали для нас разведывательные данные, постоянно сообщали об обстановке. Первым из партизан наладил связь с подпольщиками Михаил Бобидорич — начальник штаба моего отряда. Бобидорич — молодой высокого роста юноша, родом из Закарпатья, хорошо владел венгерским и русским языками и, что было особенно важно, замечательно знал местность, где нам приходилось действовать.

Когда обстановка для нас окончательно прояснилась, командир соединения Герой Советского Союза Александр Васильевич Тканко отдал приказ овладеть станцией. Моему отряду было поручено отрезать военную комендатуру от гарнизона и разгромить ее. Подтянув свой отряд на исходные позиции, мы с начальником штаба Бобидоричем вышли на опушку леса прямо против здания комендатуры. С небольшой высотки нам хорошо была видна станция. По перрону расхаживали вооруженные солдаты, на путях суетились железнодорожники. Грузились вагоны, очевидно, готовился к отправке очередной эшелон.

— Товарищ командир, — сказал Бобидорич, передавая мне свой бинокль, — посмотрите на логово коменданта. Здорово он окопался за последние дни! Чувствует палач, что до него добираются.

Я взял бинокль и направил его в сторону комендатуры. Большой двухэтажный дом с красной крышей, обнесенный высоким крепким забором, где размещалась комендатура, мы уже обстоятельно изучили через разведчиков. В бинокль я видел глубокие рвы перед домом, щели и окопы. Комендант действительно хорошо подготовился к обороне. По пыльной дороге к дому мчится машина. Вот она круто останавливается у высокого забора, быстро открываются ворота, и машина въезжает во двор. Немец-часовой закрывает ворота и, перекинув винтовку через плечо, снова застывает на посту.

— Начальство к коменданту приехало, — замечает Бобидорич. — Из гарнизона. Хорошо бы их накрыть вместе.

В небе за станцией лопнула красная ракета. Мы знаем, что это означает: диверсионные группы по обеим сторонам станции разобрали железнодорожные пути. Теперь немецкому гарнизону помощи ждать неоткуда. Сейчас начнется атака. Через несколько минут в районе между комендатурой и станцией вспыхивает жаркая перестрелка. Это подвижные отряды Якубовича и Юзика завязали бой. Тут же начинают трещать пулеметы на противоположной окраине станции. Александр Васильевич Тканко повел в атаку основные силы соединения. Пора идти и нам.

…Мы сразу со всех концов зажали комендатуру в тиски. Для немцев самый разумный выход — сдаться. Но оккупанты и не думают подымать рук. Наверное, комендант и начальство из гарнизона вынуждают солдат к бессмысленному сопротивлению. Немцы ведут сильный огонь, но партизанам он не причиняет никакого вреда.

Под прикрытием ручных пулеметов подбираемся все ближе и ближе. В доме уже нет ни одного целого окна.

— Будем ждать белого флага? — спрашивает один из партизан.

— Ни в коем случае! У нас нет для этого времени, — говорит Бобидорич и громко командует: — Гранатами… Огонь!

В доме рвутся гранаты. Покачнулся и упал высокий забор. Партизаны лавиной несутся во двор комендатуры.

Вот и все кончено. День жаркий. Я вытираю обильный пот и устало прислоняюсь к стене дома. Партизаны выводят пленных. Среди них нет почему-то ни одного офицера.

— Где комендант? — спрашиваю я.

— Застрелился, — говорит нам начальник штаба. — И командир гарнизона убит. Оба не захотели сдаться. Кое-кому удалось улизнуть.

Правильно сделал комендант. Этого фашистского палача мы

бы все равно не пощадили. За свое недолгое «правление» он расстрелял и отправил на виселицу около ста советских граждан. Фашист хорошо знал, что его ждет, когда он окажется в руках народных мстителей.

— Товарищ командир, этот маленький немец просит у нас политического убежища, — передо мной партизан Мещеряков с маленьким ребенком на руках. — Удовлетворим его просьбу?

— Где ты взял ребенка? — строго спросил я. — И где его родители?

— Сирота он теперь, — ответил партизан: — мать его убита.

Из рассказов партизан узнаю: Мещеряков первым ворвался в дом коменданта и стал обыскивать комнаты. В кабинете коменданта сам комендант и командир гарнизона валялись на полу с простреленными головами. В углу комнаты Мещеряков увидел женщину в немецкой военной форме. Она также была убита. Видно, ее пристрелил комендант, так как оружия возле нее не оказалось.

— А в другой комнате, — взволнованно рассказывал Мещеряков, — я и нашел этого малыша. Сидит на коврике, плачет и ручонками ко мне тянется. Вот я и решил его взять. Чем же виноват ребенок?

— К чему ты спас это фашистское отродье? — зло проговорил один из партизан. — Отнеси в дом и брось. Разве они щадили наших детей?

— Верно, не щадили, — спокойно сказал Мещеряков, и глаза его вдруг затуманились. — Когда я ушел к партизанам, фашисты убили жену и двух моих детей. На то они и фашисты. И я мщу им за это. Но дети здесь ни при чем: мы ведь не фашисты!

— Успокойтесь, — сказал я. — Мещеряков поступил правильно, что спас ребенка. Мы с детьми не воюем. А фашисты с нами за все рассчитаются. Мы их и в Берлине найдем и покараем.

Неизвестно, долго ли еще спорили бы мы тогда, если бы нас не вернула к действительности ожесточенная перестрелка на станции. Там все еще шел бой. Приказав Мещерякову беречь ребенка, я повел свой отряд к станции. Но мы уже не успели принять участие в бою. Станция была в руках партизан. На перроне толпились десятки пленных немецких солдат. Партизаны спешно закладывали мины под железнодорожные пути, минировали паровозы, станционные сооружения.

— Где командир? — спросил я у минеров.

— На вокзале, — ответили мне. — С начальником станции чай пьет…

Я поспешил на вокзал. В кабинете начальника станции Александр Васильевич Тканко допрашивал немецкого офицера-

железнодорожника. Тот стоял с убитым видом. И было отчего: он сдал партизанам станцию, за что немецкое командование, конечно, не помилует его. Два батальона эсэсовцев, целый венгерский полк не устояли перед партизанами. И где? В глубоком тылу, кругом — немецкие войска.

— Разрешите доложить? — обратился я к командиру.

— Докладывай, Вася, — говорит Александр Васильевич. — По глазам вижу, что вести у тебя добрые.

— Задание выполнено! Комендатура разгромлена, взяты пленные и оружие. Потерь нет.

— Хорошо. Сейчас будем выступать, — продолжает Тканко и, кивнув на немца, добавляет: — Этот тип успел доложить своему начальству о нападении на станцию. Так что гости к вечеру будут здесь. Но это ему не поможет: немцы все равно повесят его. Брать в плен такого незадачливого служаку мы не будем.

За окном загрохотали взрывы. Немец испуганно пригнулся и побледнел. Мы вышли на перрон, и командир приказал уходить. Над станцией плыли клубы дыма, огромный паровоз беспомощно лежал на боку, горели вагоны. Много придется поработать немцам, чтобы снова открыть движение по этому участку пути. Да и откроют ли? Ведь мы далеко не уходим отсюда.

…Колонна партизан вышла в горы на свою постоянную базу. В середине колонны шли пленные, за колонной тянулись повозки с трофеями. Мы не очень спешили, так как знали, что раньше завтрашнего утра немцы не сумеют подбросить сюда свежие силы: железнодорожная линия нарушена партизанами во многих местах. А другого пути к станции нет.

По дороге я вспомнил Мещерякова и разыскал его. Партизан сидел на повозке и держал на руках ребенка.

— Спит, — сказал партизан. — Хлеба немного поел, водички попил и спит. Добрый хлопчик. Совсем успокоился, даже улыбается мне.

Я отвернул край плащпалатки, в которую заботливо, но не очень умело запеленал Мещеряков своего приемыша, и посмотрел на ребенка. Тот сладко посапывал носом, на щеках его разыгрался румянец. Было этому малышу не больше года, и хорошо, что он не понимал всей трагедии, которая разыгралась на его родине, на всей земле. Может быть, он никогда и не узнает о ней, и жизнь его сложится лучше и счастливее, чем у родителей.

Дети должны жить счастливо. Я смотрел на спящего малыша и вспоминал своих маленьких братишек. Что сейчас с ними, как они живут! И живы ли? Я мотаюсь по тылам врага и вот уже долгое время не имею никаких вестей из далекого казахского аула, где живут мои родные и близкие. Командование изредка

сообщает семье обо мне, а я могу только догадываться и надеяться, что дома все в порядке. Утешение, конечно, слабое. Когда я уходил на войну, маленькие братишки забрались ко мне на колени и долго не отпускали от себя. Чувствовали, должно быть, что не скоро придется встретиться.

Может быть, воспоминание о маленьких братьях заставило меня приютить чужого ребенка? Нет, не только это. Чем больше я размышляю, тем яснее мне становятся мотивы поступка партизана Мещерякова. Ведь мы воюем не для того, чтобы сеять смерть, а во имя жизни, во имя счастья. В мире, за который мы боремся, отдаем свои жизни, не должен быть обделен человеческим счастьем и этот ребенок.

Вот почему спасли и приютили его у себя партизаны.

…Глубокой ночью по скрытым партизанским тропам мы поднялись на свою базу. С высокой лесистой вершины было видно яркое пламя пожара на станции Перечень. Кажется, его никто и не пытался тушить. Помощь на станцию еще не подоспела. И в эти, и во многие другие сутки эшелоны с немецкими войсками на фронт не пойдут!

ПРОЗРЕНИЕ ВРАЧА

Поздно вечером партизаны доставили в лагерь тяжело раненного командира группы Сергея Сапелькова.

Человек необыкновенной храбрости, Сергей Сапельков со своей группой приносил много беспокойства окрестным немецким гарнизонам. Он ловко снимал часовых, похищал важные документы, захватывал пленных, и всегда ему сопутствовала удача. В этот раз он отправился с двумя партизанами разведать пути подхода к дому отдыха эсэсовских офицеров, и там его настигла беда.

Дом отдыха эсэсовцев давно привлекал внимание командования партизан. Здесь лечились и отдыхали после ранений немецкие офицеры. Партизаны решили разрушить это фашистское гнездо. Дом отдыха сильно охранялся. Вокруг были расставлены сторожевые вышки, на которых день и ночь дежурили часовые с пулеметами. Сергей все-таки прорвался к самому дому, высмотрел все, что ему было нужно, а когда возвращался, меткая пулеметная очередь прошила его тело.

— Нужна срочная операция, — определил партизанский врач. — Иначе не выживет.

Легко сказать — операция. Наш отрядный врач не мог делать серьезных операций. Да и можно ли было их делать без нужных инструментов и необходимых лекарств? После боя на станции Перечень небольшой запас медикаментов в отряде пришел к концу. Что делать? Командир соединения вызвал к себе командиров отрядов на совет. Из допросов пленных мы уже знали, что в селе Гута развернут большой немецкий госпиталь, где, конечно, немало опытных врачей.

— В этом госпитале, — сказал Яковенко, — мы и должны запастись нужными медикаментами. Неплохо было бы и хирурга притащить вместе с его хозяйством.

Мысль командира всем понравилась, и мы тут же принялись обсуждать его предложение. А почему бы действительно нам не захватить немецкого врача? Он делает операции немцам, значит, можно его заставить оперировать и наших партизан. Дело это, разумеется, трудное. Попасть в госпиталь, выкрасть врача, захватить медикаменты — все это не так просто. А ввязываться в бой с крупным немецким гарнизоном сейчас партизанам невыгодно. Можно провалить операцию и понести тяжелые потери.

Но партизаны нашли выход из этого положения. Было решено провести операцию без шума, уже испытанным нами способом.

Командир назначил меня, одного разведчика и переводчика партизанского соединения в боевую группу. Все трое мы переоделись в немецкую форму и в ту же ночь отправились в село. Переводчик заготовил внушительный пакет на имя главного врача госпиталя. Встретившись на улице села с патрульным, он показал ему «срочный» пакет и попросил провести его на квартиру врача. Патрульный проводить «курьера» отказался, однако охотно объяснил, как отыскать его.

Пока все складывалось как нельзя лучше. Втроем мы подошли к маленькому домику. Из-за закрытых ставнями окон пробивался слабый свет: врач, видимо, не спал. Мы постучали в дверь.

— Кто там? — отозвались из дома.

— Вам срочный пакет из штаба, — отрапортовал наш товарищ, — распишитесь и получите.

Врач несколько минут не отвечал. Затем на веранде вспыхнул свет, и мы ясно увидели своего «курьера». Он стоял перед дверью по стойке «смирно» с большим пакетом в правой руке. Зазвенела цепочка — и на пороге показался врач в накинутом на плечи офицерском мундире… Дальнейшее все произошло мгновенно. Врач неловко наклонился и рухнул на пол. Мы обезоружили и связали его. Немец оказался сговорчивым. Он пошел с нами в госпиталь, взял свой чемоданчик, каждому из нас дал по объемистому свертку, и мы спокойно отправились в горы…

— Просим извинить нас, — сказал врачу Тканко, когда мы привели немца в штаб. — Если бы не нужда, мы бы вас не потревожили. У нас умирает наш товарищ. Сделайте ему операцию. Гарантируем вам неприкосновенность.

Врач ничего не сказал в ответ. Он раскрыл свой саквояж, вынул белый халат и стал одеваться. А уже утром, немного отдохнув после тяжелой операции, немецкий врач начал обход партизанского госпиталя. Делал он все спокойно, по-хозяйски. Всем раненым сменили повязки, и в этот день он сделал еще две операции. Немец ничем не выказывал своего недовольства, и, казалось, его ничто не пугало в партизанском лагере. Только через несколько дней он вдруг почему-то заволновался и попросил встречи с командиром.

— Я видел у вас мальчика, — тихо сказал врач. — Как и почему он здесь оказался? Простите за любопытство, но вы — люди военные, а тут вдруг ребенок.

— У этого мальчика погибли родители, — не догадываясь, к чему клонит врач, ответил Тканко. — Вот мы его и взяли к себе. Понятно, что ему не место здесь. В одном из сел мы оставим мальчика надежным людям.

Врач поблагодарил командира и отправился к раненым. Через некоторое время он попросил принести ребенка, чтобы осмотреть его. Мещеряков, который в основном присматривал за мальчиком, охотно пошел к доктору.

Тот раздел малыша, выслушал, спросил, чем его кормят, и впервые за все свое пребывание в лагере улыбнулся.

— Невероятно, — сказал немец и покачал головой. — Ребенок здоров. Странно, при таком питании…

— Главное — не пища, — перебил немца Мещеряков и стал одевать своего приемыша, — главное — уход и ласка. Ребенок человеческую доброту чувствует, а потому и всякая хворь ему нипочем.

Когда немцу перевели слова партизана, он почему-то смутился. Мещеряков между тем одел малыша, поблагодарил доктора и пошел в свою землянку. «Ребенку пора спать», — знаками объяснил он доктору. Немец улыбнулся и закивал головой.

— Что-то доктор мальчиком интересуется, — сказал как-то в беседе с командирами Тканко. — Уж не проболтался ли кто о нем?

— А не кажется ли вам, товарищи, — осенила меня догадка, что врач уже и до этого видел мальчика? Может быть, он бывал в комендатуре и даже лечил его?

— Вполне возможно, — согласился Тканко. — Впрочем, это не имеет значения. Я уже договорился с подпольщиками: этого мальчика они передадут в какую-нибудь семью на воспитание.

— Давно пора, — поддержали партизаны. — Малыш похудел у нас. Да и убить его могут в перестрелке.

…Мальчика вскоре отправили в закарпатскую деревню к подпольщикам. Поговаривали было и о том, чтобы отпустить и врача, когда отряд будет менять свою дислокацию. Но доктор надолго задержался в нашем отряде. Задержался по своей воле. Присматриваясь к жизни партизан, он все больше привыкал к своему новому положению. Мы заметили, что во время боя он сильно волновался, а когда приходили раненые, немедленно оказывал им необходимую помощь. Специалист он был превосходный. За время пребывания в отряде он сделал не менее семидесяти сложных операций, и все они прошли удачно.

— Почему вы, немцы, воюете со всем миром? — спрашивал его часто командир. — И почему вы допустили фашизм в Германии?..

— Не все немцы — фашисты, — отвечал доктор. — Я, например, не воюю. Я пошел на фронт, чтобы облегчать страдания раненым. Я — гуманист, как и вы…

Только потом, много позже, узнали мы, почему доктор говорил о гуманизме. Оказывается, он хорошо знал, что партизаны спасли немецкого ребенка, скитаясь в лесах, уберегли его от болезней и, наконец, отдали мальчика на воспитание в хорошую семью.

— Так могут поступать только истинные гуманисты, — сказал нам доктор, прощаясь с отрядом. — Вы открыли мне глаза на многое, и я никогда не забуду этого.

…Наш партизанский доктор, как только мы соединились с регулярными частями, попросил рекомендовать его для работы в советском госпитале. Эту рекомендацию мы ему дали, и доктор честно служил в наших рядах до самого конца войны. А мальчик, приемыш партизана Мещерякова, которого мы подобрали тогда на станции Перечень, вырос, стал серьезным юношей и справедливо считает своими настоящими родителями скромных украинских колхозников, бывших в то время подпольщиками.

ВЕНГЕРСКИЙ БАТАЛЬОН

Из села Поляна в штаб нашего соединения прибыли два человека. Один из них — старик, другой — стройный блондин лет тридцати. Старик, дед Грицко, член местной подпольной организации, хорошо говорил по-русски. Он принес нам важные сведения от нашего друга деда Миколы. Рассказывал он долго. Тканко слушал его внимательно, не перебивая.

— Вот все, что велел передать дед Микола. Остальное решайте сами, — сказал дед Грицко.

Блондин, не зная русского языка, посматривал то на командира, то на старика.

— Этот товарищ какую работу выполняет в батальоне? — спросил Александр Васильевич.

Оказывается, блондин — первый организатор венгерского батальона в немецкой армии. Сейчас он — заместитель командира этого батальона.

Александр Васильевич внимательно посмотрел на него.

— Вы спросите у него вот что, — попросил он старика: — чем объяснить, что, все время воюя в союзе с немецкими оккупантами и ведя борьбу против советского народа, они сейчас намерены соединиться с нами? Известно ли им, что если они сейчас присоединятся к нам, то им придется вести борьбу не только против своих бывших союзников, но, прежде всего, против своих соотечественников — венгерских солдат, которые все еще находятся в лагере фашизма?

Дед перевел вопрос.

Молодой блондин, не раздумывая, отвечал. Говорил он долго, а закончив, повернул голову в сторону нашего переводчика Мити, как бы желая, чтобы переводил именно он.

— Его зовут Мата, фамилия — Кегедюш. Отец его, а также он сам являются членами Венгерской партии труда. Он рассказывает, что венгерский народ, как и многие другие народы европейских стран, оказался под игом фашизма, а старая венгерская армия при помощи реакционной группы Хорти выступила в союзе с немецкими оккупантами против советского народа. Сейчас обстановка на фронте резко изменилась, многие венгерские воинские части отказываются воевать против Советской Армии. Солдаты убегают с фронта. В Закарпатье венгерских частей очень мало, и их собираются в ближайшее время отправить на фронт. Солдаты и офицеры батальона единогласно решили присоединиться к русским партизанам.

— Они борются против фашизма, — продолжал переводить

Митя, — и, если среди венгерских частей окажутся реакционные силы, поддерживающие фашизм, будем бороться и против них. Среди солдат немало людей, которые крайне недовольны несправедливой войной Гитлера. Если есть возможность, он просит принять их батальон в состав партизанского соединения, — закончил Митя и посмотрел на командира.

— Как смотрит на это сам командир батальона?

Блондин, внимательно выслушав вопрос Тканко, достал из кармана аккуратно сложенный листок и подал его командиру. Александр Васильевич развернул листок и, немного подержав в руке, отдал Мите. Тот стал читать:

— «Дорогой командир русских партизан! Мы, венгерские патриоты, против несправедливой войны фашизма. Эта война принесла людям только разорение и несчастье. Это глубоко понимают все солдаты и офицеры нашего батальона. Мы твердо решили бороться против черной силы фашизма рука об руку с вами, ради нашей жизни, ради нашего счастья и ради нашего будущего. От имени честных солдат и офицеров нашего отдельного венгерского батальона мы посылаем нашего представителя — майора Кегедюша и через него передаем свое желание и стремление влиться в ваши ряды. Если вы нам в этом не откажете, даем торжественное обещание с честью выполнять любое ваше поручение».

Письмо было написано собственной рукой командира батальона, полковника Ерояша.

Александр Васильевич вместе с комиссаром соединения вышли из штаба, посовещались, а затем снова зашли в блиндаж. Майор Кегедюш почтительно встал, и когда они вошли, выжидающе посмотрел на Александра Васильевича.

— Мы решили принять ваш батальон, — четко и твердо сказал командир, как будто отдавал боевой приказ.

Затем он детально объяснил майору место и время приема батальона и поставил перед ним условия. Майор, посматривая то на командира, то на переводчика, внимательно слушал. Потом он почтительно поклонился, пожал руки командиру и штабным работникам, от души поблагодарил всех за радушный и теплый прием.

Через два дня в штаб нашего соединения явились заместитель командира венгерского батальона майор Кегедюш и дед Микола. Они переночевали у нас в штабе, а на следующий день с самого утра отправились к намеченной для приема батальона поляне.

Там были выставлены наши усиленные секретные посты.

В десять часов утра руководители соединения вместе с

венгерским майором и дедом Миколой приехали на первый пост. Там они стали ждать подхода батальона.

Вскоре, минут через десять-пятнадцать, батальон вышел из леса на поляну. Впереди него шел командир — полковник Ерояш.

Головная часть батальона дошла до середины поляны и остановилась. По команде полковника солдаты поставили свое оружие в пирамиды и, отойдя в сторону метров на пятьдесят, стали строиться, Командир батальона обошел строй, тщательно проверил внешний вид солдат. После этого он вернулся на правый фланг, взял у правофлангового офицера клинок и направился в нашу сторону.

Четким строевым шагом он подошел к командиру соединения и на венгерском языке отдал рапорт:

— Патриотические солдаты и офицеры отдельного венгерского батальона готовы вести совместную борьбу рядом с храбрыми русскими партизанами против нашего общего врага — немецких захватчиков!

— Партизанское соединение «Закарпатье» с чистой душой, по-братски принимает пламенных патриотов венгерского народа! — сказал командир нашего соединения.

Полковник торжественно вручил Александру Васильевичу клинок с надписью на русском и венгерском языках:

«Командиру храбрых русских партизан Герою Советского Союза Тканко от венгерских патриотов».

Они по-дружески обнялись и поцеловались. Строй сломался. Партизаны и венгерские солдаты горячо аплодировали…

Теперь в каждом нашем партизанском отряде было по одному взводу венгерских патриотов.

Вместе с ними мы совершили немало удачных боевых дел. Венгерские патриоты, мужественно сражаясь, гнали ненавистного врага со своей родной земли.

Это было в 1944 году во время больших наступательных боев Советской Армии против фашистских войск.

Впрочем, не одни только венгерские патриоты приходили к нам. Почти каждый день в наш отряд вливались все новые люди — представители почти всех национальностей, порабощенных и угнетенных фашизмом.

ВСЕ ДАЛЬШЕ НА ЗАПАД

Однажды «Большая земля» передала нам задание: ликвидировать гарнизон немецких солдат, расквартированный в двухэтажной казарме на Н-ском объекте.

Выполнять задание было поручено мне. Взяв из отряда тридцать человек, я отправился.

Не успели мы отойти достаточно далеко, как неожиданно на большой лесной поляне увидели людей в гражданской одежде. Оставив свою группу, я незаметно подошел поближе к ним, прислушался. Видимо, нас они не заметили и продолжали стоять, окружив какого-то пожилого человека и громко о чем-то разговаривая. Я вернулся и для выяснения направил к ним двух автоматчиков во главе с Мишей.

Вскоре автоматчики привели ко мне пожилого человека, болезненного и истощенного. Он снял свою старую черную шляпу и поздоровался с нами на не совсем чистом русском языке. Его глаза быстро пробежали по стоящим перед ним партизанам. Я попросил его сесть, указав на сухой валежник. Он не спеша уселся и, увидав командирскую со звездой фуражку комиссара отряда Константина Спижевого, спросил:

— Вы по правде русские?

— Русские, настоящие русские, — смеясь, ответил комиссар.

Он понимал, что старика смущал я.

Однако услышав от нас самих, что мы действительно советские партизаны, старик приветливо поздоровался с каждым за руку.

Потом стал рассказывать о себе. Он был членом коммунистической партии Чехословакии. Показал нам членский билет. Подпольная организация, в которой он состоял, совершила много боевых дел. Он представил нам своих товарищей: их оказалось двенадцать человек.

— Все они коммунисты, — говорил старик. — Из разных дунайских стран. Венгры, болгары, румыны, чехи…

Новые товарищи влились в нашу группу. Они упросили нас взять их в дело на первое же задание. Мы согласились.

В этот же день к вечеру мы благополучно добрались в район казармы и стали ждать глубокой ночи, когда все улягутся спать. В половине первого благополучно и бесшумно сняли всех часовых.

Теперь надо было решать вопрос, что предпринять дальше. Обычно в таких случаях в казарму проникали один или два наших человека и извлекали затворы из стоявших пирамидами винтовок и карабинов. После этого враг был вынужден сдаваться

в плен. Сейчас нельзя было так поступить: в казарме, по данным разведки, жили главным образом немецкие офицеры, вооруженные пистолетами и ручными гранатами; это оружие находилось лично при них. Было принято решение взорвать казарму, подложив под нее четыре мощных мины.

Через несколько минут мины были подложены. Против двери казармы на расстоянии примерно ста метров мы установили два ручных пулемета. Были расставлены кроме того автоматчики, которые должны были взять под непосредственный обстрел все окна казармы.

Как только партизаны разошлись по своим местам, раздался страшный взрыв — все мины рванули одновременно. Кругом так загрохотало, что, казалось, вздрогнули скалистые горы.

Нашим пулеметчикам и автоматчикам делать было нечего: из двухсот немецких солдат и офицеров никто даже не поднялся на ноги. Все они остались лежать под развалинами казармы. И еще долго, пока мы шли в обратный путь, позади себя видели зарево горевших развалин.

Это было первое совместное выступление патриотов Закарпатья и наших партизан.

Вскоре героическая Советская Армия полностью освободила Закарпатскую Украину от фашистского рабства.

…Пока же мы шли головным отрядом огромного наступления, шли все дальше в глубь вражеского тыла, все дальше на запад.

СЛУЧАЙ В ПУТИ

В декабре 1943 года мы покинули тыл врага и долгое время находились в резерве штаба партизанского движения Украины. Отдыхали, лечились, набирались сил. Каждый знал, что впереди предстоит еще долгая борьба и нам не один раз придется пересекать линию фронта, бродить по тылам противника, участвовать в партизанской войне. Со дня на день мы ждали приказа и были готовы к этому. Война должна была снова позвать нас.

И это время наступило. Однажды всех нас вызвали в штаб. Примерно тридцать человек, в числе которых оказался и я, откомандировали в Москву. Такой приказ нас несколько озадачил.

— Наверное, — гадали одни, — нас переводят в распоряжение Центрального штаба и перебросят в тыл через другой фронт.

— Какая разница, — говорили другие, — через какой фронт идти в тыл врага? Дело не в этом: с нами, пожалуй, будут беседовать в Кремле.

Так или иначе, гадать больше не стали, а пошли на вокзал и отправились в Москву. Поезд был переполнен. Большинство пассажиров — военные, и только изредка попадались штатские. Это обстоятельство нас не удивило. Шла великая война, и каждый, способный носить оружие, был в армии.

Нам, трем товарищам, каким-то образом удалось попасть в отдельное купе. Четвертый пассажир почему-то не пришел, и мы не очень-то огорчились В дороге много шутили и смеялись. Один из моих попутчиков — Григорий Давыдович Алексеенко, начальник штаба партизанского отряда. Другой — Леонид Иванович Кузин, помощник начальника штаба партизанского соединения.

Григорию Алексеенко двадцать пять лет, он среднего роста, белокурый, с ясными серыми глазами. Родился Григорий в Ахтырском районе, Харьковской области, но вырос в Москве. Отец его, врач, жил в Москве, и Алексеенко надеялся встретиться с ним. Матери Алексеенко не помнит. Она погибла от рук кулаков еще во время гражданской войны.

Когда началась война, Григорий Алексеенко служил в армии. Он пережил первые жестокие бои с фашистскими захватчиками, отступал и попал в окружение. Раненный, укрылся в одном украинском селе, и жители спасли его от расправы. Вскоре Алексеенко связался с подпольщиками и принял самое активное

участие в работе организации. Затем вместе со своими товарищами он пришел в партизанское соединение имени Чапаева. Храбрость и незаурядные способности вскоре выдвинули его на руководящую должность. За короткое время он вырос от рядового до начальника штаба отряда.

Леонид Иванович Кузин был одних лет с Григорием Алексеенко. И ростом они были одинаковы. Сейчас я уж не припомню, откуда родом Леонид Кузин. Помнится, что он пришел к нам в партизанский отряд из Хоцкой подпольной организации. Это был общительный, веселый и неистощимый на выдумки парень. Рассказывая самые смешные истории, сам он оставался непроницаемо серьезен, даже не улыбался.

Как только мы сели в вагон, Леонид принялся рассказывать анекдоты. Его веселое настроение вполне соответствовало нашему. Ведь мы ехали в Москву, которую каждому хотелось видеть. А один из нас после долгой разлуки должен был встретиться со своим отцом. Да и всех нас ждало что-то очень важное. Мы знали, что по пустякам партизан не стали бы вызывать в Центральный штаб.

В самый разгар нашего веселья в купе вошел младший лейтенант и попросил предъявить документы. У нас их не было. В тылу врага мы пользовались какими угодно документами, но только не своими подлинными. Они, по существующему порядку, хранились в штабе. Объясняем младшему лейтенанту, что мы партизаны, едем в Москву по вызову, но он строго повторяет:

— Предъявите документы!

— Мы сами забыли, когда держали в руках свои документы, — говорит весело Леонид Кузин. — Даже и не помним теперь, как они выглядят.

Лейтенант окинул подозрительным взглядом наше трофейное одеяние и разнокалиберное оружие, нахмурился, ничего больше не сказал и вышел из купе.

— Нехорошо мы поступили, — первым опомнился я. — Человек находится при исполнении служебных обязанностей. Надо бы направить его к нашему сопровождающему, у него есть документы на нас.

— Да он сам его найдет! — ответил Леонид. — Все будет в порядке. А нам выходить нельзя: сразу места займут. В вагоне ведь очень тесно.

Младший лейтенант больше не заходил к нам, и мы вскоре забыли об этом маленьком происшествии. Опять заговорили о Москве, о том, что ждет нас в штабе. Шутили, смеялись.

— Хорошо бы встретить отца, — вслух мечтал Алексеенко. — Но вполне может оказаться, что его нет в Москве. Война идет. Его,

как врача, наверняка отправили на фронт.

— Кто знает! Может быть, он и дома, — сказал Леонид и, тяжело вздохнув, грустно добавил: — А вот у меня нет ни отца, ни матери. И встретить мне некого…

Леонид посмотрел на меня и вдруг сказал:

— Вася, ты счастливый. У тебя есть и мать, и отец, и даже жена. Правда, повидать ты их не сможешь. От Москвы до Казахстана — тысячи километров! И писать им у тебя возможности не было. Они, может, думают, что ты давно погиб. Откуда им знать, что ты жив, здоров и громишь фашистов?

— Ничего, — отвлекая нас от невеселых мыслей, сказал Алексеенко. — Скоро война кончится, и Вася навсегда вернется домой…

Так мы ехали, вспоминая родных и знакомых, и хотя был уже вечер, никому не хотелось спать. На одной из станций к нам зашел сопровождающий. Он сказал, что в Москве нас примут в Центрального штабе партизанского движения и что места в гостинице для нас приготовлены. Мы попросили разрешения явиться в гостиницу на другой день после приезда, чтобы иметь возможность повидать отца Алексеенко. Сопровождающий охотно разрешил нам это, еще немного посидел и, пожелав спокойной ночи, ушел к себе.

За окнами шел снег. Был конец декабря, стояли морозы, но в переполненных вагонах было душно, хотя они и не отапливались. Устраиваясь на ночь, мы разделись, чего давно уже не делали в своей походной партизанской жизни. На какой-то остановке вбежал мальчик лет четырнадцати.

— Дяденьки, — со слезами на глазах просил он, — подвезите меня до Москвы. Там живет мой брат. Я совсем замерз, у меня нет билета, и проводник высадит меня.

Мы пожалели мальчика и взяли его к себе. Он поблагодарил нас, забрался на верхнюю полку за наши чемоданы и затих. Легли спать и мы. А утром нас ждала неприятность. Я проснулся первым и сразу увидел, что нашего попутчика на полке нет. Я проверил вещи. На месте не оказалось Гришиных сапог, и я разбудил его.

— Где твои сапоги?

— А где мальчик? — встрепенулся он и посмотрел наверх.

— Мальчика нет. Пока мы спали, он слез на какой-то станции и прихватил твои сапоги, — ответил я. — Ты же сам видел, что он одет и обут очень легко.

— Брось шутки, — рассердился Григорий.

Тут проснулся Леонид и, узнав, в чем дело, весело расхохотался.

— Ничего, все правильно! — сказал он. — Мальчику нужна

была обувь — и он взял твои сапоги. Ты поносил их немного, пусть и мальчик теперь пофорсит в сапогах немецкого генерала.

— Но как же я пойду босиком по снегу? — сердился Григорий. — Как я в таком виде заявлюсь к отцу?

— Зачем же ты разулся, если тебе так дороги эти генеральские сапоги?

— Жмут они, проклятые! Да и откуда я знал, что этот сукин сын отплатит нам такой неблагодарностью.

— Паренек все же сознательный, — с серьезным видом вставил опять Леонид. — Я тоже разулся, но моих сапог он не взял. Чуял, наверное, что в Москве у меня нет отца и помочь мне некому.

Но как бы мы ни шутили, положение Григория от этого не становилось лучше. Вошел проводник и предупредил, что подъезжаем к Москве. Пора собираться к выходу, а у Григория нет даже портянок.

— Надо как-нибудь добраться до квартиры твоего отца и там найти обувь. Отыщется что-нибудь?

— Конечно, найдется, — ответил Григорий. — Но как туда добраться? Это не близко.

— Эх ты, а еще партизан, — упрекнул Леонид.

Он стащил свой левый сапог и бросил его Григорию.

— На, надевай. Теперь мы с тобой в одинаковом положении. Как говорится, два сапога — пара. Другую ногу обертывай портянкой — и все в порядка.

Так и сделали. Леонид и Григорий плотно обмотали ноги теплыми портянками и поверх них наложили бинты. Это не только спасало от мороза, но и казалось вполне естественным: человек ранен в ногу и потому идет в одном сапоге.

— Вот что, Вася, — довольный своей выдумкой, захохотал Леонид. — Довольно тебе представлять нашего командира. Теперь мы — раненые, и наши вещи придется нести тебе!

Поезд подошел к перрону, и мы быстро вышли из вагона. Увидев нас, попутчики, знавшие злополучную историю с сапогами, стали громко смеяться. Но нам, разумеется, было не до смеха. Впереди — долгий путь по улицам Москвы.

— Ничего, — утешал Леонид. — Надо скорей убираться с перрона. Эти насмешники отстанут, а москвичи нас примут за раненых.

Так оно и случилось. Встречавшиеся нам женщины смотрели сочувственно. Но людей на улицах было мало. Только проносились военные грузовики, пожарные машины.

— Какая пустынная стала Москва, — с горечью заметил Григорий. — Разве так здесь было до войны? Народ просто плыл

по улицам.

Нас выручил комендантский патруль.

— Предъявите ваши пропуска, — остановили нас.

— Но у нас нет никаких пропусков, — ответил Леонид. — Мы партизаны и идем на квартиру своего товарища.

— На Тихоновскую улицу, — добавил Григорий.

— Вам придется пройти в комендатуру, — объявили патрульные.

Мы пробовали сопротивляться. Обещали после того как переоденемся, явиться к коменданту.

— Товарищи, — сказал патрульный, — комендатура вот здесь, за углом. Комендант вас долго не задержит, а, возможно, окажет помощь.

Мы пришли в комендатуру. Нас встретили поначалу не очень приветливо, но, когда мы рассказали обо всем, комендант не удержался от смеха.

— Бывает, дорогие товарищи, — сказал он. — Война. Много сирот разбрелось по свету. У нас еще до всего руки не доходят. Какой размер вы носите? Лейтенант, выдайте со склада сапоги и отправьте товарищей на дежурной машине.

— Это наш подарок вам, партизанам, — сказал на прощание комендант. — Наши сапоги не хуже, чем были у немецкого генерала. До Берлина в них дотопаете.

Теперь мы уже без труда добрались до квартиры отца Григория. Поднялись на второй этаж большого серого дома и постучали в квартиру № 21. Дверь нам открыл высокого роста седой человек в военной форме. Он молча отступил на шаг, приглашая нас в комнату, а Леонид вдруг строго спросил:

— У вас есть сын на фронте?

Но Григорий не удержался.

— Папа! — позвал он. — Не узнаешь?

— Гриша! Гришенька, единственный мой! Живой! Здоровый?..

Отец и сын обнялись.

А на следующий день мы трое были на приеме у начальника Центрального штаба партизанского движения товарища П. К. Пономаренко. Сердечная деловая беседа продолжалась недолго. Получив задание, мы выехали к месту своего нового назначения.

МАТЬ ГОРОДОВ РУССКИХ

Я стою на берегу Днепра. Здесь, у Киева, он не такой, каким я видел его в ласковые летние месяцы. Тогда он был светло-синим, окаймленным у берегов белыми нежными кружевами волн. А здесь он суров и бурлив, темные серые волны бьют в глинистые берега, откатываются с угрюмым рокотом и снова настойчиво плещутся у обрыва. Стоит уже глубокая осень и, может, потому так неприветлива славная река? Нет, дело не в этом. Тяжелые фермы моста, соединявшие Киев с Дарницей, обезображены страшным взрывом и обрушены в темную воду. Над рекой плывет густой черный дым. Киев горит. Его тушат солдаты, горожане.

Многострадальный город! Мать городов русских! Пожалуй, за свою многовековую историю он не испытывал таких жестоких опустошительных набегов. В первый же день войны на его улицах рвались фашистские бомбы. А с конца июля до двадцатого сентября 1941 года немецко-фашистские войска беспрерывно штурмовали украинскую столицу. Многое вынес на своих плечах славный город на Днепре. Семь пехотных дивизий, танки, артиллерия, сотни бомбардировщиков бросило немецкое командование на штурм. Гитлер приказал взять Киев любой ценой. И действительно, гитлеровцы за ценой не стояли. Уже к концу августа четыре пехотных дивизии немцев потеряли здесь семьдесят процентов своего состава. Берлинское радио много раз преждевременно объявляло о занятии Киева. Но город стоял и боролся.

Не сдался он и тогда, когда по его широким улицам застучали кованые сапоги фашистов. Патриоты стреляли в завоевателей, жгли и взрывали их боевую технику. Оккупанты вешали и расстреливали жителей. Каждый казался им партизаном, врагом «победоносной Германии», врагом «цивилизации». Цивилизованные варвары убили десятки тысяч киевлян, разграбили и уничтожили огромные культурные ценности, веками создававшиеся талантливым украинским народом.

Академия наук, государственный университет, свыше пятидесяти высших и средних учебных заведений, около двухсот школ, пятнадцать музеев, десять театров и четырнадцать кинотеатров города были сожжены и разрушены. Крещатик, улицы Карла Маркса, Фридриха Энгельса, Свердлова лежали в развалинах. Разрушены древние храмы и архитектурные памятники, погибли в огне кладовая древних рукописей и огромный зоологический музей.

Руководил уничтожением города и грабежом народных ценностей гаулейтер Украины, кровавый палач Эрих Кох. Фашистский варвар не ушел от справедливой кары. Польский суд приговорил его к смертной казни. Но это случилось много позже, а тогда я стоял на берегу Днепра и мое сердце обливалось кровью. Никогда не простят, не должны простить народы фашистам их бесчеловечных злодеяний. Никогда!

Киев вновь обрел свободу седьмого ноября 1943 года, в славную годовщину Великой Октябрьской социалистической революции. Войска генерала армии Ватутина навсегда вышвырнули оккупантов из древнего Киева. Уже на другой день город начали восстанавливать. Мне пришлось побывать в Киеве много позже. Город стал еще краше прежнего, как будто бы не шумела над ним грозная война. Но каких трудов это стоило украинскому народу! Это может понять и оценить только тот, кто видел его тогда лежащим в пепле и развалинах.

Я видел его… От Днепра, глухо рокотавшего у обрывистых берегов, я медленно пошел в город. Улицы едва угадывались: глубокие воронки, груды камней и обгоревших бревен — так выглядели когда-то красивые мостовые. Невеселым было это путешествие, но я заставлял себя смотреть и смотреть на жестокие следы войны. Смотреть, чтобы навсегда запомнить. Меня ждали в штабе партизанского движения Украины, где должна была решиться моя дальнейшая судьба. У меня еще не зажили раны, но я твердо решил проситься снова в тыл врага. С этим решением я и пришел в штаб.

ЛЕГЕНДАРНЫЙ ГЕРОЙ

В штабе я встретил много своих старых друзей. Советские войска перешли Днепр, намного продвинулись вперед, и партизанские отряды, действовавшие в Приднепровье, соединились с регулярными частями. Для многих партизанская война на этом закончилась. Кто пошел в армию, кого оставили на партийной и советской работе, а кто надолго вверил свою судьбу госпитальным врачам. Но штаб, конечно, и не думал свертывать партизанскую борьбу.

— Где-то теперь придется нам повоевать? — спрашивали друг друга партизаны. — Куда забросит нас война?

— Не беспокойтесь, — сказал вдруг кто-то. — Сидор Артемьевич всех определит куда надо, без работы не оставит.

— Сидор Артемьевич? — удивленно переспросил я. — А разве он здесь, в штабе?

— Да, здесь, — ответили мне. — Обещал сегодня поговорить с нами.

Я обрадовался, что вновь увижу легендарного партизана Сидора Артемьевича Ковпака. Совсем недавно я слышал, что старый партизан страдает от ран, часто болеет и Центральный Комитет партии Украины отзывает его на партийную работу. Я спросил об этом товарищей.

— Это верно: Сидор Артемьевич ушел из своего соединения, — сказали мне. — Он пока работает в штабе, подбирает командиров партизанских отрядов, вроде бы благословляет их.

У Сидора Артемьевича нам, молодым, многому можно было поучиться. Ковпак из маленького отряда за короткое время создал крупное партизанское соединение. Он прославился, как талантливый военачальник, мудрый тактик партизанской войны. По тылам врага Ковпак исходил тысячи километров, держал под своим контролем целые районы на оккупированной врагом территории. А его знаменитый рейд в Карпатские горы навел панику на фашистов. Партизаны — люди храбрые. Но когда говорят о партизане, что он ковпаковец, то такой человек пользуется особенным уважением своих товарищей. Таков был авторитет, такова была слава легендарного героя в народе.

…Я получил назначение, но в тыл меня не отправляли. Приказано было подлечиться, укрепить нервы в доме отдыха. Но какой отдых? Я усиленно готовил свою небольшую группу для работы в тылу. Нас предполагалось сбросить с самолета в горы на западе Украины. Местность для нас незнакомая, и поэтому

хотелось все особенно тщательно предусмотреть. Когда все было готово, я отправился к Ковпаку. Сидор Артемьевич о чем-то оживленно беседовал с командирами. Часто раздавался громкий, заразительный смех старого партизана. Увидев меня, он заговорил:

— А вот и представитель казахского народа, — Сидор Артемьевич почти всегда говорил обо мне так. И добавил: — Что, и до тебя очередь дошла? Хватит прохлаждаться, пора и дело делать.

— Сегодня в ночь вылетаем, — доложил я.

Ковпак подошел ко мне, крепко взял за руки:

— Ну, что ж, пойдем побеседуем перед дорогой.

Ковпак попрощался с командирами и отвел меня в сторону.

Мы присели на скамейку, и Сидор Артемьевич, ласково похлопав меня по плечу, продолжал: — Трудненько придется тебе, сынок. Сам в Карпатах бывал, знаю: горы могут и спасти партизана, и под пулю подвести. Это не то, что в степи — за километры врага своего видишь…

Мы долго сидели, о многом беседовали, и мне порою казалось, что со мной говорит не боевой заслуженный воин, а умудренный жизненным опытом отец, наставляющий своего сына. Да так оно, пожалуй, и было. Сидор Артемьевич Ковпак считался отцом украинских партизан. Полезно было слушать его мудрые советы. Очень пригодились они мне в будущем.

С небольшой группой мне предстояло доставить действовавшему в Закарпатье партизанскому отряду радиостанцию, секретные шифры, планы операций. Задание было ответственным, и я хотел скорее выполнить его.

— Ну, прощай, — сказал Сидор Артемьевич. — Фашистов бить ты умеешь. Я это знаю. Желаю удачи!

Эти слова легендарного героя я всегда храню в своем сердце.

ПОЭТ-ПАРТИЗАН

1944 год. Начало декабря. В третий раз за время войны я вышел из вражеского тыла на «Большую землю». Живу в доме отдыха неподалеку от Киева, рядом с центральным штабом партизанского движения Украины. Начальник штаба генерал Андреев собрал как-то к себе на беседу командиров и комиссаров партизанских отрядов и соединений, возвратившихся из вражеского тыла. Мы находились тогда в резерве. Тому, кто был молод и не страдал от ран, предстояло снова вернуться в тыл врага и бороться с фашистами, а те, кто по возрасту и здоровью не подходил для партизанской жизни, направлялись на работу в освобожденные районы страны. После беседы генерал вызвал меня к себе и сказал:

— Здесь, в отделе кадров, находится казахский поэт Саин, комиссар партизанского отряда. Он разыскивает своих земляков. Иди, поговори с ним.

Это известие меня обрадовало. Раньше я не был лично знаком с Жумагали Саиным, но имя его хорошо знал. Еще школьником читал и любил его стихи, а его «Легендарную песню» даже знал наизусть. Я почти не поверил: откуда здесь Саин? Неужели мне и вправду посчастливится увидеть этого замечательного человека?

Я торопливо вышел из кабинета генерала. По дороге пытался представить себе облик поэта. Он рисовался мне высоким, мужественным, красивым. Ведь тот, кто может писать хорошие стихи, и сам должен быть хорошим человеком. В комнате полковника Сперанского я увидел смуглолицего небольшого человека в штатской одежде. Он вскинул на меня свои зоркие, острые глаза, вмиг оглядел с головы до ног.

— Товарищ Саин, — с улыбкой сказал полковник, — а вот и ваш земляк, о котором я вам говорил. Наш командир Вася Кайсенов. Познакомьтесь.

— Кайсенов Вася?.. Почему тебя зовут Васей? — наконец спросил он меня по-русски. — Ты, наверное, воспитывался в детском доме?

— Он теперь не казах, а украинец, — сказал полковник смеясь. — Пожалуй, и имя-то свое казахское забыл. Украинские партизаны его Васей прозвали. И все мы его так зовем…

С того дня мы с Жумагали не расставались.

Саин был прекрасным рассказчиком, никогда не повторялся, и рассказам его не было конца. Поэт был слаб здоровьем и медленно поправлялся после тяжелого ранения. Когда боль особенно мучила его, он просил меня рассказывать о себе, о своей

жизни.

Я, как мог, рассказывал ему о своем детстве, юности, о друзьях-партизанах. Саин — партизан, отважный воин, он не удерживался от восхищенных похвал, когда слышал об особенно удачных операциях нашего партизанского отряда.

Однажды, когда мы вспоминали детство, глаза его вдруг затуманились.

— Счастливый ты, Касым, — сказал он мне: — Детство твое было светлым. У тебя был отец и мать. Ты рос беззаботно. И шалил больше, чем нужно, видимо, от того, что родители очень любили тебя. Как говорится, крылатому не позволяли ударить крылом, а клювастому — клюнуть. А я, — помолчав, продолжал он, — ничего этого не видел. С малых лет остался сиротой. Был у меня только брат Каиржан, года на два моложе меня. Долго мы с ним странствовали. Пасли ягнят, баранов. Жили в голоде и в холоде. Сколько побоев перенесли, унижений!

Потом повеселел:

— Все это, к счастью, позади. Спасибо советской власти. Вовремя пришла она в нашу степь. Отца и мать нам, сиротам, заменила. Определили нас с братом в детский дом. Много там было таких, как мы, бесприютных, и всех нас вывели в люди. Мы выросли, получили хорошее воспитание и образование. Кто стал врачом, кто — ученым. А я вот стал литератором.

Однажды нас с Жумагали вызвали в штаб и вручили документы.

Меня направляли на работу в город Ровно. После тяжелых ранений я уже не мог снова идти в тыл врага, мне предложили работу в освобожденном от оккупантов украинском городе. Я сказал Жумагали, что должен остаться, а не ехать в Казахстан, как предполагалось раньше.

— Почему? — спросил он. — Ты мог бы остаться здесь, если бы снова с оружием в руках пошел в тыл врага. Это твой священный долг. Но если ты перестал быть бойцом, то для тебя найдется немало дел и в Казахстане, где живут твои отец и мать, твоя семья.

Жумагали побывал у генерала Андреева, добился приема в Центральном комитете партии Украины. Разумеется, и я всюду следовал за ним. Он доказывал своим спокойным голосом, что я должен вернуться в Казахстан, раз командование демобилизовало меня из рядов Советской Армии. Нам пошли навстречу, и вскоре я был уже в Казахстане, на земле, где родился и вырос. Наконец-то я встретился с родителями и с женой, с которыми война разлучила меня на долгие годы.

В Алма-Ате наша семья подружилась с Жумагали.

Талантливый поэт в моих творческих начинаниях был мне самым лучшим советчиком и критиком. Жумагали был человеком доброй, отзывчивой души, отличным товарищем.

— Соскучился я по тебе, партизан, — говорил он часто, приходя ко мне домой.

Несмотря на нездоровье, он много писал и, глядя на него, мне тоже хотелось работать и работать.

Жумагали умел дружить, умел вовремя прийти на помощь товарищу. Он был глубоко принципиальным, но никогда не навязывал своего мнения другим. И совсем не умел сердиться. Как-то мы с ним поссорились из-за пустяка и дня три не виделись. Потом я встретил его на улице Фурманова. Шли мы навстречу друг другу, но по противоположным сторонам улицы. Он первый заметил меня.

— Касым! Эй, Касым! Подойди-ка сюда.

Я подошел.

— Ты, оказывается, крепче меня, — смущенно проговорил Жумагали. — Ведь я по тебе уже соскучился. Давай договоримся, хоть и ссориться, но быть всегда вместе.

С тех пор я никогда не разлучался и никогда не ссорился с этим дорогим для меня человеком. Теперь его нет. Но светлый образ поэта и друга всегда живет в моем сердце. Мне кажется, что вряд ли кто, кроме меня, так хорошо знал и понимал поэта, его горячее партизанское сердце, до конца преданное своей великой Родине.

ВСЕГДА В СТРОЮ

Осколки вражеской гранаты серьезно задели голову, и друзья отправили меня на «Большую землю». Еще шла война, и всякий поймет, как трудно мне было отлеживаться в госпитале, беспомощным и бездеятельным. Поправившись немного, я стал настойчиво осаждать свое партизанское начальство просьбами отправить меня в тыл врага, к друзьям-партизанам. Не знаю, какими хитростями мне удалось убедить медицинскую комиссию в том, что я почти здоров и еще могу воевать. Мне разрешили вернуться в строй.

И вот в ночном небе гудят самолеты, неподалеку рвутся снаряды зениток. Опытный летчик выводит машину из опасной зоны, и через полчаса раздается команда покинуть самолет. Дело привычное. Я подхожу к двери и спокойно шагаю в темную пропасть. Проходят секунды, и тело сильно встряхивает раскрывшийся парашют. На земле виднеются три маленьких горящих костра. Стараюсь опуститься поблизости от них. Хочется запеть от радости, но нельзя: рядом могут оказаться враги. Сильный удар о землю… пытаюсь встать — и тут же со стоном падаю. Что-то неладно с ногами, кружится голова, темнеет в глазах. Прихожу в себя уже в партизанской землянке. Рядом о чем-то встревоженно шепчутся друзья, врач массирует ноги. Я не могу удержаться от стона. В землянке вдруг замолкают.

— Отвоевался, — доносится до меня чей-то тихий голос. — Разве можно было прыгать после сотрясения мозга?

— Нет, — с усилием говорю я, — еще повоюем, друзья!

Но воевать долго не пришлось. Старые раны дали себя знать, я стал терять зрение. Пришлось покинуть товарищей. Начались скитания по госпиталям. Победила молодость, выручила партизанская закалка. Я окреп, набрался сил и поспешил в Киев, в штаб партизанского движения. Разыскал генерала Строкача и снова попросился на фронт.

— Нет, нельзя — категорически возразил генерал. — Тебе надо поберечь здоровье. Ты сделал все, что мог, война для тебя закончена. И вообще победа наша близка. Поезжай домой, отдохни и принимайся за работу. Пора нам налаживать мирную жизнь.

Я поехал домой, в Восточный Казахстан. Трудно нам было на войне, но не легче приходилось и тем, кто оставался в тылу. Женщины, старики, дети заменили ушедших на фронт. Вся тяжесть огромного труда свалилась на их плечи. И наши люди выдержали, побороли все трудности и победили. Я конечно, сразу

пошел работать. А работы было — непочатый край.

Но болезнь подстерегала меня. Я перенес несколько операций, порою надолго выходил из строя. Иногда казалось, что не хватит сил справиться с недугом, но я всегда говорил себе: «Крепись, ведь ты — партизан. К лицу ли тебе сдаваться?» И я крепился, боролся с болезнями, старался не поддаваться мрачным мыслям, которые в эту пору часто одолевали меня.

…Прошли годы. Давно отгремела война, тяжелые и славные партизанские походы. Но я не перестал чувствовать себя бойцом, рядовым борцом и тружеником нашей Родины. Старым солдатам и сейчас еще снятся кошмары страшной и тяжелой войны. Грезятся они и мне, и порою кажется, что от них никогда не избавиться. Слишком огромно и памятно все, что мы пережили. И об этом не следует забывать. Надо прочно держать свое место в боевом строю, работать, бороться и побеждать. Это наш самый священный долг перед Родиной.

Перевод П. Якушева и Н. Кузьмина.

ВСТРЕЧИ ПОСЛЕ ВОЙНЫ

У СТАРЫХ ДРУЗЕЙ

Окончена война. Советский народ вернулся к мирному труду. Страшные потери понесла наша страна, и вчерашние воины, отдавшие кровь и жизнь за свободу Родины, с таким же упорством стали залечивать ее тяжелые раны.

Вернулся и я в свой родной Казахстан. Здесь, в кругу близких и родных, я постепенно стал забывать о трудностях партизанской жизни. Работа, учеба — все это захватило меня. Но проходило время, и я все чаще и чаще стал вспоминать о своих друзьях-партизанах. Где они? Что с ними? Как живут сейчас? Со многими я поддерживал переписку, а многих потерял. Товарищи настойчиво звали меня приехать в Киев, побывать в тех местах, где партизанили мы в годы войны.

И вот я в Киеве. Первым, кто встретил меня, был Алексей Васильевич Крячек — мой боевой товарищ, бывший врач партизанского соединения и храбрый воин. Теперь он врач киевской больницы имени Октябрьской революции. Его профессия сейчас так же важна для людей, как и во время войны.

— Вася, как хорошо, что ты приехал, — говорил Алексей Васильевич, усаживая меня в свою «Победу». — Мы с тобой обязательно побываем во всех партизанских местах, повидаем друзей.

— Я хочу повидать всех, — отвечаю ему. — Только из-за этого я и пустился в трудное путешествие.

…Едем по восстановленным, ставшим еще более красивыми просторным улицам Киева. Вскоре машина выносит нас на огромный мост. Даже не верится, что когда-то его фермы были обрушены в пенящуюся воду, из которой торчали изуродованные «быки». Выезжаем на автостраду Киев — Харьков. Алексей Васильевич везет меня в Хоцкое и в Понятовские леса. На пути село Винюша.

— Живет ли кто здесь из наших ребят? — спрашиваю я.

— Многих уроженцев этого села нет в живых, — отвечает мне друг и вздыхает. — Они погибли. Тут сейчас председательствует наш Сергей. Давай отыщем его и заберем с собой.

Машина сворачивает с тракта и мчится в сторону большого белого дома. Я догадываюсь, что это, видимо, правление колхоза. Пытаюсь вспомнить, о каком Сергее говорит Алексей Васильевич. Но вспомнить не могу: в отряде немало было Сергеев.

— Какой Сергей? — наконец не выдерживаю я. — Шпиталь, что ли?

— Он самый — Сергей Минович, — отвечает Алексей

Васильевич.

Время вечернее, и мы не очень уверены, что председателя можно найти в конторе. Но когда машина остановилась у крыльца дома, Алексей Васильевич обрадованно сказал:

— Свет горит, значит, председатель на месте.

Мы зашли в контору. Из полуоткрытой двери председательского кабинета до нас долетали энергичные слова, словно кто-то отдавал отрывистые команды.

— Нам надо сдать пятьсот центнеров зерна государству сверх плана. Задача — перегнать соседей! — говорил Сергей Минович Шпиталь.

Я без труда узнал его голос.

— Гляди, он кроет так, как когда-то в лесу. Ох, живучи партизанские привычки, — толкнул меня в бок и хитро подмигнул Алексей Васильевич.

Пока Сергей Минович беседовал, очевидно, с членами правления, мы терпеливо выжидали в прихожей. Наконец все разошлись, и в кабинете остался один председатель.

— Кто там еще? — крикнул председатель, открывая перед нами дверь. — Заходите.

— У меня к тебе важное дело, товарищ голова, — сказал я и первым переступил порог кабинета.

— Вася! — поперхнулся Сергей Минович. — Уж не с неба ли ты свалился?

Мы кинулись обнимать и целовать друг друга, Алексей Васильевич ходил вокруг нас, довольный эффектом от непредвиденной встречи двух старых друзей.

— Сейчас у меня горячая пора, — заговорил Сергей Минович, когда наконец кончились бурные приветствия. — Это бригадиры у меня были, задание им на завтрашний день давал.

— Слышали, слышали, — иронически заметил Алексей Васильевич. — Ты шумишь так же, как шумел в партизанском отряде.

— Ну, други, прошу ко мне домой, — пропустив мимо ушей слова Алексея Васильевича, радушно пригласил Шпиталь. — Таким гостям я всегда рад.

— Э, нет, партизанский начальник, — перебил его Алексей Васильевич, — сейчас едем к нам. Я уже давно предупредил свою мамашу, и она ждет нас с Васей. Собирайся с нами. К тебе мы и завтра успеем.

Сергей Минович не заставил себя уговаривать. Через полчаса мы мчались в село Козин, где жила мать Алексея.

Спижевой Григорий Сильвестрович — командир партизанской группы.

В доме Крячека уже собрались бывшие партизаны, жители этого села. Я знал не всех, но это не помешало нам быстро подружиться. Старые воины, мы с полуслова понимали друг друга. Разговор, как бывает в подобных случаях, перешел в область воспоминаний.

Партизаны в который уже раз рассказывали друг другу о минувших боях, вспоминали погибших товарищей.

— Пусть они посидят здесь, — шепнул мне Алексей Васильевич, кивая на увлекшихся разговорами гостей, — а мы с тобой съездим к Косте Спижевому.

— Как это можно сделать? — удивился я, вспомнив, что Спижевой находится на другом берегу Днепра. — Сейчас второй час ночи. Кто нам в это время даст лодку!

— Не беспокойся, — шепнул Алексей. — Нам бы только выбраться незаметно. А то узнают — не пустят.

Осторожно, не привлекая внимания гостей, выходим на улицу и мчимся к Днепру. У берега долго кричим, просим лодку. Никто не откликается. От реки несет сыростью и прохладой. Вода, должно быть, холодная. Сентябрьский ветер гонит волны, и они глухо шумят.

— Вася, ты ожидай здесь. Я переплыву Днепр и притащу сюда Костю, — говорит мне Алексей Васильевич.

— Не дури, Алексей, — сержусь я. — Здесь широко. Утонешь еще…

Но он меня не слушает, раздевается, бежит к берегу и бросается в воду. Я стою возле машины. До меня доносится плеск воды, слышно, как, громко отфыркиваясь, плывет Алексей, Вот все стихло. Я хожу по берегу и ругаю себя за то, что не удержал товарища. Осень, вода холодная. Все может случиться. Правда, нам приходилось во время войны много раз перебираться через Днепр по залитому весенней водой непрочному льду. Но тогда была другая обстановка, и сами мы были другими.

Наконец, уже отчаявшись дождаться друга, я услышал плеск весел.

— Алеша! Алеша! — радостно закричал я.

— Вася! Это ведь ты, Вася? Откуда ты появился? — шумит в ответ Костя, узнав мой голос.

Лодка приближается к берегу, и вот ко мне бегут товарищи, крепко обнимают меня.

— Ведь Алексей ничего не сказал о твоем приезде! — взволнованно говорит Спижевой, — Прибежал ко мне домой, мать перепугал. Идем, говорит, — и никаких гвоздей. Прихожу на берег, а тут уже стоят Ломако и братья Горовенко…

Горовенко Сильвестр Григорьевич — партизан-разведчик.

— Друзья, — перебивает нас Ломако, — хорошо, что мы снова вместе. Много лет назад в этот день мы потеряли своих дорогих товарищей: Пероцкого, Шевченко, Романенко…

…Сентябрь 1943 года. Партизанское соединение имени Чапаева на левом берегу Днепра встретилось с передовыми частями наступающей Красной Армии. Партизаны должны помочь регулярным частям форсировать Днепр у села Григоровка.

Обеспечить переправу поручили третьему отряду. Нужны были отважные люди, хорошо знающие местность. Из патриотов Ржищевекого и Переяславского районов организовали боевую группу, в которую входили жители Григоровки. В ту же ночь они переправились через Днепр и атаковали части немецкой армии, занимавшие Григоровку.

Три часа длился кровопролитный бой. И все же партизаны

захватили село. Немцы бежали, оставив оружие, множество убитых и раненых. Партизаны вышли за село и захватили правобережные холмы, господствовавшие над местностью. В этом бою геройски погибли наши славные товарищи Пероцкий, Шевченко и Романенко.

И вот мы стоим на том самом месте, где кипел бой за Днепр. Перед нами в ночной темноте угадываются холмистые берега, за которыми тянутся Понятовские леса — наш бывший партизанский дом. Некоторое время стоим в торжественном молчании на берегу славной реки.

— Ну, едем, — говорит Алексей Васильевич. — Нас ждут.

Так и прошла вся ночь в воспоминаниях и разговорах. А рано утром мы все отправились в Хоцкие леса.

Углубившись километра на три в лес, Алексей Васильевич остановил машину.

— Вася, — обратился он ко мне, — ты помнишь то толстое дерево?

Мы вышли из машины и тихонько пошли за Алексеем. Когда впереди показался клен, широко раскинувший свою могучую крону, передо мною как живой встал Гриша Проценко. Здесь, будучи смертельно раненным, он просил нас в последние минуты не оставлять его тела на поругание фашистам.

— Вася, — тихо сказал Алексей Васильевич, — наш дорогой друг покоится здесь с тех пор, как мы его с тобой похоронили. Эти цветы посадили дети из нашего села. Они часто приходят сюда, приносят венки. Гриша Проценко был настоящим патриотом, сыном своей великой Родины, за которую отдал жизнь.

ПОГАСШИЙ СВЕТ ЗАЖЕГСЯ ВНОВЬ

Неожиданно меня сковала болезнь. Это случилось в 1949 году. Все быстрее и быстрее я стал уставать, приходил с работы разбитым, с трудом поднимался утром. Болели глаза. Зрение катастрофически ухудшалось. Сказывались старые раны, тяжелая партизанская жизнь.

— Ты переутомился, — говорили мне товарищи по работе. — Надо немедленно показаться врачам.

Опытные алма-атинские врачи обнаружили у меня опасное заболевание глаз и предупредили, что нужна срочная операция. Собираюсь в Одессу, к академику Филатову. Имя всемирно известного академика внушало большие надежды. Не теряя времени, отправляюсь в путь, но по дороге в Москву меня разбил паралич. Отнялись руки. В Москве я был срочно помещен в глазной институт имени Гельмгольца. Около месяца я пролежал в постели.

Врачи сделали все возможное, и вскоре я стал уже самостоятельно передвигаться. Врачебный консилиум решил направить меня на лечение в Одессу.

Скорый поезд приближался к Киеву. Как ни торопился я в Одессу, но все же решил остановиться в Киеве, повидать своих друзей-партизан. Из Москвы я телеграфировал товарищам. Встреча с друзьями радовала и страшила меня. Что скажут они, увидев больного, измученного человека вместо крепкого, бравого партизана, которого знали раньше? По дороге я не перестаю надоедать сопровождающей меня медицинской сестре:

— Скоро ли Киев?

— Сколько осталось до Киева?

Наконец поезд останавливается у киевского вокзала. Но тут иссякают и мои напряженные до предела силы. Я чувствую, что ноги и руки снова отказываются служить мне. Опять похоже на паралич… Вдруг слышу, кто-то окликает меня, и в следующее мгновение я оказываюсь на перроне, в кругу товарищей. Они не дали мне сойти, сняли со ступенек вагона. В душе я был очень благодарен им за такую бесцеремонность: сойти у меня не хватило бы сил.

Стою на перроне и сквозь невольно набежавшие слезы разглядываю друзей. Вот Надежда Ивановна Воронецкая — партизанка нашего отряда. Это ей я посылал телеграмму из Москвы. Меня пришли встречать бывший комиссар партизанского соединения Ломако, Крячек и многие другие.

— Что же это ты, друг, в партизанах ни разу, не болел, а тут

сдал? Изнежился, наверное, дома? — шутит Крячек, но, как врач, он великолепно понимает мое плачевное состояние. Сразу же с вокзала друзья отвезли меня в Октябрьскую больницу, где работал теперь Крячек. То ли встреча с друзьями, то ли искусство врачей, а скорее всего то и другое, помогают мне: через несколько дней я поднимаюсь с постели, хожу, и мне настойчиво советуют продолжать путь в Одессу.

Яковенко Василий Петрович — партизан-разведчик.

Во время празднования 300-летия воссоединения Украины с Россией.

Но мне не хотелось торопиться с отъездом. Я давно собирался повидать заместителя Председателя Президиума Верховного Совета Украины Сидора Артемьевича Ковпака, — легендарного командира партизан. Наша встреча наконец состоялась. Принял меня Сидор Артемьевич тепло, ласково.

— Не огорчайся, — утешал он, — поправишься. Что значит какая-то болезнь для нашего брата партизана? Крепись. Выздоравливай и приезжай на юбилей Украины.

…Пять дней, как я нахожусь в Одессе. Здоровье ухудшается. Не перестает болеть голова, все тело горит. Свет в глазах меркнет. Я уже едва различаю пальцы своих рук… В Одессе меня тоже встретили бывшие партизаны. Один из них, Бычков, во время войны был в нашем партизанском соединении. Друзья подбадривали меня, шутили, но мне уже было не до шуток. Как чуда, ждал я свидания с Филатовым.

Бычков Андриан Павлович — начальник особого отдела партизанского соединения.

Академик принял меня скоро. Вместе с кандидатом медицинских наук Шевалевым и главным врачом института Будиловой Филатов осматривал меня около двух часов и установил, что предстоит очень трудная операция. Болезнь моя была запущена, все желательные сроки операции давно прошли. Зрение правого глаза сохранилось только на пять процентов. Академик долго искал пути удаления его. Надо было сделать это так умело и осторожно, чтобы не повредить левый.

Наконец настал день операции. Проводил ее лучший ученик академика Владимир Евгеньевич Шевалев. Операция длилась два

часа. После операции мне туго забинтовали глаза, вывезли из операционной и уложили на койку. Так пролежал я целых пять дней. Затем в палату пришел академик, с ним ученики и лаборанты.

Стали снимать повязку. Минута была торжественной и вместе с тем тревожной. Лишенный зрения человек, впервые увидевший после операции свет, кричит от радости. У меня положение особое. Совсем недавно я видел небо, облака и деревья. Я закричу скорее всего тогда, если ничего этого не увижу.

Медсестра привычными осторожными движениями сняла маленькую повязку, убрала вату. Веки мои задрожали, и я осторожно открыл глаза…

Свет! Я вижу! Зачем-то ощупываю себя, вскакиваю с кровати и бросаюсь обнимать врача.

— Ну, товарищ Кайсенов, давай познакомимся, — Филатов с улыбкой протягивает мне руки.

— Спасибо, дорогой Владимир Петрович, — говорю я академику и крепко жму его руки. — От всего сердца спасибо.

— Операцию тебе делал товарищ Шевалев, — объясняет Владимир Петрович и ласково треплет меня по плечу. — Оставь и на его долю спасибо.

Я крепко обнял доктора Шевалева и расцеловал его.

После операции мой левый глаз стал видеть значительно лучше. Оказывается, застарелая опухоль правого глаза поразила зрительные нервы.

— Не очень велика наша заслуга: ведь мы сумели спасти только один глаз, — сказал Владимир Петрович Филатов. — К сожалению, наши возможности ограничены. Если бы вы приехали к нам хоть на месяц раньше, все могло быть по-иному.

ПОЕЗДКА НА ТОРЖЕСТВО

В 1954 году я снова побывал у своих друзей во время поездки на торжество по случаю трехсотлетия воссоединения Украины с Россией.

Самолет дважды пролетел над старинным городом нашей Родины — Киевом, плавно опустился на посадочную дорожку аэропорта. Едва успела открыться дверь самолета, как к нам ворвались встречающие с букетами цветов. Они обнимают и целуют каждого, словно давно и хорошо знакомы со всеми членами казахстанской делегации. Всем нам вручают букеты.

Но вот я вижу: в самолет поднимается Сидор Артемьевич Ковпак и тепло здоровается с нами. Рядом с ним — заместитель председателя Совета Министров Украины, министр здравоохранения. Вместе выходим из самолета и направляемся на площадь. И здесь нас встречают восторженно и радостно, засыпают цветами, обнимают.

С большим трудом пробираемся к машинам и едем в город.

Нас везут в гостиницу, показывая по пути достопримечательные места чудесного города. Многие из членов нашей делегации видели Киев до войны. Мне довелось бывать в нем в тяжелое время, когда город был разрушен. Не только я, но и люди, видевшие Киев до войны, поражаются происшедшим здесь изменениям. Город утопает в зелени, повсюду на улицах цветы. Никаких следов разрушений, как будто и не было ужасной войны. Особенно красив знаменитый Крещатик. Восстановленные дома стали много лучше, чем были раньше. Киевляне потрудились, для того чтобы вновь отстроить свой любимый город.

Нас разместили в гостинице «Украина». Вечером того же дня мы присутствовали на торжественном собрании. Заместитель председателя Верховного Совета Украинской ССР вручил членам казахстанской делегации медали, учрежденные в честь трехсотлетия воссоединения Украины с Россией. Мы были гостями на торжественной сессии Верховного Совета, участвовали в грандиозной демонстрации трудящихся Киева.

Встреча после войны. С. А. Ковпак среди бывших партизан на вокзале в г. Киеве.

После войны. Командир партизанского соединения, дважды герой Советского Союза генерал Федоров Алексей Федорович в г. Каневе встретился с партизаном Кайсеновым Касымом.

Во время демонстрации нам довелось встретиться с героем гражданской войны Семеном Михайловичем Буденным. Семен

Михайлович тепло поздоровался с нами, и мы разговорились.

— Я много раз бывал в Казахстане, — сказал Семен Михайлович, — хорошо знаю казахский народ и очень рад встретиться с его представителями.

Демонстрация длилась до шести часов вечера, Мне еще не приходилось видеть ничего подобного. Сотни тысяч людей прошли по празднично украшенным улицам города. Музыка, веселые песни, смех не затихали ни на минуту.

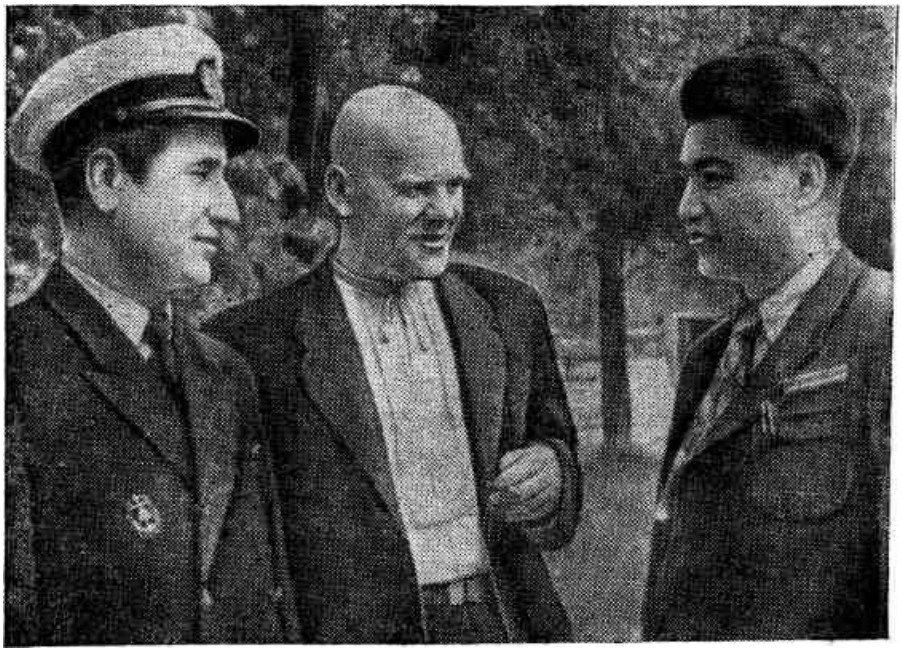
24 мая гости были приглашены на торжественный обед. Представители всех народов Советского Союза чествовали братский украинский народ, поздравляли его с великим праздником. От имени казахского народа руководителям партии и правительства Украины были преподнесены традиционные шелковые халаты и куньи шапки. Шапка и халат были подарены и легендарному партизану, дважды Герою Советского Союза, заместителю Председателя Президиума Верховного Совета Украины Сидору Артемьевичу Ковпаку.

На этом празднике я снова встретился со своими друзьями-партизанами, многих я увидел тогда впервые после войны. Это был настоящий праздник друзей.

— Давайте поедем в Переяслав-Хмельницкий, — предложил Янцелевич. — Побываем на пристани, посмотрим то место, где мы потопили две немецкие баржи с хлебом…

— Ты думаешь, — спросила Воронецкая, — что эти баржи до сих пор находятся там?

— Нет, — ответил Янцелевич, — я знаю, что баржи давно подняты со дна реки и служат народу.



Встреча после войны в Киеве. Слева: **Анатолий Янцелевич, Емельян Ломако, Касым Кайсенов.**

МАЛЕНЬКАЯ ПАРТИЗАНКА

До сих пор я помню крошечную девочку Майю — любимицу партизан. Она родилась в лагере народных мстителей в грозное время Великой Отечественной войны.

Сурово сложилась судьба ее родителей. Младший лейтенант Жилбек Агадилов вместе со своей женой Жамал находился в рядах Советской Армии. Их воинская часть стояла на западной границе, и они в первые же часы войны испытали все ее ужасы.

Жамал и Жилбек потеряли друг друга. Жилбек воевал в действующей армии, а Жамал работала в тыловой части.

Пограничные части отступали под напором во много раз превосходящих сил противника. Вскоре немцы подошли к городу, где находилась Жамал. Она пыталась эвакуироваться вместе со своей частью, но это ей не удалось.

Жамал затерялась в потоке беженцев, и только счастливая случайность столкнула ее с Жилбеком. Но к тому времени путь на восток был отрезан, и они оказались в окружении.

Оставшиеся в живых солдаты и командиры ушли в леса, чтобы там продолжать борьбу с врагом. Здесь они вскоре присоединились к партизанскому отряду. Трудные переходы, частые схватки с оккупантами изматывали партизан. Тяжелее всех приходилось Жамал: она ждала ребенка. Партизаны и радовались предстоящему событию и горевали: что ждет маленького человека в это страшное, грозное время?

Каждый партизан в отряде знал о положении Жамал и каждый старался сделать все возможное, чтобы подбодрить ее. В конце ноября 1941 года партизаны сделали вылазку в село и разыскали там человека, взявшегося укрыть Жамал в своем доме.

Но мужественная партизанка не пожелала уходить из отряда, и вскоре прямо в землянке у нее родилась дочка. Назвали девочку Майей.

Специально для Жамал и ее малютки партизаны раздобыли дойную корову. Трудно теперь представить, как Жамал оставалась в глухом лесу, где нельзя даже протопить землянку, чтобы не навести на след карателей. Но Жамал — военнослужащая, жена командира и партизана.

— У нас появилось подкрепление, — шутили партизаны. — Держись теперь, фашист!

Так в первые же дни своей жизни маленькая Майя стала «партизанкой». Ей, как и взрослым, грозила пуля, осколок снаряда, голод и холод. Жизнь ее висела на волоске. Однажды в походе произошел случай, всполошивший весь отряд. Партизаны

перебирались через реку. Жамал с маленькой дочкой ехала верхом. На середине реки лошадь испугалась, шарахнулась в сторону, и Майя выскользнула из рук матери. Партизаны услышали пронзительный крик Жамал и кинулись в поток, где кружился сверток с ребенком.

Майю спасли. И трогательно было видеть, как, огрубевшие на войне люди один за другим подходили к еще не опомнившейся от страшного испуга матери и просили показать им малютку.

— Ну-ка, покажи партизаночку, — с улыбкой говорит пожилой усатый боец-украинец и тянется к личику Майи. — Ничего. Добрая будет дивчина. Смотри, какой геройский подвиг совершила — в поток прыгнула!..

А однажды Жамал, скрываясь от немцев, ушла из своего отряда и заблудилась. Два дня бродила она с дочкой по лесу, занесенному глубоким снегом. Обе страшно проголодались, ножки Майи стали застывать. Так бы и погибли они, если бы их не встретил лесник и не привел в свою сторожку.

Отец Майи с друзьями уже искал жену с дочкой и скоро нашел их в избушке лесника.

Народные мстители уже проводили сложные операции, вступали в серьезные бои с оккупантами. Фашисты бросали на партизанские войска десятки самолетов, так как наземными силами уже не могли справиться с ними. Теперь в лагере все чаще и чаще раздавались воздушные тревоги. «Воздух», «самолеты» — эти слова настолько прочно вошли в будничную жизнь партизан, что их почти первыми запомнила даже маленькая Майя. Самое первое слово, которое произнесла в своей жизни девочка, было не «мама» или «папа», а «самолет».

В октябре 1943 года партизанская бригада соединилась с регулярными частями Красной Армии, а после войны родители Майи переехали в свой родной город Павлодар.

Маленькая партизанка выросла, успешно закончила среднюю школу и институт.

В жестокое время войны партизаны сумели сохранить жизнь и здоровье не только матери, но и ее дочке. Они не задумываясь пошли бы на смерть, если бы жизни маленькой партизанки, как все называли ее в отряде, угрожала опасность. И они поступали так много раз.

МОИ ДРУЗЬЯ НА ЦЕЛИНЕ

Мы выехали с восходом солнца. Широкая, озаренная ласковыми лучами степь бежит нам навстречу. Кроме меня в машине еще двое пассажиров: чернобровый юноша Толеутай Акбаев и молоденькая, лет восемнадцати, девушка, секретарь комсомольской организации совхоза «Степной» Анна Иваненко. Шофер тоже не старше моих попутчиков. Наверное, он новосел, как и тысячи других юношей и девушек, прибывших в казахстанскую степь по комсомольским путевкам.

— Ваня, поднажми. Надо выиграть время, — говорит Толеутай шоферу. — Когда будем проезжать «Черное море», придется тяжело.

Я не понял, о каком «Черном море» говорил Толеутай, и про себя решил, что это либо название аула, либо низина какая-нибудь. Долго мы ехали молча. Степь убаюкивала, хотелось тихо думать о чем-то таком же большом и просторном, как эта бескрайняя равнина. Однако мой молодой спутник первым не выдержал молчания.

— Вы раньше бывали в этом районе? — спросил меня Толеутай, желая завязать разговор.

— Нет, я вообще впервые в этой области.

Толеутай замолчал. Видно, и у него не находилось подходящего предлога для разговора с малознакомым человеком. Я внимательно вглядывался в лицо юноши, стараясь угадать, сколько ему лет, чему успел он научиться, кем работает в совхозе. Чувствуя его нетерпение, я решил сам продолжать беседу.

— А сам ты здешний или приехал откуда?

— Да. Я здесь родился и вырос, — оживленно заговорил Толеутай, — но последние три года не бывал в этих местах. В этом году закончил Алма-Атинский сельскохозяйственный институт, работаю в «Степном» агрономом.

Он помолчал немного, потом, окидывая своими жадными глазами степь, взволнованно заговорил опять:

— Чудеса! Родных мест не узнаю — так все здесь изменилось. Почти всю целину распахали. А людей сколько новых у нас — не сочтешь! Из Москвы, из Ленинграда, с Украины, из Белоруссии… Никогда здесь не было такого.

— Да, — согласился я, — изменений много. И это к лучшему. Наш народ только выиграет от таких изменений.

Вдруг я заметил на себе пристальный взгляд Ани Иваненко и смутился.

— Толеутай, — смущенно говорю собеседнику, — тебе не

кажется, что мы поступаем невежливо? Все время говорим по-казахски, а наша Аня скучает. Ведь она не знает нашего языка.

Аня улыбнулась мне тепло и ласково, ее большие голубые глаза засветились. Я подумал, что она заулыбалась, услышав свое имя. Но тут Толеутай вдруг громко расхохотался.

— Что вы! Она еще нас с вами за пояс заткнет в этом деле. Аня говорит по-казахски так, как будто сама казашка. Она даже доклады для молодежи читает на казахском языке.

— Вот как! Хорошо!

— Вы ему не очень верьте, — сказала Аня. — Не так уж хорошо я знаю казахский язык, пора бы изучить его лучше. Но я понимаю, о чем вы говорите, и сама могу немного разговаривать.

…Машина несется со скоростью семьдесят-восемьдесят километров в час. Дорога ровная, и видно далеко вперед. Постепенно наша беседа оживляется, мы говорим уже друг с другом, как старые добрые товарищи.

— Если вы действительно никогда не бывали у нас, то вам есть что посмотреть здесь, — обращается ко мне Толеутай: — и поля увидите и пашни. А вот как проедем отсюда километров шестьдесят на север, начнется «Черное море».

Нам часто встречаются колонны грузовых машин. Они везут разборные щитовые дома, сельскохозяйственные машины, продукты. Люди торопятся, и неудивительно: много дел в степи, а время не ждет. Новоселы подымают целину и одновременно строят жилые городки. Молодежь приехала сюда не в гости, а строить жизнь.

По обеим сторонам дороги гудят тракторы. Вековой покой древней степи разбужен навсегда. Сюда пришли комсомольцы, настоящие хозяева земли, и она покоряется им.

Долго едем мы, вслушиваясь в шум степи, и наша беседа снова начинает угасать. То, что происходит вокруг, сильнее слов, и мы некоторое время молчим. Вдруг наша машина круто сворачивает и катит по проселочной мало накатанной дороге.

— Ваня, — всполошился агроном, — нам надо прямо ехать. Зачем ты повернул?

— Эта дорога уже распахана, — спокойно отвечает шофер. — Нам придется добираться в объезд.

— Эх, Толеш! — засмеялась Аня. — Два дня побыл на семинаре в районе и успел отстать от жизни. За это время чего только не сделают ребята Сакуна! Они не только дорогу вспахали, которой вы собирались ехать, а уже подняли целину от Карабулака до Бугелека. Прибавили вам, агрономам, работы…

— Брось, пожалуйста, — отпарировал Толеутай, — знаю я тебя. Ты хвалишь бригаду Сакуна только потому, что она

комсомольская. Бригадир Салаков со своими ребятами идет немного впереди Сакуна.

— Вот ты и опять показываешь свою неосведомленность, — возразила Аня, — ты безнадежно отстаешь от жизни. Уже в тот день, как ты уехал, партком и дирекция решили вручить переходящее красное знамя бригаде Сакуна. Наши комсомольцы опередили Салакова.

Смущенный Толеутай прекратил спор. Слушая их, я подумал: как замечательно, должно быть, работают здесь люди, если за два дня происходят такие перемены. Вскоре мы подъехали к «Черному морю», о котором упоминал агроном в начале нашего пути. Вокруг, насколько хватал глаз, виднелась черная вспаханная земля — поднятая целина. Глубокие борозды и вправду похожи на вспененные ветром волны. «Черное море» вспаханной земли действительно выглядело величественно. Мы долго ехали мимо пахоты. Машину подбрасывало, и мне казалось, что это ветер гонит под колеса крупную черную волну. Нас основательно укачало, пока мы добрались наконец до полевого стана, раскинувшегося в центре огромного вспаханного массива.

— Видите, — оживленно сказала Аня, — вон там, над вагончиками, красное знамя. Это — четвертая бригада. Бригадиром здесь — Сакун, замечательный работник.

До этого я как-то не обращал особого внимания на фамилию бригадира. Но вдруг она показалась мне очень знакомой. Очень давно и хорошо я знал человека с фамилией Сакун… Подъезжаем к вагончикам. От долгой езды онемели ноги, и мне пришлось, выйдя из машины, долго разминаться. Вдруг один из трактористов, вышедших нам навстречу из вагончика, бросился ко мне и заключил меня в объятия. Тут-то я и вспомнил, откуда мне знакома фамилия Сакун. Оказывается, это мой старый знакомый, партизан Великой Отечественной войны.

— Что, не узнаешь? — спросил улыбающийся Сакун.

— Узнал, узнал, дружище! — сказал я. — Здравствуй, Николай!

— Здравствуй! Каким это ветром тебя занесло сюда?

— Ты лучше скажи мне, как ты сам очутился в Казахстане? — спросил я Николая, еще не веря такой неожиданной встрече.

— Чудной же ты, Вася! — проговорил Николай и поглядел на Толеутая и Аню, как бы приглашая их вместе подивиться моей наивности. — Как же это так: ты можешь бывать на Украине, а почему я не могу приехать в Казахстан? Помогать вам приехал. И не один — со мною Таня и Боря.

Таня — жена Николая, Боря — его четырнадцатилетний сын, родившийся в тылу врага, в партизанском лагере.

Николай пригласил нас всех в свой вагончик. Я не мог предполагать, что встречу партизана здесь, и показался, наверное, смешным своим новым друзьям.

Как же так: вся страна живет сейчас целиной, а партизаны будут отсиживаться в укромных углах? Мне стало неловко перед Николаем.

— Заходите, — радушно пригласил Николай, — это наш временный дом. На центральной усадьбе строимся капитально. Там у нас с Таней будет три комнаты. Вечерком проедем, встретимся с моим семейством.

Николай коротко рассказал мне о своих делах. Я уже раньше знал, что дела у него идут неплохо, но не перебивал хозяина.

— Вот, — говорил он, указывая на доску показателей, на которой внушительно красовалась цифра «180», — смотрите: это ежедневная наша выработка. И показатели не снизим, а будем повышать. Правильно, товарищ комсомольский секретарь?

— Конечно, — поддержала бригадира Аня. — Комсомольская бригада должна всегда идти впереди.

Вместе с бригадиром мы объехали участки, где трудились его трактористы. У большого массива, на котором работали четыре трактора, мы остановились, чтобы побеседовать с комсомольцами. Машины смолкли, и трактористы окружили нас.

— Прекрасная земля, — ответил один из них на вопрос агронома о качестве массива, — чернозем, как на Украине. Если приложить руки, то зерном засыпаться можно. Урожаи тут будут высокие.

— Обязательно, — поддержал его бригадир. — Я раньше представлял себе Казахстан как пустынный песчаный край. И когда собирался ехать сюда, то специально предупреждал товарищей: жара, мол, песок и все прочее. Но моих парней ничем не испугаешь. Богатыри!

Ребята слушали речь своего бригадира и довольно улыбались. Действительно, он говорил им, что будет жарко, трудно, но они ехали работать, и трудности их не пугали. Наоборот, их привлекал неизвестный целинный край, в котором есть где развернуться, есть к чему приложить свои молодые силы.

— Ой, Вася! — вдруг спохватился Николай. — Ведь ты должен знать моих хлопцев. Они все — бывшие партизаны. У нас в отряде были.

Николай стал знакомить присутствующих со своими ребятами. Они узнали меня, но я, признаться, никого из них вспомнить не мог. Здороваемся, разговариваем, но ничто из прошлого не возникает в моей памяти. Когда, при каких обстоятельствах сводила нас жизнь на партизанских дорогах?

Тогда мне на выручку пришел Николай.

— Вася, ты разве забыл птицеферму на Белом озере?

И тут я все вспомнил. Когда части Красной Армии поспешно отходили из села Хоцкого, в нем оставался детский дом. Детей не смогли эвакуировать. Немцы, захватив село, разместили в здании детского дома своих раненых солдат, а детей загнали в неприспособленный для жилья сарай. Беззащитных ребят успели скоро разобрать и попрятать местные жители, но часть ребятишек немцы задержали.

Немцы, конечно, не собирались воспитывать советских детей. Им нужны были рабочие руки. В селе была колхозная птицеферма, и оккупанты приставили детей ухаживать за птицей. Однажды с ними повстречались наши партизанские разведчики — маленький Илько и старик Власенко. Дети не могли покинуть ферму. Под страхом смерти они вынуждены были трудиться, откармливать птицу для немецкой кухни.

Разведчики рассказали в отряде о бедственном положении детей, а Илько даже расплакался и попросил командира взять их в отряд. Через неделю мы узнали, что фашисты собираются переводить ферму на другое место. Но мы их опередили. Взвод партизан неожиданно нагрянул в село и перевез ферму вместе с мальчиками на нашу базу, заодно прихватив с собой десять немецких солдат из охраны. Мальчики были хилые, слабенькие, и в отряде их называли тогда «цыплятами».

…Теперь они выросли, окрепли и возмужали. Я смотрю на бывших «цыплят» и не узнаю их. Испытав много трудностей в партизанской борьбе, они стали настоящими орлами. Теперь они строят новую жизнь, преобразуют землю.

— Выходит, вы давно знакомы с нашими комсомольцами, — тихо сказала Аня, молча и внимательно слушавшая мой рассказ о прошлом своих трактористов.

— Они не просто мои знакомые, — ответил я, — они мои верные друзья-партизаны.

ПОДАРОК ПАРТИЗАН

И снова я в Киеве. Я люблю Алма-Ату, но с Киевом у меня так много связано в жизни, что каждый приезд в этот древний прекрасный город — настоящий праздник для меня. Здесь живут многие мои друзья — бывшие партизаны, а дружба, скрепленная огнем и кровью, не подвластна даже неумолимому времени. Идут годы, а я чувствую, что меня все больше и больше связывает и роднит с моими братьями-украинцами, и я горжусь этой дружбой, все чаще и чаще с гордостью вспоминаю время, когда мне посчастливилось вместе с ними сражаться против врагов нашей великой Родины.

На этот раз поездка сюда была рекомендована мне врачами.

Нечего и говорить, что я с радостью воспользовался этой возможностью, чтобы еще раз встретить своих друзей. Старые раны дают себя знать. И хотя крепишься и не показываешь вида, приходит наконец время, когда безропотно отдаешь себя во власть врачей.

…Вот уже целый месяц я лежу в киевской больнице имени Октябрьской революции. Здесь по-прежнему работает наш бывший партизанский врач Алексей Васильевич Крячек. Он-то, к слову сказать, и настаивает на моем лечении. Порядок в больнице очень строгий и, как я ни привык подчиняться врачам, меня он очень стесняет. Но ничего не поделаешь. Я по опыту знаю, как важно вовремя восстановить свои силы, и стойко переношу вынужденное пребывание в больнице.

Каждое утро ко мне в палату приходит Алексей Васильевич. Он бодр и весел, умеет шуткой и теплым словом поднять настроение, и я благодарен ему за это. Алексей Васильевич почти не изменился с тех давних партизанских лет. Мне порою кажется, что где-то в углу его врачебного кабинета стоит автомат, а в тумбочках стола — гранаты. Стоит только подать сигнал тревоги — и Алексей Васильевич отбросит в сторону коробки с таблетками кодеина (он нас потчевал в свое время ими от простуды), схватит автомат, гранаты и побежит в цепь отбивать очередную атаку карателей.

— Ну как, Вася, дела? — задает он свой обычный за последние дни вопрос, входя в палату. — Скучаешь?

— Да, признаться, надоело лежать, — говорю ему и пытаюсь по взгляду определить, с чем пришел он на этот раз. — Хорошо у вас в Киеве, а в Алма-Ату тянет, домой хочется.

— Ничего, потерпи, — утешает Алексей Васильевич, — скоро отпустим… Да, знаешь, зачем я к тебе пришел? Угадай…

— И угадывать нечего. Небось, опять новым курсом лечения обрадуешь. От вас, врачей, больше и ждать нечего.

— На этот раз нет, — улыбается Крячек, — Сидор Артемьевич о тебе спрашивал. Просил, как поправишься, побывать у него.

— Сидор Артемьевич? — я сбрасываю одеяло и подымаюсь с кровати. — Что же ты раньше не сказал? Сейчас же едем к нему. Довольно, повалялся я у вас.

— Не спеши, — ласково, но настойчиво обрывает меня друг. — Не так это просто. Чтобы выйти из больницы, надо прежде поправиться. Если позволят обстоятельства, я и сам с удовольствием с тобой поеду.

…Через несколько дней разрешение было получено. Мы едем к Сидору Артемьевичу. По дороге я волнуюсь и не перестаю восхищаться городом.

Он растет и хорошеет, словно не проносились над ним недавние грозные бури. Киев вынес страшное время оккупации, но быстро оправился от тяжелых ран, как это бывает с могучим богатырем, которого не может сломить никакая сила.

— Постарел, наверное, Сидор Артемьевич? — спрашиваю я у Крячека. — Годы немалые…

— Что ты! Сидор Артемьевич выглядит хорошо, — отвечает мне Алексей Васильевич и, хитро улыбаясь, добавляет: — Молодым не уступает. Партизанская закалка многое значит… Это вот ты что-то расклеился. Но ничего, мы тебе болеть не дадим.

…У Ковпака мы встретились с командиром партизанского отряда Юрием Алферовичем Збанадским, партизаном Василием Петровичем Яковенко и другими товарищами, с которыми мне пришлось исходить сотни километров по лесам Украины. Долго продолжалась задушевная беседа. О многом вспомнили, о многом поговорили.

Кто-то из партизан показал Сидору Артемьевичу Ковпаку немецкие деньги, выпущенные в 1942 году в городе Ровно гаулейтером Украины палачом Эрихом Кохом. На кредитном билете был изображен портрет украинской крестьянки на фоне пшеничного поля, со снопами.

По мысли фашистов, деньги должны были обеспечиваться трудом и богатством украинцев. Мечтам этим не суждено было сбыться.

— Польский суд, — сказал Сидор Артемьевич, — приговорил недавно палача Эриха Коха к смертной казни… Добирались до него в свое время партизаны, да не смогли добраться… Но ничего — от сурового суда он все-таки не ушел.

— Ошибка вышла, — проговорил Яковенко. — Вместо гаулейтера Украины Эриха Коха наши партизаны его заместителя

гранатами подорвали… Один клинок от него остался, в архиве хранится.

— Клинок? — спросил Ковпак. — Попросите, чтобы его принесли сюда. Любопытно посмотреть.

Вскоре доставили нарядный, богато инкрустированный клинок бывшего заместителя гаулейтера, подобранный партизанами в качестве трофея.

— Доброе оружие, — сказал Сидор Артемьевич. — Да не в добрых руках находилось. Слава хлопцам, что вовремя выбили это оружие из кровавых лап.

Сидор Артемьевич вздохнул и задумался. Может быть, думал он о тех своих боевых друзьях, что не дожили до победы, а может быть, о том, как громили его славные хлопцы немецких захватчиков на всем большом пути от Путивля до Карпат.

— А не подарить ли нам, товарищи, этот клинок нашему другу Васе Кайсенову? — спросил вдруг Сидор Артемьевич. — В память нашей крепкой дружбы. А?

Товарищам понравилось предложение. Сидор Артемьевич передал клинок Яковенко и попросил его:

— Отнесите к граверу. Пусть сделает добрую надпись. От всех от нас, от партизан.

…Вскоре после этой встречи с Ковпаком я вернулся домой в Алма-Ату. К сожалению, я не получил подарка из-за срочного выезда. Но друзья-партизаны поправили эту оплошность. В Алма-Ату специально прилетел Василий Петрович Яковенко, чтобы справиться о моем здоровье и вручить дорогой для меня подарок. Этот клинок хранится у меня как память. На его рукоятке надпись:

> «Командиру партизанского отряда Кайсенову Касыму от партизан Украины».

СУДЬБА ПАРТИЗАНСКОГО СЫНА

В начале зимы 1959 года я получил письмо из Ленинграда. Правда, оно было адресовано не мне, а издательству, где я работаю, однако непосредственно касалось меня. Автор письма Виктор Абраменко сообщал, что ему, студенту Ленинградского техникума физкультуры, во время летних каникул пришлось побывать на Украине. Там он прочел мою книгу «Партизаны Переяслава», в которой коротко рассказывалось о его матери, подпольщице, и отце, партизане нашего отряда, погибших в борьбе с оккупантами в 1943 году. Виктор Абраменко просил издательство сообщить ему мой адрес, с тем чтобы он мог более подробно узнать о судьбе своих родителей.

Это письмо взволновало меня. Перед глазами вдруг встали трагические события тех давних лет.

Маленький домик в украинском селе Македоны долгое время был центральной партизанской явкой. Хозяевами этого дома были Абраменко Николай Михайлович и его жена Мария Николаевна. Николай Михайлович командовал взводом в нашем отряде, а дома оставались Мария Николаевна и ее сестра Галина. С ними жил и маленький Витя, которому тогда было около пяти лет.

В подвале дома за двойными стенами скрывались партизаны и подпольщики, а в подземном ходу, который вел из подвала в густой сад, хранилось оружие. Мария Николаевна и ее сестра Галина помогали партизанам. Они не только укрывали людей и оружие, но собирали и передавали ценные сведения.

Ясно, что активная работа подпольщиков не могла не привлечь немецких ищеек. Долгое время гестаповцы рыскали по селам, хватали заложников и наконец с помощью предателей добрались до домика в селе Македоны. Жандармы разгромили партизанскую явку. Мария Николаевна и Галина были арестованы и брошены в тюрьму.

Эта печальная весть пришла к нам, когда наш отряд находился в сотне километров от села Македоны. Мы, конечно, не могли сразу пойти на помощь. Многие из наших товарищей были местными жителями, и они не без основания опасались арестов своих родственников. Особенно беспокоился Николай Михайлович Абраменко за судьбу жены и своего маленького сына. Немцы безжалостно уничтожали партизанские семьи.

Николай Михайлович рвался в село Македоны, много раз просил командира разрешить ему попытаться разыскать сына. Но командир запретил. И это было естественно: взволнованный

постигшим его горем, Абраменко мог пренебречь железными правилами партизанской осторожности, напрасно погибнуть сам и повредить общему делу. К тому же отряд в ту пору вел тяжелые бои с карателями, часто менял дислокацию.

Все же вскоре разведка была отправлена. Она принесла еще более тревожные вести. Кроме Марии Николаевны и Галины, в ржищевской районной тюрьме томились подпольщицы Мария Смоляр, Анна Киянова с трехлетней дочкой Катюшей и многие другие. О сыне Абраменко ничего узнать не удалось. Разведчики ходили в село еще несколько раз, но о маленьком Вите ничего не выяснили. Ходили слухи, что мальчика прячут местные жители, но даже партизанским разведчикам люди не говорили, где именно он находится.

Николай Михайлович Абраменко ходил сам не свой. Товарищи сочувствовали ему. Наконец наши разведчики узнали, что в село Македоны из мироновской тюрьмы должны были доставить нескольких арестованных и с ними Марию Николаевну.

Мы решили освободить товарищей и сделали это, как уже описано раньше, но во время боя была тяжело ранена Мария Николаевна и один партизан, а машины, на которые мы так рассчитывали, оказались безнадежно поврежденными. Что делать? Транспортировать истекающих кровью товарищей за сто километров на руках не было никакой возможности. Они неминуемо погибли бы в пути. Решили поручить раненых заботам подпольщиков, а сами — срочно уходить.

Через несколько дней мы услышали страшную весть. Гестаповцы ворвались в село Македоны и буквально все перевернули. Они обшарили каждый дом, каждый подвал и погреб, каждый кустик в садах. В одном подвале фашисты обнаружили раненого партизана и мертвую молодую женщину. Это была Мария Николаевна Абраменко. Месяц жестоких пыток в тюрьме, где фашисты безуспешно старались заставить ее говорить, тяжелая рана сломили отважную женщину.

Раненого партизана немцы повесили. Потом они долго рыскали по селу в поисках маленького партизанского сына. Они знали, что у Марии Николаевны был мальчик, и хотели расправиться с ним. Но местные жители спрятали малыша, уберегли его от врагов. Обозленные неудачей, гестаповцы жестоко расправились с подпольщиками, заключенными в мироновской тюрьме. Все они были расстреляны. Погибла сестра Марии Николаевны — Галина, фашисты убили партизанку Анну Киянову и ее маленькую дочурку Катю.

Партизаны отомстили за смерть своих товарищей. Немецкие гарнизоны в селах уже не могли спать спокойно. На каждом шагу

фашистов подстерегало справедливое возмездие. Николай Михайлович Абраменко поборол жестокое горе, сражался отважно, не щадя своих сил. Правда, его очень тревожила судьба сына, хотя мы в конце концов дознались, что он находится в безопасности. А осенью 1943 года мы похоронили и Николая Михайловича Абраменко — славного товарища, отважного партизана.

Шла суровая битва с врагом, но товарищи не забыли о сыне Абраменко. При всяком удобном случае наведывались в село Македоны, узнавали о нем. Но война звала нас вперед. Скоро мы оказались далеко от села Македоны, и след партизанского сына затерялся. Только теперь, через семнадцать лет, отыскался он. Какой же ты сейчас, Витя Абраменко?

…Я читаю его письмо и вспоминаю. Несколько раз приходилось бывать мне в селе Македоны в гостеприимном доме Абраменко. Помнится, как в те короткие тревожные встречи маленький Витя забирался к отцу на колени и не отрывал от него своих широко открытых детских глаз. И хотя мы должны были быть осторожными, Николай Михайлович целовал своего маленького сына, подбрасывал его к потолку, громко и счастливо смеялся… Помнишь ли ты это, Витя? Конечно, помнишь. Такое никогда не забывается.

Я рассказал Виктору обо всем. Письмо получилось большое, потому что я стремился не пропустить в нем никакой, даже маленькой подробности из того, что знал о жизни Марии Николаевны и Николая Абраменко. Они красиво жили, отважно боролись, и сын вправе гордиться ими, брать с них пример.

Абраменко Виктор Николаевич — сын партизана.

Виктор Абраменко сразу ответил. Из его второго письма я узнал, как жил эти годы партизанский сын. В 1946 году один из бойцов нашего партизанского отряда разыскал Виктора и забрал с собой. Потом он воспитывался в детском доме. Из детского дома воспитатели направили Виктора в Одессу для поступления в Нахимовское училище. Но мальчика ждало разочарование. Он оказался старше, чем требовалось для поступления в училище, и ему отказали.

Виктор Абраменко еще в детском доме занимался спортом. Увлекался он им и в школе ФЗО, где получил спортивный разряд. Дирекция школы учла призвание Виктора и рекомендовала его в Ленинградский техникум физкультуры и спорта. Так партизанский сын вырос и нашел свое место в жизни.

…Теперь Виктор живет в Киеве, обзавелся семьей. Думая о его жизни, я не могу не гордиться своей Родиной, нашими людьми. Потеряв родителей, Виктор не остался сиротой. Советские люди, рискуя жизнью, спасли его от гибели, окружили

отеческой заботой, воспитали.

Доброго пути тебе и большого человеческого счастья в жизни, Виктор, наш дорогой партизанский сын!

ЛЕТЧИК ЛАВРИНЕНКОВ

Солидный генерал с двумя золотыми звездами Героя Советского Союза глядит на меня с фотографии. Это — прославленный летчик, крупный военачальник. Но я вижу сейчас не генерала, а коренастого молодого человека с волевым мужественным лицом, с пронзительным взглядом из-под густых нависших бровей. Я вижу Володю Лавриненкова. Память уносит меня на двадцать лет назад в приднепровские леса, в партизанское соединение имени Чапаева. Там, в тылу врага, впервые встретились мы с ним, и товарищи навсегда полюбили его за беззаветную храбрость и высокое чувство долга перед Родиной.

Отчетливо помню день нашего знакомства. Ранним утром я вернулся с операции и отдыхал в землянке комиссара соединения Емельяна Демьяновича Ломако. Ночь прошла удачно, я со своим отрядом выполнил задание, не потеряв ни одного человека, и поэтому, должно быть, мне спалось особенно хорошо. Однако поспать мне на этот раз долго не пришлось. Во сне я почувствовал вдруг, что кто-то сильно дергает меня за ногу. По партизанской привычке схватился за пистолет и быстро вскочил.

— В чем дело? — недовольно и тревожно спросил я комиссара.

— Вставай, — сказал Ломако. — Сигнал с дальнего поста. Вызывают кого-нибудь из командиров.

Через минуту мы уже были наверху и торопливо шагали по лесу. Партизанский лагерь сильно охранялся. Далеко вокруг были расставлены посты и секреты. Никто не мог попасть к партизанам без разрешения командира или комиссара. Посты задерживали всех приходящих и с помощью секретной сигнализации сообщали об этом командованию. Таков был строгий порядок, гарантировавший партизан от проникновения в лагерь вражеских лазутчиков. Выйдя на опушку леса, где в кустах был замаскирован секретный пост, мы увидели часового и двух человек в потрепанной одежде.

— Вот, — сказал часовой, — летчиками себя называют. Говорят, что из плена убежали, просят доставить к командиру.

— К какому командиру? — нарочито удивился Ломако. — Здесь нет воинских частей, нет и командиров.

— Не мути воду, товарищ, — нетерпеливо сказал плечистый паренек и сердито сверкнул глазами. — Мы действительно летчики, были сбиты, попали в руки к немцам, а теперь вырвались и пришли к вам. К вам, к партизанам…

Я заметил под рваным комбинезоном говорившего куртку на «молнии», у другого из-под плаща виднелся военный китель. Тем не менее они, конечно, мало походили на военных. Либо их раздели фашисты, когда брали в плен, либо они долго маялись в плену и растеряли, износили свое обмундирование. Я знал, что летчиков обычно одевали очень хорошо, их форма резко отличалась от одежды других родов войск. Как верить этим людям? Враг коварен. Он может выдать себя и за летчика, и за кого угодно. Но что-то располагающее было в смелых, честных глазах пришельцев, и мое недоверие как-то быстро стало улетучиваться.

— Когда вас сбили? Где? — спросил Ломако.

— 23 августа, в районе Таганрога, — твердо ответил летчик, видно, понимавший неизбежность такого допроса.

— Где расположен лагерь, откуда вы бежали?

— Нас везли в Берлин, — вздохнул летчик. — Вот с ним, с моим товарищем Виктором Карюкиным. У города Фастова мы выпрыгнули из эшелона и спаслись.

— А как ваша фамилия? — Ломако спросил это уже не так строго.

Маршрут летчик описал правильно, назвал несколько деревень по дороге из Фастова. Только через них можно было попасть в район партизанского лагеря.

— Лавриненков, — ответил летчик. — Владимир. Летчик-истребитель.

— Лавриненков! — Ломако затих, что-то припоминая, и наконец спросил: — А вы не Герой Советского Союза?

— Да, — сказал летчик и тут же поинтересовался: — А вы откуда знаете?

— А это уже наше дело, — улыбнулся Емельян Демьянович, крепко пожал летчикам руки, добавил: — Пойдемте в лагерь, к командиру.

Лавриненков Владимир Дмитриевич — дважды Герой Советского Союза, генерал-лейтенант. Бывший летчик, самолет которого сбит врагом на оккупированной территории. Сражался в рядах советских партизан.

Так летом 1943 года в партизанском соединении имени Чапаева, действовавшем в районе Днепра неподалеку от Киева, появились летчики Владимир Лавриненков и Виктор Карюкин. Храбрые это были люди. Они так быстро овладели партизанским ремеслом, что старые опытные вояки только диву давались. К сожалению, капитан Виктор Карюкин вскоре погиб. 12 сентября партизаны похоронили его на крутом берегу Днепра под густой кроной ветвистого дуба. А Владимира Лавриненкова нам удалось уберечь от гибели. Как и почему все-таки не погиб Лавриненков при его безрассудной храбрости и полном презрении к опасности, когда он буквально лез под пули, я расскажу позднее. А сейчас мне хочется познакомить читателя с боевой деятельностью

Лавриненкова до его пленения и побега из плена.

Владимир Лавриненков был талантливым летчиком-истребителем, способным педагогом-инструктором. Потому его, несмотря на настойчивые просьбы, не отпускали на фронт, поручив ему воспитание молодых летчиков. Только когда началась гигантская битва на Волге, Лавриненков добился отправки на фронт. По шесть-семь раз в день поднимался он с аэродрома и вступал в бой с неприятельскими самолетами. Гитлеровские летчики хорошо знали его. Как только Лавриненков появлялся в воздухе, враги уклонялись от боя и удирали. Но не всем удавалось. К концу битвы на Волге на счету Лавриненкова было двадцать шесть сбитых самолетов противника. Он стал Героем Советского Союза. Имя прославленного летчика было широко известно не только на фронте, но и у нас, у партизан, в тылу врага. Вот почему наш комиссар так доверчиво принял пришельцев.

— Надо беречь соколов, — сказал командир соединения Иван Кузьмич Примак, когда ему доложили, какие гости пожаловали к нам в лагерь. — При первой же возможности переправим их через фронт. Там они сейчас нужнее всего.

Но как было уберечь летчиков, когда сами партизаны ежедневно подвергались всевозможным опасностям. Отряды вступали в бой с карателями, каждый день совершали вылазки. В одну из таких вылазок и погиб Виктор Карюкин. Узнав об этом, Иван Кузьмич Примак настолько был рассержен, что засадил под арест командира группы, который взял Карюкина на выполнение боевого задания. Мы знали, что Карюкин сам упросил командира взять его с группой. Он кричал и ругался, говоря, что не хочет есть даром партизанский хлеб и отсиживаться, когда оккупанты топчут родную землю.

— Такого специалиста не уберегли, — сурово говорил Примак собранным по этому случаю командирам отрядов. — В целом соединении не нашлось другого человека, чтобы послать вместо него? Слушайте теперь мой приказ: ответственность за безопасность Лавриненкова возлагаю лично на комиссара отряда Витряка. И вы, командиры, следите, чтобы дело не дошло до беды, как с летчиком Карюкиным.

Но Лавриненков был удивительным человеком. День и ночь он только и думал о том, как бы вырваться из лагеря и бить, громить фашистов. Уже в первую неделю пребывания в отряде Лавриненков ушел с оперативной группой, которая перерезала подземный немецкий кабель на стратегической дороге. Лавриненков часто самовольно уходил из лагеря и делал это так искусно, что его не замечали даже секретные партизанские посты.

Комиссар Витряк, «шеф» Лавриненкова, наконец не выдержал и доложил командиру соединения о поведении своего подопечного.

— Попросите его ко мне, — приказал командир, — я поговорю с ним по-партизански.

— По вашему приказанию явился, — лихо отрапортовал командиру Лавриненков.

Иван Кузьмич и комиссар соединения Емельян Демьянович сидели за столом в командирской землянке. Во время рапорта Лавриненкова комиссар приподнялся с лавки, а Примак даже не повернул головы в сторону вошедшего.

— Смотри-ка, комиссар, — сказал Примак, отрываясь от бумаг — какой, оказывается, он дисциплинированный. Не забыл даже, как рапортовать командиру. А ребята жалуются на него. Может быть, несправедливо? А?

— Совершенно справедливо, товарищ командир соединения, — Лавриненков залился краской, как девушка, и вытянулся по стойке «смирно».

— Справедливо? — Примак встал из-за стола, лицо его посуровело. — Так что ж ты, милый человек, издеваешься над нами? Почему не слушаешь старших? Ты сейчас партизан и обязан подчиняться своим командирам. Я не допущу самовольства. Чтобы больше подобного не повторялось.

— Слушаюсь! — четко сказал Лавриненков. — Больше не повторится.

…Лавриненков притих, замкнулся в себе. Мы замечали, как тяготило его вынужденное безделье, как жаждал он настоящего боевого дела. Партизаны каждую ночь группами уходили в ближние и дальние рейды, громили оккупантов. Он слушал рассказы товарищей об операциях и заметно тосковал. А когда Лавриненков узнал, что соединение готовится к большой и важной вылазке, то и вовсе потерял покой. Партизаны собирались напасть на лагерь наших военнопленных и освободить товарищей. Лавриненков пошел к командиру соединения.

— Вы не можете мне запретить пойти вместе со всеми, — решительно сказал летчик, — мои товарищи томятся в фашистском плену, и я обязан помочь им. Я знаю, что такое плен…

— Разрешаю, — Примак пожал летчику руку. — Командир знал, что удерживать в такое время Лавриненкова просто нельзя. — Пойдете с отрядом Попова. Прошу без надобности не рисковать.

Лагерь военнопленных располагался в селе Хоцком в Приднепровье. По сведениям разведки, в нем содержалось около двух тысяч человек. Лагерь усиленно охранялся конвойными

немецкими частями, жандармами и полицейскими. Партизаны тщательно подготовились к операции. Глубокой ночью лагерь был окружен. Партизаны-разведчики скрытно подобрались к часовым и быстро обезоружили их. Нечего и говорить, что среди разведчиков оказался и Владимир Лавриненков. С изумительной ловкостью он снял трех часовых, пробрался к домику караульного помещения фашистских охранников к забросал его гранатами.

Операция прошла очень удачно. Партизаны привели в свой лагерь больше тысячи бывших советских военнопленных. Соединение имени Чапаева получило прекрасное пополнение и резко усилило борьбу с оккупантами.

В это время шло успешное наступление Советской Армии на фронтах, и поддержка партизан была очень важной. Вскоре передовые отряды наших войск вышли к Днепру. Партизаны радовались встрече со своими братьями. Но особенную радость испытывал Владимир Лавриненков. Ведь он получил теперь возможность снова подняться в небо и умножить счет сбитых фашистских стервятников.

Владимир Лавриненков, оказавшись в родной стихии, сполна проявил свой боевой талант летчика-истребителя. Летом 1944 года грудь Владимира Лавриненкова украсила вторая звезда Героя. Войну он закончил в Берлине, куда в свое время фашисты пытались доставить его в качестве своего пленника.

МОЯ РОДИНА — УКРАИНА!

Как-то я получил письмо от Алексея Васильевича Крячека.

> «…Вася, — пишет он мне, — я стал инвалидом. Мне сделали операцию и устранили кое-что из организма. Все это следы войны… Но недаром мы проливали с тобою кровь. Я горжусь, что в тяжелое для Родины время мы сумели честно послужить ей. Радуюсь я и тому, что и сейчас мы в меру своих сил трудимся на благо Родины. Моя родина Украина, много вынесшая и пережившая, сегодня неузнаваемо расцвела и готовится праздновать уже свой сорокалетний юбилей…»

Прочел я эту часть письма своего товарища, и какое-то чувство обиды вспыхнуло в сердце. Мне показалось, что он как-то подчеркивает свою принадлежность к Украине и, вольно или невольно, отделяет от нее меня.

«Как же это ты, — думалось мне, — называя меня своим другом, лишаешь права считаться таким же, как и ты, родным сыном Украины? Разве не вместе мы защищали ее в трудную годину и разве не справедливей было бы в письме написать не «моя», а «наша» Украина? Эх, Алексей, Алексей! Ты и не заметил, верно, как обидел меня».

Конечно, моя внезапная обида на товарища объяснялась не только его неосторожным выражением в письме. Главная причина — мои постоянные думы об Украине, о ее прекрасных людях, с которыми побратала меня навек общая беда. В сердце моем всегда живет тоска, если я долго не получаю вестей от своих друзей с Украины или если вести эти бывают печальными.

Крячек Алексей Васильевич — начальник санитарной службы партизанского соединения.

Читаю письмо Алексея дальше. Он не скупится на подробности, описывая встречи с нашими общими друзьями, и это несколько смягчает мою минутную обиду. А вот наконец и те слова, которые заставили мое сердце забиться чаще и взволнованней.

> «Вася, — пишет в конце своего письма мой друг, — твоя любимая Украина поздравляет тебя с ее сорокалетним юбилеем!»

…Как всегда, когда я получаю весточку от своих друзей-партизан с Украины, мне невольно вспоминаются бои и походы, наша тяжелая, полная опасностей жизнь в тылу врага.

…В годы Великой Отечественной войны партизаны Украины

прошли трудный и славный путь. Потери и лишения, тяжелые раны не сломили их. Они знали, что борются за будущее своей великой Родины, и это вдохновляло каждого советского патриота. Вместе с братьями-украинцами героически сражались русские, казахи, белорусы, киргизы, татары и туркмены. В жестоких битвах они разгромили врага и добились великой победы.

Я считаю Украину своей родиной. И хотя Казахстан находится от нее за тысячи километров, я не чувствую этого расстояния. Я поддерживаю связь с партизанами, они навещают меня, звонят по телефону. И мне очень часто случается бывать на украинской земле, любоваться красивыми берегами Днепра, где когда-то кипели жестокие бои и где живут сейчас и трудятся мои братья-украинцы, мужественные люди, беспредельно любящие свою Родину.

ЧЕРЕЗ ДВАДЦАТЬ ЛЕТ

Воздушный лайнер держит курс на Киев. В салонах — мои коллеги, казахстанские журналисты. На Украине нас ждет много интересного, особенно тех, кто впервые ступит на ее землю. Все заметно волнуются, оживленно обмениваются мнениями.

— Хороший город Киев? — спрашивает меня мой собеседник.

— Очень хороший! — говорю я. — Удивительный город! Я видел его в войну, партизанил в тех краях. И после войны много раз бывал. Каждый раз город поражает какой-то удивительной новизной. А двадцать лет назад он лежал в развалинах.

— Кто-нибудь из твоих друзей-партизан живет в Киеве? — спрашивают меня спутники. — Двадцать лет прошло. Постарели, наверное?

— Живут. И в Киеве живут, и в других городах. Партизаны — народ крепкий. Со многими я переписываюсь и многих надеюсь встретить и на этот раз в добром здравии.

Мои друзья-казахстанцы отправились в поездку на Украину по путевкам Союза журналистов республики. Каждый час и каждый день их непродолжительного путешествия строго регламентирован. Однако они сумели несколько задержаться в Киеве, чтобы побывать в гостях у легендарного партизана Сидора Артемьевича Ковпака. Сидор Артемьевич был рад далеким гостям и пригласил всех в Верховный Совет Украины.

— Здравствуйте, здравствуйте, друзья! — радушно приветствовал нас Сидор Артемьевич. — Всегда рады добрым гостям.

Сидор Артемьевич сердечно поздоровался с каждым, рассадил всех в своем кабинете, стал расспрашивать, как живет Казахстан. Спросил про целину и упомянул, что и ему пришлось напутствовать украинских хлопцев, уезжавших по приказу партии в казахстанские степи. У нас с Ковпаком нашлись общие знакомые, и мы тепло поговорили о них.

— Вася Кайсенов, — улыбнулся Сидор Артемьевич, — наш украинский хлопец. На украинской земле оккупантов громил. Мы, можно сказать, побратались с ним, как и республики наши.

Я подарил Сидору Артемьевичу красивую папку с портретом героя казахского народа Амангельды Иманова. Преподнесли подарки старому партизану и другие участники этой памятной встречи. В записных книжках журналистов появились автографы Ковпака. Сидор Артемьевич долго рассматривал портрет Амангельды Иманова. Потом тихо сказал:

— Наслышан я о нем, добрый был казак, настоящий сын

своего народа.

Похвала старого воина тронула меня, земляка легендарного Амангельды. На красивейшей площади Алма-Аты славному батыру воздвигнут величественный памятник — дань глубокого уважения народа к своему герою. И невольно захотелось сравнить Амангельды с Ковпаком. Правда, их судьбы не схожи, в разное время сражались они, но их роднит главное: тот и другой не жалели жизни для блага и счастья своего народа. Уходили мы от Ковпака взволнованные сердечной беседой, его человеческой простотой и радушием. Проводив нас, Ковпак принялся за свою будничную, но нужную народу работу. Он выполняет эту работу так же добросовестно и честно, как и в трудные, грозные годы войны водил партизанские отряды против немецко-фашистских захватчиков.

В тот же день казахстанские журналисты отправились в путешествие по республике, а я поехал вниз по Днепру, чтобы еще раз взглянуть на места давних партизанских битв. Со мною был Алексей Васильевич Крячек. Мы разыскали своих старых боевых друзей: Сергея Миновича Шпиталя, Константина Ивановича Спижевого, Дмитро Яковца, братьев Сильвестра и Василия Горовенко. Наш маршрут ни у кого не вызвал споров. Прежде всего мы решили посетить могилы друзей-партизан, возложить венки, встретиться с их родными.

Так мы и поступили. Четыре дня бродили по старым партизанским тропам, ночевали в лесу, на прежних наших партизанских постах. Вечерами у костра не было конца воспоминаниям. Вот сидит рядом с нами Дмитро Яковец. Он постарел за эти долгие годы. И это неудивительно. Не только возраст тому причиной. Трагически сложилась судьба его семьи. Когда пришли оккупанты, Дмитро Яковец связался с подпольщиками села Ришитка и стал выполнять их поручения. Однажды они вдвоем с партизаном Василием столкнулись ночью с вооруженными полицаями.

Чтобы не впутаться в какую-нибудь историю, решили скрыться. Полицаи стали преследовать их, открыли стрельбу. Кое-как друзья добрались до небольшого леса, но и тут им не удалось избавиться от преследователей. На них устроили облаву. Полицаи пустили по следу собак. Подпольщики бросились в болото. С большим трудом пробирались они в топкой грязи, растеряли одежду и оружие.

Но все-таки ушли, избавились от смерти. А когда оказались в безопасности, Дмитро Яковец подумал, что лучше было бы ему погибнуть: в подкладку пиджака, оставленного в болоте, был зашит листок с адресами и явками подпольщиков. Что делать?

Вдруг этот листок попадет к фашистам? Погибнут товарищи; раскроется с трудом налаженное подполье.

— Не попадет, — старался утешить товарища Василий. — Разве сыщешь чего-нибудь в этом болоте?

Но листок попал в руки карателей. Правда, Яковец успел предупредить товарищей о возможной опасности. Только жену свою предостеречь не успел. Он оставил свидание с ней напоследок, а когда пришел в село, было уже поздно: жандармы схватили Марию с трехлетней дочкой Раей, жестоко избили их и увезли в тюрьму. По дороге каким-то чудом девочку спасли. Изверги успели поломать Марии руку. Дмитро Яковец узнал, что его дочь надежно спрятали односельчане. А жена так и не вернулась. Яковец ушел в партизанский отряд и только позже узнал, что жена его расстреляна.

Первое время после этого тяжелого известия Дмитро не находил себе места. Мы понимали его большое горе и старались насколько это было возможно окружить товарища вниманием, утешить его. У многих в ту пору были свои беды и невзгоды, и не все находили в себе силы легко переносить их. Еще тогда у молодого Дмитро Яковца появились первые морщины, пробилась седина. Был Дмитро храбрым партизаном и хорошим товарищем. Много и хорошо повоевал он в нашем партизанском отряде.

* * *

Горит костер, потрескивает сухой валежник. Где-то высоко в ясном звездном небе пролетает самолет. Это не тревожит старых партизан: самолет не сбросит на лес грохочущих бомб, не обстреляет из пушек и пулеметов. Это наш самолет, советский. И никаким другим самолетам не подниматься больше в мирное украинское небо. А тогда, двадцать лет назад, над этим лесом парили хищные фашистские коршуны. Партизаны не разводили костров и даже курили с большой осторожностью. А фашистские самолеты зажигали над лесом фонари и бомбили, стреляли наугад. Прошло и никогда не повторится то тяжелое время.

Только к утру гаснет наш костер, и постепенно угасают наши воспоминания о давнем, но близком всем нам и незабываемом. Однако не удается надолго отогнать от себя эти воспоминания. Слишком многое говорит нам о прошлом в этих партизанских лесах. Утром мы идем к братским могилам. Здесь лежат народные мстители. Задумчивые, тихо шелестящие деревья охраняют их вечный покой. Здесь часто бывают люди из близких и дальних деревень. На могилах цветы, кругом зелень. Возложили

и мы свои венки.

ЗДЕСЬ ПОХОРОНЕН ПАРТИЗАН ГРИГОРИЙ ВОВК.

ВЕЧНАЯ СЛАВА ГЕРОЮ.

Мы надолго останавливаемся у скромного обелиска с этой надписью. Настоящая фамилия партизана — Проценко Григорий Михайлович. А Вовк — это его подпольная кличка, с которой он появился в партизанском отряде: так и прижилась эта кличка, с ней и похоронили его товарищи. Вовк-Проценко был офицером Советской Армии, попал в окружение, побывал в плену, вырвался и снова стал бороться с фашистами. В селе Вовк жили его мать и брат с женой, и, видно, поэтому подпольщик взял такую кличку. Вовк-Проценко сначала обосновался в селе и создал крупную подпольную организацию, которая принесла немало вреда фашистам.

Работа была опасной. Оккупанты, когда обнаружили подпольную организацию, стали хватать всех подряд. Они никого не щадили, каждого считали подпольщиком и на этом основании арестовывали, пытали, расстреливали, угоняли в рабство в Германию. Устраивалась настоящая охота на людей, В одну из облав в лапы к жандармам попал и Вовк-Проценко. Его увезли под сильной охраной в районную тюрьму и там поместили в строгой изоляции. Он хорошо понимал, что его ожидает, если фашисты дознаются о его руководящей роли в подпольной организации.

Надо бежать. Но как это сделать? Связи с товарищами нет, и установить ее невозможно. Приходилось рассчитывать только на свои силы, на выдумку и находчивость. Однажды тюремщики застали своего арестанта в очень веселом настроении. Тот пел, плясал, а потом ни с того ни с сего стал биться головой об стены. Тюремщики зверски избили арестанта. Всю ночь в камере было тихо. Утром охранник заглянул через окошечко и увидел распростертого на холодном полу человека. Тот не подавал никаких признаков жизни. Охранник забеспокоился: не отдал ли большевик богу душу? Еще попадет от начальства.

Проценко Григорий Михайлович — командир партизанского взвода.

Он вошел в камеру и наклонился над арестованным. Дальнейшее произошло стремительно. Вовк-Проценко схватил жандарма за горло, подмял его под себя и оглушил прикладом.

Захватив винтовку, он кинулся из тюрьмы и благополучно ушел.

День переждал в глухом овраге, а ночью пришел в село, в дом своего брата. Того не оказалось дома, а жена его со слезами на глазах умоляла Проценко не входить к ним: проведают немцы — расстреляют всю семью.

— Как тебе не стыдно! — озлился Проценко. — Иди немедленно к матери и скажи, что я хочу повидаться с ней. Приведи ее. И не вздумай болтать лишнего.

Жена брата с плачем побежала по улице. Вовк-Проценко ушел в сад и спрятался за деревьями. Он был вооружен и готов

сопротивляться до последнего. Конечно, глупо погибнуть сейчас, когда он вырвался из рук палачей. Скорее бы пришла мать! На помощь невестки, как видно, нечего рассчитывать. Вон как она всполошилась, увидев его. Ясно, что женщина запугана немцами. Фашисты жестоко карают тех, кто укрывает подпольщиков и помогает партизанам.

— Он там, за хатою, мама! — испуганно шептала жена брата, указывая трясущейся рукой в сторону сада. — Только уходите скорее, вдруг немцы нагрянут!

— Мама! — позвал Вовк-Проценко. — Иди сюда, не бойся.

— Сынку! — мать кинулась к сыну, обняла, забилась в рыданиях. — Как же ты утек от извергов?

— Не плачь, мама. Не такое теперь время, чтобы плакать. Иди к Алексею и расскажи обо мне. Пусть выручает. Я буду ждать его здесь, в нашем селе. Пусть найдет меня.

Сельский врач Алексей Крячек обслуживал несколько сел. Он участвовал в подпольной работе и оказывал патриотам неоценимую помощь. Как врач, он пользовался правом разъезжать без особого на то разрешения. Под видом посещения больных Крячек доставлял оружие, поддерживал связь с разными группами подпольщиков. Полицаи знали его и не чинили препятствий «лекарю». Врачу удавалось, даже не навлекая подозрений, пробираться к партизанам, приводить туда бежавших из плена советских воинов. Словом, вся округа была ему хорошо знакома, везде он находил радушный прием.

— Сбежал?! — удивленно и радостно воскликнул он, встретившись с матерью Проценко. — Вот молодец! И где же он теперь?

— У брата в саду прячется, — сказала мать. — Только ненадежно там. Невестка до того испугалась, что в хату его не пустила. Как бы немцам не донесла.

— Ну, этого-то она не сделает, — сердито проговорил Крячек. — Смелости не хватит. Да и совесть, пожалуй, есть еще у нее… Однако надо скорее что-нибудь придумать. Спасать надо человека.

— Спаси ты его, Алеша, — опять прослезилась старушка. — Век буду бога за тебя молить. Всю жизнь благодарить буду.

— Не плачь, мамаша. Выручим сынка, — твердо сказал Крячек. — Ступай домой. А я постараюсь.

Крячек пошел к старосте, попросил у него повозку и ездового. Надо съездить к больным, роженицу одну по пути посмотреть. Староста недоверчиво посмотрел в глаза Крячеку, недовольно фыркнул и поинтересовался, куда думает поехать лекарь.

— В село Вовк, — спокойно ответил Крячек.

— Что ж ты так часто туда наведываешься? — спросил староста. — Вчера только оттуда вернулся.

— Дела, господин староста, — вздохнул Крячек. — Плоховато живется людям при немцах, болезни так и липнут к селянам.

— Ну-ну, лекарь! — зарычал староста. — Господином меня не величай и немцев при мне не хай. Не то все «дела» твои прикрою. Больных пользуй, а людей не бунтуй, знаем мы кое-что о тебе.

Розовик Кирилл Иванович — партизан-разведчик. Погиб в тылу врага.

Крячек не стал спорить со старостой. Получив разрешение, он велел ездовому быстро запрячь лошадь и выезжать из села. Ездовым оказался Розовик Кирилл Иванович — один из активных подпольщиков Переяславского района. Он понравился старосте своей смиренностью, и тот взял его к себе ездовым. Жил он у старосты вроде работника. Это было для нас удобно.

— Наклади побольше соломы, — приказал Крячек ездовому, когда они остановились на выезде из села у бывших колхозных конюшен: — больного повезем, так чтобы не растрясло.

— Что вы хитрите со мной, Алексей Васильевич? И что это вы мне все не доверяете? — говорил Розовик, загружая соломой бричку. — В партизаны обещали отправить, а вместо этого к старосте в работники определили. А ведь и мне настоящее дело делать хочется.

— Терпи, казак, атаманом будешь, — серьезно сказал Крячек. — Сегодня у нас с тобой самое настоящее дело будет. Едем головы под пули подставлять. Уцелеем — счастье наше.

Всю дорогу до села Вовк они ехали молча. Уже в селе им повстречались полицаи. Остановили, потыкали штыками в солому, отпустили. Один из полицаев попросил у Крячека табаку, но тот даже не ответил ему. Хлестнул вожжами коня — и бричка быстро покатилась по пыльной улице. В центре села Крячек свернул в большой пустынный двор, кинул ездовому вожжи и торопливо прошел в сад. Минут через десять-пятнадцать во дворе появились двое. Один из них тут же прыгнул в бричку и быстро зарылся в солому.

Бричка выехала со двора и медленно потянулась в обратный путы Два полицая все еще маячили у выезда. Крячек раздумывал, как обмануть этих сторожей, благополучно миновать их. Вспомнил, что они просили табаку. Есть повод для разговора. Он велел ездовому не останавливаться около полицаев, а спокойно ехать дальше. Так и сделали. Поравнявшись с полицаями, Крячек спрыгнул с повозки и пошел прямо к ним.

— Угощайтесь, служивые, — Крячек вынул большой кисет с табаком и протянул полицаям, — специально для вас у кума разжился.

— Спасибо, лекарь, уважил, — обрадовались полицаи, запуская жадные руки в объемистый кисет. — Всласть покурим за твое здоровье.

— Берите больше, не стесняйтесь, — говорил Крячек, небрежным взглядом провожая свою бричку, которая отъехала уже довольно далеко. Вдруг он выругался и бросился вслед за ездовым: — Стой! Стой, дьявол хромоногий! Пешком, что ли, идти мне по твоей милости?

— Дойдешь! — хохотали полицаи. — Невелик барин.

В эту же ночь Крячек и Вовк-Проценко были в нашем отряде. Оба они и остались здесь с нами. Крячеку уже опасно было оставаться в селе. Староста в конце концов разнюхал бы все.

В отряде Крячек был очень нужен. Он перевязывал раненых, делал операции. Попал к нему однажды на операционный стол и

Вовк-Проценко. Но во второй раз Крячеку не удалось спасти друга. Он умер от тяжелой раны в живот. Хоронили его торжественно. В похоронах участвовали и местные жители, и сотни бывших советских военнопленных. В бою за освобождение этих пленных и погиб отважный партизан.

И еще ночь проводим мы у костра в воспоминаниях. Вновь и вновь подробно рассказываем друг другу о себе, о своих близких. Двадцать лет прошло, долгих двадцать лет! У всех у нас семьи, растут дети. Растут счастливо, под ясным небом Родины. За их счастье, за их мирную жизнь сражались и умирали много лет назад партизаны в Приднепровских лесах. Я верю, что к партизанским братским могилам еще придут и наши дети, и дети наших детей, чтобы почтить их священную память.

НА ЗЕМЛЕ ТАРАСА

Летом 1943 года у Каневского моста партизаны разгромили отряд фашистских связистов. Операция была дерзкой и неожиданной для врага. Уцелевшие гитлеровцы едва унесли ноги. Они в панике бежали в город Канев, под защиту сильного гарнизона. Партизаны, выполнив задание, торопились на свою базу. Мы знали, что фашисты скоро бросятся за нами в погоню, и не теряли дорогого времени.

— Хлопцы, — сказал вдруг Константин Спижевой, — давайте заглянем к Тарасу, поклонимся кобзарю.

И вот на высоком холме севернее Канева, на крутом берегу Днепра я встретился с великим певцом Украины Тарасом Григорьевичем Шевченко. Эта встреча заняла не более пяти-семи минут, но она навсегда осталась в моем сердце. Партизан Дмитрий Яковец сказал тогда свою самую короткую и самую знаменитую речь. Над Каневом выли сирены, издалека доносилась стрельба, а мы, обнажив головы, молча стояли у могилы Тараса и слушали своего боевого товарища Дмитрия Яковца.

…Схороните и вставайте,
Цепи разорвите.
Злою вражескою кровью
Волю окропите.
И меня в семье великой,
В семье вольной, новой,
Не забудьте — помяните
Добрым тихим словом.

Эти строки шевченковского «Завещания» Дмитрий Яковец прочел на украинском языке, но мы все хорошо поняли его. Огненные слова великого поэта отозвались в сердцах и русских, и белорусов, и казахов.

Так в суровую пору борьбы с ненавистными оккупантами почтил наш тогда маленький партизанский интернациональный отряд память народного поэта.

Шла война, жестокая, кровавая. У Канева, неподалеку от могилы великого Тараса, в 1941 году сражался русский писатель Гайдар. В качестве военного корреспондента он много дней провел среди защитников моста через Днепр. Перед взором бронзового Тараса стыдно было сражаться плохо. Мост бомбили

фашистские самолеты, а саперы под огнем исправляли повреждения. Тарас, должно быть, видел со своего холма ревущих стервятников, и душою он был с теми, кто стоял на мосту и посылал в небо огненные снаряды.

Аркадий Гайдар защищал землю Тараса до последнего дыхания. Когда пришлось отступать, он оказался вместе с украинскими партизанами. Позже мы узнали о том, что русский писатель Аркадия Гайдар геройски погиб неподалеку от украинского городка Золотоноша, где, может быть, когда-то ступала нога великого поэта. И мне подумалось тогда, что настоящий писатель всегда живет с народом, живет его радостями и бедами. Таков был Тарас Шевченко, таким был один из его духовных наследников Аркадий Гайдар, отдавший жизнь за счастье своего народа.

Группа партизан встретилась после войны. Слева направо: **Анатолий Янцелевич, Емельян Ломако, Домаха Ломако.** Стоят: **Надежда Воронецкая, Илья Процько, Алексей Крячек, Василий Яковенко.**

Конечно, я знал о Шевченко еще по школе, до войны, но по-настоящему ощутил его великую силу только там, на берегу Днепра, у могилы кобзаря. Эти пять минут навечно остались в моем сердце. И долго потом на коротких привалах грезился мне печальный и мужественный взгляд Тараса, который глядел со своего высокого гранитного постамента на величавый Днепр. И

слышал я возмущенный рев днепровской воды и стоны врагов, поверженных в бою народными мстителями — партизанами.

— Нравятся тебе песни Тараса? — часто спрашивал меня Константин Спижевой и, получив утвердительный ответ, тут же обращался к партизану Ивану Гаману: — Спой-ка нам, Ваня, а мы с Касымом послушаем.

Любят украинцы песню, поют они сердечно, от души. Но мне никогда не приходилось слышать ничего лучше и душевнее того, что певал у партизанских костров наш товарищ Гаман. Любил он больше всего шевченковские песни, и, может быть, именно они так волновали меня. «Нет горше неволи…», — запоет Иван, и сжимается сердце, и какой-то по-особенному горький в ту минуту дым от костра больно защиплет веки. Песня эта, суровая и печальная, терзала партизанские души, рождала ненависть и гнев.

Украина страдала тогда в жестокой неволе. Это хорошо знали мы, партизаны, с оружием в руках громившие оккупантов. По Днепру, который так любил и воспевал в своих песнях великий Тарас, шныряли фашистские пароходы, в прибрежных селах и городах бесчинствовали полицаи и жандармы. Дымились пожары, на площадях стояли виселицы. Тысячи и тысячи патриотов гибли от рук озверелых палачей.

Гитлеровцы разрушали, предавали огню города и села, уничтожали памятники. И только один памятник не посмели тронуть — памятник кобзарю. Нас, партизан, это удивляло вначале, но потом мы узнали истинную причину «гуманности» фашистского отродья. Оккупантам была известна великая любовь украинцев к своему славному сыну Тарасу, и они решили извлечь из этого пользу. Был даже специальный приказ фашистских властей оберегать памятник кобзарю. Гитлеровцы хотели завоевать этим доверие украинского народа.

Но советских людей не могла обмануть лживая и продажная фашистская пропаганда. Оккупанты пощадили памятник Тарасу Шевченко в Киеве, но в этом же Киеве они убили сотни тысяч невинных, разрушили и разграбили его богатства. Когда в Киев вошли советские войска, солдаты собирались у памятника и подолгу молча стояли здесь. Вместе с передовыми частями в город вошел генерал Ватутин. «Что они сделали с Украиной, Тарас?» — так, по свидетельству очевидцев, сказал он тогда у памятника Шевченко.

Фашисты надругались над Украиной. В тяжелое время оккупации советские люди собирались у подножий уцелевших памятников Шевченко вовсе не для того, чтобы выразить благодарность гитлеровцам за то, что они пощадили

скульптурные изображения поэта. Нет, не для этого. Они шли к Тарасу, чтобы поделиться с ним своим горем, чтобы набраться сил для жестокой борьбы с врагом. И партизаны, действовавшие в районе Киева, никогда не упускали случая посетить могилу поэта и возложить на нее букет полевых цветов в честь очередной победы над фашистскими оккупантами.

Редко выдавалась у партизан свободная минута. Но и ее люди умели проводить с пользой. Часто я видел в руках у своих товарищей какую-нибудь книгу, и почти всегда оказывалось, что это книга Тараса Шевченко. Их бережно хранили, они переходили из рук погибшего к другому партизану, как бесценная реликвия. Стихи и песни Тараса ходили в списках, а когда не оказывалось под руками книг, в отряде всегда находился человек, знавший наизусть шевченковские строки. Он декламировал товарищам стихи, разучивал с ними песни поэта. Эти минуты и часы надолго оставались в памяти людей.

Такова великая сила поэта. Стопятидесятилетие великого кобзаря отмечало все прогрессивное человечество. Мне часто вспоминается крутой берег, высокий гранитный постамент и величественная бронзовая фигура певца, любующегося вольными водами реки. Вспоминается то время, когда я, казах-партизан, стоял у памятника вместе со своими боевыми друзьями и сердце мое переполняли песни кобзаря. Эти песни звали нас к борьбе и свободе, вели к победе и миру. Великий поклон тебе за это, Тарас, низкий поклон земле Тараса — Украине, взрастившей славного народного певца.

…Когда я после войны впервые взялся за перо, стал писать о подвигах моих друзей, украинских партизан, мне припомнились задушевные беседы у костра, печальные и мужественные песни, многострадальная и славная земля Тараса. Я, как и многие, сражался на земле Украины и горжусь сейчас, что мне довелось вместе с земляками кобзаря отстаивать в боях нашу славную многонациональную Родину.

СИЛЬНЕЕ СМЕРТИ

Несколько лет назад я получил письмо из Киева. Писал мне Алексей Васильевич Крячек, бывший начальник санитарной службы партизанского соединения. Был он в ту пору очень болен, врачебная комиссия признала его инвалидом и запретила ему работать. Вот что писал мне тогда мой старый друг-партизан.

> «…Я долго не проживу. Но в панику не впадаю, о смерти не думаю. Смерти я не боялся и не боюсь… Во время борьбы в тылу врага меня семь раз ловили немецкие палачи. В последний раз во время выполнения задания командования — нам надо было связаться с партизанами, действующими за Черкассами по Днепру, — враги снова схватили меня. Мне пришлось плыть пароходом вместе с фашистами. И вот на Каневской пристани немецкий комендант города Канева устроил на пароходе повальный обыск. Меня арестовали, как партизана. Восемь дней допрашивали с тяжелыми пытками, не давая ни еды, ни питья.
>
> Потом, когда я вырвался из рук палачей, — помнишь? — мы организовали с тобой смелую вылазку и потопили шесть барж, груженных хлебом. Не дали фашистам увезти украинский хлеб в Германию!.. Может быть, как врачу, мне не нужно было бы заниматься этим? Но меня воспитала партия, советская власть, и я защищал свое отечество по велению сердца, не боясь смерти. Делал так, как совесть подсказывала… Дорогой друг! Нам не стыдно перед Родиной. А на свете можно прожить по-разному…»

Прочитал я это письмо и понял, что очень трудно приходится моему другу. Много труднее, чем было в самых жестоких боях. Человек вышел из строя. Что может быть обиднее и страшнее этого? Я послал ему телеграмму, сердечное письмо. Беда товарища взволновала десятки его друзей-партизан. Дружеское участие подбодрило старого партизана. Он и сейчас живет и стойко борется со своим тяжелым недугом. Победила верная, бескорыстная партизанская дружба. Она оказалась сильнее смерти.

…В моей партизанской почте сотни и сотни писем и телеграмм. За двадцать лет, прошедших после войны, наша боевая дружба не только не угасла, но еще более окрепла. В

свободные часы я часто просматриваю свою почту, читаю и перечитываю письма дорогих мне людей.

«Арктическое плавание завершил благополучно. С приветом Анатолий».

Эта телеграмма пришла от прославленного капитана теплохода «Кооперация» Анатолия Янцелевича, бывшего партизана. В тот же день такую телеграмму он отправил в Киев и Ужгород, в Черкассы и Канев, в село Вьюнище и в Дарницу… Словом, во все места, где живут его друзья.

Товарищи пишут мне о своей работе, рассказывают об учебе, о своих семьях, делятся воспоминаниями. Некоторые письма нельзя читать без волнения и слез. Вот одно из таких старых писем.

«Здравствуй, дорогой товарищ! Тебя может удивить, кто это пишет… Это же я, Дуся Шевченко. Помнишь двух девушек, что пришли в партизанский отряд, вырвавшись из немецкого эшелона?.. Нас увозили в Германию, а партизаны освободили… Теперь моя фамилия изменилась, я стала Повяковой Дусей. Мне случайно пришлось узнать, что ты выслал Ивану Гаману две книги о нашем отряде. Вышли мне. Хочу, чтобы все знали о нашем отряде.

…У меня двое детей, девочка и мальчик. Мальчику одиннадцать лет, ходит в четвертый класс, а девочке пять лет. Только обидно и жалко, что нет у них отца. Жаль, что и его не миновала пуля, та, что попала в Примака. Жалко хороших людей. Как вспомню, как он плакал, когда мы уходили в штаб, больно и горько становится… На этом разреши окончить мое короткое письмо. Жду ответа.

Дуся».

«Помнишь?» — спрашивает Дуся. Как же мне не помнить всех этих замечательных людей? Как забыть геройскую гибель нашего командира Примака? Как не помнить семью патриотов Ивана Гамана? Вот и его письмо перед глазами. Большое, на четырех листах. Храбрый партизан стал начальником отделения связи. Заочно окончил техникум, обзавелся семьей. Живет счастливой, полной жизнью. А сколько горя хлебнул он в подполье, сколько раз подстерегала его смерть в боях с карателями? Выстоял храбрый человек, победил тяжелые невзгоды.

«…С большой радостью прочитал твое письмо, — пишет мне Иван Гаман. — Рад, что старые товарищи не забывают друг друга… Читал твое письмо — и мне вспомнились мрачные годы фашистской оккупации, наши боевые дела, славные товарищи-партизаны… Вспомнил и моего дорогого двенадцатилетнего братишку Мишу. Ты, помнишь, конечно, как его схватили фашисты и расстреляли в Голубом лесу?»

…Все это прошлое, все это надо было пережить. Наша Родина была в опасности, и мы должны были идти на любые жертвы, чтобы разгромить ненавистных оккупантов.

Разве забудешь такое?… Вскоре после войны скончался от ран мой товарищ подпольщик партизан-разведчик Николай Попов. С большим трудом мне удалось разыскать его семью. На это понадобились годы, но я не жалел труда и был вознагражден.

Однажды пришло письмо от жены Попова.

«Дорогой товарищ Кайсенов, — пишет мне Раиса Алексеевна. — Очень благодарна за внимание. Ваше письмо нас очень тронуло, вновь вспомнилось все пережитое. Память о нашем любимом Николае никогда у нас не померкнет. Он был для нас самым лучшим, дорогим — таким и остается навсегда…

Не довелось нам пожить вместе, воспитывать дочь и радоваться. А дочь уже большая, учится хорошо, комсомолка, зовут ее Светланой… О вас я очень много слышала еще от Коли. Хочется много-много говорить о нем, о ваших делах в тылу врага, но… что напишешь в письме? Очень просим выслать ваши книги. Дочка просто не может их дождаться. Она хочет знать как можно больше о своем отце».

Я послал Светлане Поповой книги о партизанах, где по заслугам оценена роль ее отца в боях с фашистами. Пример отца будет служить ей всю жизнь. Нисколько не сомневаюсь в этом. В моем архиве немало писем от сыновей и дочерей партизан. Все они жадно интересуются подвигами своих отцов, хотят все знать о них. И не ради простого любопытства. Нет, далеко не так. Вот какое, например, письмо получил я от студента исторического факультета Черновицкого Государственного университета Григория Дяченко.

«Уважаемый тов. Кайсенов. Я сейчас занимаюсь на пятом курсе университета и пишу дипломную работу на

тему «Партизанское движение в годы Великой Отечественной войны на Киевщине». Хочу просить вас, как воина партизанского соединения имени Чапаева, которым командовал И. К. Примак, написать хотя бы несколько слов об образовании этого соединения и о помощи партизан Советской Армии при форсировании Днепра в 1943 году. В газете «Радяньска Украина» я прочитал, что вы написали несколько книг о партизанах, поэтому я и решил обратиться к вам лично.

Меня эта тема очень интересует, так как я сам родом из Переяславского района Киевской области, из деревни Зарубенец, то есть оттуда, где была переправа в сентябре 1943 года. Вы эту деревню знаете, так как вам приходилось там уничтожать фашистов и подлых изменников нашей Родины. Многих из партизан я знал и знаю, но встретиться с ними не удается. Так, например, я знаю Григория Спижевого. Он с товарищами уничтожил изменника Родины Мойсу, от рук которого погибло много наших честных людей. Знал и Алексея Крячека. Он часто проезжал мимо нашей деревни к себе домой в свое село Козин. Мы знали, что он подпольщик и выполняет задания партизан. Известны мне и многие другие.

Партизаны вашего соединения покарали смертью предателей Родины, жителей нашей деревни Андрея и Михаила Грушницких. Это были не люди, а звери. Как сейчас помню один случай, когда эти изверги издевались над советскими людьми. В моей детской памяти этот случай остался на всю жизнь. В октябре 1941 года я видел, как Михаил Грушницкий и его сообщники топили в Днепре одного нашего солдата-кадровика за то, что он не хотел снять сапоги. Грушницкий «командовал» переправой и брал с переправляющихся все, что мог.

Солдат этот, попав в окружение, вместе со своими товарищами пробирался к партизанам. Еще на пароме Грушницкий сорвал с солдата часы. Увидев, что на нем хорошие сапоги, бандиты накинулись на него. Солдат сопротивлялся, и тогда предатели решили его утопить. Он снял сапоги, бросил их в лицо предателю и в одних портянках пришел к нам домой. Мать дала ему ботинки. Я очень жалею, что не помню теперь его фамилии. Солдат был в вашем соединении, мать знала его фамилию, имя и отчество, но сама она погибла в сентябре 1943 года, когда фашистские варвары бомбили переправу.

Буду благодарен, если вы откликнетесь на мою просьбу и напишете несколько слов о партизанском соединении имени Чапаева».

Я написал студенту Дяченко все, что мог. Дяченко еще мальчиком оказался свидетелем нашей переправы через Днепр. Читатель прочел о переправе в этой книге. Не все, конечно, я мог вспомнить, но самые яркие эпизоды переправы сохранились в памяти. Эта переправа была действительно всего лишь одним из эпизодов партизанской борьбы.

В моем архиве хранятся автобиографии некоторых партизан. Пусть это не удивляет читателей. Ведь мы действительно в тылу врага по условиям конспирации не могли афишировать свои родословные. Семьи многих партизан жили в оккупированных городах и селах, а известно, как жестоко относились немцы к родственникам подпольщиков. Иногда партизанам приходилось даже скрывать свои настоящие фамилии, давать подпольщикам и партизанам клички. Меня, например, все называли русским именем «Вася». Жандармам и в голову не приходило заподозрить в смуглолицем казахе известного им партизана «Васю». Поэтому, начав работать над книгами о партизанах, мне пришлось уже после войны уточнять и восстанавливать их биографии.

Читаешь теперь эти автобиографии и восхищаешься простыми советскими людьми. Вот, например, Бычков Андриан Павлович. Родился в 1906 году в Одессе, рано осиротел, учился уже при советской власти. Работал и плотником, и сварщиком, и слесарем. В 1930 году вступил в партию. В начале войны — подпольщик. Десятки и сотни патриотов переправил он в партизанское соединение имени Чапаева, а когда отряд соединился с регулярными частями армии, он вылавливал старост, полицаев, жандармов. Ничего, конечно, мы об этом в ту пору не знали.

А Вася Яковенко? Он пришел к нам в отряд мальчуганом, стал смелым разведчиком. А через полгода след его затерялся. Я даже не знал, куда написать ему, где разыскивать. Только после войны мы с ним встретились. Паренек служил в армии, воевал, был комсомольским работником. Сейчас он в Киеве, вырос, возмужал, стал коммунистом. Такая же, примерно, судьба у Ильи Витряка и некоторых других наших юных разведчиков. Все это, я повторяю, стало известно только после войны.

Мне казалось, что я хорошо знаю своего товарища, командира соединения «Закарпатье» Александра Васильевича Тканко. Вместе с ним мы прожили не один день. Были и на «Большой земле», и в тылу врага, вместе спускались в Карпаты на

парашютах, вместе громили карателей. Но, оказалось, многое мне не было известно в то время. Герой Советского Союза Тканко до войны учительствовал в Молдавии и совсем не помышлял о военном ремесле. Партизанский талант открылся у него в жестокой битве под Волгоградом. Над Волгой в то время день и ночь висели вражеские самолеты, головы нашим солдатам не давали поднять. Наша авиация уступала фашистской. Что же делать? Как бороться с ней?

И вот молодой командир Александр Тканко посылает в политуправление фронта план борьбы с авиацией противника. Он предлагает уничтожать аэродромы и самолеты врага партизанскими группами. Так он оказался в тылу врага в должности комиссара воздушно-десантной группы. Через некоторое время последовал приказ командования остаться Тканко в тылу врага для организации партизанских отрядов и вести борьбу с оккупантами всеми возможными средствами. Так мы встретились с будущим своим командиром. Встретились, чтобы уже не расставаться до самого конца партизанской войны.

Теперь Александр Васильевич Тканко снова педагог, кандидат наук, директор института в Черкассах. Когда мы разыскали друг друга, он прислал мне письмо, которое я бережно храню.

> «Передаю тебе, боевому другу и командиру, — пишет Александр Васильевич, — горячий привет и пожелания успехов в строительстве новой мирной жизни… За эту жизнь пролили кровь сыны всех народов нашей Родины… Хорошо вспоминать, дорогой друг, что и ты, как представитель казахского народа, внес свой вклад в дело освобождения Украины от фашизма…
>
> В заключение своего письма я должен сказать тебе, Касым, что нам надо еще больше крепить дружбу народов нашей страны. Единой семьей мы идем вперед и добьемся победы».

…Много писем в моем архиве. А письма все идут и идут. И в каждом из них я слышу голос дружбы, дружбы крепкой и верной, которая вдохновляет на труд, дает великие силы.

ЗАКАРПАТСКИЕ ВСТРЕЧИ

Долго собирался я после войны в Закарпатье. Хотелось побывать на бывших партизанских стоянках, на местах давних боев. Была у меня и надежда на то, что удастся встретить своих боевых соратников. Словом, мечта о поездке в Закарпатье не покидала меня. И вот наконец такая возможность представилась. Республиканское общество по распространению научных и политических знаний командировало меня на Украину. Казахстан праздновал свой сорокалетний юбилей, и мне довелось рассказывать об успехах родной республики на далекой Украине.

Кто хоть раз побывал в Карпатах, тот на всю жизнь сохранит в своем сердце память об изумительной, неповторимой красоте гор и долин, никогда не забудет шума бурливых речек, лесные запахи, вкус холодной, до ломоты в зубах, родниковой воды. Закроешь на минуту глаза — и все встает перед тобою, как наяву.

Я был в Карпатах в 1944 году. И вот я теперь еду по Карпатским горам и почти в каждой долине узнаю «свою», ту самую долину, что укрывала друзей-партизан двадцать лет назад. Кажется, что и деревья мне знакомы, и ручей, и каждый камень у дороги. Так же шумят тяжелыми ветвями столетние дубы. Только не слышно выстрелов и злобного лая овчарок. И, видно, поэтому все, что я вижу вокруг, кажется мне не совсем реальным.

В Ужгороде встречаю своих старых друзей. Бывший начальник штаба моего партизанского отряда Григорий Давыдович Алексеенко оказался главным инженером мебельной фабрики. Вспомнили командира отряда закарпатских партизан Василия Павловича Русина, храброго партизана Милентенкова, Леньку Безрукого. Настоящая его фамилия была Потиленко, но все называли его Ленька Безрукий. Еще в начале войны он потерял правую руку, но после госпиталя вернулся в строй и сражался до самого конца войны. Участвовал он и в десанте на Карпаты. Погиб как герой.

Алексеенко называет фамилии бывших партизан, с которыми он поддерживает связь. Якубович, Мариненко, Поп, Милентенков, Бобидорич, Головко… Всех их я хорошо знаю, вместе с ними бывал не в одном бою. Живы друзья, каждый из них честно выполняет порученное дело. Так же честно, как когда-то сражались в тылу врага. Алексеенко показывает мне письма от товарищей, и мы почти до утра сидим над ними. А утром вместе отправляемся в городской комитет партии.

— Рады, очень рады вам, — приветливо сказал мне седеющий полный человек, секретарь городского комитета партии. — С

интересом послушают наши люди о Казахстане. Ваши лекции постараемся организовать как можно лучше. Провожатого дадим.

— Кайсенов и без провожатого дорогу найдет, — улыбнулся Алексеенко. — Ведь он тоже партизанил здесь.

— Вон как! — сказал секретарь. — Это совсем хорошо. В дополнение к вашему заданию у нас будет в таком случае и своя просьба. Рассказывайте людям, как вы воевали, как партизаны Закарпатья боролись с немцами, освобождали украинцев от фашистской оккупации. Поезжайте вместе с Алексеенко. Не ограничиваем вас ни во времени, ни в расстояниях.

…И мы поехали с Алексеенко по Закарпатью. Были во многих городах и деревнях, выступали в воинских частях, в колхозах и совхозах. Побывали в гостях у лесорубов и охотников, у пастухов и сплавщиков леса. Встречались нам знакомые по давним партизанским походам и боям. Многих я не узнавал. Да это и неудивительно: наши прежние знакомцы были совсем молодыми парнями и девушками, а сейчас перед нами стояли зрелые люди, отцы и матери семейств. Все они, как и мы, постарели и изменились. Одна встреча особенно запомнилась.

В начале лекции из задних рядов поднялся высокий седой старик и торопливо зашагал к сцене.

— Хлопцы! — радостно и взволнованно воскликнул он. — Я узнал вас! А вы меня помните? Это же я, дед Пашко. Помните, по горам водил вас и мамалыгой угощал?

— Дядько Пашко, проходите на сцену, — пригласил старика Алексеенко. — Помню, помню я вас, и мамалыгу помню.

Старик легко поднялся на сцену, крепко всех обнял, расплакался. Мы и не заметили, как присутствующие в зале поднялись со своих мест, подошли к сцене. Официальная лекция сорвалась. Зато благодаря деду Пашко наша сердечная встреча с его односельчанами продолжалась до поздней ночи. Дед Пашко, конечно, постарел. Если бы не его голос, который почти не изменился, да светлые синие глаза, я бы, пожалуй, и не узнал старика. Дед Пашко приютил нас на своей стоянке в горах и во многом помог партизанам. А такое никогда не забывается.

Дед Пашко сам тогда скрывался в горах от фашистов. Он спасал скот и имущество односельчан, прятал в лесных чащах молодежь. Блуждая в горах в поисках своих товарищей, затерявшихся после приземления в Карпатах, мы случайно наткнулись на шалаш деда Пашко. Сам дед стоял у входа в жилище в белых домотканых штанах, в расшитой гуцульской поддевке и в длинной шерстяной бурке. Голову его покрывала помятая шляпа с фазаньим пером.

— Диду! — окликнул я старика. — Не бойся нас, мы

партизаны.

Дед Пашко присел от неожиданности, из горла его вырвался пронзительный гортанный крик. И тут мы услышали какой-то шум в кустах, окаймляющих зеленую просторную поляну, женский визг, лязг железа. В кустах замелькали женские платки, на поляну выкатилось большое зеленое ведро. Только потом мы разобрались, в чем дело. В хорошо укрытых от постороннего взгляда денниках находились коровы и овцы. Это их хозяев спугнули мы своим неожиданным появлением.

— От германцев скот ховаем, — рассказывал нам под вечер хозяин шалаша дед Пашко, угощая молоком. — От злых жандармов и полицаев. Тут и крумпли[1] храним, и солонину. Жинки из деревни ходят коров доить… Здорово вы их напугали…

— Резво бегают ваши девчата, — смеясь, сказал я деду Пашко. — Как дикие козы.

— Научились, — грустно ответил дед Пашко. — В страхе живем, совсем замордовал нас германец.

— Ничего, дедушка, скоро фашистам конец придет.

— Скорее бы, — сказал дед и почему-то шепотом спросил: — Правду ли говорят, что много вас прошлой ночью с неба спустилось?

— Кто говорит? — спрашиваю я. — Немцы?

— Почему немцы? Наши люди говорят. В горах живем, все видим.

— Помогать нам надо, отец, — сказал я. — Вместе скорее врага одолеем.

— Поможем, сынок.

Старик поднялся, вышел из шалаша, но тут же вернулся:

— Вечером люди из села придут, поговорим обо всем.

Вечером пришел к деду Пашко совсем древний старик. Он курил коротенькую ореховую трубку, глухо покашливал. Он сказал, что километрах в пяти отсюда видел парашют на высокой ели. Людей поблизости не заметил, Наверное, ушли в село. Рассказывают, что в небольшом горном селе видели двоих русских. Мы уточнили по карте места, о которых говорил гость деда Пашко, и с рассветом ушли. Нас не оставляла тревога за товарищей. Возможно, кто-то из них попал в беду и нуждается в нашей помощи. Так оно и случилось.

…Сбрасывали нас в незнакомой местности, и мы готовы были ко всяким неожиданностям. Я прыгал почти последним, Когда мой парашют раскрылся, я услышал песню. Это пел Милентенков. Я узнал его голос, он и раньше всегда пел в воздухе. Приземлился, освободился от строп парашюта и сразу подал условный сигнал. Некоторое время никто не откликался. Наконец

ко мне подходит Андрей Поп, украинец из Закарпатья. Он охает и стонет: сильно ушибся при падении. Я беру его под руки, и мы идем, поминутно спотыкаясь о пни и корни. Вдруг останавливаемся перед каким-то зияющим провалом. Внизу шумит вода.

— Послушай, Андрей, — говорю я товарищу, — не двигайся. Кто знает, что там внизу. Как бы нам не сорваться в пропасть.

Утром мы убедились, что находимся на самом краю глубокого ущелья.

— Вот так приземлились! — удивился Андрей Поп. — Прямо у порога в рай.

— Да, обошлось благополучно, — подтверждаю я. — Могло быть хуже.

С большим трудом спустились вниз, в долину. У наших ног журчала горная речушка, всплескивая белой гривастой пеной. Вокруг совсем мирный пейзаж. Не верится, что нас подстерегает опасность, Ветер шепчется в густых еловых лапах, словно рассказывает о чем-то хорошем, радостном и ласковом.

— Чуешь, какое наше Закарпатье? — восхищается Андрей. — Нигде такой красоты не увидишь.

— Красиво.

Мне вдруг вспомнились родные казахстанские степи. Видно, всякому своя красота дороже другой. Особенно красота Родины. Нет ничего лучше для человека родных его просторов, того места, где он появился на белый свет.

Андрей подошел к воде и стал плескаться. Крупные белые брызги летят во все стороны. Он нагибается, зачерпывает полные пригоршни воды и с фырканьем умывается. Освежаюсь и я. Мы долго стоим потом у воды, прислушиваемся к неясным шумам, которые доносятся откуда-то из глубины гор. На высоких зеленых вершинах играют оранжевые блики. Это солнце прорывается сквозь облака и расцвечивает Карпаты. До нас докатывается эхо далекого выстрела, потом слышится еще один.

— Наверху стреляют, — определяет Андрей. — Наверное, кто-то из наших. Надо подняться в гору.

Через полчаса наткнулись на Леньку Безрукого. Это он стрелял из пистолета, звал товарищей на помощь. Когда мы подошли, Ленька поднялся с земли и показал рукой на вершину дерева. Там в густых ветках запутался парашют с обрезанными стропами. Оттуда Ленька упал.

Андрей бережно приподнимает товарища, прислоняет его спиной к дереву, участливо спрашивает:

— Что с тобой, Леня? Больно зашибся?

— Да, — говорит Безрукий. — Шутка ли, с такой высоты

лететь? Метров пятнадцать, пожалуй. Надоело висеть на дереве, перерезал стропы — и загремел… А здесь недалеко, — посмотрите! — тоже, кажется, парашют засел. Надо помочь.

Мы бросились и нашли сразу двух наших девушек. Радистку Зину Крестьянинову и отрядного врача Целу. Радистка запуталась в стропах и висела в неловкой позе, а Цела стояла под деревом и горько плакала, ничем не в силах помочь висящей на дереве Зине. Увидев нас, Цела очень обрадовалась.

К обеду мы разыскали еще четырех товарищей, и командир отправил нас в разведку. Тут-то мы и повстречали деда Пашко, о котором уже рассказано. Отправляясь из лагеря гостеприимного старика, мы решили, прежде всего, уточнить, что за парашют видел он на дереве и кто такие те двое русских в деревне. Пройдя пять километров по указанному направлению, мы убедились, что товарищ деда Пашко видел парашют нашего партизана Лени Безрукого. С этими вестями мы и вернулись на временную партизанскую стоянку.

— Дела наши не очень хороши, — выслушав доклад, сказал командир. — По-видимому, десант обнаружен. Жандармы, о которых говорит вам дед Пашко, это солдаты венгерского карательного батальона… Кстати, что за человек этот дед? Не выдаст?

— Человек вроде надежный, — ответил я. — Сам от карателей скрывается. Скот и продукты в горах прячет.

— Не согласится ли он нам помочь? — задумчиво проговорил командир. — Наше соединение рассеяно, нужно время, чтобы собраться. Есть риск, что нас перебьют по частям каратели… Нужен преданный, опытный проводник.

— Лучше деда Пашко вряд ли кого найдешь, — высказал предположение Андрей Поп. — Надо попробовать уговорить его.

— Тогда действуй, — приказал командир. — Без старика не возвращайся.

…Дед Пашко пришел в партизанский отряд и пробыл с нами целых пятнадцать дней.

Конечно, нам не хватило долгого вечера в совхозном клубе, чтобы припомнить и половину событий из тех, что произошли с нами почти двадцать лет назад. Дед Пашко многое сохранил в своей памяти. Он восторженно хлопал себя руками по острым коленям, много говорил и весело смеялся.

— Ах, и добрые были хлопцы! — восхищенно говорил он, обращаясь к слушателям. — Добрые и храбрые. А те девчатки ваши живы или нет?

— Живы, живы, дед! — улыбался в ответ Григорий Алексеенко. — Чего им поделается. После войны замуж

повыходили, сыновей растят.

— А те двое бородатых кавказцев, что в скрыне нашли? — спрашивает дед Пашко. — Те, должно быть, обязательно живы. Такие бороды страшенные у них, глаза огненные… Сам дьявол их испугается, не то что немец. Они мне после целый год во сне виделись.

Тут пришел мой черед весело расхохотаться. Ничего не понимающий дед уставился на меня своими светлыми, широко открытыми глазами.

Засмеялся и Алексеенко и стал тискать старика в своих могучих объятиях. Дед совсем растерялся. А через несколько минут он просто онемел, узнав, что обнимает одного из тех «страшных бородачей», которые целый год являлись ему в снах.

— Папаша, — сказал я изумленному старику, — ведь это же тот самый «кавказец». Это Гриша Алексеенко.

— А ведь точно, что он, — дед Пашко стал приходить немного в себя. — Простите меня, бедолагу. Стар стал, путается все в голове. Своих не признал, «кавказцев» каких-то выдумал…

Однако дед Пашко ничего не выдумывал. «Бородачи» действительно были.

Григорий Алексеенко, бывший тогда начальником штаба моего отряда, и комиссар Алексей Степанович при выброске в Карпатах были отнесены ветром далеко от места приземления основной группы партизан. Целый месяц они скрывались в глухой деревушке, обросли бородами. Дед Пашко первый узнал от местных жителей о двух русских и сообщил о них партизанам. Вернулись они в отряд бородатые и оборванные и потому показались деду Пашко такими страшными.

…И еще одна встреча запомнилась мне в Закарпатье. После лекции в клубе одного из совхозов ко мне подошел полный, еще не старый человек и попросил уделить ему несколько минут для индивидуальной, как он выразился, беседы. Он был чем-то заметно взволнован. Мы устроились с ним на низенькой лавочке у резного крыльца. Он пошарил по карманам, отыскал трубку и долго раскуривал ее.

— Слушаю вас, — сказал я. — О чем вы хотели со мной поговорить?

— Я долго вас не задержу, — ответил он. — Вы помните, как я попал к вам в плен, а потом вы меня отпустили?..

— Не помню, признаться. Вы воевали против нас?

— Нет, не воевал. Я цивильный был, в горах у речки прятался. А парашютисты меня поймали. Потом отпустили…

…И я вспомнил этого человека. Действительно, мы встречались с ним в Карпатах. Нас было в тот раз всего семеро.

Мы шныряли вокруг закарпатских сел, захватывали пленных, устанавливали связи с местными подпольщиками. Тогда-то нам и встретился этот человек, показавшийся всем подозрительным. Дело в том, что партизан местные жители обычно не боялись. А этот, увидев нас, пустился наутек. И убегал он как-то странно: не торопился в село под защиту немцев, однако и нас явно опасался. Но от партизан далеко не убежишь. Мы скоро загнали его в ловушку и окружили.

— Не бойся нас, — сказали мы дрожащему пленнику. — Партизаны не делают вреда мирным жителям.

Успокоившись немного, беглец, парень лет двадцати пяти, рассказал, что он скрывается от немцев. Боится, что его вместе с другими угонят в Германию. Партизан, оказывается, он тоже боится. Немцы говорят о них всякие небылицы: партизаны режут людей и солят их в бочках. Странный, забитый, запуганный человек. Мы отпустили его, велели отправляться домой и не верить больше болтовне фашистов.

— Значит, это были вы? — спросил я своего собеседника, отгонявшего рукой табачный дым от своего лица и делавшего вид, что именно от едкого табачного дыма у него вдруг повлажнели глаза. — Сильно вы изменились, сразу я вас и не узнал.

— Я, товарищ командир, — собеседник вздохнул, — очень теперь жалею, что не ушел тогда с вами в партизаны. Очень жалею…

А с дедом Пашко мы простились тепло и трогательно. Он многое сделал для нас, для своего родного Закарпатья. Пятнадцать дней дед Пашко шел тогда с партизанским отрядом через теснины и кручи, брел по быстрым горным рекам с холодной снеговой водой. Когда приходилось туго, дед Пашко брал в руки автомат и отбивался от карателей. Он ушел от нас, когда партизанский десант благополучно собрался в одном месте, оборудовал базу и стал грозой для фашистов.

Потом в Закарпатье появились партизанские отряды из местных жителей. В них мне доводилось встречать и безусых юнцов, и таких стариков, как Пашко. Геройски сражались они с оккупантами, жизни своей не щадили. Без таких самоотверженных патриотов наш маленький отряд партизан-парашютистов не сумел бы полностью выполнить своих боевых задач.

…В Закарпатье я провел много времени, многое увидел. Не знаю, доведется ли еще когда побывать там, встретиться с дедом Пашко, с другими партизанами. Верится, что встречи еще будут. Хорошие, радостные встречи боевых друзей-соратников по

долгой, суровой и мужественной борьбе нашего народа с фашизмом.

КАПИТАН ДАЛЬНЕГО ПЛАВАНИЯ

Давно я ждал этой встречи, очень давно. Более двадцати лет назад на берегах Днепра расстался с другом-партизаном Анатолием Янцелевичем. Тогда мы дали друг другу обещание встретиться в мирное время, познакомиться семьями, с местами, где каждый из нас родился и вырос. Конечно, мы стремились исполнить задуманное как можно скорее, и не наша вина в том, что только через двадцать лет я смог приветствовать друга на казахстанской земле. Правда, мы встречались с Анатолием Янцелевичем после войны в Киеве, но это, как говорится, в счет не идет.

Он должен был побывать у меня на родине, в Казахстане, в Алма-Ате.

…И вот я обнимаю друга, желанного, долгожданного гостя. Он возмужал, время несколько изменило его внешность. Но я узнал бы его из тысяч и тысяч людей. Да и как не узнать? Ведь он был моим побратимом, наша дружба родилась в огне партизанских боев, в тяжелое и жестокое время на оккупированной немецко-фашистскими захватчиками многострадальной земле Украины.

— Здравствуй, Вася, — сказал он мне, и мы крепко обнялись.

Меня давно уже не зовут Васей. Это партизанское имя знают только мои друзья давних военных лет. И сам я, признаться, уже отвык от этого имени, но когда встречаюсь с друзьями-партизанами, перестаю быть Касымом и становлюсь Васей.

Анатолий называет меня Васей, и я сразу мысленно переношусь в те далекие, но памятные обоим нам дни, когда нас впервые свела суровая военная судьба.

Анатолий снимает форменную капитанскую фуражку. Короткие волнистые волосы стали белыми, розоватую кожу лба изрезали морщины… Постарел, товарищ, постарел. Помнится, когда мы расставались, он был не таким. Думаю я об этом, а сам невольно упрекаю себя: вспомни, прошло двадцать лет, и каждый из нас изменился. Узнаю, что и послевоенная жизнь Анатолия сложилась нелегко. Старый моряк Анатолий Савельевич Янцелевич, как только закончилась война, вернулся к своей мужественной романтической профессии. Теперь он — капитан дальнего плавания, морской волк.

…Читатель, конечно, знает, что в одну из первых экспедиций к Южному полюсу в Антарктику ходил старый, видавший виды теплоход «Кооперация». Помнит, может быть, читатель и о том, что на борту теплохода вместе с зимовщиками плыл тогда

писатель Юхан Смуул, автор знаменитой «Ледовой книги», Лауреат Ленинской премии. Однако вряд ли кто помнит несколько скупых и теплых строк, которые посвятил Юхан Смуул капитану теплохода «Кооперация» Анатолию Савельевичу Янцелевичу — бывшему украинскому партизану. Капитан смело вел свой маленький корабль по неизведанному пути, мужественно сражался с непогодой. Словом, он вел себя так же, как и в трудных партизанских рейдах по тылам врага.

Янцелевич Анатолий Савельевич — командир отдельной партизанской группы.

За первым походом к Южному полюсу последовали другие плавания. Когда русские прочно обосновались на ледяном континенте, западная пропаганда стала кричать о том, что Советский Союз «оккупировал» Антарктиду, что он намерен там проводить испытания атомных бомб. В это время Анатолий Савельевич по просьбе американцев перевозил к берегам

Австралии видного ученого Америки. Тот побывал на советских базах, во время долгого плавания много времени провел в капитанской каюте беседовал с моряками.

— Все это чепуха, — заявил ученый корреспондентам, встретившим его в Австралии. — Русские переносят тяжести антарктических походов ради науки и прогресса. Ни о какой атомной бомбе нет и не может быть речи. Корабль, который доставил меня сюда, — мирный корабль, его мужественный экипаж самоотверженно помогает ученым в покорении ледового континента.

Журналисты ждали сенсаций. Они были разочарованы этим заявлением. Анатолий Савельевич тоже отвечал на вопросы журналистов, показывал им свой корабль. На такой посудине, говорили они, рискованно плавать на Южный полюс, неказистый корабль. Теплоход и вправду был не очень внушительный по виду. Но где же было знать западным журналистам, что корабль этот вел бывший партизан, который видел на своем веку виды пострашнее Южного полюса…

Потом Анатолий Савельевич привел свой корабль в Мурманск, немного отдохнул с дороги и снова ушел в поход. На этот раз он командовал «Ангарой», мощным современным кораблем. Где только ни побывал Янцелевич за последние годы!

И вот капитан дальнего плавания в Алма-Ате. Мы ходим с ним по улицам, любуемся зеленью широких проспектов, а наши мысли уносятся в леса и степи Украины, к местам давних походов и жарких боев. Воспоминаниям нет конца и края.

— Знаешь, Вася, — говорит мне Анатолий, — мой днепровский бункер до сих пор цел! Был я там прошлым летом. Внутри, правда, все отвалилось, но и сейчас в нем можно разместить целый взвод солдат.

Я знаю этот бункер. Вырытая в глинистом обрыве недалеко от берега Днепра землянка двадцать лет назад спасла моего друга от верной гибели. Вот как это было.

В тот год партизаны готовили нашим войскам переправы через Днепр. На плацдарме, который должны были занять передовые части Советской Армии, располагалась маленькая диверсионная группа Янцелевича. Все уже было готово для встречи наших солдат, но в последний момент правый берег Днепра фашисты укрепили. Группа Янцелевича оказалась в самом затруднительном положении.

Анатолий вспомнил, что неподалеку от их базы на правом берегу есть бункер, который может укрыть их на время. Этот бункер некогда строил сам Янцелевич для тайных складов и секретных укрытий на случай непредвиденных осложнений.

Теперь он пригодился. Ночью прямо на вражеские позиции опустились советские парашютисты. Летчик, видно, ошибся и часть солдат выбросил не в заданном районе. Анатолий собрал уцелевших десантников и повел их за собой в тайное партизанское укрытие.

Несколько дней провели партизаны в бункере. Кругом были немцы. Враги рыли окопы, устанавливали орудия, пулеметы, вкапывали в землю танки и самоходные пушки. Оборона готовилась крепкая. Было ясно, что если наши войска поведут здесь наступление, их ждет яростное сопротивление врага. Что же делать? Из-за Днепра уже летели наши снаряды и рвались в немецких окопах, несколько мин упало неподалеку от бункера.

Анатолий Янцелевич изучал вражескую оборону.

Когда все было тщательно разведано, Анатолий принял решение прорываться к своим. Но как это сделать? Передний край просто кишит немецкими солдатами. Почти беспрерывно вдоль окопов курсируют тяжелые танки. Немцы прячутся в блиндажах только при артиллерийских обстрелах с нашей стороны. Как только стихают разрывы, фашисты заполняют окопы. Единственная возможность вырваться от немцев — это кинуться под разрывы своих снарядов. Так и решили сделать. Перед рассветом, когда огонь с нашей стороны усилился, партизаны поползли. Даже не верится теперь, что все обошлось благополучно. Партизаны добрались до своих почти без потерь.

— Я командир партизанской группы, — сказал Янцелевич бойцу, встретившему их в передовой траншее, — прошу срочно проводить меня в штаб.

Штаб мотомеханизированного корпуса, куда попал Янцелевич, усиленно готовился к штурму Днепра. Приход партизанского разведчика был как нельзя кстати. Янцелевича усадили за оперативную карту района и попросили нанести на нее все, что ему довелось высмотреть у немцев. Целый день просидел Анатолий над картой, постарался отметить каждую огневую точку.

— Это точные сведения? — спросил начальник штаба.

— За точность ручаюсь! — твердо ответил Янцелевич. — Могу пойти вместе с вами.

— Хорошо, — сказал начальник штаба, — останетесь при мне. Может потребоваться ваша помощь.

…Наступление прошло успешно. На участке, который разведал со своими товарищами Янцелевич, оборона немцев была сломлена в первые же часы штурма. В прорыв на правый берег Днепра хлынули наши войска. Янцелевич стоял у дороги, и сердце его ликовало от радости.

Долгие месяцы пробыл он в тылу врага, видел зверства фашистов, самодовольных, сильных, уверенных в себе врагов, и вот теперь всему этому пришел конец.

Анатолий Янцелевич радовался и тому, что его скромный партизанский труд способствовал успешному наступлению.

За смелую разведку вражеских позиций на Днепре командование представило Янцелевича к награждению Орденом Красного Знамени. И когда ему вручали орден, он вспоминал, как собирал десантников в партизанский бункер, ползал под покровом ночи по немецким позициям, бросался под огонь своих орудий. Видно, тогда первая седина вплелась в его кудри…

— …Значит, так, товарищ капитан, — с улыбкой говорю я своему другу, — поживи у нас, погости, а там посмотрим: может, и совсем останешься в Алма-Ате? Город красивый…

— Город прекрасный, — говорит Анатолий Савельевич и тоже улыбается, — но, рад бы в рай, да грехи не пускают. В Мурманске меня ждут, корабль наготове. Скоро в море выходить… Приезжай теперь ты ко мне, поглядим на белые ночи и опять вспомним наше прошлое.

…Всего пять дней пробыл Янцелевич в Алма-Ате. Дела позвали его в дорогу, и я не посмел задерживать товарища. Сейчас он, может быть, ведет свой корабль на Кубу, или в Каир, или, как прежде, в Антарктиду.

Счастливый тебе путь, капитан, счастливого плавания! Мы договорились встретиться в Мурманске. Верю, что такая встреча состоится. Только не знаю, через сколько лет. Но это, впрочем, не очень важно. Оба мы с ним находимся в дальнем и счастливом плавании, и жизнь еще подарит нам добрые, радостные встречи.

Перевод П. Якушева.

ПОВЕСТИ

ОПАЛЕННОЕ ДЕТСТВО

ОККУПАНТЫ

Деревенскому хлопчику Илько Витряку четырнадцать лет от роду. Бродить бы ему сейчас с ватагой дружков по окрестным полям и лугам, нежиться под ярким солнцем на горячем днепровском песке, купаться в ласковых зеленых волнах реки. Но иную, недетскую долю приготовила ему суровая жизнь. На западе все грохочет и грохочет. Уже видны ночами тревожные всполохи на краю темного неба, и даже днем, если пристально вглядеться с высокого кургана, явственно встают на горизонте зловещие черные столбы дыма. Поднимается свежий ветер, и кажется, что несет он едкий запах гари, тяжелый, смолистый, как при лесном пожаре. Становится тревожно, и какие-то тяжелые мысли одолевают светлую юную голову.

Взрослые отмалчиваются, как-то уклончиво отвечают на его вопросы. Но Илько понимает, не маленький: тяжело им, хотя они стараются скрыть свое настроение. Отец стал часто и подолгу задерживаться вечерами. Говорит, что бывает на заседаниях правления колхоза. Как руководитель полеводческой бригады он, мол, обязан заседать. Все это, конечно, правильно, но уж очень продолжительны заседания, и, должно быть, не об уборке хлеба идет у них разговор. Отец возвращается поздно, мать молча, не расспрашивая ни о чем, встречает его, накрывает на стол и весь вечер тяжело о чем-то вздыхает. Илько пробовал вызвать отца на откровенность, но тот всякий раз уводил разговор в сторону, а недавно прямо заявил:

— Не суйся наперед батьки в пекло, сынок. Придет время, все узнаешь. А сейчас ужинай и отправляйся спать.

Вот и сегодня Николай Васильевич вернулся домой поздно. Стрелки больших стенных часов показывали четверть второго ночи.

Мать Илька — Мария Исаковна — за это время успела многое сделать по дому. Ужин был давно готов, но за стол не садились. Ждали отца. Мать по секрету шепнула сыну, что отец задержался на важном партийном собрании.

Когда раздался тихий стук в окно, Илько проворно вскочил и побежал к дверям.

— Ты еще не спишь, Илько? — обняв сына за плечи, спросил Николай Васильевич.

— Нет, батько, мы с мамой беспокоились о тебе. Какой уж тут

сон, — ласкаясь к отцу, ответил Илько.

— Что это ты так поздно сегодня, батько? — спросила мужа Мария Исаковна, накрывая на стол.

— Важное дело было, вот и пришлось задержаться, — устало ответил Николай Васильевич.

— Батько, а кто это был чужой у вас сегодня на собрании? — с любопытством спросил Илько, устремив на отца большие карие глаза.

Николай Васильевич с легкой усмешкой посмотрел на сына и сразу не нашелся с ответом. Он вдруг увидел, что сын его уже вырос и все понимает не хуже его. Весь день Илько пропадает на селе и видит, как хлопочут люди, чувствуют надвигающуюся беду. Николай Васильевич подумал, что, пожалуй, нельзя больше скрываться от сына. Время теперь такое, что и дети не останутся в стороне от событий.

— А вы что же это до сих пор не ужинали? — удивился он, садясь за стол, на котором в трех тарелках дымился суп. — Вот уж зря меня ждали!

И, повернувшись к сыну, сказал:

— Это из Ржищева, из райкома товарищ приехал. А где ты его видел, Илько? Он ведь приехал поздно…

— А я в это время возвращался из школы. Вижу, машина подъехала к сельсовету, незнакомый человек вышел из машины и быстро скрылся в коридоре, — ответил Илько. — Я даже рассмотреть его не успел.

— А что у вас в школе? — поинтересовался отец.

— Комсомольцы читали фронтовые известия, — оживленно рассказывал Илько. — Хлопцы постарше собираются завтра идти в военкомат и проситься добровольцами на фронт. Они изучали винтовку, пулемет, гранаты…

— Да, желание хлопцев понятно. Но война только начинается. Пока для них найдется работа и в тылу. Здесь работа так же важна, как и на фронтах.

— А почему ты, батько, не пригласил к нам гостя из райкома ночевать? — спросила мужа Мария Исаковна.

— Василий Алексеевич раньше меня пригласил его. Может быть, ему нужно поговорить с ним наедине. Новости он привез не очень хорошие.

— А какие вести с фронта? — встревожилась Мария Исаковна.

— Мама, ну какая ты, — недовольно сказал Илько. — Ведь я целый час тебе рассказывал о положении на фронтах.

Илько сердито нахмурил брови.

Мать смущенно улыбнулась. Николай Васильевич взглянул

на сына и спокойно, как всегда при разговоре с детьми и взрослыми, с чужими и своими, пояснил:

— Илько, мама не так спросила, и поэтому тебе показалось, что она не доверяет твоим словам. Она хотела спросить о новостях, которые мог привезти приезжий товарищ.

Илько смутился и виновато посмотрел на мать. Мария Исаковна обняла сына и, засмеявшись, крепко поцеловала его.

— Товарищ из райкома, — сказал Николай Васильевич, — сообщил нам плохие вести. Фашисты теснят Красную Армию, быстро продвигаются внутрь страны. Надо готовиться к эвакуации.

— Все равно далеко не зайдут проклятые гады! — возбужденно крикнул Илько. — Мы все пойдем на помощь нашей Красной Армии и будем бороться с фашистами. И я пойду тоже, если меня возьмут!

Николай Васильевич с женой молча переглянулись, любуясь сыном. Илько порывисто встал со стула и погрозил кулаком ненавистному врагу. Мальчик словно чувствовал в эту минуту, что скоро враги придут и в его село и он навсегда распрощается с детством. Фашисты отнимут у него радость, заставят его рано узнать тяжкое человеческое горе.

— Никто не сомневается в нашей победе, — сказал Николай Васильевич. — Каждый из нас, сынок, грудью станет на защиту своего отечества. Может быть, и нам доведется сразиться с врагом, надо готовиться к этому.

— Я, папа, буду таким, как ты, как наши солдаты, — Илько стал вдруг серьезным, словно повзрослел на глазах. — Фашисты никогда не победят нас.

…Рано утром, подходя к сельсовету, Николай Васильевич на крыльце увидел парторга колхоза Василия Алексеевича. Тот, оказывается, ждал его.

— Вижу, вижу, друг, что не спал, — здороваясь, сказал Василий Алексеевич. — Не мог заснуть и я, — он тяжело вздохнул. — Думы одолели.

— Ну, когда собрание? На который час думаете назначить? — спросил парторга Николай Васильевич.

— Думаю, на пять вечера. Людей оповестим заранее, чтобы к этому времени закончить работу. А сейчас надо подготовиться к предстоящему собранию. За нужными людьми я уже послал деда Захара.

— Василий Алексеевич, необходимо пригласить представителя от комсомола и кое-кого из актива.

— Не беспокойтесь, Николай Васильевич, предусмотрено все, приглашается и комсомольский и даже пионерский актив. Есть у

нас хлопчик Илько Витряк, — думаю, знаете такого? — наш активист, дадим и ему дело по силам.

Василий Алексеевич как-то светло улыбнулся.

— Еще будут бригадиры — дед Ефим и дед Стратон, две доярки. Мне кажется, и достаточно.

— Да, конечно, я с вами согласен.

Собрание состоялось ровно в пять часов. Парторг Василий Алексеевич доложил о положении на фронте. Николай Васильевич рассказал о плане эвакуации.

Тишина стояла полная. Лишь иногда слышались глубокие вздохи. Тяжело было людям бросать насиженные места, родные хаты, где все сделано своим трудом, все было таким близким, дорогим.

А на другой день утром каждый делал свое дело без суматохи, спокойно. Распоряжались скотом, хлебом и другим колхозным добром.

Гул канонады уже доносился до Малого Букрина. Немцы развивали наступление. Проходили отдельные части отступающей Красной Армии, обозы, повозки, пушки и серые от пыли солдаты.

Тревога росла, фронт приближался к Днепру. Черные стаи вражеских бомбардировщиков все чаще пролетали над Днепром. Слышались взрывы. Шли и ехали раненые и здоровые солдаты, угрюмые, молчаливые.

В облаках пыли проносились машины. Торопливо проходили женщины, дети, измученные, с серыми от горя лицами. Слышался беспрерывный скрип телег.

Немцы приближались к селу. Срочно были вызваны в Ржищев коммунисты и комсомольцы Малого Букрина. Решением райкома все они, за исключением товарищей, оставленных для подпольной работы в тылу врага, должны были присоединиться к отступающим частям Красной Армии.

В Малом Букрине для подпольной работы были оставлены Николай Васильевич и Василий Алексеевич.

Илько вскоре свыкся с новой обстановкой. Уже не привлекал его внимания гул вражеских самолетов в воздухе. Но на сердце мальчика легла непривычная тяжесть.

С тревогой и беспокойством всматривался Илько в лица родителей. Очень изменился за последнюю неделю Николай Васильевич. Осунулся, постарел, хотя прежнее спокойствие и выдержка не покидали его.

У матери, доброй и ласковой, прибавилось морщин, в больших карих глазах неизменно стояли печаль и грусть. Но, как всегда, она работала много, до поздней ночи.

Илько, чуткий, любящий сын, хорошо понимал причину этих перемен в родителях. Он стал особенно внимательным, ласковым и старался при случае помогать отцу и матери.

Крепко привязался Илько в эти тревожные дни и к Василию Алексеевичу. Парторг часто давал ему разные мелкие поручения, и Илько всегда аккуратно выполнял их. Мальчик был горд тем, что приносит посильную помощь близким, дорогим людям в эти дни.

Еще недавно он завидовал своим товарищам, которых направили сопровождать колхозный скот в глубь страны. Обижался, что ему не дают никакого задания, тогда как многие ребята, его сверстники, уже занимались делом.

Но как-то утром сторож сельсовета дед Захар постучался к ним в окно. Илько только что вымыл посуду, подмел пол, прибрал в комнате. Дома не было никого. Отец и мать чуть свет ушли куда-то.

— Ты дома, Илько? — крикнул дед Захар.

— Дома, дедусь, дома, — ответил Илько, открывая дверь.

— Василь тебя кличет. Да поскорее.

— Зараз иду, дедусь, — заторопился Илько, радуясь, что его зовет парторг.

Через несколько минут взволнованный Илько был у дверей парторга.

Илько не вошел, а вбежал… и растерялся. За большим письменным столом сидел Василий Алексеевич и рядом с ним в глубоком кресле его отец Николай Васильевич.

Присутствие отца неожиданно смутило мальчика.

— Илько, ты все обижаешься, Что я не даю тебе никаких заданий, — обратился Василий Алексеевич к нему. — Сегодня у меня есть для тебя серьезное поручение. Думаю, его можно доверить тебе. Вот этот пакет надо отнести в село Дудари и вручить лично секретарю парткома и ни в коем случае никому другому. На конверте он должен расписаться в получении бумаг. В дороге будь осторожен. Много разных людей может встретиться, а пакет секретный. Тебе это, конечно, понятно, — наставительно сказал Василий Алексеевич.

— Понятно все, — отрывисто сказал Илько. — Поручение будет выполнено точно.

— А как ты, Илько, будешь пробираться в Дудари? — спросил парторг. — Пойдешь пешком или верхом на лошади?

— Нет, нет, Василий Алексеевич, — возразил Илько, — на лошади теперь опасно, я пойду пешком. Если вдруг кого замечу, спрячусь, а лошадь только выдаст меня.

Николай Васильевич довольно улыбался, едущая дельные

рассуждения сына. Улыбнулся и Василий Алексеевич, глядя на серьезного, деловитого мальчика.

— Ты, пожалуй, прав, Илько, — сказал парторг, протягивая ему пакет. — Делай так, как находишь правильным и безопасным.

Илько положил пакет в боковой карман пиджака и вышел.

Прежде чем идти в Дудари, Илько зашел домой и для предосторожности переоделся в старый, рваный костюм.

Витряк Илько — партизан-разведчик.

По дороге в Дудари происшествий никаких с ним не случилось. Поручение он выполнил точно, как ему было указано. На обратном пути Илько пошел через сад, называвшийся Мартыновкой. Шел не по дорожкам сада, а напрямик, через кусты.

Вдруг метрах в двадцати от опушки, выходящей в сторону

Малого Букрина, Илько увидел высокого мужчину, скрывавшегося в густых зарослях сада. Это удивило Илька и показалось ему подозрительным.

«Взрослый, а меня, мальчика, испугался. Тут, видно, что-то неладно», — подумал он.

Скоро Илько заметил мальчика с узелком в руках, который осторожно пробирался между кустами в том же направлении, что и он, пугливо озираясь по сторонам. Илько пригнулся, чтобы его не заметили, немного подождал, дал мальчику пройти вперед и выйти из сада, с тем чтобы проследить, куда он направится.

Илько подумал о связи скрывавшегося в зарослях мужчины с этим мальчиком.

Мальчик с узелком шел на Малый Букрин. Илько вышел из сада и быстро догнал его.

Это был сын малобукринского подкулачника Романа Гердюка, осужденного на десять лет тюремного заключения за подрывную работу в колхозе и хищение колхозного добра.

Илько знал и семью Романа Гердюка, который давно сидел в тюрьме.

Когда Илько догнал мальчика, тот растерялся и виновато посмотрел на него.

— Кому это ты носил еду в Мартыновку и кто этот мужчина, что скрылся в кусты, как только вы меня заметили? — спросил Илько.

Ваня, так звали мальчика, замялся и, испуганно глядя на Илька маленькими, заблестевшими от слез глазами, ответил:

— Это тятя, я носил ему еду.

— Почему отец не дома? Почему он прячется в саду? Говори правду!

— Он был дома ночью. Боится, что его арестуют коммунисты, — дрожащим голосом начал Ваня. — Он живет в лесу и ждет, когда немцы зайдут в наше село. Тогда тятя и прийдет до дому.

— Ну, а теперь скажи, когда твой батько вернулся домой? — уже более спокойно произнес Илько.

— Да уже больше десяти дней он тут. Три ночи ночевал дома, а день в Мартыновке, — вытирая кулаком глаза, тихо ответил Ваня.

— А где же твой батько жил до сих пор? — спросил Илько.

— Здесь, в Донбассе, — уже с неохотой отвечал Ваня.

Когда вошли в село, Илько быстро направился к сельсовету.

В парткоме он застал одного Василия Алексеевича. Он сидел за кипой бумаг. Илько торжественно вручил парторгу конверт с отметкой о выполненном поручении.

Василий Алексеевич поблагодарил мальчика и расспросил, благополучно ли по дорогам. Илько смущенно посмотрел на него и в замешательстве остановился.

В это время открылась дверь и вошел Николай Васильевич.

— Ну как, Илько, все ли у тебя в порядке? — спросил отец.

— Молодчина, боевой он у вас, все выполнил хорошо, — за Илька ответил Василий Алексеевич.

Илько просиял от похвалы парторга.

Илько подробно рассказал о встрече в саду с Романом Гердюком и о разговоре с его сыном.

— Да, новость не особенно приятная, — сдвинув сурово брови, тихо сказал Василий Алексеевич. — Спасибо, Илько, за бдительность. Из тебя выйдет хороший разведчик.

— Да, новость неожиданная, — вздохнул Николай Васильевич. — Ну, иди, сынок, домой, отдохни. О Гердюке молчи. Кроме мамы, никому ни слова. Понятно? — Николай Васильевич ласково посмотрел на сына.

— Все понятно, батько, — ответил Илько и вышел.

— Вылазят гады из своих нор. Почуяли поживу, — со злобой сказал Василий Алексеевич.

— Да, этот враг опасен так же, как и фашистский зверь.

В этот день снарядили двадцать человек и под командой Василия Алексеевича в течение двух дней обыскали все кустики Мартыновки и прилегающие к саду балочки. Но безрезультатно. Романа Гердюка обнаружить нигде не удалось.

Прошло несколько дней — и фашистская армия вошла в Малый Букрин.

Вместе с врагами в село пришел и Роман Гердюк. Облеченный властью сельского старосты, он стал хозяйничать, чинить расправы над неповинными людьми.

С черных дел начал Роман Гердюк. Он назвал фашистам колхозных активистов, и на них началась настоящая охота. Кое-кому удалось скрыться, но многие попали в лапы к оккупантам. Не избежал горькой участи и Николай Васильевич Витряк. Перед самым приходом немцев он заколотил дом, укрыл жену и сына у верных людей, а сам хотел уйти из села и переждать тревожное время в безопасности. Но было уже поздно. Роман Гердюк прибыл в село с передовыми частями оккупантов и сразу бросился по следам патриотов.

У бывшего кулака и мироеда были свои старые счеты с односельчанами. Это они лишили его в свое время богатств, мешали ему жить за чужой счет и наконец водворили в тюрьму. Теперь пришла пора отомстить недругам. Все честные советские люди — его враги. И вот предатель Гердюк торопится наказать

их. В руки бывшего кулака попадает и отец Илька, Николай Васильевич.

— Теперь сочтемся, сосед, — злорадно приговаривал Гердюк, когда Николая Васильевича вели конвойные. — Кончилась твоя власть.

— Собака! — ответил предателю Николай Васильевич. — Народ не простит тебе этого.

Сняв замки с хаты Витряка, староста разместил там немецкую комендатуру, а сам занял помещение сельсовета. Гитлеровская серо-зеленая саранча расползлась по селу. И начались грабежи, насилия и пьянство.

На другой день оккупанты принялись за установление «новых порядков». В центре села, возле школы, была сооружена виселица. На третий день с утра сюда насильно был согнан народ. И на глазах у всех были повешены двенадцать лучших граждан Малого Букрина.

Избитых, окровавленных, их приволокли на место казни. Люди с трудом держались на ногах. Они были связаны одной веревкой. Несмотря на побои, всяческие унижения, колхозники шли с гордо поднятыми головами, мужество до последней минуты не покинуло их.

Первым в шеренге арестованных стоял Николай Васильевич Витряк. Он выпрямился и, обратив свой взор к народу, молчаливо и скорбно стоявшему толпой, громко крикнул:

— Товарищи, крепитесь, будьте стойкими до конца и беспощадно боритесь с фашистской нечистью! Защищайте нашу родную землю, наших детей. Красная Армия скоро вернется! Да здравствует наш народ!

Немецкий офицер со всего размаха плетью ударил Николая Васильевича. С презрением и ненавистью взглянул Николай Васильевич в наглое лицо немца.

Он посмотрел и в притихшую толпу, стараясь отыскать в ней жену и сына, и, мысленно прощаясь с ними, что-то шептал. Расслышать его слов уже никто не мог.

Витряка повесили первым.

Спрятавшись в толпе, Мария Исаковна горько плакала. Ее заботливо поддерживал дед Стратон, а рядом, крепко вцепившись в ее руку и не отрывая глаз от любимого отца, стоял Илько.

Воспаленные глаза Марии Исаковны с отчаянием смотрели в лицо мужа, стараясь запечатлеть навеки дорогой, близкий образ.

Илько плакать не мог. Лютая злоба и ненависть к врагу душили его.

…Три дня висели трупы на площади. И каждый день Илько тайком пробирался сюда взглянуть на отца. А на четвертый день

утром казненных не стало. Где их похоронили, никто не знал.

Осиротевший мальчик пошел искать могилу отца, оставив больную от горя мать. А в это время немцы уже искали Марию Исаковну по всему селу. К деду Стратону, где приютилась она с сыном, прибежала жена Василия Алексеевича и предупредила его об опасности. Мария Исаковна решила бежать к своей сестре в соседнее село Ромашки.

— Илько, сыночек мой, Илько, — беспомощно металась она по хате, зовя сына.

И, не дождавшись его, пошла одна.

Дед Стратон проводил Марию Исаковну огородами до края села, пообещав попозже переправить к ней сына. Убитая горем женщина попрощалась с дедом и пошла одна через луг, навстречу своей гибели. Здесь ждала ее смерть. В пути она наткнулась на мину и погибла.

Дед Стратон, единственный свидетель гибели несчастной женщины, взял Илька к себе. Мальчик остался один в целом свете. Все, чем он жил до сих пор, внезапно рухнуло. Огромное, непосильное горе взвалила жизнь на слабые плечи мальчика.

ВСТРЕЧА С ПАРТИЗАНАМИ

Это было в конце мая. Небольшой партизанский отряд во главе с молодым командиром Болатовым на утренней заре пришел в Мартыновку, что вблизи села Малый Букрин.

Здесь партизаны должны были встретиться с местными подпольщиками.

После непродолжительного отдыха партизаны к восходу солнца из глубины сада перебрались к окраине и укрылись в густом, невысоком колючем терновнике.

И здесь, у опушки, партизаны увидели мальчика. Он стоял, опираясь на толстую суковатую палку, и смотрел куда-то вдаль, в утреннюю степь.

В десяти шагах от него мирно щипали сочную траву три коровы.

— Товарищ командир, — обратился к Болатову один из партизан, — разрешите доставить пастушка.

— Пока нет надобности, — ответил командир и отдал распоряжение осмотреть, изучить места, прилегающие к саду, проверить, нет ли еще кого поблизости.

Партизаны отправились осматривать местность и вскоре вернулись.

— Не видно никого кругом: ни немцев, ни местных жителей, — сообщил молодой партизан Иван Чуляк.

Между тем пастушок, как бы пробужденный от сна, вздрогнул, поднял голову и нехотя, медленно направился прямо к партизанам. Он перешагнул неширокий ров — границу сада, пробрался через колючие кусты терновника и скоро оказался в саду, в трех шагах от партизан.

Партизаны сквозь кусты с любопытством наблюдали за ним. Мальчик остановился, посмотрел вокруг и тяжело, не по-детски, вздохнул.

Чтобы обратить внимание мальчугана и не испугать его внезапным появлением, командир отряда осторожно шевельнул веткой куста, за которым лежали партизаны.

Мальчик заметил движение, насторожился, а после минутного раздумья направился к кустам.

Ни удивления, ни испуга от неожиданной встречи в лесу с незнакомыми ему людьми на его лице не было. Как будто он встретился с близкими друзьями.

Мальчик был невысокого роста, но крепок сложением. Темно-русые волосы густой непокорной прядью падали на высокий спокойный лоб, из-под густых бровей пытливо смотрели карие большие глаза с длинными ресницами.

Одет он был в поношенный коричневый костюм, под пиджаком виднелась темная ситцевая рубашка. Ноги босые, черная фуражка сдвинута на затылок.

Мятый, потрепанный костюм указывал на то, что его хозяин давно не расставался с ним.

— Партизаны?! — не то вопросительно, не то утвердительно полушепотом произнес мальчик.

— Да, партизаны, — ответил командир.

Лицо мальчугана засветилось радостью, вспыхнули глаза, и он обратился к командиру:

— Вы командир?

— Да, я, — ответил Болатов, слегка улыбаясь.

— Я хочу тоже быть партизаном. Примите меня в отряд, — детские глаза с надеждой глядели на командира. — Стрелять я умею, и оружие у меня есть. Здесь недалеко, в балочке, запрятаны винтовки и патроны…

— А кто же за тобой винтовку будет носить? У нас некому, — шутливо заметил партизан Василий Бутченко.

Мальчик серьезно посмотрел на партизана и спокойно ответил:

— С винтовкой мне тяжело, это правильно. Но у меня есть обрез, а с ним я обращаться умею.

— Ты пробовал из него стрелять?

— Стрелял, и не один раз.

— И немцы не отняли его у тебя? — с любопытством спросил один из партизан.

— Фашисты? — удивился мальчуган. — Им, гадам, никогда не узнать, что у нас есть оружие! Мы прячем винтовки и патроны в балочке, вот здесь за садом, — и он хитро улыбнулся. — А учиться стрелять мы ходим далеко, туда, к селу Дудари. Там есть глубокий ярок — наше стрельбище.

— Чье это «наше»? — спросил Болатов.

— У меня есть хороший друг Михайло Гриценко. Мы с ним вдвоем обезоруживаем полицаев, а винтовки прячем, храним для партизан.

— А для чего вам понадобилось стрелять? — лукаво улыбнулся Иван Чуляк.

— А как же иначе воевать с проклятыми? — с укором ответил мальчик. — Как идти в партизаны, если не умеешь стрелять? Кто же нас зачислит в отряд?

— Как же вы ухитряетесь обезоруживать немцев и полицаев? А ну, расскажи, послушаем, — сказал командир, опускаясь на траву.

— Я буду рассказывать все и долго, — предупредил мальчик. — У вас есть время слушать?

Болатов молча кивнул и усадил его рядом с собой. Партизаны расположились вокруг.

— Немцы с полицаями почти каждый вечер устраивают пьянки и пьют, гады поганые, пока не свалятся. А тогда не только винтовки бери, но и их самих за ноги можно вынести… Вот мы с Михайлой в такие ночи и дежурим у дома; он с одной стороны, а я с другой, — начал свой рассказ спокойно, как взрослый, храбрый мальчуган. — И когда у немцев станет тихо, я или Михайло идем узнать, все ли уснули. А делаем мы это так: стукнем в окно или откроем и закроем дверь. Если кто-нибудь выйдет, мы прикинемся бездомными и спрашиваем, где можно переночевать.

А если в хате тихо, никто не шевелится, не подходит к окнам и дверям, то мы смело идем в хату, берем по одной винтовке и патроны и расходимся в разные стороны. Сходимся за селом и уже вместе направляемся вот к этой балочке, зарываем все и уходим уже не в то село, где мы забрали винтовки, а в другое.

— И сколько таких операций проделали вы?

— Три. А сам Михайло ходил один раз. Я тогда лежал больной.

— И каждый раз без всяких оказий?

— Конечно, — с гордостью ответил мальчик, — Мы понимаем, что нужно быть осторожными, — и озорными, умными

глазами обвел сидящих партизан.

С большим интересом все слушали серьезные рассуждения пастушка.

— Вот я из села Малый Букрин, а Михайло — из Большого Букрина, — продолжал рассказчик, — и когда мы захватим винтовки у фашистов в Малом Букрине, тогда на ночлег идем в Большой Букрин, а если в Большом Букрине — уходим в Малый Букрин…

Партизаны искренне восхищались маленьким смельчаком. Велика и сильна наша Родина. Даже дети, ее маленькие сыны, вступают в схватку с врагом. Разве можно победить таких людей?

— Товарищ командир, я очень прошу вас принять меня и Мишу в отряд, — мальчик умоляющими глазами смотрел на Болатова. — Мы знаем все тропки, все дорожки по обоим берегам Днепра, все лески и сады на много километров вокруг. Мы знаем, в каком селе сколько стоит фашистов и сколько где полицаев. Мы будем разведчиками, поможем вам, — и снова темные глаза с надеждой смотрели на командира.

— Все это хорошо, мой герой, — ответил Болатов. — Но ты должен знать, что в партизанский отряд принимают лишь проверенных людей, таких, которые своей работой в тылу немцев доказали преданность Родине. Из твоих слов мы видим, что вы с Мишей кое-что сделали, но верно ли это? Говорить можно многое, а мы словам не верим, — Болатов внимательно глядел на мальчугана. — Мы даже не знаем, как тебя зовут и кто ты такой…

Лицо мальчика слегка побледнело, тень грусти мелькнула в глазах, он печально опустил голову.

— Я вам все расскажу о себе, — тихо ответил он. — Меня зовут Илько Витряк. Мне пятнадцать лет. Отец мой — коммунист. Когда в наше село Малый Букрин вступили фашисты, отца повесили, и вместе с ним еще одиннадцать человек. А мать, спасаясь от фашистов, подорвалась на мине.

Илько подробно рассказал о приходе фашистов в Малый Букрин и об их зверской расправе с советскими людьми. Рассказывая о своем большом горе, он полными слез глазами смотрел на партизан и чувствовал, что горе его — это горе всех сидящих здесь.

Партизаны поняли, что тяжелые воспоминания разбередили незажившие раны мальчика, и каждый из них хотел его успокоить.

Илько продолжал:

— И я решил мстить проклятым фашистам за отца, за все, что они сделали не только мне одному. Как это сделать, я не знал. Я был один, и я все-таки еще маленький. Хорошо, что из Киева с

большим трудом добралась до Малого Букрина моя сестра Ганна. Она училась в Киеве в пединституте. Маме не пришлось увидеть Ганну, а она так ждала ее приезда. Как плакала моя сестра, узнав о гибели отца и матери! Весь день она ничего не говорила. Только к вечеру пришла в себя.

— Илько, слезами ничего не исправишь, — сказала она потом. — Надо действовать, надо мстить за наших родных.

— Ганна показалась мне тогда сильной и смелой.

Она сказала мне, что отец был не один, что кроме тех одиннадцати погибших должны быть еще люди, оставленные партией для работы в подполье. Их надо найти. Они укажут, как нужно бороться.

Ганна говорила еще, что нужно установить связь с партизанами, которые, как она слышала, находятся в Понятовских и Хоцких лесах. Я готов был сейчас же бежать по селу, обойти все хаты, спрашивать у поселян, кто из них подпольщик.

Я упрашивал сестру не откладывать на завтра, идти сейчас же в Понятовский или Хоцкий лес к партизанам.

Но сестра понимала, что нужно быть осторожными. Я это тоже понял потом.

— Илько, не нужно спешить, мы только повредим себе, — уговаривала меня сестра.

— Но неожиданно новая беда свалилась на нас, — продолжал Илько, печально глядя на командира. — Немцы целой ватагой шныряли по селу, забирали молодежь и отправляли в Германию. Среди ночи схватили Ганну и угнали. Больше я ее не видел.

Подпольщиков в селе я не нашел и собрался в лес к партизанам. Взял кусок хлеба, бутылку с водой, забрал школьную сумку и, помня слова сестры об осторожности, провел ночь в сарае. Решил на рассвете выйти из села. Я боялся уснуть, и когда наступила кругом тишина, а до рассвета было еще далеко, я пустился в дорогу.

Шел долго без дороги, чтобы не встретиться ни с кем. На душе весело, легко. Еще день, другой — и я встречусь с партизанами. Я не чувствовал ни усталости, ни голода.

Илько на минуту остановился, посмотрел на партизан, видимо желая узнать впечатление от своего рассказа.

Командир отряда одобрительно кивнул головой, и мальчик продолжал:

— На другой день к вечеру я наконец подошел к Понятовскому лесу. Лес стоял огромный, молчаливый, без конца и края. Вокруг было тихо-тихо. Мне было страшно войти в лес. Вдруг за мной следят, — думал я. — И я могу навести врагов на

след. Нет, к партизанам надо идти только глубокой ночью.

Мне казалось, что наступившему дню не будет конца — так медленно тянулось время.

Илько ненадолго замолчал. Партизаны ждали.

— Наконец стемнело, — продолжал мальчик свой волнующий рассказ. — Мне стало как-то не по себе.

— И не страшно тебе было одному вблизи леса, в степи, темной ночью? — спросили его.

— Страшно? — Илько улыбнулся. — Нет, страшно мне не было. Я надеялся, что в лесу встречу своих людей, с которыми вместе буду мстить за родных. И я ждал этой встречи. Мне казалось, что как только я войду в лес, — Илько застенчиво улыбнулся, — так увижу вооруженного партизана и он поведет меня в отряд. Я не боялся ничего.

Вот я вошел в лес, в густую чащу — никого. Я тихонько кашлял, свистел — ответа нет. Только сушняк трещал под ногами.

Несколько раз снова выходил на опушку, опять входил в лес. Усталый, прилег под дуб и уснул. Разбудил меня сильный холод. Лучи солнца чуть-чуть пробивались между деревьями. От них все равно не было тепла, и я побежал из лесу в степь.

Недалеко виднелись крыши хутора Луковица. Оказалось, много километров я прошел за эту ночь. Мне хотелось есть, хлеб у меня весь кончился, и я пришел в селение. Нужно было добыть хоть кусочек хлеба, а потом уже идти опять в лес. Я был уверен, что найду партизан.

Смело вошел в хутор. По широким улицам его расхаживали фашисты, ездили мотоциклы и грузовые машины. Я постучался в крайнюю хату. Никто не ответил. Я вошел. На полу валялось какое-то тряпье.

— Эй, кто есть в хате? — громко крикнул я.

На мой голос скрипнула дверь за большой русской печкой и вышел старик с длинными седыми волосами и бородой.

— Что тебе надо, хлопче? — спросил старик.

Я поздоровался с ним, и хмурое лицо деда посветлело. Он усадил меня на скамейку и стал подбирать с полу тряпки.

— Видишь, что натворили идолы окаянные, — печально сказал старик. — Все забрали, ничего не оставили в хате.

И дед заплакал.

Я рассказал старику, что моих родителей убили фашисты, сестру угнали в Германию, а я хожу из одного села в другое.

Уходя, попросил у старика хлеба, так как был очень голоден. Попытался было узнать, много ли хуторян ушло к партизанам, но старик подозрительно посмотрел на меня и не ответил. Он молча

поднялся и пошел в боковую комнату, откуда вынес большую краюху хлеба и протянул мне.

На улице я увидел, как фашисты из одной хаты выносили подушки, одеяла и бросали в машину. Грабили хуторян. Я вернулся во двор старика, через огороды вышел в степь и направился к Григоровке.

Там была переправа через Днепр, а за Днепром — Хоцкий лес.

Я устал, шел тихо-тихо, жадно ел хлеб. К вечеру был в Григоровке. В селе фашисты. Жителей на улицах не видно.

Я пошел прямо к переправе. Фашистские солдаты суетились на улицах и не обращали на меня внимания.

Добрался до реки. Здесь особенно много фрицев. Галдеж такой, что не слышно ничего. Я хотел переправиться на другой берег, но один из фрицев схватил меня за руку и отшвырнул назад. За ним другой толкнул меня в спину. Я понял, что здесь мне не удастся перейти реку.

Как быть? Я вспомнил, что есть еще переправы: одна недалеко от Переяславской пристани, а другая — у села Бучак. Решил идти к селу Бучак, оно ближе к Хоцкому лесу.

Переправа у села Бучак охраняется только двумя патрулями, но днем пройти трудно. Только ночью можно попытаться пробраться на другой берег.

Целую ночь продежурил вблизи переправы. Караулы сменялись часто, и проскочить незаметно мне не удалось. Я уже не знал, что делать. Помочь мне никто не мог. Я голодал. К партизанам решил пробраться во что бы то ни стало.

Вечером я шел по переулку и увидел в бурьяне худую, голодную собаку, у брюха которой копошились четыре щенка.

Я присел возле собаки на корточки, оттянул одного щенка от брюха матери. Он заскулил. Собака подняла голову, посмотрела на меня без всякой злости и снова положила голову на землю. Я оттянул и другого щенка. Потом осторожно положил их в свою школьную сумку и быстро пошел к переправе. Щенята умолкли. Я прикрыл сумку полой пиджака, чтобы согреть бедных маленьких животных, и сам лег с ними в бурьяне у овражка, ожидая наступления ночи.

Когда стемнело, я стал наблюдать за караулом. Ходят два немца взад и вперед у переправы, переговариваются. От Днепра дует свежий ветерок, и чуть слышно шумит бурьян. Лежу тихо. Под шум ветра ползком приблизился шагов на десять к переправе. Затем оторвал от подола своей нижней рубашки длинный лоскут, привязал щенят за задние ноги одного к другому, оставил их, а сам отполз немного и замер.

Прислушиваюсь — щенята молчат.

Я не шевелюсь. Время идет, а щенят не слышно. Неужели, проклятые, заснули? Такая досада и злость взяли меня. Что делать? Вдруг доносится слабый звук.

Я прислушался. Фрицы тоже насторожились. Через минуту ясно послышался тонкий жалобный визг, похожий на плач грудного ребенка.

Фрицы остановились, стали прислушиваться. Один из них что-то тихо сказал другому и, осторожно шагая, направился к щенятам, держа автомат на изготовку. Он шел медленно, а щенята визжали, захлебываясь, на все лады. Но мне от этого было не легче, так как один фриц не отходил от переправы. Затея моя не удалась. А я так надеялся, что оба они обязательно заинтересуются визгом, подойдут поближе к щенятам, а я в это время проскочу на переправу.

Усталый, почти больной, я направился в свое село Малый Букрин.

— А зачем ты связал вместе щенят? — задал вопрос командир отряда, заинтересованный выдумкой мальчугана.

— А чтоб не расползлись далеко в стороны. И продолжал:

— По дороге в Малый Букрин я расспрашивал людей о других переправах через Днепр, а одновременно узнавал о продвижении фашистов, наблюдал их силы.

Вдруг Илько нахмурился и сердито сказал:

— Вот вы улыбаетесь надо мной, думаете: что понимает мальчишка? И зачем ему знать, куда продвигаются фашисты и что за силы у них? А я это узнавал для того, чтобы при встрече с партизанами все им рассказать. Потому что знал: все равно встречу их. А все, что я узнаю о фашистах, будет нужно партизанам.

Илько ненадолго замолчал, будто перебирал в памяти события этих длинных горестных дней. Партизаны не прерывали его дум, и, глядя на него, каждый из них уже знал, что этот осиротевший мальчик стал для всех родным и войдет своим в партизанскую боевую семью.

Илько заговорил после молчания:

— А в феврале я встретился с Михаилом, подружился с ним.

— А ну, давай, представляй нам и своего друга, — сказал командир.

Илько улыбнулся.

— Я рассказал вам и о Мише, это мой настоящий друг.

Однажды я встретил на улице старую женщину и мальчика. Чужие, не малобукринские. Одеты они были не по-зимнему и дрожали от холода.

— Здоров будь, хлопче, — сказала старушка.

— Здравствуйте, бабушка, — отвечаю ей, а сам поглядываю на паренька.

Он немного выше меня, лицо худое, смуглое.

— Не скажешь ли, хлопче, у кого здесь из ваших есть ручная мельница? — спросила меня бабушка.

— Скажу, — ответил я, — пойдемте, я вас проведу туда, — и мы втроем пошли к Екатерине Гордиенко, у которой была ручная мельница.

Старуха шла медленно, опираясь на мальчика, он заботливо поддерживал ее.

— Вот уже три месяца мы едим жареное и вареное зерно, сынок. Старик мой совсем оплошал, — зубов нет, да и я еле-еле ноги таскаю, и сиротка наш вот тоже соскучился по хлебу. Немцы эти проклятые все поразорили, только то и осталось, что успели припрятать. У нас в Большом Букрине негде и горсточку зерна перетереть. Вот мы и приплелись с Михайлой к вам, — по дороге жаловалась старушка.

На ручной мельнице мы с Мишей быстро пропустили несколько килограммов пшеницы, что они принесли. За работой переговорили о многом и сразу стали друзьями, как будто и росли и жили всегда вместе.

Михаил мне рассказал о себе. Он воспитывался в переяславском детском доме. Остался круглым сиротой, когда ему было четыре года. Перед оккупацией детдом должен был эвакуироваться. Все дети вместе с воспитателями, всего сорок семь человек, прибыли на переяславскую пристань. Во время посадки на пароход налетели фашистские самолеты и обстреляли из пулеметов детей и взрослых. Пароход разбили. Сорок пять человек погибли в Днепре. Остались в живых только Михаил и одна воспитательница.

Вспомнив, что в Большом Букрине, где он родился, у него должны быть дальние родственники по матери — двоюродные бабушка и дедушка, Миша с воспитательницей направились к ним.

Дедушка и бабушка оказались живы. Они с радостью встретили и приняли Михаила и его воспитательницу, но через несколько дней пришли немцы и воспитательницу угнали в Германию. Михаил остался у стариков. Ему теперь шестнадцать лет.

— Со дня нашего знакомства мы с Мишей не расставались, — проговорил Илько и внимательно посмотрел на командира. — Есть у меня еще друг, только взрослый. Это наш учитель Витряк Михаил Тимофеевич. Он родом из Большого Букрина, и фамилия

у нас одна. Работал где-то под Киевом. Эвакуироваться не успел, и пришлось ему пробираться в родное село, где он скрывается теперь от фашистов.

— Много, однако, у тебя друзей, — командир, как показалось Ильку, недоверчиво поглядел на него и добавил: — Не сочиняешь ли ты нам, хлопец? Очень уж складно у тебя выходит.

— Что вы, товарищ командир, — испугался Илько. — Я говорю правду. Михаил Тимофеевич и научил нас, как досаждать немцам. Мы прокалывали и разрезали колесные шины и камеры у немецких машин, распространяли по селам листовки, которые подбирали в поле после наших самолетов. Собирали оружие, узнавали в ближайших селах и хуторах, какие немецкие гарнизоны там стоят, где есть тайные переправы…

— Ладно, верим, — улыбнулся Болатов. — Продолжай! Время у нас еще есть. Послушаем тебя, пока разведка вернется. Хороший ты, видно, хлопец. Не мешает нам познакомиться и с тобой, и с Мишей, и с Михаилом Тимофеевичем.

— И мы будем рады! — оживился Илько. — Михаил Тимофеевич рассказывал нам, что партизаны находятся в Понятовском и Хоцком лесах и там ведут большую работу. Он давно хочет связаться с ними, да вот все случая подходящего не было.

— Плохо искал твой Михаил Тимофеевич, — заметил кто-то из партизан и улыбнулся, чтобы ободрить смутившегося было Илька.

— Мы, кажется, скорее его найдем.

— Правда ваша. Ах, как это удачно получилось! — Илько даже вскочил. — Я встретился с вами, когда совсем не ожидал этого. А Миша и Михаил Тимофеевич, они не поверят сразу такому неожиданному счастью. Мы ведь не просто так скот пасем! — Илько подмигнул. — Я стал пастухом у себя в Малом Букрине, а Миша — в Большом Букрине. Мы пасем скот между двух сел и наблюдаем за дорогами и селами, советуемся, что предпринять на ночь. Сегодня я должен перепрятать оружие, что мы добыли позапрошлой ночью. Потому и коров пригнал сюда, к Мартыновке. Нам показалось, что оружие плохо укрыто. Нет, нет, я даже сам не верю такому счастью, — радостно повторял Илько. — Как это хорошо, что я встретил вас!

Но вдруг в голосе его послышалась тревога. Он на минуту замешкался, а потом подвинулся к командиру и взял его за руку.

— Вы нас возьмете к себе в отряд? Всех: меня, Мишу и Михаила Тимофеевича? — Илько крепко держал руку командира. — Я рассказал вам правду. Мы с Михаилом будем хорошими разведчиками, да и Михаил Тимофеевич вам поможет.

Возьмете? Да?

Командир серьезно сказал:

— Ты что же это — просился вначале сам в отряд, потом просил за Михаила, а теперь просишь еще и за Михаила Тимофеевича. А как ты думаешь, может партизан сразу поверить на слово? Мы ведь тоже соблюдаем осторожность, — и в упор посмотрел на Илька.

Мальчик выдержал взгляд. В чистых, правдивых его глазах стоял упрек. Он чуть сдвинул тонкие брови, нервным движением тряхнул головой.

— Значит, вы мне не верите? — резко сказал он. — Не верите тому, что я вам рассказывал?

Все молчали.

— Ну хорошо, товарищ командир, — обиженный Илько низко опустил голову. — Чтобы вы мне поверили, я принесу сюда из балочки винтовку и патроны. Вы разрешите мне пойти?

— Видишь ли, Илько, партизанский обычай таков: кто случайно попадает к нам из местного населения, может уйти только ночью, — ответил командир отряда.

— Тогда пусть со мной пойдет кто-нибудь из партизан. Здесь недалеко. Вы увидите, что у нас там целый склад оружия и патронов.

— Нет, мой дружок, — улыбаясь, сказал командир отряда, — партизана я с тобой не пошлю, — и переглянулся с комиссаром отряда Николаем Михайловичем Поповым.

Командир понял, что тот согласен отпустить Илька за оружием.

— Так вот, Илько, — продолжал командир отряда, — в доказательство того, что мы с полным доверием отнеслись к твоему рассказу, мы нарушаем твердое партизанское правило и разрешаем тебе пойти за оружием! Но помни, Илько: осторожность прежде всего.

Лицо мальчугана посветлело и, сделав под козырек, он быстро побежал по опушке сада.

Когда Илько скрылся за деревьями, один партизан последовал за ним. Примерно через полчаса партизан возвратился и доложил, что мальчик идет обратно, но без оружия. Идет с поникшей головой.

Партизаны подумали, что оружие кем-то обнаружено и унесено. Если бы Илько обманул, то он не стал бы возвращаться, подумали все. Однако, не успев сделать окончательных выводов, партизаны увидели издали Илька, который весело улыбался им.

Когда он приблизился, все заметили, что за ним тянутся две винтовки, привязанные веревочками за голые ноги. За пазухой у

пастушка оказались пачки патронов.

Партизаны удивились такому способу доставки оружия.

— Товарищ командир, вы сказали — осторожность прежде всего. Поэтому я так и поступил. По дороге в балочке я заметил работающих женщин. Чтобы они ничего не видели, я привязал винтовки к ногам. Пиджак засунул в брюки, и место для патронов было готово. Трава везде высокая, и винтовки волочились за мной совсем незаметно. Руки у меня остались свободными.

Партизаны были поражены находчивостью маленького пастушка.

— Молодец, Илько! — мальчик вспыхнул от похвалы. — Мы примем тебя в отряд. А потом поговорим о твоих друзьях, — сказал командир. — Через три дня, когда стемнеет, вы должны прийти к Понятовскому лесу выше хутора Луковица. Возле большого дуба у опушки леса вас встретят наши люди.

— Мы обязательно придем. Спасибо!

— Ну, а теперь иди, — сказал командир, — тебе пора гнать коров. О встрече с нами — молчок. Партизаны болтунов не любят.

…Илько долго стоял у тернового куста и смотрел вслед своим новым друзьям до тех пор, пока они не скрылись в гуще сада. Сердце его часто колотилось от радости.

ПОПОЛНЕНИЕ

В тот памятный вечер, когда Илько распрощался с партизанами, ему казалось, что счастливее его нет никого на свете.

— Я партизан! Теперь я отомщу по-настоящему за отца и мать, — разговаривал сам с собой Илько, подгоняя лениво идущих коров.

Мальчику не терпелось быстрее добраться до Большого Букрина и сообщить друзьям о встрече с партизанами.

А коровы, как нарочно, шли медленно-медленно. Илько стегал их кнутом, кричал на них, а они равнодушно плелись еле-еле.

— Ах вы, бесчувственные, шагайте быстрее, — злился Илько. — Мне некогда возиться с вами. Ну-ну, не оглядывайтесь, а то я и до утра не дойду с такими лентяями.

Илько то кричал на свое небольшое стадо, то ласково уговаривал животных и радостно смеялся. Он знал, что сегодня нашел настоящих друзей. После тяжелых дней, полных большого горя, он впервые чувствовал себя счастливым. Исполнилась его заветная мечта — попасть к партизанам. Теперь он будет мстить

врагам, бороться с ними с оружием в руках, беспощадно и жестоко.

Мысли переполняли его детскую голову. Вспомнилось прошлое, счастливые, светлые, ничем не омраченные дни: учеба в школе, работа в пионерлагере, в колхозе, в клубе.

Илько вошел в село. Дед Стратон поджидал его дома. От ужина мальчик отказался, быстро собрал свои пожитки и, уходя, ласково сказал деду:

— Меня скоро не ждите, дедусь дорогой. Я ухожу по важному, большому делу, — и бегом выскочил из хаты.

— Да ты куда, родимый? — крикнул ему вдогонку дед, но Илько уже не слышал его вопроса и мчался по дороге в Большой Букрин.

Дед Стратон с грустью посмотрел ему вслед, смахнул непрошеную слезу.

— Точь-в-точь отец в молодости. Такой же горячий, — вздохнул старик и поплелся в хату.

А Илько тем временем шагал к своим друзьям. Он уже задыхался от быстрой ходьбы, но шага не убавлял.

«Миша мне сразу поверит, а вот Михаил Тимофеевич будет размышлять», — думал Илько.

«Сперва зайду к Мише, — решил Илько, — а потом уже вместе мы пойдем к Михаилу Тимофеевичу. Вот-то они не ожидают, что я им столько новостей принесу».

Михаила дома не оказалось, и Илько побежал к Михаилу Тимофеевичу, где он и нашел их обоих. Друзья ждали его прихода.

Слабо мерцая, тусклый свет коптилки падал на склоненные над столом головы Миши и Михаила Тимофеевича.

Илько вошел возбужденный, веселый, с улыбкой на лице. Поздоровался и, даже не отдышавшись как следует, стал рассказывать о встрече с партизанами.

Друзья замерли. И с каждым словом мальчика разглаживались суровые складки на лице Михаила Тимофеевича и озарялись радостной улыбкой глаза Миши.

— Вот и все. Значит, в пятницу вечером мы должны быть в указанном месте, — закончил Илько.

— В пятницу вечером мы должны быть там? — повторил Михаил. — Какой же ты молодчина! Вот ты уже настоящий разведчик. Нашел все-таки партизан!

А Михаил Тимофеевич, нервно барабаня пальцами по столу, задумчиво сказал:

— Это замечательно, ребята, что так получилось, но партизаны нас спросят, что мы делали все это время. Что мы им

ответим?

— Я рассказал им все, что мы делали здесь, — ответил Илько.

— Мало, очень мало мы сделали с вами, ребята. Этого недостаточно. Можно было бы сделать больше.

— В отряде мы скажем, что сделали не так много, а партизаны дадут нам задание, и мы его выполним. Все сделаем, что скажут, — прибавил Михаил.

— Ну хорошо, ребята, будем партизанами, тогда покажем врагу, на что способны! — Михаил Тимофеевич ласково притянул к себе ребят.

— А что нам нужно взять с собой в отряд? — спросил Михаил.

— Ну конечно, оружие, патроны, одежду, обувь, ваши разведочные костюмы, «оборвыши», как вы их называете, — ответил Михаил Тимофеевич. И продолжал:

— А вы знаете, какая у меня сейчас явилась мысль? Нам следует, прежде чем идти к партизанам, сдать экзамен на звание партизана!

— Какой же нам сдавать экзамен? — удивленные, в один голос спросили Илько и Михаил.

— А вот какой. У нас есть две гранаты. Эти гранаты надо использовать в таком месте, где они принесут больше ущерба врагу, — ответил Михаил Тимофеевич. — Вот это и будет наш экзамен на звание партизана. Мы с честью должны сдать его.

— Такой-то экзамен мы сдадим. Здесь ничего нет трудного, — уверенно сказал Илько.

— Нет, Илько, все не так легко, как кажется. Нужно, во-первых, уничтожить побольше врагов, во-вторых, не нанести никакого вреда своим людям и, в-третьих, не понести потерь.

Он посмотрел на притихших ребят и продолжал:

— Теперь подумайте, ребята, какой объект выбрать нам для этой цели.

Илько и Миша задумались на минуту.

— Михаил Тимофеевич! — вскочив с места, крикнул Илько. — Взорвем наш дом… Там комендатура, и каждый вечер там пьянствует все сельское «начальство» вместе с немчурой. Я хочу уничтожить наш дом, чтобы трудом моих родителей враги не пользовались больше.

Слова мальчика прозвучали гневно. В самом деле, перед ним мелькнули счастливые дни в родном доме, а теперь там хозяйничают немцы и полицаи, враги.

— Это ты правильно придумал, — сказал Михаил Тимофеевич. — Объект подходящий, но времени у нас очень мало. Сумеем ли мы это сделать?

— Давайте посоветуемся, как все лучше устроить, — предложил Михаил.

— У меня возникает, примерно, такой план, — продолжал Михаил Тимофеевич. — Завтра среда, до пятницы надо все сделать. Ты, Илько, и ты, Миша, этой ночью перенесете оружие и патроны за село Трахтемиров и спрячете все в кустарнике, что против леса. С этим вы управитесь, примерно, до трех-четырех часов дня. А я буду готовить одежду и продукты на дорогу. В среду вечером вы возвратитесь в Малый Букрин и будете ждать меня в саду у деда Стратона.

Михаил Тимофеевич взглянул на ребят. Илько и Михаил внимательно слушали его.

— Я приду туда с гранатами. Совершим нападение часов в одиннадцать-двенадцать ночи. После операции уйдем в Большой Букрин. Там захватим одежду и направимся дальше на Трахтемиров. Будем идти всю ночь до рассвета. Это будет четверг. В степи отдохнем и пойдем дальше. Думаю, что к вечеру в пятницу будем на месте. Если непредвиденные обстоятельства не помешают нам, то в пятницу мы — партизаны… Ну как, согласны с таким планом?

— Согласны, конечно! — дружно ответили мальчики.

— А помешать нам никто не сможет. До сих пор мы не проваливались! — сказал Михаил.

— Значит, решено. Время распределено. Медлить нельзя, — заторопился Михаил Тимофеевич. — Сейчас подкрепимся, отдохнем — и в путь-дорогу.

Илько и Миша выполнили задание вовремя. Оружие было перенесено за село Трахтемиров, ближе к Понятовскому лесу, и к четырем часам дня в среду они были в Малом Букрине.

Илько не узнал родного села. Еще вчера, казалось, он не замечал того, что стало с селом за эти недолгие месяцы хозяйничания немцев, а сегодня, когда он должен был уйти из этого села, может быть, навсегда, когда он решил взорвать дом, где родился, вырос, где жили его отец и мать, где протекли светлые детские годы, — оно показалось ему чужим.

Многие дворы опустели, всегда прежде веселое село затихло. Не слышно лая собак, пения петухов.

Не видно ни одного живого существа. И это в четыре часа ясного, солнечного майского дня. Жуткая, непривычная пустота и пугающая тишина. А ведь совсем еще недавно беленькие, светлые хаты весело выглядывали из-за низеньких дощатых заборов. Перед каждой хатой — цветы, красные, желтые, бордовые, белые, синие. В густых вишневых садах ни днем ни ночью не умолкал звонкий птичий хор. А теперь и птиц-то не слышно.

Веселая, пестрая детвора, всегда шумная, счастливая, заполняла улицы от зари до ночи.

А теперь! Илько сжал кулаки…

Долго стоял мальчик на одном месте, печально глядя на грустную картину запустения родного села. Много мыслей пронеслось в голове мальчика, но когда он подумал о том, что через несколько дней будет вместе с партизанами, что сможет мстить врагам и поможет очистить поруганную землю и освободить ее, — он вдруг улыбнулся своей прежней улыбкой, как будто уже шагал по освобожденной земле.

— Ты чему радуешься, Илько? — спросил Михаил.

— Я? — Илько вопросительно взглянул на Михаила. — Просто подумал о новой нашей жизни, скоро все переменится.

Занятые разговором, делясь мыслями, строя планы, Илько и Михаил незаметно дошли до хаты деда Стратона. В саду их ждал Михаил Тимофеевич.

— Ну как, все в порядке, ребята? — взволнованно спросил он. — Без происшествий обошлось?

— Все хорошо! — весело ответил Илько.

— Я тоже достал необходимое — одежду, харчи. Все связано, в дорогу готово.

— Теперь остается дождаться ночи, и как только эти гады разгуляются, метнем гранаты — и в путь-дороженьку, — сказал Илько.

— Метнем-то метнем, а вот как их метать, никто из нас не знает. К моему стыду, мне никогда еще не приходилось иметь с ними дело, — с грустью сказал Михаил Тимофеевич.

— Вот так партизаны! — развел руками Михаил. — Ни один гранаты не знает!

— Придумал! — радостно воскликнул Илько. — Мы замотаем гранаты в пучки соломы, одну положим в один угол крыши, другую в другой. Подожжем — и гайда! Крыша у нас соломенная, а от огня ведь они взорвутся.

— Да, это единственный выход, — довольный находчивостью Илька, произнес Михаил Тимофеевич. — Но этим наша операция осложняется. Придется дождаться глубокой ночи, когда все перепьются и заснут. Иначе нельзя.

— Ну, что же, подождем ночи, — сказал Илько и, вспомнив те дни, когда комсомольцы проходили военное обучение, пожалел, что не успел узнать, как обращаться с гранатами, а увлекался только стрельбой.

Глубокой ночью три патриота разными переулками крадучись шли к комендатуре. Одна граната была у Илька, другая у Михаила. Им, мальчишкам, легче проскользнуть незаметными и

удобнее вскарабкаться на крышу. Вскоре Илько и Михаил были у изгороди комендатуры. Затаив дыхание, они прислушались. Пьяные возгласы, смех, галдеж резали слух. Пьянка была в самом разгаре.

Ждать пришлось долго. Ребята не сводили глаз с окон и дверей комендатуры. Положить и зажечь гранаты сейчас было рискованно. Нужно ждать, пока враги уснут.

И вот, примерно, в час ночи, открылась дверь, показался староста Роман Гердюк с двумя полицаями. Пошатываясь, они скрылись в темноте.

Илько от досады заскрипел зубами: злейший враг ушел из рук. Но приходилось мириться и с этим. В комендатуре оставались комендант — немецкий офицер, его помощник-немец, начальник полиции — немецкий холуй из местных, и караульный — тоже местный.

Наконец пьяные крики утихли.

Ребята осторожно, как кошки, забрались на чердак. Замотав гранаты в солому и положив их по углам, они подожгли крышу. Тут же проворно спустились на землю и, прячась за изгородь, поспешили к Михаилу Тимофеевичу. Когда они были уже далеко, в мертвой тишине ночи раздался взрыв, через секунду второй. Длинные языки пламени разрезали темноту ночи, и зарево пожара, как гигантская свеча, освещало все село. А минут через пятнадцать, когда в кладовую комендатуры, где хранились патроны, упали горящие бревна, раздался еще один взрыв.

— Как вы думаете, Михаил Тимофеевич, сдали мы экзамен? — спросил Михаил.

— Оценку нам дадут наши старшие друзья, к которым мы идем; полагаю, что оценка будет высокая, — ободряюще сказал Михаил Тимофеевич.

Комендатура сгорела дотла. Из груды пепла извлекли обуглившиеся трупы коменданта, его помощника и полицая. Караульный остался жив. Он успел выскочить из помещения, так как улегся спать в коридоре.

Связная партизанского соединения Татьяна Матузько, находившаяся в ту ночь в Малом Букрине, сообщила в штаб соединения о случившемся.

Партизаны недоумевали: кто мог совершить эту смелую диверсию? Взорвать комендатуру вместе с находящимися там немцами не так-то просто, эта операция требовала большой смелости и организованности.

Все выяснилось с прибытием в партизанский лагерь Михаила Тимофеевича, Илька и Михаила. Представ перед командиром партизанского соединения Иваном Кузьмичом Примаком и

комиссаром Емельяном Демьяновичем Ломако, они подробно рассказали о своей длительной, упорной подготовке к вступлению в партизаны и о диверсии, которая была для них своеобразным экзаменом.

— Молодцы, партизаны! Экзамен сдан на «отлично», — с улыбкой похвалил Ломако.

— Служим трудовому народу! — в один голос, по-военному ответили все трое.

По распоряжению командира соединения Михаил Тимофеевич был оставлен при штабе, а Илько и Михаил переданы в отряд Болатова.

Там они были определены в группу разведчиков. Вскоре Илько стал заместителем командира группы разведчиков из двенадцати юных бойцов. Старшему из них, командиру группы Ивану Гаману, было девятнадцать лет, а самому младшему — заместителю командира Илько Витряку — пятнадцать.

В отряде группу разведчиков прозвали «Группой малых». И это прозвание закрепилось за ними твердо. Даже в официальных распоряжениях именовали их «Группой малых».

Все двенадцать юных бойцов были смелыми, мужественными, бесстрашными. В любую минуту они готовы были выполнить самое трудное задание командования.

Илько с большой серьезностью отнесся к своему назначению заместителем группы разведчиков, быстро усвоил законы и обычаи партизан, ходил по-военному подтянутый, хлопотливый и ни на минуту не расставался с оружием — своим обрезом.

ПЕРВАЯ РАЗВЕДКА

Как-то вечером, по заданию командира соединения товарища Примака, командир отряда Болатов вызвал к себе в землянку Ивана Гамана и Илька.

— Вот, ребята, есть одно серьезное задание, — обратился он к ним. — Нам стало известно, что пристани Ходорово и Ржищево готовятся к приему больших запасов зерна. Нужно разведать движение барж с хлебом и силу охранных частей. Требуется отрядить на эту работу двух человек по вашему усмотрению.

— Задание будет выполнено, товарищ командир, — ответил Иван Гаман.

— Разрешите это задание выполнить нам с Гаманом? — обратился к командиру Илько.

— Не возражаю, — ответил командир.

Илько вышел из землянки чуть не прыгая от радости.

— Иван, почему ты не сказал командиру сразу, что первое

задание мы договорились выполнить с тобой вдвоем? — укоризненно сказал Илько. — И так уж засиделись. Мне хочется работать, а не гулять по лесу!

— Я и так решил, что мы с тобой вдвоем пойдем в эту разведку, — ответил Иван Гаман. — Ты думаешь, у меня мысли другие?

Оставив начальником в свое отсутствие Михаила, Илько и Гаман на заре отправились в дорогу. Оба вооруженные. Иван — автоматом, а Илько — своим обрезом. Шли обочинами дорог, кустами, осторожно, чтобы не быть замеченными.

Решено было дойти до леска возле Малого Букрина, там спрятать оружие, преобразиться в мальчишек-попрошаек и в таком виде спокойно отправиться дальше к цели.

Направление они держали в сторону села Ходорово.

Стало совсем светло. Скоро должно было взойти солнце. Илько внимательно всмотрелся вдаль и увидел на дороге фигуры трех человек. Они приближались.

— Смотри, Иван, кто-то идет по дороге, — шепотом сказал Илько, как будто его могли услышать.

— Да, идут трое. Кто же это может быть? — Иван остановился.

— Я думаю, полицаи. Смотри-ка, у них винтовки за плечами — вглядываясь в идущих, сказал Илько.

— Да, это полицаи, — ответил Иван Гаман. — Давай засядем за тот кустик.

— Да разве этот кустик нас укроет? — удивился Илько.

— А как нам с ними встречаться? Что мы скажем? Что сделаем?

— Давай обезоружим их и отведем в лагерь? — деловито сказал Илько.

— Хорошо бы! — согласился Иван.

Разведчики залегли за кустик, взяв оружие на изготовку и, не сводя глаз с приближавшихся полицаев, притаились.

Уже слышно стало, что идущие громко разговаривают, смеются. Не помышляя об опасности, они несли оружие за спинами.

Как только враги поравнялись с кустиком, за которым лежали разведчики, Илько и Иван Гаман внезапно, словно из-под земли, выросли перед полицаями с грозным криком:

— Стой! Руки вверх! — взяли их на прицел.

Полицаи беспрекословно подняли руки. Они заметно перепугались и даже не попытались сопротивляться.

Гаман спокойно держал их на мушке, а Илько поспешно обезоруживал. Сняв с них винтовки, Илько побросал их за

обочину дороги, предварительно вытащив затворы и положив их к себе в карманы. Отстегнув пистолеты и навесив их на свои плечи, он скомандовал:

— Руки назад! За мной марш!

Ошеломленные полицаи покорно двинулись вслед за Илько, а сзади с автоматом их подгонял Иван Гаман.

Сдав пленных и трофеи командованию, юные смельчаки сейчас же снова отправились на выполнение задания.

Разведка была выполнена блестяще. Отважные партизаны Илько и Иван Гаман собрали все необходимые сведения.

Действительно, пристани Ходорово и Ржищево оказались подготовленными для причала барж. Там были отстроены и временные хранилища для зерна.

В Ходорове уже ждала выгрузки одна баржа с зерном. Усиленная охрана. В селе разместился отряд немцев в шестьдесят человек. В Ржищеве — гарнизон в двести человек!

Разведчики разузнали местонахождение охраны, ее численность.

Командир партизанского соединения отдал приказ напасть на пристань Ходорово.

Для Ржищева была намечена другая операция. Там партизаны должны были совершить нападение на тюрьму и освободить двадцать человек подпольщиков, томившихся в фашистском застенке.

На вылазку в Ходорово было направлено восемнадцать человек бойцов с двумя пулеметами во главе с командиром отряда Болатовым. Их проводником был Илько. Передвигались осторожно, без шума. Напали внезапно. Немецкий гарнизон в шестьдесят человек был полностью разгромлен.

Забрав из помещения, где квартировал гарнизон, все оружие, партизаны взорвали пристань и стоявшую там баржу и вернулись в лагерь с двумя пленными немецкими офицерами.

Илько был доволен. Первая разведка, первый удачный бой окрылили его. А какие храбрые люди эти партизаны. С ними не пропадешь! И командир Болатов, и Гаман, и другие бойцы теперь относятся к нему как к равному, как к своему боевому товарищу. Только бы не подвести их, оправдать доверие. А в бою совсем не боязно. Рядом — друзья, смелые, страшные для врагов партизаны. Они его никому не дадут в обиду, всегда помогут, выручат. Тут, в партизанском отряде, впервые за много месяцев Илько почувствовал себя уверенным в своем будущем. Он стал партизаном, полноправным бойцом славной армии народных мстителей.

СМОЛОКУРНЯ

Июль был особенно жарким.

Командир партизанского соединения сегодня поднялся рано, хотя и лег, как обычно, в три часа ночи. В лесной землянке было душно. Хотелось на свежий воздух.

Лагерь спал. Одни караульные бодрствовали на своих постах. Задумавшись, тихо бродил командир, стараясь не разбудить своих ребят.

Не спалось в эту жаркую ночь и Болатову. Вспоминались недавние события, операции последних дней.

Послышались тихие, но твердые шаги. Он приподнялся и улыбнулся, когда увидел в дверях своей землянки грузную фигуру Примака.

— Не спится, Васек, и тебе? — спросил командир. Он всегда называл его этим русским именем. — И мне не спится что-то. Давай побродим по воздуху, погутарим.

Когда вышли из землянки, командир соединения сказал:

— Вот о чем я хотел поговорить с тобой, Васек: я думаю, пора нам переменить место лагеря. Уж больно много проторенных дорожек ведет к нам. Рискуем, Васек, правда?

Болатов в знак согласия кивнул головой.

— Надо нам и смолокурню проведать. Небось у Вячеслава Владимировича немало новостей набралось для нас, — продолжал Примак. — Давай после завтрака сядем на коней и вдвоем проедем туда. Согласен?

— Конечно, товарищ командир, — ответил Болатов.

Смолокурней назывался небольшой завод по выгонке смолы. Располагался он в левом крыле Хоцкого леса, тянувшегося к Полтавщине.

Заводик состоял из большого сарая и трех хат. Здесь жили несколько рабочих с семьями. У них укрывался и пожилой подполковник Советской Армии Вячеслав Владимирович Иванов, который, попав в окружение, простудился, продолжительное время болел и как-то прижился на смолокурне.

После выздоровления Вячеслав Владимирович связался с местными подпольщиками, а через них — с партизанами.

В крестьянском платье, с роскошной седой шевелюрой, пышной, совсем белой бородой подполковник был похож на патриарха.

Немцы при встрече с ним обращали внимание прежде всего на бороду и не подозревали, кто скрывается под видом этого старца. Строго засекреченный подпольщик, Вячеслав Владимирович раздобывал ценные сведения о противнике и

передавал их партизанам.

Партизаны часто посещали смолокурню. Немцев не было. Вот и сегодня на сытых племенных жеребцах, захваченных партизанами у врагов, командир соединения Примак и Болатов направились к заводу.

Ехали рядом, стремя в стремя, без всякой предосторожности. Тихо вели разговор. Никому из них и в голову не приходила мысль об опасности. Не в первый раз совершают они этот путь.

Спокойно подъехав к дверям большого сарая, где обычно партизаны укрывали своих лошадей, они на этот раз вдруг увидели из полуоткрытой двери направленные на них дула винтовок и услышали хриплый голос:

— Въезжайте сейчас же в сарай, или смерть вам!

Примак и Болатов остановились, переглянулись и поняли, что попали в засаду. Защищаться было трудно. Пистолеты в кобурах, и, сделай они попытку достать оружие, бандиты немедленно покончат с ними. Нужно было, не медля ни одной секунды, поворачивать лошадей и скакать в лагерь. Но враги не дремали. Человек десять полицаев уже выскочили на дорогу, загородили путь. Раздалось несколько выстрелов. Лошади испугались и вздыбились. Открылась беспорядочная стрельба. Стреляли и партизаны, и полицаи. Не прошло и двух минут, как Примак и Болатов, прорвавшись через засаду, скакали по дороге. Когда же выстрелы прекратились, Болатов оглянулся — командира не было видно.

Екнуло сердце. Где командир? Где его искать? Жив ли? Ранен или в плену? Болатов обыскал лес вокруг, насколько это было возможно, но командира нигде не было.

«Если он попал в плен, нужно немедленно принять меры к его освобождению, — думал Болатов. — Если же убит, то надо отомстить бандитам, расплатиться с ними! А может, он ускользнул от врагов и мы встретимся с ним в лагере?»

С этими мыслями помчался Болатов в лагерь. Командира там не оказалось. Значит убит? — подумал партизан.

Взяв с собой тридцать бойцов с двумя пулеметами, Болатов направился наперерез врагам к Гильмязовской дороге.

В числе бойцов были Илько и Михаил.

Командир расположил партизан по обочинам дороги. Они залегли в густых зарослях, установили пулеметы. Илька с Михаилом он направил по дороге к смолокурне, чтобы разведать продвижение полицаев. Условились так: если ребята встретят несколько врагов, Илько подает один сигнал. Заметив большой отряд, Илько сигналит многократно.

Нужно сказать, что свисток из дерева у Илька был

замечательный. В его руках он имитировал натуральное кукование кукушки.

Правда, такими же сигналами пользовались и немцы. Но их кукование всегда можно было узнать, — оно не походило на естественное.

В укрытии партизаны лежали долго. Время тянулось медленно, людьми овладело нетерпение. А если враги уже успели проехать?

Вдруг до слуха партизан долетело знакомое, четкое ку-ку! Бойцы встрепенулись.

— Понятно! Передовой вражеский отряд разведывает дорогу, — сказал Болатов и распорядился пропустить его, а пятерых направил вдоль дороги опередить противника, встретить его и уничтожить, когда остальные партизаны нападут на главный отряд.

Через некоторое время партизаны увидели трех полицаев верхом на лошадях, с винтовками на изготовку. Тревожно оглядываясь по сторонам, они проехали мимо, на Гильмязово.

И тут снова до слуха партизан донеслось четкое кукование, на этот раз многократное.

— Приготовиться, ребята! — шепотом распорядился Болатов.

Через четверть часа после сигнала показался запряженный парой сытых коней фургон, который сопровождало до шестидесяти вооруженных полицаев. Немцев не было видно.

Болатов все отмечал.

«Командир наш, видимо, ранен, и его везут в фургоне под усиленной охраной», — подумал он и отдал приказ бить по лошадям пониже, не попадая в фургон. Полицаев же уничтожать без разбора.

Бойцы приготовились, и как только бандиты поравнялись с ними, застрочили пулеметы и автоматы. Полицаи кинулись врассыпную, но пули партизан догоняли их.

Все было быстро кончено. Полицаи перебиты. Болатов и несколько человек партизан стремглав кинулись к остановившемуся фургону, надеясь увидеть там своего командира.

Но его там не оказалось. В фургоне сидели гильмязовский староста, организатор засады на партизан, и начальник районной полиции. Оба они были тяжело ранены. Около пятидесяти человек полицаев были убиты наповал. В живых осталось девять, но и те были ранены.

Были уничтожены и те три полицая, которых пропустили партизаны по дороге к Гильмязову.

Но двух врагов чуть было не упустили из рук. Как-то

незаметно в суматохе они ускользнули и направились к смолокурне, но там их встретили Илько с Михаилом.

Одного из них Илько уложил на месте из своего обреза. А Михаил, торопясь, промахнулся, и полицай выстрелом из пистолета ранил его. Илько не растерялся и ударил изо всей силы бандита по голове прикладом. Тот, оглушенный, растянулся на дороге. Тут же его обезоружили и доставили в отряд. Из показаний пленных выяснилось, что гильмязовский районный староста, бывший кулак, еще в 1921 году убежал в Германию, где и жил до начала Великой Отечественной войны. На Полтавщине он был возведен в районные старосты и вместе с гитлеровцами явился в Гильмязово. Остальные — местные, подонки, продавшиеся немцам.

Один из немецких холуев, рабочий смолокурни, донес немцам, что партизаны очень часто наведываются сюда.

По заданию районного военного коменданта, староста собрал полицаев со всего Гильмязовского района и устроил засаду.

Приняв Болатова и Примака за передовую разведку, они хотели взять их без выстрела, а потом уж напасть на партизанский отряд. Когда этот номер им не удался, они открыли огонь. Направляясь в обратный путь, полицаи напоролись на партизан, уже совсем не ожидая этой встречи.

Расспросив бандитских главарей, Болатов остался в недоумении: что же случилось с командиром? Где он? Так ничего не узнав о Примаке, Болатов на фургоне, нагруженном трофейным оружием, поехал в лагерь. Там ждала его радостная весть: Примак жив, добрался до лагеря.

Болатов поспешил к нему. Командир тоже обрадовался встрече, попытался привстать, но не смог: он был тяжело ранен.

Примак коротко, — ему было трудно говорить, — рассказал о случившемся.

Когда они вырвались из засады, он взял вправо, намеренно не поехал за Болатовым. Это давало больше шансов остаться хоть одному из них в живых, так как враги вынуждены были вести огонь не по одной, а по двум целям.

Вдогонку ему пустили пулеметную очередь, убили под ним лошадь и ранили его в левый бок. Примак потерял много крови, но продолжал бежать. Когда миновала опасность, он прилег в кустах, перевязал кое-как сам себе рану. Отдохнув, тихонько добрел до лагеря.

Болатов доложил о последней операции.

Командир выслушал внимательно. Слабая улыбка осветила его лицо и, превозмогая боль, он, пожимая руку Болатову, сказал:

— Спасибо, много раз спасибо, Вася, за все!

Через несколько дней после описанных событий партизаны увиделись с Вячеславом Владимировичем Ивановым. Он не знал и не подозревал о готовящейся засаде, в тот день уходил в соседнее село для выполнения одного задания. Предатель же из смолокурни понес заслуженную кару.

РАЗЪЕЗД № 7

Оккупанты свирепствовали. Фашистской Германии нужны были рабы, и немецкие оккупанты старались как можно больше угнать в рабство украинской молодежи. Призывали добровольцев, обещая сытую жизнь в Германии, но никто не шел.

Полицаи проводили ночные облавы, задержанных насильно вталкивали в вагоны. Молодежь убегала.

Фашисты стали наглухо закрывать вагоны и под усиленной охраной везли советских людей к себе в рабство. И все-таки многие смельчаки ухитрялись убегать и из-под запоров.

Советская молодежь боролась всеми способами, чтобы избежать немецкого рабства. Некоторые скрывались дома в погребах. Многие уходили в леса. И несмотря на жестокое преследование, молодежь вела активную борьбу с оккупантами.

Много юношей и девушек спасли от немецкого рабства партизаны.

Сухой и теплый был сентябрь 1942 года. Работа по уборке хлебов со скудных полей подходила к концу. Высвобождалась рабочая сила, и фашисты уже составили график отправки эшелонов с людьми в Германию. Партизанам сообщили, что облавы на молодежь по всем окрестным селам участились.

Однажды командир соединения Примак вызвал к себе Болатова и взволнованно сказал:

— Вася! Срочно надо разведать правильность слухов о готовящемся эшелоне. Слухи упорные.

— Есть разведать, товарищ командир! — ответил Болатов и направился к себе.

Вызвал Илька и Михаила.

— Ребята! Задание срочное и важное. Отправляйтесь немедленно!

— Есть отправиться! — одновременно ответили они и выскочили из шалаша.

Разведчики вернулись и сообщили, что на станции Мироновка стоит большой эшелон с молодежью из двадцати семи вагонов. Станция усиленно охраняется. Отправка — завтра в пять часов дня.

— Это тысячи наших юношей и девушек! — с глубокой

тоской произнес командир.

Минуту посидел молча, с поникшей головой, потом сказал Болатову.

— Хорошо, если нам удастся остановить поезд, тогда люди останутся невредимыми, а если нет?!

— Об этом страшно подумать, товарищ Примак! — содрогнувшись, ответил Болатов. — Сколько может быть жертв!

— О жертвах нечего думать, — командир нервно хрустнул пальцами. — Их нельзя допустить!

Примак внезапно встал с места.

— Так вот что, Вася, подготовь сотню молодцов наших. Илька с Михаилом непременно возьми. Они во многом смогут помочь. Руководство операцией я беру на себя, а ты — за начальника штаба. План таков: мы встречаем эшелон на разъезде № 7 и там его останавливаем. Если вдруг нам это не удастся, мы взорвем паровоз в трех километрах от разъезда. Все понятно?

— Понятно, товарищ командир! — ответил Болатов.

— Согласен с таким планом?

— Полностью согласен, товарищ командир.

— Так готовься! Тронемся ровно в три, чтобы я мог сам по телефону принять распоряжение Мироновки встретить эшелон на разъезде номер семь, — сказал командир.

На другой день ровно в три часа дня партизанский отряд в сотню бойцов выступил из лагеря в направлении разъезда.

Маленький разъезд обслуживался двумя железнодорожниками-украинцами, к ним были приставлены еще два немца.

Скоро бойцы отряда залегли в укрытии за полотном дороги, а Примак, Болатов, Луценко, Илько и Михаил вошли в помещение конторы, обезоружили растерявшихся немцев и связали их. Арестованных поручили охранять Михаилу.

Командир сел у телефона в ожидании. Ровно в пять часов раздался звонок, и станция Мироновка сообщила о выходе эшелона. Командир спокойно и твердо ответил о готовности разъезда № 7 к приему эшелона.

Тотчас с помощью железнодорожников-украинцев были даны все железнодорожные сигналы для остановки поезда на разъезде.

Каждому в отдельности было дано задание.

Болатов и Илько должны были обезоружить машиниста.

Все с волнением ждали. Наконец показался белый дымок. С каждой минутой клубы дыма увеличивались. Эшелон приближался. Протяжный гудок — и, замедляя ход, тяжело пыхтя, поезд остановился.

Эшелон мрачный, темный. Вагоны наглухо закрыты. Не

заметно и признаков жизни в них, не видно даже охраны поезда.

Партизаны без шума сняли пулеметчиков. Болатов и Илько обезоружили и связали немца-машиниста.

Партизан Луценко, знавший немецкий язык, спросил у машиниста, в каком вагоне находится охрана и сколько ее, но фашист сначала молчал.

— Скажи, гад, в каком вагоне охрана и сколько ее? — навалились на машиниста партизаны.

Дрожащим голосом машинист ответил:

— В двенадцатом вагоне от хвоста, человек пятнадцать будет.

— Так бы и говорил, фашистский ублюдок! — с ненавистью бросил Илько, обжигая машиниста взглядом ненависти.

Направились к двенадцатому вагону. Двери закрыты. Стучат — никто не отзывается. Луценко предлагает всем выйти из вагона, обещая сохранить жизнь, иначе вагон будет взорван.

Медленно открывается дверь вагона — и с поднятыми вверх руками один за другим выходят фашисты. Жалкие, испуганные.

А из вагонов уже доносится глухое «ура». Стучат в двери, стены, потолки, кричат, поют.

Пленники почувствовали, что это свои, но выйти не могли. Все окна и двери вагонов снаружи забиты толстыми досками.

Бойцы, вооружившись ломами, кирками, кусками рельсов, открывали у вагонов двери и окна. Люди выходили на свободу. Одни плакали от радости, другие обнимали партизан, благодарили их за освобождение.

Никогда еще разъезд № 7 не был таким шумным, не видел такого оживления!

Командир соединения, стоя в некотором отдалении на перроне, смотрел неестественно блестящими глазами на шумную молодежь и радовался, что все удалось совершить так, как было задумано. Больше тысячи юношей и девушек были избавлены от фашистского рабства.

— Вася! — раздался громкий голос комиссара Ломако. — Построй всех, пару слов хочу сказать.

И на перроне разъезда начался митинг.

— Дети мои! — торжественно начал Емельян Демьянович. — Наша доблестная Красная Армия теснит врагов по всему фронту. Недалек уже час окончательного освобождения нашей советской земли от оккупантов. Всеми силами старайтесь не попадать к фашистам в рабство. Каждый из вас, кто чувствует силу и имеет желание, кто не боится трудностей партизанской жизни, может идти с нами!

Партизаны спешно взорвали паровоз, разобрали железнодорожный путь, сожгли вагоны, забрали трофеи и

вернулись в Хоцкий лес.

ЧЕТЫРЕ НА СЕМНАДЦАТЬ

Вскоре после удачной операции на разъезде партизанам стало известно, что для строительства большого моста через Днепр и дома отдыха для немецких офицеров в район Большого Букрина прибыли крупные немецкие силы.

Командир вызвал Болатова и сказал:

— Поручаю тебе лично не позднее завтрашнего дня внести ясность в эти сообщения, так как они противоречивы.

— Будет исполнено, товарищ командир! — ответил Болатов.

И ровно в девять утра, через три дня после операции на разъезде, Болатов и его неизменный помощник Илько, начальник штаба Григорий Давыдович Алексеенко и партизан Василий Клопов верхом на лошадях направились к Большому Букрину.

Илько был счастлив: в награду за боевые заслуги он получил от товарища Примака автомат. А боевых заслуг у Илька было уже немало. Он точно выполнял любое задание, и после его донесений дополнительных вопросов не возникало. Казалось, не было положения, из которого Илько не нашел бы выхода.

Он стал постоянным участником всех разведок и операций отряда.

Михаил был все время рядом с другом.

До Большого Букрина партизаны доехали быстро. В глубокой балке у села спешились. Оставив с лошадьми одного, Болатов, Илько и Григорий Давыдович пошли в село. Хотя было уже десять часов утра, на улицах пусто и мертво. Огородами и переулками добрались до хаты одного подпольщика. Он рассказал, что на днях приезжала в село комиссия из десяти немецких офицеров, осматривала место как будто для постройки дома отдыха, а про постройку моста он ничего не знал.

Задерживаться не было надобности, и разведчики перелесками направились в обратный путь на Трахтемиров.

По дороге, в полукилометре от села, разведчикам встретился связной Семен Григорьевич Власенко, старик, житель Трахтемирова.

— Здравствуйте! — старик поднял руку и приветливо улыбнулся.

— Здравствуй, дедусь! — за всех ответил Илько, и партизаны остановились.

— А что, старина, рад встрече или не рад? — лукаво прищурив глаза, спросил Григорий Давыдович.

— Как же не рад! — воскликнул старик. — Я сам торопился к

вам, сказать, что в село наше опять приехала из района полиция, требуют хлеб, забирают скот.

— А сколько их? — спросил Болатов.

— Я пятерых видел. Сидят сейчас в школе, списки какие-то составляют, — ответил старик.

Болатов взглянул на товарищей, и они без слов поняли друг друга: надо обезоружить этих пятерых.

— Хорошо, дедусь. Будем действовать, — ответил Болатов.

— Оце добре! — с благодарностью сказал старик. — Спасибо, родные сыночки, — и он нагнул убеленную сединами голову.

Партизаны спешились, отдали старику поводья и вчетвером направились в село, к школе. Было двенадцать часов дня. Неподвижно высоко в небе стояло солнце.

Шли быстро. По лицам катился пот градом. На улицах по-прежнему никого. В центре большой пустынной площади — одинокое здание школы.

Четверка действовала быстро. Илько был оставлен у наружных дверей следить, чтобы никто не вошел, Клопов — у левого угла здания для наблюдения за переправой через Днепр. Болатов со своим начальником штаба направились в здание школы.

Перед ними открылся длинный коридор с дверьми по обеим сторонам. В первых двух классах не было никого. Когда Болатов открыл третью дверь, они увидели полный класс полицаев. Взяла оторопь, но надо было действовать. В одну секунду окинув взглядом комнату, Болатов увидел в правом углу пирамиду винтовок.

Резко, будто не своим голосом, он крикнул:

— Встать! Руки вверх! Вы окружены партизанами.

Грозный крик и неожиданность появления партизан парализовали полицаев. Они медленно вставали со своих мест и поднимали трясущиеся руки. Растерянный вид предателей предал партизанам смелости.

— Выше руки! — командовал Болатов, водя автоматом. — Стройся к стене, живо! — приказал он полицаям.

Все, как один, с высоко поднятыми руками стали в один ряд под стенкой. Колени у них дрожали, выстукивали дробь зубы. Каждый боялся смерти.

— Обыскать! — приказал командир.

При обыске Григорий Давыдович извлек из карманов пленников пять пистолетов и сотни полторы винтовочных патронов.

— Жду дальнейших распоряжений, товарищ командир! — озорно улыбнулся Григорий Давыдович и вытянулся перед

Болатовым.

— Все оружие немедленно сдать командиру первого взвода! Второму взводу соединиться с третьим и здесь, на площади, ждать дальнейших моих распоряжений!

— Есть, сдать оружие первому взводу! — отчеканил Григорий Давыдович и бросился к винтовочной пирамиде.

Командир первого взвода Илько Витряк принимал оружие от начальника штаба, а Болатов тем временем разговаривал с полицаями.

— Мы, партизаны, знаем, что многие из вас не по своей воле служат немцам. Сейчас мы отпустим вас, расскажите всем о гуманности партизан, помогайте нам в борьбе с оккупантами! Красная Армия по всему фронту перешла в наступление и теснит фашистов. Немцы обманывают вас, говорят, что взяли Москву и Ленинград. Это ложь.

Затем, сурово сдвинув брови, Болатов приказал Григорию Давыдовичу, который стоял по стойке смирно перед ним:

— Вывести этих граждан на площадь и построить перед зданием школы!

Жалкие полицаи гуськом, покорно нагнув головы, направились к выходу.

Болатов остановился в стороне, держа автомат наготове, стал считать полицаев. Семнадцать!

Когда после проверки всех комнат он вышел последним из здания школы, то увидел занимательную картину. На площади, где уже толпился народ, построенные в одну шеренгу, с опущенными головами стояли полицаи. Вдоль шеренги, с автоматом, важно, с достоинством вышагивал Илько.

— Как дела, товарищ командир первого взвода? — весело обратился Болатов к юному партизану.

— Принимаю парад полицаев, товарищ командир отряда! — задорно ответил Илько.

Дружный смех раскатился по площади.

Одураченные полицаи только теперь поняли, что их обезоружили всего четверо смельчаков!

Болатов подошел к шеренге врагов.

— Там, в здании школы, я обещал вам сохранить жизнь, отпустить всех на свободу. В школе вас было много, а нас — четверо. Теперь перед вами народ. Я не имею права решать сам вашу судьбу. Народ мне скажет, что делать с вами. Это его право.

И люди вынесли смертный приговор шестерым из них, сынкам бывших кулаков, которые замучили много невинных за время оккупации.

— Смерть злодеям! — кричала толпа.

И здесь же, на площади, перед лицом народа Болатов оформил протокол. От имени полевого партизанского суда был вынесен смертный приговор шести изменникам Родины.

Остальных отпустили на свободу. Они, все одиннадцать, стали настойчиво проситься в партизанский отряд. Их не взяли.

Илько громко сказал им, что таких в партизаны не берут, но кто захочет искренне и честно бороться с врагами, тот со временем сумеет найти и партизан.

Трахтемировцы дали партизанам две подводы, и они с неожиданно большими трофеями двинулись в лагерь.

По прибытии в лагерь Болатов подробно доложил командиру соединения о проведенной операции. Командир пригласил всех четверых к себе и, крепко пожимая руки, сказал:

— Спасибо, ребята, еще раз!

— Служим трудовому народу! — ответил за всех Илько.

НАЛЕТ

В июле 1943 года по всему фронту успешно развивались наступательные операции нашей славной Красной Армии. Правда, гитлеровская армия еще была сильна, борьба с ней трудна, но она уже не могла остановить свою гибель, которая приближалась с каждым новым ударом наших войск.

Линия фронта передвигалась на запад.

Партизаны действовали еще в тылу врага в Приднепровье, но ясно видели, что дух в гитлеровской армии уже не тот. Обозленные неудачами на фронте, фашисты озверели. Начался повальный грабеж населения. Спешно вывозилось награбленное добро, поглубже в тыл перебрасывались лагери военнопленных.

Партизаны усилили свои действия. В их задачу входило помогать Красной Армии, не выпускать отступающего врага живым с нашей земли. Стычки с немцами происходили все чаще и чаще. «Группа малых» во главе с Ильком и Михаилом шныряла по окрестным селам Приднепровья, вела разведку.

Однажды разведчики донесли, что по золотоношскому шоссе к селу Хоцкому под конвоем сотни немцев движется большая группа советских военнопленных. Вслед за ними идет колонна из двадцати доверху нагруженных машин.

Выслушав донесение юных разведчиков, командир Примак и комиссар Ломако приказали Болатову разведать место остановки колонны на ночлег.

Для этого снова были посланы Илько и Михаил.

Часам к семи вечера они сообщили, что колонна расположилась на ночлег в Хоцком, а военнопленные заперты в

колхозной конюшне.

У обеих дверей конюшни стоят по три немца с автоматами. Машины поставлены в два ряда вдоль конюшни и не охраняются. Остальные немцы разместились в колхозной клуне. Кроме автоматов немцы вооружены еще четырьмя пулеметами. Подступы к конюшне и к клуне удобны для предстоящей операции. А по количеству выставленной охраны можно полагать, что немцы не ожидают нападения.

— Очень хорошо, ребята, — довольный разведкой, сказал Болатов. — Собираемся!

— Я готов, товарищ командир! — отрапортовал Илько.

Но Болатов заметил усталый взгляд юного разведчика. Мальчик сутки не спал. Командир спросил:

— А не следует ли тебе отдохнуть, Илько? Ты ведь устал за эти дни.

— Что вы! Разве можно? — горячо возразил он. — Только мы с Михаилом обследовали подступы к конюшне и к клуне. Мы и должны вести отряд на операцию.

— Ну, хорошо, пусть будет так, — Болатов улыбнулся, внутренне одобряя стойкость и выносливость юного бойца.

Для выполнения предстоящей операции командование соединения выделило сто двадцать партизан с двумя пулеметами. Этот боевой отряд и направился к селу Хоцкому.

Ночь была темная. Дул слабый ветерок, и шелест листвы на деревьях заглушал осторожные шаги партизан.

У села Болатов разбил отряд на две группы: часть отряда, которую сопровождал Михаил, он направил к конюшне с военнопленными, а сам с другой пошел к клуне.

Командиру группы, направившейся к конюшне, он приказал залечь вокруг помещения и ждать его распоряжений.

В селе было тихо и темно, ни огонька. Лишь из дверей клуни яркие лучи света вырывались в ночь.

Действительно, как оказалось, охраны у дверей клуни не было. Это говорило о полной беспечности немцев.

Партизаны оцепили клуню. Болатов с пулеметом расположился прямо против дверей. Неслышно, как кошка, подкрался к дверной щели Илько, чтобы узнать, что делают немцы. В щель он увидел, что враги сидят за двумя большими столами и пьют водку. Ждать, когда немцы перепьются, Болатов не стал. Он решил поджечь стены клуни с трех сторон. Когда немцы кинутся к выходной двери, спасаясь от огня, их встретит пулеметная очередь. А кто прорвется — попадет под автоматный огонь бойцов.

Илька Болатов послал к конюшне передать бойцам, чтобы

сразу, как только застрочит пулемет, бросились на охрану конюшни.

Своим бойцам он отдал приказание одновременно с трех сторон поджечь клуню. Партизаны поползли к немцам.

Огонь медленно разгорался. Не подозревая опасности, немцы громко разговаривали и смеялись в клуне.

Болатов лежал у пулемета и ждал.

Серый дымок нехотя окутывал стены клуни, но пламя не показывалось. Туго увязанная солома сначала не горела, а тлела.

Неожиданно налетел ветер, и пламя огненными языками пробилось внутрь клуни.

До партизан вдруг донесся галдеж, затем послышались испуганные крики, звон разбитой посуды, и немцы, как стадо баранов, ринулись к выходу.

Широкая дверь клуни не пропустила всех бросившихся в нее.

Вот тут их и встретил пулемет. Подкошенные пулеметной очередью немцы валились, как снопы. На убитых падали живые.

Автоматчики не дали уйти никому.

Иное положение создалось у бойцов, окруживших конюшню.

Как только застрочил пулемет, немцы, охранявшие конюшню, кинулись врассыпную и скрылись в темноте.

Не теряя драгоценного времени, партизаны выломали обе двери и выпустили на свободу пленных. Их оказалось около двух тысяч, изможденных, худых, одетых в рубища. Пленные плакали, смеялись, благодарили за спасение.

А Михаил тем временем, осмотрев автомашины и груз, побежал с донесением к Болатову.

— Товарищ командир! Автомашины все в исправности. Груз на них — награбленный фашистами скарб. В некоторых есть винтовки и патроны.

— Хорошо, Михаил. Сейчас распорядимся, — ответил Болатов.

Не успел отойти от командира Михаил, как подошел Илько:

— Товарищ командир! В клуне все имущество немцев сгорело. Два ручных пулемета достали из-под трупов, остальное оружие пришло в негодность.

— Спасибо, Илько! Молодчина! — сказал Болатов.

Но Илько не дослушал похвалы командира, — он уже был в гуще военнопленных и громко взывал:

— Товарищи красноармейцы, кто умеет водить машины — ко мне!

Из огромной толпы к нему подошла большая группа людей.

— По два человека в машины! — распорядился Илько, как заправский воин и командир.

Болатов не мог нарадоваться расторопности своих юных друзей и помощников.

А Илько и Михаил быстро готовились к отъезду. Вскоре партизаны отправились на свою базу.

ЗА РОДИНУ!

Наступил август 1943 года. Линия фронта приблизилась к Днепру. В Приднепровье царила паника. Железные, шоссейные и проселочные дороги переполнены движущимися на запад поездами, машинами и повозками с людьми, скотом, хлебом и награбленным добром.

Еще не слышно фронтовой канонады, не видно отступающих фашистских регулярных частей, но по всему чувствуется, что фашисты долго не задержатся в Приднепровье.

Все чаще и чаще прорезают воздух советские штурмовики и бомбардировщики, наводя панику на оккупантов.

Ожило местное население. Люди прячут добро, чтобы ничего не забрал отступающий враг.

Командование партизанского соединения отрядило группу разведчиков на правый берег Днепра, поручив им разведать все на станциях Мироновка — Кагарлык и доставить сведения о положении немцев.

Группа разведчиков состояла из двадцати человек и возглавлял ее командир Григорий Спижевой.

Поручить такую серьезную и опасную разведку юным партизанам значило рисковать их жизнью.

Но Илько, знакомый хорошо с этими местами и обладавший способностью как-то незаметно пролезать всюду, каким-то образом оказался членом и этой группы. Вместе с бывалыми партизанами он шел на выполнение ответственного задания.

Разведка показала, что по линиям железных дорог беспрерывно движутся эшелон за эшелоном с военнопленными, имуществом и ранеными военными. Эшелон сопровождает усиленный конвой, станции и разъезды охраняют крупные части войск.

Выполнив задание, разведчики возвращались в лагерь.

По дороге, между селами Малый Букрин и Македоны, Илько, зорко следивший за окружающим, заметил далекий обоз.

— Товарищ командир! Смотрите, идут подводы со стороны Малого Букрина, — обратился он к Спижевому. — Разрешите разведать?

— Да, надо разведать, сынок, — ответил командир группы.

Илько проворно исчез в зарослях кустарника, а группа в

ожидании остановилась на короткий привал.

Вернулся Илько через полчаса с донесением, что это эвакуируются полицаи с семьями. Их всего пять семей, но подвод десять, и все доверху нагружены разным скарбом.

Решено было остановить обоз и обезоружить полицаев.

Группа разведчиков пошла наперерез обозу. Примерно метров на двести впереди обоза партизаны залегли в кустах.

Подводы ехали медленно. Худые, голодные крестьянские лошади с трудом передвигали ноги. Возницы, злые, хмурые, тоже как-то нехотя плелись по пыльной дороге.

Впереди обоза так же медленно, с уныло опущенными головами шагали вооруженные винтовками полицаи.

Одновременно как из-под земли выскочили из-за кустов отважные разведчики. Навели дула автоматов на растерявшихся полицаев.

— Ни с места! Руки вверх! — резким голосом крикнул командир.

Полицаи остолбенели и покорно подняли руки. Их тотчас обезоружили.

На одной из подвод послышался громкий плач.

Илько повернулся в сторону подводы — и кровь бросилась ему в голову: он увидел полусогнувшегося малобукринского старосту Романа Гердюка, убийцу его отца и одиннадцати активистов родного села.

Да, это был тот самый Роман Гердюк, который в первый день вступления немцев в село Малый Букрин выдал фашистам его отца! Из-за него погибла и мать Илька, и многие невинные люди.

Побледнев, Илько подбежал к старосте и наставил на него автомат.

— Узнаешь меня? Убийца, палач, предатель! — стиснув зубы, шептал он.

Староста в упор смотрел на мальчика и молчал. С подводы раздались испуганные причитания жены Гердюка.

— Замолчать! — крикнул Илько.

Мгновенно все стихло.

К подводам подошел с тремя бойцами и командир группы Спижевой. Илько доложил дрожащим от волнения голосом.

— Товарищ командир, перед вами — убийца моего отца, матери и одиннадцати лучших советских граждан села Малый Букрин. Это Роман Гердюк — староста немецкий, продажная шкура и холуй!

— Не волнуйся, Илюша, из твоих рук он уже не уйдет, — спокойно и твердо сказал Спижевой.

Полицаев обыскали. В кармане одного из них был найден

приказ немецкого командования об эвакуации на запад от Днепра, на пятьдесят километров, всех учреждений, военного имущества, лагерей. Это было важной находкой для партизан.

Тем временем Илько связал длинной веревкой старосту и всех полицаев.

На немой вопрос командира Илько возбужденно ответил:

— Так они, убийцы, привели к виселице связанными одной веревкой моего отца и одиннадцать его товарищей. Я хочу напомнить это палачам!

— Их будет судить партизанский полевой суд, — проговорил командир, — изменники Родины не уйдут от смерти.

Предатель Роман Гердюк, палач и убийца, был казнен партизанами.

Так Илько отомстил за гибель отца и матери, за землю Родины, осквернённую врагами.

ВПЕРЕД, НА ЗАПАД!

Днепр пылал в огне. Горели прибрежные поселки, баржи и лодки, черный густой дым плыл над вспененной водой. Передовые части Советской Армии штурмовали водную преграду. На ранней заре «пели Катюши», в синее небо стремительно летели хвостатые реактивные снаряды, и на крутом правом берегу реки грохотали тяжелые взрывы. Шел бой. В воду падали бомбы и снаряды, над Днепром стоял неумолчный гул вражеских самолетов.

Партизанская разведка, проводив передовые части советских войск за реку, вернулась в лагерь. Он был теперь неузнаваем. Люди вышли из землянок и тайных окопов, приводят в порядок одежду, чистят оружие. Повсюду шутки, смех, изредка вспыхивает задорная песня. Люди радуются встрече с победоносной армией. Все знают, что наша армия не остановится и на правом берегу Днепра, будет беспощадно гнать врага с родной земли. Настал час расплаты с фашистами!

Глубокой ночью ушли разведчики на выполнение важного задания: провести танковую бригаду через партизанские леса к берегу Днепра. Танки должны открыто подойти к переправам и с ходу форсировать реку. Среди разведчиков — Илько Витряк. Он так рвался скорее увидеть своих, так умолял командира отпустить его к танкистам, что тот согласился.

— Ступай! — сказал командир. — Обними от имени всех нас русских солдат. Скажи, что мы ждем их с нетерпением.

…И вот в глубине леса зарокотали моторы, потом до партизан донесся сплошной гул множества машин. Это шли

танки, наши, советские. Долго ждали их партизаны, и когда первый танк с лязгом и грохотом выскочил на поляну, танкистов оглушило громкое партизанское «Ура!». На башне зеленого краснозвездного танка белым пламенем горели слова: «Вперед, на запад!» На танке, размахивая красным флагом, стоял Илько. Он что-то кричал товарищам, но из-за шума нельзя было ничего разобрать.

— Илько! — крикнул Болатов. — Ты что, уже танкистом стал?

— Уже, дядя Вася! — смущенно и радостно, совсем не по уставу, ответил Илько. — Если похлопочете за меня, танкисты в свою часть возьмут.

— Похлопочем, — смеется Болатов. — Обязательно возьмут. И танкистам храбрые люди нужны.

…Но Илько не попал к танкистам. Они в тот же день переправились через Днепр и погнали врага на запад. Илько остался в партизанском лагере и заметно погрустнел. Ему и жаль было покидать товарищей и в то же время хотелось стать солдатом, уйти в армию, сражаться с врагом. Прошло несколько томительных дней. Партизаны занимались своими обыденными делами. Командир соединения уехал в штаб, приказав никому не отлучаться из лагеря. Илько не находил себе места.

— Что мы здесь отсиживаемся? — возмущенно говорил он. — Так в лесу и переждем всю войну?..

— Войны нам с тобой еще хватит, — отвечал Болатов. — Ты, Илько, не горячись. Вернется командир — и мы все узнаем. О твоей судьбе могу сказать заранее: ты и вся ваша группа останетесь в тылу.

— А вы? — спросил Илько.

— Мы — другое дело, — говорит Болатов и обнимает мальчика. — Мы — солдаты. Многие пойдут в регулярную армию, а некоторых, может быть, опять в тыл врага забросят.

— А разве мы не можем воевать? — горячился Илько. — Ребята наши уже не маленькие, вы сами нас партизанами считаете.

— Можете, Илько, — вздыхает Болатов. — Но вам учиться надо. Жизнь после войны вам строить. Что же вы будете делать без образования?

…Илько, конечно, остался при своем мнении: он *должен воевать.* Но командир распорядился иначе. Вся «Группа малых», как и говорил Болатов, была отчислена из отряда. Илько со слезами на глазах простился с Болатовым и Михаилом Тимофеевичем, который был назначен помощником комиссара отряда. Партизаны тепло проводили юных бойцов, пожелали им успехов в жизни. Вскоре отряд вышел из леса, навсегда покинув

свою надежную партизанскую базу.

Илько Витряк через несколько лет встретился с друзьями-партизанами.

На вокзале в Киеве молодой солдат горячо обнимал коренастого человека в штатском — партизана Болатова, прибывшего из далекого Казахстана навестить своих друзей-партизан.

— Вот ты и солдат, — сказал Болатов, с восхищением разглядывая ордена и медали на широкой груди Илька. — Настоящий солдат.

…Долго стояли они на перроне, и грезились им темные леса, горящий Днепр и неумолчный грохот давних, но незабываемых боев.

Перевод И. Урсатьева.

МАЛЬЧИК В ТЫЛУ ВРАГА

В суровые годы Отечественной войны десятилетний мальчик-казах оказался в тылу врага и долгое время провел в рядах украинских партизан. Можно легко представить себе, какое горе пережил этот мальчик, какие испытания и трудности пришлось ему вынести. Много лет прошло с тех пор, но образ юного партизана живет в моей памяти. Когда всплывают картины давних жестоких боев, мне неизменно вспоминается маленький герой с нелегкой судьбой, выпавшей на его долю. Эти воспоминания всегда глубоко волнуют меня.

Мне много раз приходилось рассказывать товарищам о суровой героической жизни этого мальчика, и всегда я слышал неизменный настойчивый совет: «Напиши обо всем этом книгу. Пусть дети узнают боевую историю Серика Мергенбаева».

Мысль рассказать юным читателям о маленьком партизане давно уже завладела мной, но только теперь я решил взяться за перо.

С большим волнением приступаю к изложению событий, которые память и сердце хранили столько лет, и приглашаю читателя терпеливо следовать за мной по пути юного героя. Это будет рассказ не только об одном мальчике, а о судьбе целого поколения советских детей, которых опалило жестокое пламя великой войны нашего народа с фашистской Германией. Они много вынесли на своих слабых плечах, но не сломились под тяжестью грозных ударов, а выстояли, как и их отцы, старшие братья и сестры, сокрушившие фашизм.

Это было в один из теплых июньских дней, когда лето набирает силы и природа щедро одевает землю в свой богатый наряд. Не шелохнутся под ветром травы; ни облачка, ни тучки в бездонном синем небе. Все располагает к покою, к тихим радостным думам. Даже птицы примолкли, словно удивившись наступившей тишине.

И странно было видеть в этой тишине вдруг появившуюся на полевой дороге быстро мчащуюся машину и взволнованных, возбужденных людей в ней. Видно, какие-то чрезвычайные события заставили путников так торопиться. Мотор ревел, из-под колес выбивались дымные клубы пыли. На крутых поворотах пыль окутывала открытую «эмку», но люди, казалось, не обращали на это никакого внимания.

В машине сидели двое: шофер и рядом с ним плечистый человек в форме майора Красной Армии, Майор беспрестанно

торопил водителя:

— Торопись, друг, опоздаем! Гони изо всех сил. Не молоко везешь — не расплескаешь.

— Успеем. И так едем на пределе, — спокойно отвечает шофер и широко улыбается. — Тише едешь, дальше будешь…

— Ты видишь эту телеграмму? — горячится майор и сует чуть ли не под самый нос шоферу помятый листок бумаги. — Сын ко мне едет, Серик… Он два года не был дома.

— Успокойтесь, — говорит шофер и прибавляет газ, — прибудем точно в срок.

Майор откидывается на спинку сиденья, прячет телеграмму в карман и вытирает платком пыльное вспотевшее лицо. Он то улыбается, то хмурит брови. Машина въезжает в город и, не снижая скорости, мчится по широкой улице.

— Понимаешь, дружок, — радостно говорит майор шоферу, — мой сын уже перешел в четвертый класс, а когда я отвозил его к дедушке, ему не было восьми лет. Вырос, наверное, за это время. Как же мне не волноваться?

— Потерпите немного, — утешает шофер, — сейчас будем на вокзале.

Машина стремительно пересекает привокзальную площадь. Майор на ходу выскакивает из машины и смешивается с толпой встречающих. К перрону медленно приближается поезд. Наиболее нетерпеливые уже бегут рядом с вагонами, кидают в окна букеты цветов.

— Папа! — доносится радостный детский крик.

На подножке вагона стоит невысокого роста черноволосый малыш. Майор бежит к нему.

И вот уже над толпой в сильных руках отца барахтается хохочущий мальчик. А рядом с ними — улыбающаяся, радостная женщина. Майор наконец отпускает сына и обнимает жену.

— Едем домой, — говорит он. — Я так соскучился по вас.

Всю дорогу от вокзала до дому не было конца разговорам. Жамал — жена майора Мергенбаева — рассказывала мужу о новостях из дальнего казахстанского аула, где жил у дедушки их сын Серик. Новостей было много. С тех пор как Жомарт покинул аул и уехал в армию, там многое изменилось. Колхоз разбогател и построил свою электростанцию, клуб, животноводческие фермы.

— У дедушки теперь есть электричество, — с гордостью сказал Серик. — Свет провели и в нашу новую школу. Теперь там хорошо.

— Вот как, — улыбнулся Жомарт. — Ты, пожалуй, и не

захочешь теперь жить в городе. Опять сбежишь к своему дедушке.

— Дедушка очень расстроился, когда провожал, — сказала Жамал. — Видно, правду говорят, что человек под старость превращается в младенца. Он со слезами просил, чтобы мы не держали здесь долго Серика и к середине августа отправили опять к нему.

— Нет. Теперь Серик будет жить у нас, — Жомарт ласково погладил сына по жесткому ежику волос — Друзей себе заведет. У нашего комиссара есть мальчик примерно его же возраста. Борисом зовут. Будут дружить.

— У Серика много друзей осталось в колхозе, — сказала как бы с сожалением Жамал. — Дети провожали нас до самой станции.

Они шли по широкой улице города. Серик беспрерывно задавал вопросы отцу о городе, расспрашивал, есть ли здесь кинотеатры, зоопарк, цирк.

— Все есть, сынок, — отвечал отец. — Поживешь, обо всем узнаешь, побываешь и в цирке, и в зоопарке.

…Серик проснулся от пронзительного телефонного звонка. Он протер глаза и увидел в полуоткрытую дверь отца. Тот одной рукой держал трубку телефона, а другой торопливо натягивал на себя одежду. Было раннее утро, в окна едва пробивался свет.

— Майор Мергенбаев слушает!

Серика поразил встревоженный голос отца.

— Да, да… Есть! Сейчас буду.

Прошла какая-то минута — и отец уже был готов в дорогу. В комнату вошла мать. Ее тоже разбудил телефонный звонок, и она торопилась узнать, куда отец отправляется в такую рань.

— Что случилось, Жомарт? — испуганно спросила она.

— Вставайте и собирайтесь, — не отвечая на вопрос, строго сказал Жомарт.

Потом, взглянув в растревоженное лицо жены, тихо добавил: — Будьте готовы ко всему. Немецкая армия перешла нашу границу… Война. Меня вызвали в полк по боевой тревоге.

Жомарт поцеловал жену, обнял притихшего в своей кровати Серика и быстро пошел из комнаты. После его ухода Жамал начала суетливо собираться. От волнения она не могла найти нужные вещи.

— Мама! — заволновался и Серик. — Почему надо собираться? И куда так рано ушел папа?

— Война, сынок, — Жамал обняла сына и заплакала.

Серику непонятно было волнение матери. Ну хорошо, немцы перешли границу. Но ведь там пограничники. В городе, наконец,

много военных. Неужели они допустят фашистов сюда?

Жамал хорошо представляла всю опасность положения.

Город стоит всего в сорока километрах от границы. Конечно, врага остановят. Но каждую минуту могут появиться самолеты противника. Что делать с Сериком? И Жамал пожалела, что привезла сына из аула. Там, в казахских степях, ему не грозила никакая опасность.

Неужели теперь этому маленькому мальчику придется бояться за свою жизнь на родной земле? Что ждет его? Жамал вышла на балкон и увидела в соседних домах необыкновенную суету. Видно, и там люди уже знали страшную весть. Из полковых казарм выезжали галопом артиллерийские упряжки; натужно ревя моторами, по улице шли военные машины.

Что же это такое? Жамал видела стройные колонны солдат, идущих по улице. Строги и сосредоточенны были лица воинов. Но это ничуть не успокоило ее. Звук военной трубы, неожиданно раздавшийся где-то неподалеку, острой болью отдался в сердце Жамал. Предчувствие какой-то неотвратимой беды заставило затрепетать сердце молодой женщины.

— Мама, — Серик подошел к Жамал и прижался к ней, — а папа придет домой?

— Придет, сынок, обязательно придет.

Жамал успокаивала сына, а самой ей хотелось плакать. Слишком неожиданно все случилось. Еще вчера были мир и счастье, а сегодня — все рушилось. Что нужно немцам на нашей земле?

Серик смотрел, как по улице шли войска, и его сердце наполнялось гордостью за своего отца. Его отец — командир. Возможно, что все эти военные — из его части. Серик завидовал отцу и очень хотел быть на его месте…

На улице тревожно пели военные трубы, а оттуда, со стороны границы, доносился непонятный глухой грохот.

Когда Жомарт забежал домой, Жамал и Серик были уже одеты и сидели на узлах с вещами. Серик, увидев отца, кинулся навстречу и повис у него на руках. Жомарт расцеловал сына и сказал жене:

— Мы сейчас уходим. По приказу командования все семьи военнослужащих должны эвакуироваться в тыл. Я пришел проводить вас.

Жамал молча слушала мужа. До нее не сразу дошел смысл его слов. Он вынужден был повторить все опять. Да, есть приказ отправить семьи, а самим немедленно выступить на фронт. Еще неизвестно, куда повезут их. И выяснять это некогда. Жамал

должна будет написать, где остановится их эшелон.

— Прощайте, — глухо проговорил Жомарт. — Береги сына, а ты, сын, заботься о маме.

— Жомарт, — тихо сказала Жамал, — кто знает, сколько времени продлится война, нам надо ехать к дедушке. Тебе легче будет отыскать нас.

— Да, так будет лучше, — Жомарт обнял жену, привлек к себе сына. — Вам хорошо будет у отца. Добирайтесь туда.

…Так в один из июньских дней 1941 года разлучилась дружная семья. Майор Мергенбаев, проводив жену и сына на вокзал, выехал на фронт.

Медленно движется эшелон с эвакуированными. Он подолгу стоит на полустанках, пережидая воздушные налеты. За три дня пути Жамал и Серик отъехали совсем недалеко от пограничного городка. Рядом бушевала война. Они видели громадные пожарища, слышали орудийную канонаду. Вражеские самолеты беспрерывно преследовали беженцев. Много вагонов из эшелона было разбито бомбами. Оставшиеся в живых люди перебирались в другие вагоны, и эшелон медленно полз на восток.

Многие были ранены. Жамал и Серик попали в один вагон с женой комиссара полка, Анной Ивановной Савченко. С нею был ее сын Борис — новый товарищ Серика. Матери сдружились. Общее горе сблизило их.

Жамал, сидя на нарах вместе с Сериком, грустными, задумчивыми глазами смотрела на Анну Ивановну. Они вспоминали своих мужей, которые теперь сражались с фашистами. Как-то они там? Живы ли? Женщины не падали духом, хотя их положение ухудшалось с каждым часом.

Гул орудий приближался, над эшелоном то и дело проносились вражеские самолеты.

Заслышав пальбу зенитных орудий, Анна Ивановна крепче прижимает к себе сына и тревожно смотрит в полуоткрытые двери вагона.

На маленьком полустанке суетятся люди. Кто выгружается из вагонов, а кто, наоборот, стремится занять место в поезде. Эшелон стоит уже несколько часов подряд. Говорят, что впереди бомбами разрушен путь. В тревожном ожидании медленно тянется время.

За окнами вагонов неожиданно звонко застрекотали пулеметы, и вслед за этим послышался страшный рев самолета, идущего в пике. Опять налет, снова рвутся бомбы, заглушая крик испуганных детей. Серик крепче прижимается к матери. По крышам вагонов стучат пули, со звоном сыплются разбитые

стекла. Самолеты заходят один за другим и сбрасывают на беззащитных людей свой смертоносный груз.

— Быстрее выходите из вагонов! — доносится чей-то встревоженный крик. — Эшелон горит…

И тут начинается что-то невообразимое. Матери хватают детей и с ужасом бегут из вагонов. Жамал подхватила Серика и кинулась за бегущими. Люди устремились по полю к небольшому леску, расположенному неподалеку от полустанка. Эшелон горел. Ныряя в дым и пламя, над вагонами с ревом проносились самолеты, осыпая их градом пуль.

Поле усеяно бегущими людьми. Жамал, задыхаясь, тащит за собой ошеломленного, испуганного сынишку.

— Скорее, Серикжан, скорее! — торопит она сына. — В лесу мы спасемся…

Серик бежит из последних сил. Часть самолетов, оставив горящий, разгромленный эшелон, появляется над полем. И вот уже падают сраженные пулеметными очередями женщины и дети. Жамал спотыкается, и оба они с Сериком летят в какую-то яму.

— Серик? — спрашивает Жамал. — Ты жив?! Почему ты молчишь?!

Оглушенный падением, Серик не может выговорить ни слова. Он со страхом смотрит в побледневшее лицо матери. Глаза ее показались мальчику страшными. Они то и дело обращаются к дымному и грохочущему небу.

— Я жив, мама! — кричит Серик. — Давай уйдем отсюда… Опять летят самолеты!

Жамал подымается, делает неуверенный шаг и неожиданно падает, широко раскидывая руки.

— Мама! — кричит Серик. — Мама!

Жамал пытается подняться, но снова падает. И тут Серик замечает алое быстро расплывающееся пятно на груди матери. Серик понял: мать ранена. Слезы полились по его щекам. Жамал прижала руки к груди, словно пытаясь прикрыть ими рану, тяжело застонала и затихла. Смерть настигла молодую женщину, а Серик стоял и никак не мог понять, что же ему делать.

— Мама! — твердил он. — Мама, вставай.

Но мать не отвечает сыну, и мальчика охватывает страх. Он похож на привязанного ягненка в безлюдной степи.

Встав на колени у распростертого тела матери, Серик плакал навзрыд, не отрывая глаз от неподвижного дорогого лица. Жамал не отзывалась на слезы сына. Не трогал ее теперь и злой рев самолетов, все еще носившихся над опустевшим полем и маленьким лесом, где скрылись люди. Жамал была мертва.

Серик просидел у тела матери несколько часов. Он был

растерян, убит горем, неожиданно свалившимся на его худенькие плечи. Куда идти? Что теперь делать? Серик задавал себе эти вопросы и не мог найти на них ответа. Ему казалось, что он остался один на всем белом свете.

Самолеты улетели. Черный дым от взрывов и догорающего на путях разбитого эшелона стелется над поляной, плывет над верхушками деревьев. На окраине леса приютились Анна Ивановна и Борис. Их трудно узнать. Одежда разорвана, лица и руки покрыты копотью. Борис молча оглядывает дымное пустынное поле, покрытое рваными воронками от авиабомб. Вдруг его внимание привлекает фигурка согнувшегося мальчика.

— Мама, — говорит Борис, — смотри, видишь, кто-то там сидит. Почему он не прячется в лесу? Его могут заметить с самолетов и обстрелять…

Анна Ивановна подняла голову и, еще не понимая, в чем дело, посмотрела, куда указывал сын. Сердце ее тревожно замерло: сжавшись в комочек, в воронке сидел мальчик. Что-то знакомое было в его фигурке. Неужели Серик?..

— Мама! — вскрикнул вдруг Борис, решив сомнение матери. — Ведь это Серик! Я узнал его… Это он!..

— Тише, Боря, — Анна Ивановна привстала с земли. — Кажется, это он. Но где же Жамал?..

В голове Анны Ивановны пронеслась страшная мысль: погибла?!

— Боря, побудь здесь, — решительно говорит она. — Я пойду и узнаю, что произошло.

Сын молча кивнул головой. Анна Ивановна торопливо пошла по развороченному полю. Когда она приблизилась к мальчику, Серик вскочил на ноги и бросился к ней. Женщина обняла его и заплакала. Плакал и Серик.

— Не плачь, Серик, — утешала Анна Ивановна и, еще не веря худшему, с надеждой спросила: — Где мама?

Серик не ответил, только показал глазами. Анна Ивановна поспешила туда, склонилась над телом убитой, потрогала ее уже холодные руки.

Женщина вдруг растерялась. Она не хотела, не могла представить Жамал мертвой. Смуглая, красивая, с длинными черными косами, живая Жамал, ее соседка, жена сослуживца мужа, стояла перед глазами. Как много хорошего было в их жизни еще недавно! Как часто Жамал весело смеялась! Три часа назад они сидели вместе в вагоне. И вот ее нет.

Серик молчал. Лицо его словно окаменело, и он, казалось, лишился дара речи. Вот мальчик наклонился над матерью, обнял

ее холодеющее тело. Анна Ивановна не мешала ему. Она думала о том, как предать тело Жамал земле, что делать с Сериком. Ее тяжелые думы прервал рокот моторов. С запада снова шли самолеты. Анна Ивановна сорвала с себя платок и закрыла им лицо Жамал. Потом она схватила мальчика за руку и потянула за собой.

— Идем, Серик! Опять летят фашисты. В лесу нас ждет Боря. Бежим к нему.

Серик отрицательно покачал головой: он не хотел уходить от матери.

— Серик! — настойчиво повторила Анна Ивановна. — Идем скорее! Ведь мы погибнем здесь.

Серик нехотя пошел за Анной Ивановной, поминутно оглядываясь назад. Над полем разворачивались самолеты. Посылались бомбы, и все вновь заволокло черным зловещим дымом.

Уже много дней подряд идет дождь. От него нельзя укрыться даже в темном густом лесу. А именно здесь люди пытаются найти пристанище. Измученные долгой дорогой, чудом уцелевшие от бомбежек и обстрелов, беженцы сбились в лесу в надежде отдохнуть, собраться с силами. Их много. Здесь дети и женщины, есть и военные, отставшие от своих частей. Каждый день к уходящей на восток колонне эвакуированных присоединяются новые люди. Они приносят нерадостные вести: Красная Армия отступает, враг занимает один город за другим.

Укрылась в лесу и Анна Ивановна с двумя детьми. Они приютились под высоким ветвистым деревом и сидят часами молча, тесно прижавшись друг к другу. Тяжелые думы тревожат Анну Ивановну. Нет теперь у них никакого транспорта, а далеко ли уйдешь пешком! Кончаются продукты. Через день-два нечем будет покормить детей. Борис и Серик так похудели, что на них жалко смотреть.

Что будет, если они все попадут в руки немцев? Эта мысль ужасает Анну Ивановну. Она — член партии и ясно представляет себе, как отнесутся к ней фашисты. А если погибнет она, не уцелеть и мальчикам. Что они будут делать одни в незнакомых краях? Анну Ивановну все эти дни тревожит Серик. Он сильно тоскует по матери, часто зовет ее во сне. А днем все больше молчит и вздыхает.

Сама Анна Ивановна уже забыла о сне и отдыхе. Она думает об одном: как спасти детей? После долгих раздумий она наконец нашла, как ей казалось, выход из положения. Анна Ивановна родилась в селе Зозулино на Винничине. Идти в родное село —

единственный путь, к спасению. Там среди своих можно укрыть детей, да и самой найдется какое-нибудь дело.

Анна Ивановна разломила пополам черствую горбушку хлеба и отдала ребятам.

— Ешьте, сынки, — ласково говорит она, и глаза ее затуманиваются. — Подкрепитесь. Нам надо собираться в дорогу.

Беженцы покидали лесок. Они медленно выходили на дорогу и шли небольшими группами на восток. Кое-кто шел без дорог из предосторожности. Люди устали и, казалось, погрузились в состояние какого-то отупения.

Анна Ивановна пошла вслед за другими по грязной, размытой дождями дороге. Шли молча, шлепая по грязи натруженными ногами. Многие шли босиком. Печальная это была картина: молча бредут люди, а над ними низко плывут тяжелые свинцовые тучи и сеют мелкий, колючий дождь.

Дождь изнурял и радовал: в плохую погоду не летали фашистские самолеты и можно было не бояться бомбежек. Но людей подстерегала другая беда… Когда Анна Ивановна поднялась на холм, она увидела в страхе разбегавшихся в стороны от дороги людей. Через минуту послышалась трескотня автоматов.

— Немцы! — крикнула Анна Ивановна и, не раздумывая, побежала к лесу. За ней, схватившись за руки, бежали Борис и Серик.

Оказалось, что на дорогу, по которой отходили эвакуированные, выскочила колонна немецких мотоциклистов. Фашисты даже не пытались выяснить, кто оказался перед ними: солдаты или мирные граждане. Они с ходу открыли огонь из автоматов по безоружным людям. Женщины и дети падали под пулями врагов. Уцелевшие спешили добежать до леса, который не раз уже спасал людей от смерти.

Перед самой кромкой леса Анна Ивановна задохнулась и стала.

— Бежим, мама! — кричал ей Борис, но она не могла выговорить ни слова.

Мальчики силой потащили ее к лесу. Выстрелы четко звенели в сыром воздухе, и людям казалось, что их обстреливают со всех сторон. Анна Ивановна очнулась только в лесу и не могла припомнить, как и когда они добрались сюда. Обессилевшая женщина села под деревом. У нее был приступ болезни сердца.

— Кто это стрелял, мама? — спросил Борис, когда Анна Ивановна пришла в себя.

— Враги, Боренька, немцы…

— Разве они так далеко ушли от границы? — Серик

изумленно посмотрел на Анну Ивановну. — А как же наши? Как мой папа и все солдаты?

Что могла ответить на это Анна Ивановна? Она и сама не могла подумать до сегодняшнего дня, что немцы прорвутся в глубь советской территории. Но это было так. Там, на дороге, все еще слышалась стрельба. Даже в лес залетали пули.

Борис и Серик раздвинули ветки кустов и стали наблюдать за дорогой. Почти все уже скрылись в лесу, на поле и на дороге остались лежать убитые и раненые. Мотоциклисты не обращали на них никакого внимания. Ревя моторами и изредка постреливая по сторонам, они промчались по грязной дороге и вскоре скрылись за холмом.

— Это не наши солдаты, — тихо сказал Борис. — Это фашисты, мама.

Анна Ивановна смотрела на детей и впервые видела их необычно серьезные, даже строгие лица. «Фашисты настигли нас, — с горечью подумала Анна Ивановна. — Что же теперь будет?!.»

По лесу свистели вражеские пули.

* * *

Ночь Анна Ивановна провела с детьми в сыром и тихом лесу. Измученные дети спали под деревом; к утру тяжким, тревожным сном забылась и Анна Ивановна. После скудного завтрака Анна Ивановна объявила детям, что они пойдут в ее родное село.

— Что бы ни случилось, — сказала Анна Ивановна, — нам надо идти вперед. Может быть, скоро и выберемся из беды.

О том, чтобы продолжать дальнейший путь по дороге, нельзя было и думать. Теперь на дорогах хозяйничали враги. Анна Ивановна торопила Бориса и Серика. Ей казалось, что скоро они доберутся к своим, и она дорожила каждой минутой.

Так шли они несколько часов, скрываясь за деревьями, пока за лесом не показалась деревня. Она вся была окутана дымом. Горели скотные дворы и сараи. Анна Ивановна повела детей в обход пожарища. Ей не хотелось ни с кем встречаться. Издали путники увидели в селе немецких мотоциклистов. Они стремительно носились между горящими домами.

— Фашисты село подожгли, — сказал Серик.

— Торопитесь, дети, — то и дело приговаривала Анна Ивановна, — нам надо спешить.

Путники обогнули горящее село и решили отдохнуть. Зайдя в густую чащу, они расположились под деревом. Мальчики сильно

устали: долгий путь, тяжелые испытания измотали их, и они уснули тотчас. Анна Ивановна, оберегая сон детей, боялась пошевельнуться. А они спали, как будто не было вокруг стрельбы и пожарищ, кровавой войны.

Вдруг Серик заплакал во сне, забормотал.

— Мама… мама… идем скорее! — вскрикнул он и проснулся.

— Что с тобой, Серик? — участливо спросила Анна Ивановна, обняла мальчика и стала ласково гладить его по голове. — Спи, сынок, я здесь…

Но Серик поднялся и недоуменно огляделся. Проснулся и Борис.

«Бедный мальчик, — думала Анна Ивановна, — мать постоянно снится ему — как бы не заболел. Такое горе не легко перенести и взрослому…

…Так они посидели еще в кустах, но больше никто уже не заснул. Анна Ивановна собиралась было идти дальше, но тут со стороны деревни послышались крики и выстрелы. Женщина и дети оцепенели в первое мгновение, а потом, не сговариваясь, побежали к опушке леса. И тут перед ними предстала уже знакомая картина: из села к лесу бежали люди. У многих на руках были дети.

Впереди всех бежала женщина с ребенком. Она была без платка, волосы рассыпались по плечам. Поравнявшись с Анной Ивановной, женщина закричала:

— Чего стоите? Бегите в лес! Фашисты жгут дома и стреляют в людей.

Анна Ивановна не успела ничего ответить — засвистели пули.

— Подлые убийцы, — с гневом прошептала Анна Ивановна. — Они стреляют даже в детей. Нет, это не люди… Нет…

Поток бегущих увлек за собой Анну Ивановну, Бориса и Серика. Вскоре они оказались в глубине леса. Преследователи, мчавшиеся из села на мотоциклах, не посмели войти в лес. Они постреляли некоторое время из автоматов и удалились. Люди сбились в кучу. Когда фашисты скрылись, Анна Ивановна спросила у беглеца, что случилось в их селе.

— Несколько часов назад, — рассказывала Анне Ивановне молодая женщина, — в селе были наши солдаты. Только они ушли, как заявились немцы и стали шарить по дворам. На чердаке дома деда Савчука нашли двух русских солдат. Они встретили фашистов очередью из ручного пулемета. Многих побили. За это немцы и расправились с нами. Стали хватать и вешать первых попавшихся, поджигать дома… Люди кинулись в

лес.

Женщина замолчала и вытерла заплаканное лицо. Видно, она была потрясена случившимся. У многих в селе остались родные, и люди не надеялись уже больше увидеть их. Они смотрели из леса, как подымается дым над селом, и сердца их обливались кровью.

Анна Ивановна расспросила у женщин дорогу к родному селу, и они пошли. Теперь уже шли по чистому полю. Путникам удалось без особых приключений добраться до реки. Река оказалась глубокой, и не было никакой возможности переправиться.

Решили искать брод. Отправились вверх по реке. Через три-четыре километра показался мост. Пошли к нему в надежде перейти на другой берег. Только перед самым мостом Анна Ивановна заметила немецких часовых и в замешательстве остановилась.

— Ком! Ком! — крикнул солдат и поманил рукой.

Часовые давно уже наблюдали за путниками и нарочно подпустили их к самому мосту.

Анна Ивановна окаменела. Она боялась, что немцы найдут у нее партийный билет, и тогда без разговоров расстреляют ее и детей. Анна Ивановна знала, что рано или поздно ей придется встретиться с врагами, и надежно спрятала дорогую книжечку: на одном из привалов она зашила свой партийный билет в борт пиджака Серика. Как теперь все обойдется? Неужели часовые будут обыскивать детей?

Эти мысли пронеслись мгновенно, но Анне Ивановне показалось, что они стоят уже целую вечность перед солдатами. Не хотелось идти на зов часового, но иного выхода не было. Стараясь не показать своей растерянности, Анна Ивановна взяла детей за руки и пошла к мосту.

— Что ты здесь ищешь? — коверкая русские слова, спросил немец.

— Мы идем домой, — спокойно ответила Анна Ивановна.

— Домой? А где твой дом? — спросил немец и сделал знак своим солдатам.

Те мгновенно обыскали всех троих.

Кроме паспорта у Анны Ивановны ничего не нашли. Солдат заметил у нее на руке часы и с довольной улыбкой снял их.

— А где другие документы? — спросил все тот же солдат, видно, старший.

— Больше ничего нет.

Не зная, что еще потребовать от задержанных, солдат накинулся на Анну Ивановну:

— Это чей мальчик? — спросил он, тыча пальцем в сторону Серика.

— Мой сын, — ответила Анна Ивановна и привлекла к себе Серика.

— Врешь! Он — азиат, — заорал солдат. — Он не русский и не украинец.

— Азиат, азиат… — загалдели солдаты.

Анна Ивановна вдруг подумала, что солдаты могут отнять у нее Серика. Ведь это фашисты. Им ничего не стоит застрелить человека только за то, что у него смуглая кожа. Серик инстинктивно почувствовал опасность и прижался к Анне Ивановне, крепко обняв ее. Солдаты о чем-то поговорили между собой и направились к Серику.

— Ты азиат, да? — спросил немец и погрозил мальчику пальцем.

Краска залила лицо Серика.

Анна Ивановна уже не слушала, что говорили фашисты. Словно в забытьи, она повторяла:

— Мой сын… мой сын.

Наконец солдат вернул паспорт Анне Ивановне. Послышался гул моторов. К мосту приближалась большая колонна автомашин, крытых брезентом. Солдаты засуетились и бросились открывать шлагбаум. Один из них, пробегая мимо Анны Ивановны, взволнованно проговорил:

— Я — чех. Мы с вами одной крови. Немцы — людоеды и грабители… Быстрее уходите!

Анна Ивановна взглядом поблагодарила солдата, позвала детей, и они быстро пошли вдоль берега.

* * *

Они опять свернули в лес. Обидно было сознавать, что приходится прятаться на своей собственной земле. Но лес теперь стал единственным надежным местом, где можно было отдохнуть, собраться с мыслями.

— Мама, Серик устал, — сказал Борис, когда путники отмерили уже порядочное расстояние по лесной чаще. — И у меня болят ноги. Давайте отдохнем.

Мать согласилась, и все в изнеможении опустились на зеленую траву. У них еще была кое-какая еда, и это ободряло. Радовало и то, что они так удачно отделались от часовых на мосту. Дети ели и разговаривали веселее обычного.

— Мама, — заговорил Борис, — если бы мы шли по дороге,

то я и Серик могли бы снять ботинки. Босиком легче. Хорошо бы по дороге…

— Эх, Боренька! — вздохнула Анна Ивановна. — Теперь нам дороги заказаны. Там нас сразу схватят фашисты. Видели, как они налетели на нас у моста? Но ничего… Теперь нам уже немного идти осталось. Дня через два будем дома.

— Мама, — опять сказал Борис. — А ведь нам добрый немец попался на мосту. Пожалел нас и дорогу показал.

— Он не немец, а чех. Сам так сказал, — Анна Ивановна вздохнула и добавила: — И среди немцев есть хорошие люди. Не все же фашисты.

— Тогда почему они напали на нас? — резко спросил Серик.

— Их Гитлер насильно послал. За отказ идти на войну он расстреливает даже родственников солдата, — ответила Серику Анна Ивановна и подала ему ломтик хлеба.

— Гитлер — зверь! — сказал Серик.

— Конечно! — горячо поддержал друга Борис. — Ты же видел, что творится в селах: и жгут, и убивают — все по приказу Гитлера.

— Ладно, дети, ешьте хлеб, — прервала разговор ребят Анна Ивановна.

Она видела, как волнуются Борис и Серик, какой гнев таится в их глазах. Дети повзрослели за последние дни. Горе и страдание ожесточили их.

После короткого отдыха путники снова двинулись вдоль реки. Впереди показалось село. Анна Ивановна опасалась встречи с немцами и не хотела заходить в село. Пока они советовались, как им поступить, на реке показалась лодка. Она направлялась в их сторону. Лодочник заметил людей на берегу.

— Здравствуйте, — сказала громко Анна Ивановна и пошла к лодке.

— Здорово! Здорово! — приветствовал их лодочник. Он сложил весла на дно лодки, приподнялся и оглядел Анну Ивановну. Что-то знакомое показалось ей в приветливом лице лодочника.

«Где же я его видела? — попыталась вспомнить Анна Ивановна. — Кажется, знакомый человек».

— А я… мы с вами встречались, — уверенно проговорил мужчина, выходя на берег.

— И я так думаю, но не могу никак припомнить. — Анна Ивановна подошла к лодочнику.

— Вы в Виннице учились?

— Училась… — Анна Ивановна подумала немного и вдруг спросила: — Вы Иващенко?

— Да. Я Иващенко, — улыбнулся лодочник. — А как ваша фамилия?

— Полищук.

— О! Теперь и я вас узнал. Аня! Как же ты оказалась здесь? — Иващенко сердечно приветствовал Анну Ивановну и обнял ребятишек.

— Коля! Ты изменился! Усы и бороду носишь!

Анна Ивановна с волнением и изумлением рассматривала своего бывшего однокурсника. Он совсем не был похож на веселого студента Винницкого педагогического института, какого она знала.

— Времена теперь такие, Аня. Мне сорока еще нет, а пришлось превращаться в старика… Ну, об этом мы еще поговорим, — Иващенко взглянул на ребят, отошедших в сторону, чтобы не мешать разговору взрослых, и спросил: — А ребята чьи? И вообще, откуда ты идешь?

— Издалека, Коля, — вздохнула Анна Ивановна, — из-под самой границы. А дети?.. Который побольше — мой сын, Борисом зовут. Ему уже двенадцать лет. А это — Сережа… Теперь тоже мой сын.

…До позднего вечера проговорили они о своем житье-бытье, многое вспомнили. Анна Ивановна рассказала о жизни в пограничном городке, о своих скитаниях с первого дня войны. По-иному сложилась жизнь Иващенко. После окончания института он вернулся в родные края, работал секретарем райкома комсомола. Через несколько лет его избрали вторым секретарем райкома партии, а уже перед самой войной — первым. Иващенко не счел нужным скрывать от Анны Ивановны, что он оставлен партией для работы в подполье.

Долго длилась беседа двух старых товарищей. О многом узнала Анна Ивановна и по-новому взглянула на происшедшее. Значит, военные неудачи — дело временное. Советский народ борется. И даже в тылу врага он чувствует себя хозяином своей судьбы. Это радовало и ободряло, и все пережитое становилось не таким страшным.

— Разговорились мы с тобой, — спохватился Иващенко и показал на ребят, прикорнувших у прибрежных кустов. — Дети, наверное, проголодались. Я сейчас привезу из села продуктов. А вы спрячьтесь пока в березняке и ждите меня. Не дай бог, чтобы вас кто-нибудь заметил. По приказу военного коменданта, все, кто бродит в лесу, объявляются партизанами и подлежат расстрелу. Людям запрещено появляться на улице после восьми часов вечера.

— И ты береги себя, Коля, — сказала на прощание Анна

Ивановна, — остерегайся…

— Мое дело привычное, — ответил Иващенко, — места знакомые, и люди есть надежные. Прощай пока…

Иващенко легко сбежал к берегу, спрыгнул в лодку, и вскоре она бесшумно двинулась по темной реке. Анна Ивановна пошла к ребятам. Они крепко спали, и Анна Ивановна не решалась потревожить их, пока не вернулся Иващенко. Все вчетвером они наскоро поужинали, и Иващенко весело сказал:

— Друзья, прошу на мой корабль. Ведь я теперь перевозчик. Правда, не всех довожу до другого берега, но вас доставлю благополучно.

…Быстро и бесшумно шла лодка по спокойной воде. Видно, часто приходилось Иващенко совершать подобные рейсы. Тихая волна вынесла лодку на песчаную отмель, и путники сошли на берег.

— Ну, Аня, счастливого пути, — тихо сказал Иващенко. — Будь осторожна и жди вестей от меня. Я верю, что ты не будешь сидеть сложа руки и поможешь нам.

— Спасибо, Коля. Верь в меня, как в самого себя, — твердо ответила Анна Ивановна. — Я постараюсь оправдать доверие.

Только на третий день в сумерки Анна Ивановна добралась до своего родного села. Прежде чем идти в дом отца, она решила зайти к подруге детства Тамаре, это было по пути. Тамара жила на западной окраине села, и Анна Ивановна направилась к ее дому огородами, ведя за руки уставших детей.

Село спало. Казалось, что в нем не было ни души. Ни в одном окне не было света. Наглухо запечатан ставнями и дом Тамары. Анна Ивановна обошла вокруг и решилась заглянуть в щель ставни, откуда пробивался свет. То, что она увидела, испугало ее. В комнате, освещенной маленькой керосиновой лампой, за столом, уставленным бутылками и тарелками, сидели немцы.

До слуха Анны Ивановны донеслась чужая речь. Немцы вели себя как хозяева, и это неприятно поразило Анну Ивановну. Рядом с офицером, который дымил сигарой, развалясь на стуле, сидела женщина, но ее почти не было видно, и Анна Ивановна не разглядела толком ее.

— Пошли отсюда! — шепнула Анна Ивановна и отошла от окна.

Теперь ей ничего не оставалось, как идти к своему дому. Может быть, и там пировали немцы, но другого выхода не было. К счастью, по дороге никто не встретился, и путники благополучно добрались до места.

Дом отца погружен во мрак, хотя вечер еще не поздний.

Неужели так рано ложатся спать? Вряд ли. Может быть, хозяев уже нет в живых? От этой мысли сердце Анны Ивановны похолодело. Пересилив волнение, она наконец подошла к окну и заглянула в него. В комнате мелькнула чья-то тень. Через минуту в окне показался человек.

— Кто тут? — испуганно спросил он.

Анна Ивановна узнала голос отца, но от охватившего ее волнения не могла выговорить ни слова.

— Кто, кто тут? — уже нетерпеливей и громче спросили из комнаты.

— Папа! Папа! Это я — Аня.

Анна Ивановна подошла к окну, а отец, узнав ее, кинулся к дверям.

— Боже мой, Анечка! — заплакал старик, обнимая дочь и притягивая к себе ребятишек. — Идемте скорее в дом, там мама…

Старушка встретила их на пороге слезами.

Как только все вошли в дом, старик завесил окна одеялами и зажег коптилку. С минуту он оглядывал дочь удивленными, ничего не понимающими глазами, потом обнял ее и снова заплакал.

— Не плачь, папа, — утешала его Анна Ивановна. — Поздоровайся с ребятами. Это — Борис и Сережа, — назвала она Серика по-русски.

Старик обнял детей, поцеловал и усадил их рядом с собой на широкую скамью. Только теперь он рассмотрел своих гостей. Исхудалые, оборванные, измученные, они вызывали жалость. Видно, немало пришлось перенести бедным путешественникам. Как еще остались живы в такой передряге?

— Аннушка, дочка моя! Что же это творится на белом свете? Ведь мы погибнем. И куда запропала наша армия? — горько, со слезами на глазах говорил старик и смотрел на Анну Ивановну, словно она была в ответе за все, что случилось.

— Не знаю, отец, — тихо заговорила Анна Ивановна. — Не знаю, что происходит, но думаю, что советские люди не сдадутся фашистам. Ведь всегда побеждает справедливое дело. А наш народ за правду постоит.

— Эх-хе-хе, — тяжело вздохнул старик. — Здесь вот Антон Архипович Чумак и дочка его, Тамарка, немцев-то хлебом-солью встречали. Конец, говорят, советской власти пришел.

Анна Ивановна встрепенулась.

— Что ты, отец! — растерянно сказала Анна Ивановна. — Тамара? Хлеб-соль? Правда, отец ее, кажется, не любил советской власти. Трудиться не хотел, тянул все из колхоза и в тюрьме за это сидел. Но Тамара-то! Что с нею случилось? Неужели и она за

отцом пошла?

…Анна Ивановна вспомнила дом подруги, щель в ставне, пирушку немцев. Значит, немцы — ее гости?

— Тамара свихнулась. Немецкие офицеры от них не выходят. А она совсем про своего Николая забыла, — вступила в разговор Софья Павловна — мать Анны Ивановны, до тех пор только вытиравшая концом передника слезы.

— Вы-то как тут живете? Кто есть в селе из мужчин?

— Мало кто остался, — сказал старик и опасливо покосился на детей. — Есть хорошие люди, но я тебе после о них расскажу… Открыто ходят только «благонадежные». Это те, кто с советской властью не в ладах.

Анна Ивановна радовалась встрече с родителями. Отец, кажется, не ударился в панику, он осуждает людей, угодничающих перед немцами. Видно, что он всей душой ненавидит врагов. Она подумала, что ее отец может многое сделать для подпольщиков, о которых говорил ей Николай на переправе.

— А что слышно о фронте, отец? — спросила Анна Ивановна. — Далеко ли отступила наша армия?

— Кто его знает! — ответил старик. — Вернулся недавно сын Олейника. Он сказывал, что на Днепре уже фронт. Наши на левой стороне стоят и дальше, будто бы, немцев не пускают…

— Ничего, отец, не горюй, — успокаивала старика Анна Ивановна. — Все будет хорошо. Наполеон до Москвы доходил, а чем все кончилось? Надо верить в победу и не слушать разных болтунов.

— Все это так, Аннушка, — вздохнул старик, — но ведь у Гитлера — армии многих государств. Кого он только не погнал на нас!..

— Крепись, папа! Нам, видно, еще многое придется пережить. Но надо обязательно выдержать.

Еще вчера жизнь села была совсем другой. С приходом оккупантов всеми овладела тревога. По приказу коменданта, в селе введены жестокие порядки: никто не имеет права отлучаться из дому без специального на то разрешения немецкой комендатуры. Ночью по улицам патрулируют полицейские.

В один день не стало законов, охраняющих человека. Оккупанты свирепствовали. Бывшие кулаки, воры и уголовники, которых в свое время справедливо наказывала советская власть, теперь стали прислужниками немцев: старостами и полицаями. Они ревностно служили врагам, выдавали немцам советских активистов, преследовали честных людей.

…Анна Ивановна стала мирно жить дома. Через несколько

дней встретилась с Тамарой. Та первая подошла, увидев Анну Ивановну за стиркой во дворе дома отца. Женщины поздоровались, и Тамара спросила:

— Когда ты приехала?

— Только сегодня, — ответила Анна Ивановна.

Борис и Серик выбежали на двор.

— А это чьи дети? — Тамара посмотрела на мальчиков.

— Мои! — ответила Анна Ивановна.

— У тебя же был только один сын! — удивилась та.

— Нет, двое, — ответила Анна Ивановна.

Тамара больше не расспрашивала, она сухо простилась и ушла.

«Что она задумала? — мелькнуло в голове Анны Ивановны. — Во всяком случае, ее следует остерегаться».

Опасения Анны Ивановны очень быстро подтвердились. Часа через два после разговора с бывшей подругой она получила повестку с требованием немедленно явиться в комендатуру вместе с детьми. Было ясно, чьих рук это дело. Вначале Анна Ивановна растерялась, не зная, что предпринять, но потом решила явиться в комендатуру.

Борис и Серик, казалось, не волновались. По дороге в комендатуру они с любопытством разглядывали попадавшихся им навстречу немецких солдат. Комендатура помещалась в центре села, в бывшем здании средней школы. У входа в комендатуру стоял полицейский с винтовкой в руках. Когда Анна Ивановна проходила мимо него, тот слегка кашлянул и сказал:

— Аня, здравствуй!

Анна Ивановна от неожиданности приостановилась, недоуменно посмотрела на полицейского и не ответила на приветствие. Она узнала его. Раньше этот человек был колхозным бригадиром, а теперь вот вырядился в немецкую форму!

Кабинет коменданта располагался в просторной комнате. За большим столом Анна Ивановна увидела немца с длинным худым лицом.

Комендант взглянул из-под очков на вошедших и кивнул пожилой рыжеволосой женщине, сидевшей у края стола.

— Как ваша фамилия? — спросила женщина на чистом русском языке.

— Полищук, — ответила Анна Ивановна и взглянула поверх головы коменданта.

На стене она увидела портрет Гитлера и надпись под ним: «Гитлер — освободитель народа». «Вот так освободитель!» — подумала Анна Ивановна, и сердце ее сжалось. Она вспомнила весь свой путь в родное село, бомбежку эшелона, расстрел

мирных людей, слезы матерей. И все это — по приказу «освободителя»!

— А вы разве не жена комиссара Савченко? — хитро усмехнувшись, спросила переводчица.

Анна Ивановна вздрогнула, но тут же овладела собой и спокойно заговорила:

— Да, первый мой муж, действительно, был комиссаром. Но мы давно разошлись с ним. Сейчас у меня другой муж — машинист паровоза, казах по национальности. Вот этот мальчик — его сын.

Комендант встал из-за стола, прикурил потухшую папиросу, пыхнул дымом и о чем-то стал спрашивать переводчицу хриплым голосом. Переводчица кивнула на Анну Ивановну и детей и быстро заговорила по-немецки. Комендант крякнул, нацепил на нос большие очки и в упор взглянул на Серика. Мальчик со злобой посмотрел на немца и отвернулся. Комендант покачал седой головой и неожиданно громко закричал. Лежавшая у его ног овчарка навострила уши, оскалилась и зарычала. Кажется, ей передалось настроение хозяина. Чем громче кричал комендант, тем яростнее рычал взъерошенный пес. Наконец немец замолчал, и переводчица, поминутно оглядываясь на коменданта, стала снова допрашивать Анну Ивановну.

— Вы лжете! По сведениям, которыми располагает господин комендант, вы являетесь женой комиссара Савченко. И сами вы — большевичка. Почему скрываете это? Говорите правду, не то будет плохо.

— Я сказала правду, — спокойно ответила Анна Ивановна.

— Тогда пеняйте на себя, — обозлилась переводчица. — Господин комендант заставит вас сказать правду.

Выслушав переводчицу, комендант замычал, подскочил вдруг к Анне Ивановне, ткнул в ее грудь и заорал:

— Комиссар? Большевик?

Анна Ивановна молчала. А дети испугались опять зарычавшей собаки и попятились. Комендант размахнулся и ударил женщину. Борис закричал:

— Мама! — и бросился к Анне Ивановне.

Он закрыл лицо руками и зарыдал. Заплакал и Серик, перепуганный зверским видом коменданта и разъяренной собакой. Переводчица схватила пса за ошейник и загнала его под стол, потом подозвала Серика. Тот медленно подошел.

— Это твоя мама? — с притворной лаской спросила она у мальчика.

— Да, да. Это моя мама… — торопливо заговорил Серик. — Моя!

Анна Ивановна старалась ничем не выдать своего волнения. Действительно, мальчик в эти тревожные, опасные дни привык к ней, привязался. Анна Ивановна и вправду заменила Серику погибшую мать.

Ответ мальчика поставил в тупик переводчицу. Она недоуменно уставилась на коменданта, а тот в свою очередь вопросительно глядел на переводчицу. Наконец комендант что-то буркнул и кивнул головой на детей.

— Господин комендант, — сказала переводчица, — приказывает вам каждую неделю являться в комендатуру для регистрации. А сейчас можете уходить.

Во дворе комендатуры Анна Ивановна опять встретилась с Тамаркой. Та, видно, торопилась к коменданту. Не имея возможности отомстить предательнице, Анна Ивановна гневным взглядом обожгла свою бывшую подругу и молча прошла мимо. Та зло усмехнулась и что-то пробурчала вслед.

Через два дня комендант снова вызвал Анну Ивановну с детьми. Она догадывалась, что это Тамарка не оставляет ее в покое. Было страшно подумать, что ждет ее на втором свидании с комендантом. Скорее всего ее могут арестовать, а детей отобрать и отправить в Германию. Так, в раздумье, Анна Ивановна сидела у окна в ожидании назначенного часа. Она даже не услышала, как кто-то подошел к окну и окликнул ее. Встрепенувшись от осторожного стука по стеклу, Анна Ивановна увидела за окном женщину. Это была Полина Петровна, ее знакомая, как потом выяснилось, подпольщица. Женщина чуть приоткрыла окно и встревоженно зашептала:

— Аня!.. Тебе привет от Бориса Андреевича. Надо скорее уходить из села. Тебя должны сегодня арестовать… Не теряй времени!

Женщина ушла так же тихо, как и появилась. Только серый платок мелькнул несколько раз между ветками вишневого садика. Анна Ивановна быстро собрала свои вещи, позвала детей и, ничего не объясняя им, повела за собой из дома. Они прошли через сад, крадучись пробрались огородами к реке. А вскоре родное село осталось позади. Путников снова ждала неизвестность.

Но все обошлось пока для Анны Ивановны как нельзя лучше. Оказывается, подпольщики были хорошо осведомлены о положении в селе, где укрылась Анна Ивановна, и вовремя пришли ей на помощь. По заданию одного из руководителей подполья, Бориса Андреевича Олейника, связной Алексей встретил Анну Ивановну с детьми и переправил их в другое село,

где для них уже имелась заранее подготовленная квартира.

В доме, куда их привел связной, гостей приветливо встретила молодая женщина. Это была жена подпольщика Николая Михайловича Абраменко — Мария Николаевна.

Хотя женщины были незнакомы, между ними сразу установилась атмосфера доверия и взаимного понимания.

— Хозяина дома нет. Он придет завтра, — поздоровавшись, сказала Мария Николаевна. — Я ждала вас. Проходите.

Мария Николаевна внимательно разглядывала усталое, худое лицо Анны Ивановны и продолжала:

— Отдохнуть вам надо хорошенько. А тут опасно. Полицейские ходят по квартирам каждый день. И предателей в селе немало… Если вы не возражаете, я спрячу вас с детьми.

— Конечно, не возражаю, — сказала Анна Ивановна. — Делайте как лучше.

— Тогда идемте за мной!

Мария приподняла железную вешалку — ив стене вдруг открылась маленькая потайная дверь. Она была так узка, что взрослый человек мог пройти через нее только боком. Когда все прошли в эту дверь, Мария плотно закрыла ее, зажгла в темноте ручной фонарик и повела своих гостей по узкому проходу. Они спустились куда-то вниз по лестнице и попали в землянку.

Мария достала из ниши десятилинейную лампу, протерла закопченное стекло и зажгла огонь. Анна Ивановна внимательно осмотрела свое новое убежище и осталась довольна. Землянка была размером в пятнадцать-шестнадцать метров, с высоким потолком. На полу лежала сухая свежая солома, в углу у стены — дощатые нары на шесть-семь человек, посередине землянки столик и четыре стула. У другой стены — пирамида винтовок, а рядом — ящики с патронами. Анна Ивановна часто видела такие пирамиды в воинских казармах. Она догадалась, что жилье это предназначалось совсем не для нее, а для людей, которые должны сражаться, а может быть, уже сражаются с оружием в руках.

— Действительно, это, кажется, надежное место, — сказала Анна Ивановна и присела на стул.

— Я знала, что вам понравится, — улыбнулась Мария и добавила: — Ну, а теперь располагайтесь тут и отдыхайте. Дети, наверное, хотят есть? Я подымусь наверх и принесу еды. А вы все-таки тут будьте осторожны. Сами понимаете, Анна Ивановна, в какое время мы живем. Об опасности мы сообщим вам вот этим звоночком.

Мария подошла к стене и показала Анне Ивановне на тонкую медную проволоку.

— Как услышите сигнал, быстренько отправляйтесь вот через

этот ход, — Мария показала на маленькую дверцу в углу землянки. — Он выведет вас в наш сад, в ста метрах от дома. А как будет дальше — посмотрим по обстоятельствам.

Мария ушла. Анна Ивановна еще раз внимательно оглядела землянку и облегчено вздохнула. Она теперь уже знала, что попала к надежным, верным людям, и впервые за много недель почувствовала себя спокойнее. Самое главное, дети находились в безопасности. И Борис, и Серик, который все еще тревожно бормочет что-то по ночам и зовет свою мать, теперь тоже смогут немного отдохнуть и успокоиться.

Несколько дней спокойно прожили в землянке под домом Николая Михайловича Абраменко. Мария по нескольку раз в день навещала их, приносила еду, рассказывала о новостях. И хотя ничего утешительного она не сообщала, Анна Ивановна была довольна, что они не одиноки в этом полутемном жилье, — кто-то думает и беспокоится о них.

Однажды раздался условный сигнал, и Анна Ивановна встревожилась. В землянку вошли двое мужчин. Один из них — среднего роста, худощавый, лет сорока человек — первым поздоровался и представился.

— Абраменко, — сказал он и, указывая на своего спутника, молодого черноволосого паренька со шрамами на лице, добавил: — а это — Шевченко.

После того как все перезнакомились, пришедшие извлекли из холщового мешка какой-то ящичек, батарейки и стали налаживать радиоприемник. Серик и Борис слезли с нар и подошли к взрослым, с любопытством наблюдая за их работой.

— Хотите Москву послушать? — с улыбкой спросил Шевченко тихонько.

Ребята с недоверием поглядели на него и решили, что он просто шутит над ними. Но на всякий случай неуверенно ответили:

— Хотим.

— Тогда помогайте мне, — сказал Шевченко и сунул в руки Серику провод.

Борис с завистью посмотрел на товарища и тоже схватился за провод.

— Помощники нашлись, Николай Михайлович, — серьезно сказал Шевченко, посмотрел на свои ручные часы и вдруг забеспокоился: — Ого! Через полчаса нужно принимать сообщение. Пусть Мария налаживает свою машинку.

Абраменко быстро вышел из землянки. Пока Шевченко хлопотал у приемника, настраиваясь на нужную волну, вернулся

Абраменко. Вслед за ним пришла Мария с ученической тетрадкой и карандашом в руках. Вдруг в приемнике послышалось шипение и знакомый, привычный голос негромко сказал: «Говорит Москва…».

Все затаили дыхание. Голос Москвы особенно взволновал Анну Ивановну, давно оторванную от внешнего мира. Вдруг передача оборвалась. Обеспокоенный Шевченко стал лихорадочно копаться в приемнике, а Николай Михайлович в ожидании глядел на него. Наконец снова послышался четкий голос: «…героическая Красная Армия громит отборные полчища Гитлера. После ожесточенных боев нашими войсками временно оставлен город Н…».

— «Оставлен город Н… Оставлен город Н…», — не сводя глаз с приемника, машинально повторяла Анна Ивановна.

Видя волнение матери, растревожились Борис и Серик. Они поняли, что вести получены тяжелые.

Когда диктор закончил сообщение и приемник затих, все несколько минут еще сидели в тех же позах. Мария подправляла что-то в своей тетради, полной загадочных знаков, крючков и черточек. Она взглянула на Шевченко, и тот коротко бросил:

— Напечатай!

Серик проснулся ранним утром и испуганно огляделся. Анны Ивановны не было. Рядом с ним вниз лицом лежал Борис и сладко посапывал. Серик растолкал его.

Ничего не понимая спросонок, Борис долго смотрел на мальчика и наконец спросил:

— Что случилось?

— Мама еще не пришла?

Борис отрицательно покачал головой.

— Когда же она придет? Скоро? — опять спросил Серик.

— Придет, Серик. Должна прийти, — успокоил Борис.

Скоро в землянку вошли Мария и Анна Ивановна. Они оживленно говорили вполголоса.

— Удачно мы справились сегодня с листовками! — довольно сказала Мария. — Я только успела вернуться. Если все пройдет хорошо, то сегодня придут Николай и Константин…

Мария вдруг осеклась, вспомнив, что Анну Ивановну ждет тяжелая весть, и мысленно обругала себя за то, что чуть было не проговорилась.

Серик и Борис между тем, обрадованные приходом матери, встали и пошли к рукомойнику. Они спешили умыться, так как Анна Ивановна строго следила за чистотой, и ребятам частенько попадало, если кто-нибудь из них забывал вымыть руки. Анна

Ивановна обласкала ребят, словно она уходила от них не на несколько часов, а была с ними в долгой разлуке.

В лице Марии Николаевны была затаенная тревога. Она порывалась рассказать Анне Ивановне о постигшем ее горе, но потом решила посоветоваться сначала с мужем и поступить так, как он скажет.

— Галя, выйди погуляй на улице, — сказала Мария своей сестре Галине, — как бы не забрел кто неожиданно.

Галя молча поднялась из-за стола и направилась на улицу. И сегодня она должна была выполнять свои несложные, но очень важные обязанности: следить, не появится ли вблизи полицейский, она должна вовремя предупредить об этом подпольщиков.

А в доме тем временем совещались Николай Михайлович и Костя Шевченко. Мария вошла в комнату и подождала, пока они окончат свой деловой разговор. Потом вдруг заплакала и стала рассказывать о горе Анны Ивановны.

— Ты знаешь, Николай, — сквозь слезы рассказывала Мария, гестаповцы вчера повесили отца и мать Анны Ивановны. Говорят, их выдал тот старик со своей дочкой Тамаркой.

— Анна Ивановна знает об этом? — спросил Абраменко жену. — Ты ей рассказала?

— Нет, Коля, не говорила пока. Жалко мне ее…

— И не следует говорить, — вздохнул Николай Михайлович. — Я сегодня же сообщу обо всем Ивану Кузьмичу.

— Да, она не должна знать об этом, — поддержал товарища Шевченко. — И без того у женщины много горя, а эта весть свалит ее.

…У окна вдруг появилась Галя. Она дважды стукнула пальцами по стеклу и прошла мимо. Это означало, что к дому идут полицейские. Костя мгновенно юркнул в потайную дверь и скрылся в подземелье. Когда Галя появилась на пороге, она увидела только Николая и Марию.

Полицейские были уже во дворе.

— А-а, пан Абраменко! Как поживаете? — едва успев ввалиться в дом, заговорил пожилой рябоватый полицай и бесцеремонно протопал к столу.

Он заметил, что слово «пан» не понравилось хозяину дома, но не подал вида.

— Что там о жизни спрашивать! — проговорил Абраменко. — В доме дров нет. А раз нет дров, то нет ни тепла, ни уюта. Вот за дровами сейчас собираемся идти.

Николай Михайлович достал из-за стола большой топор и

молодецки подбросил его и поймал. Стоявший у двери молоденький полицейский отпрянул, но потом, видя, что хозяин не собирается нападать на них, шагнул к своему товарищу и угодливо заговорил:

— Нам бы выпить чего, хозяин… Головы трещат.

— Э, паны-господа полицаи. Какая там выпивка! Если бы в доме была хоть капля самогонки, разве я сидел бы, как дурак, трезвый? Напился бы и отплясывал себе гопака.

— Ну, до другого разу, хозяин. Наведаемся еще, может, добрее будешь, — рябой полицейский встал и пошел к выходу.

За ним, поглядывая на топор, который все еще держал в руках Николай Михайлович, трусливо засеменил другой. Николай Михайлович знал, что полицаи будут до ночи шляться по хатам, вымогать самогон и закуску, пока не напьются.

Глубокой ночью кто-то постучался в дом Николая Абраменко.

Он подошел к двери и хотел было уже открыть ее, но передумал: мало ли кто это! Может быть, опять полицейские? Но за дверью послышалось легкое движение и раздался голос:

— Это я, откройте.

Николай Михайлович узнал голос и открыл дверь. В дом неслышно проскользнул чернявый, среднего роста паренек лет восемнадцати. Это был Иван Гаман — член подпольной комсомольской организации. Он прошел в комнату, огляделся и уж потом поздоровался с Абраменко.

— Что нового? — спросил Абраменко.

— Новостей много, Николай Михайлович. Вчера ночью у нас был Иван Кузьмич!

Иван Гаман сверкнул глазами и, довольный произведенным эффектом, тихонько засмеялся.

…Иван Кузьмич Примак — отважный, храбрый человек, неутомимый организатор подполья, настоящий патриот! В свои тридцать лет он, благодаря высокому росту и сложению, выглядел старше и солиднее. Его авторитет и влияние на людей были огромны. Партия специально оставила Примака в тылу врага для организации сопротивления оккупантам в Киевской и Полтавской областях.

Он постоянно появлялся в Мироновском, Переяславском и Каневском районах, а здесь, в Ржищевском районе, Примак только второй раз. Он приехал познакомиться с работой подпольщиков и дать им распоряжения на будущее. Вот почему упоминание о Примаке так взволновало Абраменко.

— Правда? Где же он? — прервал Ивана Николай Михайлович. — Надолго ли сюда?

— Сейчас он у нас дома… А меня к вам послал. Хочет с тобой встретиться.

— Веди его сюда! Он один?

— Один. Одному, говорит, спокойнее путешествовать.

— Отправляйся скорей, — нетерпеливо перебил Ивана Абраменко. — Время уже позднее.

Гаман выскользнул из дома. За двором у тополя стояла его маленькая шустрая лошаденка. Иван вскочил в седло и, не таясь, поскакал по тихим пыльным улицам села. Когда затих стук копыт, Николай Михайлович закрыл дверь на засов и спустился в землянку, чтобы рассказать о ночном госте Анне Ивановне.

В то время, к которому относится наш рассказ, в Ржищевском районе действовали уже три-четыре подпольные организации. В них велась подготовка к открытой партизанской борьбе с оккупантами. Руководители подбирали людей, добывали оружие, создавали тайные склады боеприпасов и продовольствия.

Кое-где уже провели небольшие операции против немцев. Во время одной из таких операций в плен к жандармам попал молодой подпольщик. Он оказался трусом.

После первого же допроса немцам стали известны адреса и явки многих подпольщиков. Начались облавы и аресты.

Облава нагрянула и в дом Николая Михайловича Абраменко. Жандармы арестовали Марию и ее сестру Галю. Мария в последний момент сумела подать сигнал в подземелье: узники должны были уходить через подземный ход. Марию и Галю увезли в тюрьму. На воле случайно остался пятилетний сын Марии. Он находился в это время в доме у Ивана Гамана на маленьком хуторе. Избежал ареста и сам Николай Михайлович. Он выполнял особое задание подполья и был далеко от села.

…Когда раздался сигнал тревоги, в землянке кроме Анны Ивановны, Бориса и Серика находились еще два подпольщика. Все быстро собрались и по подземному ходу вышли к небольшой яме в вишневом саду. Редкие деревья не могли укрыть людей, и они вынуждены были ждать темноты. Анна Ивановна поняла, что явка провалена. Немцы, конечно, не ограничатся арестом одной семьи Абраменко. Может быть, захватят и Гамана. Как помочь ему?

Перед войной родители Вани Гамана умерли, и он остался старшим в семье, где еще были сестренки Мария и Галя и маленький мальчик Миша. Ему было всего одиннадцать лет. Сейчас у них в доме находится и пятилетний Витя Абраменко. Как помочь им всем? Если даже сам Иван будет вне подозрений у немцев, то его все равно повесят, когда узнают о маленьком Вите

Абраменко. Тот, кто предал Марию и Галю Абраменко, конечно, хорошо знает состав их семьи.

«Может быть, вот сейчас их арестовывают, — с горечью думала Анна Ивановна. — Надо немедленно спасать семью Гамана и Витю. Анна Ивановна глянула на своего Бориса и тихо спросила:

— Боря, вы ведь бывали с Сериком в доме у Гамана. Помните, вы носили ему листовки?

— Это тот самый, мама, у которого есть братик Миша? — спросил Борис.

— Да, да. Это он, — ответила Анна Ивановна. — Можешь ли ты найти его дом? Мы должны предупредить Ивана об опасности.

Борис посмотрел на Серика, тот — на него. Оба стали вспоминать, как найти дом Ивана. Они были там только один раз и ночью, трудно сейчас вспомнить дорогу. Серик все-таки проговорил:

— Я найду. Они вон там, на том хуторе.

— Эх, Серик, — вздохнула Анна Ивановна, — найти-то ты найдешь, да посылать тебя нельзя!

Группа партизан. Слева направо: **Иван Гаман, Емельян Ломако, Николай Попов.** Стоят: **Галя Гаман, Мария Гаман.**

Дело в том, что их давно уже разыскивали. По селам был разослан приказ коменданта, в котором предписывалось найти и арестовать женщину с двумя детьми. Сообщались приметы. Серика называли «азиатом» и «чернокожим». Конечно, любой предатель, если бы он встретил Серика, опознал бы его и выдал

полиции. Днем ему нельзя было и носа показывать на улицу.

Но в теперешних обстоятельствах другого выхода не было, и после долгих колебаний Анна Ивановна решила все-таки послать с Борисом и Серика. Она выглянула из ямы и осмотрела сад. В нем никого не было. Где-то в селе раздавались выстрелы. Анна Ивановна вернулась.

— Что будем делать? — спросила она. — Надо посылать кого-то к Гаману.

— Я знаю местность, — сказал один из подпольщиков. — Идти надо, но можно нарваться на неприятности. Ведь сейчас идет облава.

— А я и не думаю посылать взрослых, — сказала Анна Ивановна. — Пойти должны дети. А мы дождемся темноты и тоже выберемся отсюда.

— Если Боря сможет найти дом Гамана, — сказал другой подпольщик, — придется идти ему.

— Боюсь, что Боря один не справится с этим делом, — Анна Ивановна внимательно посмотрела на Бориса и потом на Серика. — А вот Серик, пожалуй, найдет. Ведь он — степняк, и у него очень хорошая зрительная память. Надо послать их обоих.

— Вы поступите так, дети, — стала инструктировать ребят Анна Ивановна. — Когда дойдете до хутора, Серик покажет дом Гамана. В хутор войдет Боря, а Серик переждет где-нибудь в укромном месте. Если Серика кто увидит, будет плохо.

Все молча согласились с Анной Ивановной, и она стала собирать ребят в дорогу. Просмотрев холщовые мешки, с которыми мальчики обычно ходили с листовками по хуторам, Анна Ивановна вынула блокнот и стала писать записку.

— Это письмо отдадите Ивану, — напутствовала она ребят. — Тут указано, где нам надо встретиться. Вы останетесь с Иваном. Позже и мы присоединимся к вам.

Анна Ивановна обняла и расцеловала ребят. Мальчики ловко выползли из ямы, и вскоре их фигурки скрылись за деревьями.

…Ребята спрятались в придорожных кустах неподалеку от хутора. Оба они, затаив дыхание, осматривают дорогу, дома и дворы. На улице видны спокойно играющие дети, изредка доносится лай собак. Ничего подозрительного как будто нет. Борис облегченно вздыхает и говорит товарищу:

— В хуторе немцев еще нет.

— Тогда идем скорее туда. Отнесем письмо. Я даже отсюда вижу домик Ивана. Вон он белеет, и из трубы идет дым, — нетерпеливо говорил Серик.

— У дома, вроде бы, стояло дерево, — задумчиво говорит

Борис. — Что-то я его не вижу.

— А я вижу. Вон, чуть в стороне от дома!

— Хорошо, — Борис встал и поправил сумку за плечами. — Тогда ты обожди меня здесь. Я отнесу письмо и быстро вернусь за тобой.

— Я тоже пойду, — поднялся Серик.

— Нет, — твердо сказал Борис. — Мама велела идти только одному. Тебе ведь нельзя показываться.

— Ладно! В таком случае пойду я, а ты подождешь.

— Серик, — умоляюще заговорил Борис. — Тебе никак нельзя показываться на хуторе. Ты ведь приметный.

— Чем же я приметный? — удивился Серик.

— Жандармы ищут нас. Они хотят арестовать маму. — Борис взял руку Серика и ласково потрепал ее. — В приказе коменданта так и написано: *«…задержать женщину с одним белокурым и одним черным мальчиком».* Понял? Белокурых, мальчишек тут полным-полно, а таких, как ты, в здешних местах нет. Тебя сразу опознают и схватят. Помнишь, когда мы жили у дедушки и нас вызывал комендант? Он очень хорошо нас запомнил. И если бы мы не убежали тогда, нас бы повесили.

Серик молчал. Он только теперь до конца все понял. Анна Ивановна не говорила детям всего. Их разыскивают. Оказывается, только из-за него они вынуждены скрываться. Его темная кожа тому причиной. Не будь его, Анне Ивановне с Борисом было бы легче скрыться. Серик впился в Бориса своими черными глазами и тихонько сказал:

— Хорошо. Иди. Я буду ждать здесь. Только возвращайся скорее.

Борис кивнул Серику и направился в хутор. Серик лег в густую траву и провожал его взглядом. Вот Борис дошел до крайних домиков, завернул в сад, скрылся. А через некоторое время на дороге появились двое ребят. Они побежали к оврагу за огородами. За детьми последовали еще двое. Серик узнал Ивана и Бориса. Они были нагружены какими-то вещами и шли медленно. Вот они достигли оврага. Борис остановился, посмотрел в сторону Серика и помахал ему рукой. Серик понял, что Борис зовет его. Он быстро поднялся и вприпрыжку побежал к оврагу, где уже скрылись Борис с Иваном.

Борис и Серик благополучно покинули хутор вместе с семьей Гамана, а буквально вслед за ними из села Македоны примчались машины с жандармами. Враги кинулись обыскивать дома. Им помогал провокатор из местных — Андрей. Это был еще не старый человек, всегда хмурый и злобный.

С немцами была и рыжая переводчица коменданта. Когда они подошли к маленькому белому домику Гамана, Андрей сказал офицеру:

— Вот этот дом, господин офицер…

Офицер тотчас подал команду солдатам. Дом немедленно был окружен. Немцы ворвались и перевернули там все вверх дном, но ничего не нашли. Офицер стал орать на своих подчиненных. В это время к ним подошел мужчина лет пятидесяти, староста хутора. Офицер кинулся к нему.

— Гаман?.. Абраменко?.. — и рука его невольно потянулась к пистолету.

Ему объяснили, что это староста.

— Где сейчас находится семья Гамана? — спросила старосту переводчица. — Господин комендант спрашивает.

— Днем они были дома. Никуда они не могли деться, — отвечал староста.

— Их укрыли жители. Так предполагает господин комендант, — сказала переводчица и строго добавила: — Если их не найдут, из села будут взяты заложники… Вы не знаете даже, что творится у вас под носом, на этом маленьком хуторе.

К старосте приблизился высокий человек, до этого стоявший молча. Это был начальник районной полиции Синявский.

— Послушай, — грубо сказал Синявский, — Гаман наверняка связан с партизанами и подпольщиками. И ты должен знать об этом. Постарайся заслужить доверие господина коменданта.

…Жандармы так ни с чем и покинули хутор. Поднятую их машинами пыль заметил мальчик, одиноко бредущий по дороге, он на всякий случай свернул на обочину. Это был Миша Гаман, братишка Ивана. Вчера вечером они вместе с Витей Абраменко ушли в соседнее село к тете — Ольге Карповне Семещенко. Витя остался там, а Миша возвращался сейчас к себе домой.

Мальчик торопился. Он нес домой мешочек с пшеницей, который дала ему тетя. Миша спешил накормить своих сестренок пшеничной кашей, но ему не суждено было попасть домой. С машины заметили его. Бежать было поздно и бесполезно. Из кузова выскочил солдат и схватил Мишу.

— Это один из Гаманов! — обрадованно сказал Андрей и стал объяснять коменданту, кого им удалось поймать.

Офицер скомандовал что-то солдату. Тот подхватил мальчика и подсадил его в кузов автомашины. Маленький Миша уже знал привычки палачей и не ждал от них пощады. Прижавшись в углу кузова, он закрыл лицо руками и затих, словно птичка, посаженная в клетку.

Жандармы допрашивали арестованных, согнанных из всех сел. Допрашивали они и Мишу, надеясь с его помощью напасть на след подпольщиков. Миша молчал. Он видел жестокие пытки, которым подвергали фашисты советских патриотов, но они не вызывали в маленьком сердце страха, а рождали решимость и желание подражать героям, быть хоть немного похожим на них. Мишу били.

После очередного допроса староста закрыл мальчика одного в сарае. Около часа просидел Миша в темном углу, с минуты на минуту ожидая прихода врагов. Но его никто не беспокоил. Тогда Миша подобрался к двери и посмотрел в щелочку на двор. Там никого не было; лишь из дома до него доносились обрывки громкого разговора. Мальчик догадался, что жандармы по обыкновению веселятся.

Село, в котором находился сейчас Миша, было очень хорошо знакомо ему. Совсем недавно он играл здесь со своими маленькими друзьями. Он знал в этом селе не только своих сверстников, но и взрослых. Здесь жил хороший товарищ его старшего брата — Игнат Исакович.

Миша не один раз видел, как они подолгу вечерами беседовали с братом и потом куда-то ходили с оружием. Мише хочется повидаться с Игнатом Исаковичем, рассказать о своем горе. Дядя Игнат в шутку называл его «генералом Мишей». Посмотрел бы он сейчас, как разукрасили жандармы этого «генерала».

А еще Миша хотел рассказать, как ему удалось сегодня рано утром повидаться с Марией и Галей Абраменко, которых фашисты заточили в тюрьму. Он знает, что их привезут сегодня вечером на допрос в село Македоны. Может быть, Игнат Исакович знает, где сейчас Ваня, старший брат.

В этих невеселых думах мальчик забылся и потерял счет времени. Он вздрогнул оттого, что кто-то позвал его. Миша метнулся к стене, откуда послышался голос, и в широкую щель увидел человека. Он узнал его тотчас. Это был дядя Игнат! От радости Миша заплакал.

— Дядя!.. Дядя!.. Дядя Игнат, — со слезами говорил Миша. — Спасите меня.

— Не плачь, Мишенька, не плачь, тебя освободят, — успокаивал Мишу Игнат Исакович.

— Нет, дядя, они не отпустят меня. Они меня расстреляют, — сказал Миша. Потом встревоженно спросил: — Дядя, а Ваню и сестренок моих тоже посадили? Вы их не видели?

— Нет, Миша, они на свободе. Я видел их и сейчас снова пойду к ним, — сказал Игнат Исакович. — Ты о них не

беспокойся.

— Передайте им, — сквозь рыдания проговорил Миша, — что тетю Марию повезут нынче вечером в село Македоны. Она просила меня передать это Николаю, но я, видите, не могу…

— Когда? Когда? — спросил вдруг Игнат Исакович и неожиданно сильно рванул доску из стены сарая, так, что она отлетела. — Беги, Миша, беги скорее!

Игнат Исакович скрылся. Мальчик выглянул в пролом и увидел у крыльца дома старосту и двух жандармов. Они курили и громко хохотали. Миша кошкой прокрался из сарая в огород и побежал к лесу, находящемуся неподалеку от села. Он надеялся встретить там партизан, о которых все время говорили немцы.

Окрестные жители называли этот лес «Голубым», за то, видно, что в нем росли голубовато-зеленые сосны. Миша бежал к этому лесу что было мочи.

Но слишком быстро обнаружили жандармы его исчезновение и кинулись по следу. Миша уже почти добежал до леса, когда заметил погоню. Жандармы гнались за ним на мотоцикле. Мальчик ускорил бег, и уже зеленые кроны сосен готовились укрыть беглеца, как сзади раздался выстрел. Это враги, боясь, что мальчик скроется от них в лесу, послали вдогонку ему смертельную пулю. Что-то больно толкнуло мальчика в спину, и он упал. Но сгоряча вскочил, рванулся к сосне и обнял ее слабеющими руками. Переведя дыхание, он снова попытался бежать. Сделав несколько шагов вперед, мальчик почувствовал сильную слабость, потом увидел кровь на теле и закричал:

— Ваня!.. Спаси меня, Ваня!

Только звонкое эхо ответило на этот страшный крик. Миша упал, потом приподнялся и пополз по траве, оставляя за собой кровавый след. Он вдруг, как живых, увидел своих сестренок, брата Ваню. Потом все помутилось перед его глазами, и ясный солнечный день, который он видел несколько мгновений назад, сменился для него темной, бесконечной ночью.

…Немцы настигли уже мертвого Мишу. Он лежал в пыльной траве вниз лицом, широко раскинув руки, сжатые в маленькие острые кулачки.

— Встать! — заревел жандарм, наставив винтовку на мальчика и ткнув своим кованым тяжелым сапогом в его босые пятки. Но Миша не мог встать… Озверелые палачи не сказали больше ни слова и заторопились от места своего кровавого преступления. Взревел мотоцикл, поднялось облачко пыли из-под его колес и на какую-то минуту закрыло яркое солнце, совсем недавно светившее маленькому храброму Мише.

Отряд ушел в поход. В партизанском лагере остались только раненые и дети. Анна Ивановна выполняла обязанности коменданта. Это хлопотное, беспокойное дело ей поручил командир отряда. Она, конечно, хотела бы находиться сейчас вместе со всеми в походе, но приказ есть приказ. Ночью иногда Анна Ивановна проверяла посты, и случалось, что не хватало времени для сна.

Обстановка была напряженная. После того как партизаны стали действовать активнее, усилились и репрессии против них. Все чаще по следам партизан посылались карательные отряды. Стало известно, что готовится нападение врагов на центральную партизанскую базу. Отправляясь в поход, командир приказал быть начеку.

Анна Ивановна провела беспокойную ночь. Над лесом нависли тучи, пошел дождь, надо было позаботиться о раненых, накормить и обсушить постовых. В потайных секретах стояли теперь и ее мальчики. Вот вернулся с поста Серик. Анна Ивановна накормила его и ласково сказала:

— Отдыхай, Серик. А то вернется Боря, вас не уложишь тогда.

— А он на каком посту? — спросил Серик. — Я хочу сходить к нему.

— Нет, к нему нельзя, — сказала Анна Ивановна. — Разве ты не знаешь, что никто не имеет права подходить к часовому, кроме начальника караула?

— Да, правда… — смутился Серик.

Тут вдруг раздался сигнал с первого тайного поста: туда требовали начальника караула.

Анна Ивановна поспешила в землянку.

— Данила Артемьевич, — обратилась она к раненому комиссару Витряку, — меня вызывают на пост. Я схожу?

Комиссар, раненный в руку в одном из последних боев, кивнул Анне Ивановне и здоровой рукой потянулся за автоматом. Анна Ивановна направилась на пост. На краю леса она увидела двух женщин. Одна из них оказалась совсем молоденькой девушкой.

— Нам надо видеть командира отряда, — сказала женщина постарше и назвала пароль. — Я из подпольной организации села Трахтемиров. Имя мое — Надежда Ивановна Воронецкая. А это — Варя, тоже член нашей организации… Вы нас, конечно, не знаете, но мы хорошо знакомы с командиром отряда.

Воронецкая Надежда Ивановна — партизанка-разведчица.

— Я вас знаю заочно, — улыбнулась Анна Ивановна. — Командир говорил о вас.

— Иван Кузьмич? — спросила женщина.

— Да.

— А как вас зовут. Может, и мы вас знаем?

— Савченко Анна и тоже Ивановна, — ответила Анна Ивановна и улыбнулась.

Эти женщины показались ей давно знакомыми, родными и милыми.

— Да, да, слышали. Вы были в селе Македоны, — Надежда Ивановна вдруг сделалась серьезной. — Мы принесли важные вести. Надо повидать командира.

— Командира нет в лагере. Можете передать мне, — сказала Анна Ивановна.

Надежда Ивановна стала докладывать, с чем они пришли.

— В село Ходорово прибыли два отряда карателей. Завтра они собираются прочесывать этот лес. Могут пожаловать и раньше… Нужно быть готовыми.

— Спасибо, — поблагодарила Анна Ивановна. — Я передам командиру.

Женщины-подпольщицы попрощались с Анной Ивановной и направились из леса, а она вернулась в лагерь.

Данила Артемьевич внимательно выслушал новости, подумал немного и сказал:

— Своими силами нам не управиться. Надо немедленно сообщить обо всем этом отряду. Снаряжай своих орлов и отправляй.

Анна Ивановна сняла Бориса с поста. После недолгих сборов Борис и Серик вышли на поиски отряда, чтобы сообщить командиру о нависшей над лагерем опасности.

Мальчики прошли уже километра три по маршруту, который им указала Анна Ивановна. Почти всю дорогу их поливал дождь.

К ночи ребята добрались до небольшой березовой рощи, расположенной севернее Канева, и решили здесь провести ночь. Они вымокли до нитки. Чтобы не было холодно ночью, ребята разделись, выжали и проветрили одежду. Завернувшись в плащ-палатку, ребята немного согрелись и крепко заснули. Их разбудила стрельба.

Со сна мальчики не могли сообразить, где они находятся и что происходит. Наконец они поняли, что где-то поблизости идет бой. Стрельба то затихала, то усиливалась. Мальчики хорошо слышали характерный треск немецких пулеметов. Может, это их отряд громит карателей? Ребята даже были уверены, что это так. Но вот стрельба прекратилась, где-то далеко разорвались две тяжелые мины, и все затихло.

— Теперь мы не найдем отряд, — тревожно проговорил Борис.

— Почему? — удивился Серик.

— Ведь был бой.

— Ну так что же? Наши разбили немцев! Утром отряд будет возвращаться на базу, и мы встретим его. Мама говорила, что отряд должен переправляться через Днепр. Другой дороги здесь нет.

У мальчиков не было иного выхода, как дожидаться утра. Они вновь завернулись в палатку и в конце-концов забылись в чутком, тревожном сне.

— Боря, Боря, вставай! — тормошил Серик друга.

Борис поднял голову, протер кулачками глаза и пробормотал:

— Что? Что такое?

— Отряд возвращается. Слышишь голоса?

Серик прислушался.

— А если это немцы? — испуганно спросил Боря.

— Немцы? — Серик на секунду задумался. — Если пойдут немцы, то мы увидим их отсюда и успеем скрыться. Добежим до Днепра, а там недалеко и до лагеря.

— Но нам ведь не велели возвращаться, пока мы не найдем отряд. Как быть?

— Немцы пойдут в лагерь и окружат его, — вслух размышлял Серик. — А в лагере теперь одни раненые. Надо бежать хоть к ним и помочь им спрятаться.

Голоса людей между тем становились все слышнее. Мальчики различили русскую речь и очень обрадовались. Они вскочили и побежали навстречу приближающимся людям.

Серик издали узнал партизан, братьев Сильвестра и Василия Горовенко. Он с криком бросился к ним. Встрече обрадовались и партизаны.

— Откуда вы здесь? — удивился Сильвестр.

Мальчики не нашлись сразу с ответом.

— Видно, они сбежали из лагеря и увязались за нами следом, — предположил Василий Горовенко и пытливо посмотрел на ребят.

— Нет, дядя Василий, мы несем командиру записку из лагеря, — сказал Борис.

— Тогда бегите к командиру. Он идет сзади отряда.

Мальчики со всех ног бросились, куда указал Сильвестр. Партизан проводил их погрустневшим взглядом. Он думал: война — занятие не для детей. Может случиться, что мальчики погибнут. А ведь у них самая прекрасная пора жизни — детство. Учиться бы им сейчас да радовать своих родителей. А вот война забросила их в глухие лесные места, заставила жить в тяжком труде и опасностях. Борису легче — рядом с ним мать. А Серик — сирота, мать потерял, и отец неизвестно где.

Вспомнил Сильвестр и о своем сыне Жоре. Он тоже находится вместе с ним в отряде. Сейчас там, в лагере, стоит на посту, охраняя жизнь и покой раненых. Подумав об этом, партизан вдруг встрепенулся и сказал брату:

— Слушай, Василий, а ведь мы и не узнали у ребят, с какой вестью пришли они сюда. Может быть, в лагере несчастье какое?

— Не похоже, — ответил Василий. — Ребята бы нам сказали. А впрочем, гадать не будем. Слышишь: дают сигнал остановиться.

Отряд стал, и тут же была подана команда собраться, командирам групп подойти к Ивану Кузьмичу. А через полчаса небольшой отряд конников помчался в лагерь. С конниками отправился и Серик. Мальчик еще в ауле у дедушки научился обращаться с конем, и поэтому командир конников Григорий Вовк взял его с собой. Борис остался в отряде и, конечно, очень завидовал Серику.

— Сережа, — позвал Вовк Серика к себе, когда отряд решил дать отдых усталым коням.

Серик подстегнул своего коня и подъехал к командиру. Тот, видно, был доволен умением мальчика держаться в седле. Приветливо улыбнувшись ему, он вдруг спросил:

— Кем ты хочешь быть, Сережа, когда вырастешь?

— Я? — Серик засмущался, на минуту задумался, потом, увидев, что командир спрашивает его об этом серьезно, уверенно ответил: — Хочу командовать кавалерией или… или стану артиллеристом.

— Ишь ты какой! — засмеялись партизаны.

— Расскажи лучше, Серик, как вы с Борисом полицейского поймали, — попросили партизаны. — Это интереснее.

— Да он ведь был пьяный и спал без задних ног, — нехотя начал Серик. — Его и ловить нечего было. Мы подошли, забрали у него винтовку, потом разбудили и повели в лагерь.

— Что ж, он не сопротивлялся? — хохотали партизаны.

— Нет. Мы ему руки связали. Борис винтовку на него наставил.

Партизаны весело смеялись.

— Однако нам надо торопиться, — напомнил Вовк.

Отряд перешел на рысь и через некоторое время прибыл к северной окраине леса, откуда ожидалось нападение на партизан. Спешились. Вовк тут же отправил Серика с запиской в лагерь. Конники стали готовиться к обороне.

…Серик возвращался из лагеря. Помня наставления Анны Ивановны, он старался не горячить коня. Но скоро ему прискучила тихая езда, и он поскакал по лесу. Мальчик не заметил, как свернул в сторону от нужной ему тропинки, и опомнился только тогда, когда конь вынес его на опушку леса. Вдали виднелось село. Серик узнал его — это была Григоровка — и понял, что едет совсем не в ту сторону. А то, что он увидел затем, страшно напугало мальчика.

Из села в сторону небольшого лесочка двигалась колонна солдат, одетых в черное и зеленое. Серик бывал в разведке с опытными партизанами и поэтому без труда разобрался в

происходящем. В лес шли немецкие солдаты и жандармы. Долго не раздумывая, он во весь опор поскакал назад, к партизанам.

— Где командир? — закричал еще издали Серик. — Где товарищ Вовк?

— Зачем он тебе? — спокойно спросил один из партизан. — Слезай с коня. Как там в лагере?

— Некогда разговаривать, — серьезно сказал Серик. — Командир нужен. Немцы подходят вон с той стороны.

А командир уже сам бежал навстречу Серику. Он внимательно выслушал юного разведчика и заволновался.

— Почему же они пошли по берегу Днепра, а не степью? — задумался командир.

Он достал карту, развернул на коленях и углубился. Потом он стал что-то быстро записывать. Командир сложил листок бумаги вчетверо и подал Серику.

— Ты хорошо запомнил дорогу, по которой мы приехали сюда? Сейчас же скачи и передай это Ивану Кузьмичу. Фашисты идут по нашим следам. Понял? Езжай быстрее.

— Понятно, — четко ответил Серик и круто повернул своего белолобого коня. — Сюда мне не возвращаться?

— Нет! Будешь с отрядом. Иван Кузьмич сам распорядится, — сказал Вовк. — Нас ты здесь уже не застанешь.

Серик кивнул, отпустил поводья и поскакал.

Иван Кузьмич сделал несколько пометок красным карандашом на командирской карте и обратился к своему помощнику Константину Спижевому:

— Вот здесь поставишь «максимы», а это направление оставь свободным. Когда их разведка пройдет, выдвинешь ручные пулеметы. Будьте осмотрительнее. Пусть немецкие дозоры пройдут без помех. Когда подойдут основные силы, только тогда открывайте огонь. Вовк находится вот в этой сосновой рощице. Когда вы отобьете первый натиск пулеметами, Вовк пустит в дело своих кавалеристов. В помощь тебе даю Бутенко и Алексеенко.

— Все понятно, — сказал Спижевой. — Разрешите выполнять?

— Выполняйте!

Командир свернул карту и спрятал ее в полевую сумку.

— Людей берегите. Особенно следите за ребятами. Они ведь по существу еще дети. Смотрите за ними.

— Хорошо. Нашего Сережу пули не берут, — весело сказал Спижевой и крикнул: — Эй! Где там наш Амангельды? — так в отряде часто называли Серика. — Давай-ка сюда, дело есть.

Серик подбежал к командиру. Тот знаком приказал ему следовать за собой и быстро зашагал к небольшой группе

партизан, выстроившихся на опушке леса. Вскоре партизаны скрылись в лесу. Вслед за первой двинулась вторая колонна. Она направилась в сторону лагеря, чтобы предотвратить нападение карателей на беззащитную партизанскую базу.

Спижевой осматривает в бинокль дальнюю высоту. У ее подножия виднеются белые домики под соломенной крышей. Это — Григоровка, родное село Спижевого. Здесь он родился, провел юные годы. Сейчас там находятся его престарелая мать Софья Павловна и старшая сестра Надежда Ивановна. Трудно им приходится. Много горя принесли немцы семье Спижевого. Фашисты повесили его отца, и только случайно остались в живых мать и сестра. Но их ждала та же участь.

Константин Спижевой узнал о расправе с отцом, когда вышел из окружения и пробрался в родное село. Спижевой не опустил рук. Он связался с подпольем и стал бороться против оккупантов. Вместе с Емельяном Ломако и братьями Горовенко Спижевой руководил работой подпольных организаций Переяславского и Каневского районов. Потом его, как военного человека, направили в партизанский отряд. Спижевой стал опытным партизанским командиром. Не случайно Примак доверил ему сегодня самую важную часть операции.

Широконос Надежда Ивановна — партизанка-разведчица.

Командир переводит бинокль на сосновую рощицу, где притаились конники Вовка. Долго глядел и никого не увидел. Он было забеспокоился, но потом понял, что партизаны хорошо замаскировались. Справа от леска показались немцы. Спижевой без труда отличил среди них предателей-полицаев. Они были одеты в черную форму. Навербованные из подонков общества, полицаи были страшнее немцев. Они хорошо знали местность, а жестокость их не знала границ.

Враги скрылись в большой ложбине. Через некоторое время они снова появились и цепью двигались вперед. Теперь немцев хорошо видят Борис и Серик. Ребята укрылись за деревьями. Они то и дело поглядывают на командира и не понимают, почему он до сих пор не приказывает открыть огонь. Ведь враги близко. Командир, словно поняв волнение ребят, дает им знак, что, мол,

еще рано, еще нельзя обнаруживать себя.

Но вот враги подошли совсем близко. В их сторону взлетела красная ракета. Тут же заработали пулеметы. Немцы смешались и повернули назад. Вслед им полетели гранаты. Из рощицы выскочили конники Вовка. Враги в панике бежали к Днепру, надеясь в воде спастись от преследования. Большой группе немцев и полицаев удалось оторваться от партизан.

— Серик! — крикнул командир. — Скачи к группе Янцелевича. Пусть он перехватит немцев у Днепра!

Серик вскакивает на своего Белолобого и мчится к Днепру, в обход убегающих немцев. Враги оправились от первых неудач и теперь метко отстреливались. У партизан появились раненые. Особенно пострадали конники, бывшие в самых жарких местах боя. Не повезло и Серику. Немецкие пули свалили Белолобого, а одна из них попала в руку мальчика. Но немцы не спаслись. Партизаны отряда Янцелевича все-таки настигли их у берега Днепра и перебили.

Поздно вечером в лагере собрался весь отряд. Партизаны праздновали победу. А на другой день командир отряда в торжественной обстановке вручил Серику Мергенбаеву и Борису Савченко личное боевое оружие. Это означало, что они теперь стали полноправными партизанами.

Борис с Сериком возвращались из разведки. Долго колесили они по Переяславскому району, добыли много ценных сведений, и настроение у ребят было хорошее. Против села Зарубенцы мальчики решили свернуть к Днепру и пробираться дальше прибрежными кустами. По берегам реки здесь на много километров идут тальниковые заросли. Они надежно укрывают путника от посторонних глаз, защищают от палящего летнего солнца.

А жара в тот день стояла сильная. Ребята устали, поэтому собрались немного отдохнуть на берегу и выкупаться. Но когда они подошли к реке, то увидели двух человек, оживленно барахтающихся в воде. На песке горкой лежала одежда купающихся, а рядом, прислоненные к дереву, стояли две винтовки.

— Немцы! — зашептал Серик. — Ишь ты, купаться захотелось.

— Это полицаи, — уточнил Серик. — Это они прострелили мне руку, проклятые.

— Что будем делать? — тихонько спросил Борис. — Видишь, как далеко они от берега… Давай заберем у них винтовки?

Немцы были почти на середине реки. На противоположном

берегу какой-то мужчина отвязывал лодку. Немцы, видно, ждали, когда он приплывет за ними и переправит через реку.

— Мало забрать винтовки, — зло проговорил Борис. — Надо дождаться, когда они подплывут к берегу, и уничтожить их.

— Ты разве забыл, что нам запретили стрелять? — спросил Серик. — Лагерь близко. Мы можем навести немцев на след партизан.

— Оставим их в живых — над нами смеяться будут, — сказал Борис. — Голых врагов упустим — какие же мы вояки?!

Ребята заспорили. Наконец, они решили утащить сначала хоть винтовки и одежду. Быстро выскочили на песок, похватали все и скрылись в кустах. Серик в брюках обнаружил пистолет.

— О-о! — удивился Борис. — Где ты нашел?

— В одежде, — ответил Серик. — Это, должно быть, офицер. Нельзя оставлять их живыми…

Мальчики взяли винтовки, подползли кустами близко к берегу. Купающиеся возвращались. Один из них заметил пропажу одежды и громко вскрикнул. Затем они оба вскочили и зашагали по отмели к берегу. Тут же — почти одновременно — раздались два выстрела. Голые фашисты рухнули на мели.

…Лодочник на том берегу испуганно поднял голову. Увидев распластанных немцев, он стал торопливо карабкаться по обрыву.

— Бежим! — крикнул Серик, и мальчики изо всех сил помчались.

Отряд, которым командовал в начале войны Иван Кузьмич Примак, потом вырос в большое партизанское соединение. Теперь его уже не устраивал прежний лагерь, и партизаны после жестоких боев с карателями перебазировались на левый берег Днепра в Хоцкие леса. Это было в начале сентября 1943 года. По показаниям захваченных пленных, партизаны знали, что фашистская армия давно отступает, оставляя город за городом, село за селом.

Анна Ивановна устроилась на отдых в домике одинокой старушки в селе Шоботки Переяславского района. С нею были Борис и Серик. В этом селе кроме партизанского отряда стоял в резерве артиллерийский полк. Ребятам интересно было бродить по селу, бывать у артиллеристов. Но Анна Ивановна боялась за мальчиков и старалась не отпускать их от себя. Много пережившая женщина в эти дни задумалась о своей судьбе и судьбе детей. Что их ждет? Она не имеет никаких сведений о своем муже, комиссаре Савченко, ничего не известно и об отце Серика Жомарте. Может, их давно уже нет в живых?..

Идти в родное село? Но там еще властвуют немцы. Да и что там? Родные погибли, дом сожгли оккупанты. Лучше всего, конечно, было бы добраться до Киева, поступить на работу и определить мальчиков в школу. Но и Киев в руках врагов.

Годные к воинской службе партизаны сразу же влились в регулярные части Советской Армии, многие бывшие партийные и советские работники отправились в освобожденные районы налаживать новую жизнь, разрушенное войной хозяйство.

В селе теперь осталось лишь небольшое число партизан во главе с комиссаром. Они подводят итоги борьбы в тылу врага, чтобы отчитаться затем перед Центральным штабом партизанского движения Украины, перед партией. Анна Ивановна в меру своих сил помогает им в этой работе. А в основном она следит за ребятами, старается поправить их после неудобной лагерной жизни в лесу.

…В один из дней ребята исчезли. Утром они играли во дворе — вот их нет. Никто не знает, куда они делись. По селу то и дело проносятся машины, идут танки, проходит пехота. Мало ли что может случиться! Анна Ивановна не на шутку переполошилась и бросилась на поиски.

А дело было так.

Мальчики бродили по селу. Все им было интересно на улицах. Они с восхищением смотрели на проходящие колонны наших солдат, на машины и орудия.

— Если бы у нас были такие пушки, — сказал Борис, — партизаны показали бы немцам!

— Конечно, — согласился Серик. — Ведь командир Спижевой — артиллерист. Он бы дал фашистам жару!

— Серик! — вдруг крикнул Борис — Смотри, на машине какие-то рельсы установлены.

— Это не рельсы, — вмешался усатый солдат, подойдя к ребятам, с любопытством глазевшим на незнакомую им машину. — Это «Катюша»! Как же это вы «Катюшу» не знаете?

— «Катюша»? — удивился Борис. — Вот чудо. А как она стреляет?

В это время мимо проходил молодой смуглый лейтенант. Он задержал взгляд на Серике, приостановился и спросил:

— Мальчик, ты казах?

Серик засмущался и не отвечал. Борис взял Серика за руку и сказал:

— Да, он казах.

— А по-казахски говоришь? — спросил лейтенант. — Я вот тоже казах…

— Говорю, — отвечал Серик на родном языке.

Лейтенант оживился. Он подошел близко к ребятам и через короткое время уже знал все подробности их жизни. Необычайная судьба Серика заинтересовала лейтенанта. Он узнал и то, что отец Серика — артиллерист и что они не виделись с ним с первого дня войны.

— Вот как! Идемте со мной в штаб. Я познакомлю вас со своим командиром, — пригласил ребят лейтенант.

Мальчики замялись, но лейтенант спросил:

— Что же вы стоите? Разве партизаны бывают такими робкими?

Ребята пошли. Когда они вошли в небольшой белый домик, где помещался штаб, встретившийся им офицер спросил:

— Откуда ты взял этих хлопцев, Миша?

— Это — партизаны! — ответил тот.

И стал знакомить ребят с офицером. — Вот это — Серик Мергенбаев, мой земляк, а это — Боря Савченко.

Дверь одной из комнат распахнулась — и на пороге показался высокий человек в форме подполковника:

— Кто здесь?

— Товарищ подполковник, — доложил лейтенант, — к нам партизаны в гости пришли.

— А-а! Ну, давайте их ко мне, — подполковник улыбнулся и пропустил ребят и лейтенанта в свою комнату.

Лейтенант коротко рассказал подполковнику о мальчиках. Во время его рассказа лицо подполковника то светлело, то хмурилось. В полку все знали, что начальник штаба с самого начала войны не имел известий о своей семье. Жена и сын его в начале войны оставались в Полтаве. И только недавно он узнал, что его жену — подпольщицу, расстреляли фашисты. Казнили они и сына. Вот почему начальник штаба подполковник Красюк живо заинтересовался судьбами этих ребят.

— Они сыновья наших друзей — артиллеристов, — вздохнув, сказал подполковник, — и наш долг — позаботиться о них. Во-первых, накормите ребят, потом прикажите, чтобы мальчиков одели в форму их отцов. Если пожелают, могут остаться в полку. Закончится война, ребята пойдут учиться и станут артиллеристами.

…Серик молча глядел на подполковника. В его памяти, как живой, всплыл дорогой образ отца. Мальчику захотелось спросить, не видел ли подполковник его, не служили ли они вместе. Ведь артиллеристы должны знать друг друга.

Анна Ивановна сбилась с ног, разыскивая ребят. А они были в

гостях у артиллеристов. Уставшая женщина подошла к усатому солдату, охранявшему «Катюшу», и только тут сообразила, что давно надо было искать детей не на улице, а у военных.

— Товарищ, — тихо обратилась Анна Ивановна, — вы не видели двух ребят? Один из них смуглый, а другой беленький.

— Ребят? — переспросил солдат и, увидев взволнованное лицо женщины, утешил ее: — Да вы не волнуйтесь. — Никуда они не денутся. Видел я хлопцев. У начальника штаба они. Пройдите вон в тот домик…

Анна Ивановна легко разыскала подполковника. Она вошла к начальнику штаба, тот как-то сразу сообразил, в чем дело, и спросил:

— Ребят ищете?

— Да, — ответила Анна Ивановна и, увидев слегка смущенное лицо подполковника, растерянно добавила: — Не натворили они чего-нибудь?

— Нет, с ними все в порядке.

Усадив Анну Ивановну, он рассказал ей о своей встрече с ними, о беседе.

Анна Ивановна прослезилась.

— Я не могу отдать детей в полк, — твердо сказала она. — Мы столько пережили: и холод, и голод, видели смерть. Теперь все будет по-другому. Я пойду работать и сумею обеспечить детей всем необходимым. Им нечего делать на войне.

— Я просил бы вас подумать, — сказал подполковник. — В полку они получат хорошее воспитание… Впрочем, с сыном вам, конечно, виднее. Но Серик — сирота, сын такого же, как мы, артиллериста. Вам он чужой. Поверьте, в полку ему будет хорошо…

Анна Ивановна задумалась. Перед ее взором мгновенно пронеслись все события от первого выстрела зениток в начале войны до встречи с Советской Армией. Она ясно увидела Серика склонившимся над холодным телом матери, вспомнила его слезы…

— Нет, товарищ подполковник, — Анна Ивановна подняла на собеседника грустные, задумчивые глаза. — Серик для меня теперь — как родной сын. Мы так много пережили, что не сможем расстаться. Я не отдам его!

— Что ж, — вздохнул и слегка нахмурился подполковник, — не буду вас неволить. Но мне не хотелось бы терять Серика из виду. Прошу вас записать наш адрес и писать нам. Мы всегда при случае поможем вам… Ребята сейчас в столовой. Идите к ним.

— Спасибо, — поблагодарила Анна Ивановна.

Она быстро разыскала ребят. Они были уже в мастерской. А

через два дня Борис и Серик щеголяли в новенькой форме артиллеристов, подаренной им подполковником. Полк ушел вперед, и ребята тепло распрощались со своим новым другом.

Анна Ивановна, проводив своих товарищей-партизан, стала работать на Переяславском маслозаводе. От образцового предприятия, которым был завод до войны, почти ничего не осталось. Война разрушила его.

Но труд людей творил чудеса. Уже через некоторое время на завод стало поступать молоко, завод выпускал творог и масло.

Работали в основном женщины, многие из них, как и Анна Ивановна, совсем недавно вышли из лесов, где рука об руку с мужьями и братьями сражались против немецко-фашистских оккупантов. Анна Ивановна подружилась с бывшими партизанками Татьяной Похолок, Надеждой Широконос и Татьяной Матузько. Женщины работали не покладая рук. Война недалеко ушла от Переяслава. Часто появляются над городом фашистские самолеты. Но все это стало уже привычным для Бориса и Серика. Не страшась обстрелов, мальчики каждый день ходили на реку, ловили рыбу, купались. Рыба в ту пору служила им основной пищей. Голодно было в разоренном оккупантами краю.

Но положение постепенно менялось. Линия фронта продвигалась вперед. Все реже и реже появлялись самолеты врага над городом, а потом их не стало совсем. Анна Ивановна с нетерпением ждала того дня, когда можно будет побывать в родном селе. Ведь там у нее осталось самое дорогое — ее партийный документ… И вот этот день настал.

— Мама! — радостно крикнул Боря, вбегая в кухню. — Дедушкино село освободили… Теперь мы поедем туда?

— Откуда ты узнал это, сынок? — встрепенулась Анна Ивановна.

— Передали по радио, — сказал Серик. — Разве вы ничего не слышали?

Женщина долго ждала этого часа, и когда он пришел, то вместе с радостью ее охватили горькие думы. Анна Ивановна заплакала. Борис растерянно смотрел на мать. Анна Ивановна плакала, заново переживая недавнее прошлое…

Ее родители погибли в тот же день, когда она с мальчиками вынуждена была бежать из села. Только через год, находясь в партизанском отряде, Анна Ивановна узнала об этом. От детей она скрыла страшную весть.

Вспомнилась ей теперь и ее бывшая подруга, и жажда справедливой мести зажглась в груди женщины. Она решила

немедленно ехать в свое село. Хотелось побывать на родном пепелище, посмотреть, что сталось с деревней, отыскать свои документы, которые она спрятала тогда в отцовском саду. Анна Ивановна попросила кратковременный отпуск на работе, захватила с собой Бориса и Серика и на попутной машине выехала.

Анна Ивановна не узнала своего села. Когда-то большое и красивое, оно лежало теперь в развалинах. Не было ни одного целого домика. Лишь чудом уцелевшие печные трубы напоминали о том, что здесь когда-то было человеческое селение.

…Грузовик остановился у груды обгоревших развалин. Женщина с двумя мальчиками сошла на землю, поблагодарила солдата-шофера и направилась на пепелище. По уцелевшим тополям, что стояли во дворе бывшего дома, Анна Ивановна угадала свое родное гнездо и снова горько заплакала.

— Мама, видно, в дом попал снаряд? — спросил Борис. — Тут, наверное, шел бой?

— Нет, Боря, — сквозь слезы ответила Анна Ивановна. — Дом сожгли немцы.

— А дедушка и бабушка? — встревожился Серик.

— Дедушка… Нет нашего бедного дедушки, — проговорила Анна Ивановна. Больше она не могла сказать ни слова. Молчали и дети, чувствуя, что здесь произошло что-то страшное и тяжелое.

Все трое подошли к дереву, у которого они спрятали когда-то документы.

— Без лопаты тут не обойтись. Вы подождите, ребята, а я схожу за лопатой, — сказала Анна Ивановна и пошла к соседям.

Скоро она вернулась с лопатой. Откопали сверток. — Анна Ивановна развернула клеенчатую обертку, достала красненькую книжечку и прижала ее к своей груди. Дети молча смотрели на взволнованное лицо матери, мысленно переживая ее большую радость.

Потом они вышли из садика и направились в контору сельского совета, помещавшуюся в полуразрушенном домике в центре села. Анна Ивановна встретила там своего старого знакомого Василенко. Он-то и был председателем сельсовета.

— Анна, родная, жива? — взволнованно заговорил председатель, поднимаясь навстречу вошедшим. — Легка на помине. Сейчас мы только о тебе говорили… О-о! И солдаты с тобой! Добрые выросли хлопцы.

— Хорошо, что мы вас встретили, — сказал один из военных, бывших в сельсовете. — Мы — члены комиссии по расследованию злодеяний немецко-фашистских оккупантов. Вы должны нам

помочь в уточнении некоторых данных о бывшем старосте Чумаке и его дочери.

— Вы их поймали? — невольно вырвалось у Анны Ивановны.

— Да, они сейчас находятся под стражей.

…Долго рассказывала Анна Ивановна. Нелегко ей было вспоминать, но она должна была до конца разоблачить предателей народа, подлых подручных оккупантов. Ее сбивчивый рассказ дополняли и уточняли ребята.

Односельчане помогли Анне Ивановне отыскать могилу ее родителей. Вместе с другими они были с почестями похоронены на братском кладбище в центре села.

Вернувшись в Переяслав, Анна Ивановна послала письмо начальнику штаба артиллерийского полка. Она сообщила ему, что работает сменным мастером на заводе, что Борис и Серик находятся при ней, что все они живы и здоровы. Сообщила она также и о поездке в родное село, обо всем, что пришлось пережить за последнее время.

Ответ пришел быстро. Начальник штаба писал, что их полк победно продвигается на запад. Он утешал Анну Ивановну сообщением о том, что послал запрос в Москву об отцах мальчиков.

…Шли дни за днями. С фронта приходили радостные вести: фашистская армия отступала, наши войска уверенно продвигались вперед. И хотя еще очень тяжело было в тылу, Анна Ивановна радовалась, жила ожиданием скорой победы.

Однажды на завод пришло письмо от подполковника Красюка. «Отец Серика нашелся…» — прочла Анна Ивановна, и из глаз ее брызнули слезы. Не сразу смогла она продолжать чтение. Но дальше вести не порадовали ее. Подполковник сообщал, что розыски комиссара Савченко пока не дали результатов.

«Как же так? — спрашивала себя Анна Ивановна. — Ведь они были вместе, в одной части. Куда же девался мой муж?»

> «Подполковник Мергенбаев Жомарт, — читала Анна Ивановна, — командует полком в частях Третьего Украинского фронта. Мы связывались с ним по радио, сообщили ему ваш адрес, и он обещал немедленно найти вас».

…Письмо, пришло в воскресенье. Серик и Борис в это время играли в мяч возле школы, которая уже работала.

Анна Ивановна решила пойти к ребятам. Если сказать Серику о письме, он, конечно, обрадуется. Но что будет с Борисом? Ведь и он спросит о своем отце, а ответить ему будет нечего.

«Может быть, — думала она, — Красюк получил плохие вести

о муже и не хочет огорчать меня? Может быть, он погиб?»

Анна Ивановна на этот раз ничего не сказала ребятам о письме. Она чего-то ждала, на что-то надеялась. Ей не хотелось волновать ребят. Дети так много пережили, так сдружились!

В какой-то горячке, не наблюдая времени, жила в ту пору Анна Ивановна. Однажды среди бессонной ночи она услышала настойчивый стук в дверь. Сердце ее встрепенулось, забилось встревоженно и учащенно.

— Кто там?..

— Это я, Анна Ивановна, Варя, — послышался за дверью голос соседки. — Впусти меня.

Анна Ивановна поднялась, открыла дверь и, впустив соседку, вдруг спокойно спросила:

— Ты за спичками, Варя? Спичек нет. Возьми головешку из печки, там еще с вечера остался огонь.

— Какие там спички, — почти закричала соседка. — Вас опрашивает какой-то командир. Смуглый такой. Уж не отец ли вашего Серика?

Анна Ивановна в растерянности стала хвататься за первые попавшиеся на глаза вещи.

— Да, да. Это, наверно, он, — Анна Ивановна обняла соседку и заплакала.

В таком положении и застал их вошедший в комнату Мергенбаев. Увидев его, Анна Ивановна кинулась к нему.

— Жомарт!

Больше она не могла произнести ни слова. Молча взяла она Жомарта за руку и повела его в другую комнату. Там на кровати в обнимку спали дети. Жомарт бросился к Серику, взял его на руки. Проснулся и Борис. Жомарт подхватил и его.

— Боря, Серик! — твердил Жомарт. — Неужели это вы? Ах, какие большие парни!

— Папа… папа… — говорил Серик, обнимая отца.

Сын спрятал голову на широкой отцовской груди и заплакал.

— Не плачь, Серик, — утешал Жомарт сына. — Ведь я же приехал. Теперь все будет хорошо.

…Так встретились эти четыре человека. До утра проговорили Жомарт и Анна Ивановна. Она узнала о трагической судьбе своего мужа — комиссара Савченко, а Жомарт — о гибели горячо любимой Жамал. Счастливая встреча с сыном отчасти смягчила боль утраты, но Жомарт знал, что и годы не изгладят из памяти дорогой образ, не возместят этой безвозвратной потери.

— Тяжелы наши потери, — сказал он Анне Ивановне, — но ничего не поделаешь. Не вернешь теперь ни Жамал, ни Степана Сергеевича, нашего дорогого комиссара… У нас остались дети, и

нам надо думать о них.

Об отце Бориса Жомарт рассказал:

— Вы помните, конечно, утро 22 июня. Мы столкнулись с врагом у самой границы. Наши пушки стреляли хорошо, и люди не отступали. Но силы были на вражеской стороне. Немецкие танки шли лавиной и все сметали на своем пути… Степан Сергеевич собрал группу бойцов и ушел с ними навстречу танкам. Четыре грозных машины подорвали они гранатами, но и сами погибли.

…Анна Ивановна плакала. Перед глазами ее стоял Степан — живой, сильный, веселый. Теперь его нет. Он погиб в первый день войны.

— Потом, — рассказывал Жомарт, — к нам подоспело подкрепление, и мы отбили атаку… В этом бою меня ранило в бедро, и я был отправлен в госпиталь.

Жомарт Мергенбаев рассказал о скитаниях по госпиталям, о попытках разыскать следы жены и сына. Сотни писем написал Жомарт, но не получил ни одного утешительного ответа.

— И вдруг я получаю известие от Красюка, — радостно говорит Жомарт. — Я сразу же пошел к командиру дивизии. Конечно, он отпустил меня.

Анна Ивановна молча слушала. Увлеченный своей радостью, Жомарт не сразу заметил грустные, заплаканные глаза женщины и понял, как неизмеримо тяжело ей сейчас. А ведь встречей со своим сыном он обязан ей — простой, храброй, самоотверженной женщине-матери. Это она сберегла Серика, заменила ему и мать и отца.

— Анна Ивановна, — волнуясь, тихо проговорил Жомарт, — что стало бы с Сериком, если бы не вы оказались с ним рядом! Как и чем отблагодарить мне вас за все, что вы сделали для моего сына и для меня?

— Я выполнила свой долг, Жомарт, — сказала Анна Ивановна. — Долг матери и советского человека… и я вас благодарю. За Степана… Я знала, что он сумеет достойно умереть за Родину.

Когда подошло время прощаться, Жомарт сказал:

— Я беру Серика с собой. А как вы собираетесь жить дальше?

— Останусь здесь, — ответила Анна Ивановна. — Дел тут много. Хозяйство восстанавливать надо, сына воспитывать.

— Поедемте все к нашему дедушке? — предложил Серик. — Там хорошо у них в ауле… Мы с Борей будем работать в колхозе и учиться.

— Что ты, Серик, — Анна Ивановна погладила мальчика по голове. — Ты должен быть с папой. Еще идет война… Встретимся

после победы…

Жомарт собрался в дорогу. Борис и Серик в обнимку дошли до машины. Расставаясь, они плакали. Может быть, вспомнилась им бомбежка на полустанке, партизанские походы, тяжелая жизнь в тылу врага.

Наступил великий день, о котором мечтало все человечество. Война закончилась. Фашистская Германия, долгие годы попиравшая честь и свободу народов, была повергнута в прах. Впереди были мир, счастье, творческий созидательный труд на благо Родины. Советская Армия разгромила врага и заслужила благодарность народа.

Наступил мир. Но люди еще долго не забудут войну, не забудут жертв, которые принесли они во имя торжества правды и справедливости, во имя счастья на земле. Вот уже прошло двадцать лет, как смолк последний выстрел великой войны, но солдат ничего не забыл из прошлого. Ничего не забыл и я — сам активный участник Великой Отечественной войны. Ибо забыть о тех трагических и победных днях было бы преступлением перед подрастающим поколением. Молодежь должна знать, во имя чего приносились великие жертвы и как достойно наш народ вышел из суровых испытаний войны против фашизма.

Перевод П. Якушева.

notes

Примечания

1

Крумпли — картофель (венгерск.).